

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 1,346,136

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

100

100

1-272-100

100

Рурин, Александр Николаевич

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

СТАРИШНЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

А. НЫМЦОВА.

2

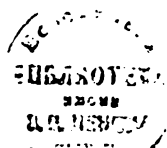
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1857

511.77
P777 рсч
1857а

Отдельные оттиски из IV-й книги Ученых Записок, изданных
Вторым Отделением Императорской Академии Наук.

46641-45.

Печатано по распоряжению Императорской Академии Наук. Санктпетер-
бургъ, Мартъ, 1857 г.

Исполнительный Секретарь Академии: *С. Миддендорфъ*

F215-251985

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
— Введение	1
I. Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средне-вѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: псевдо-Каллистоу, — Повѣсти о Троицкой воинѣ: старшина «спригга о крадехъ» и подлинный переводъ книги Гвидона де Колумна	22
II. «Синагигиъ царь Адоровъ и Паливскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и Одной ночи. — «Дѣланіе прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ». — Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ	63
III. «Слово о кунци Басарѣ», Русская старинная повѣсть. — Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды царя Соломона, Сербскія сказки. — Слово о дванадцати снахъ Магера царя	95
IV. Исторія Варлаама и Гиссарата. — Притчи правдивно религіознаго содержания. — Старинныя сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ	124
V. Басни Бившая или Степанитъ и Пшчлать. — Эпосы въ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣніе житія человеческого». — Переводы Гвиди-стана и Бостана, Саади, и басни Локмана	148
VI. Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣланій». — Отдѣльныя разсказы того же сборника въ другихъ редакціяхъ: повѣсти о царѣ Атеѣ, притча о пасельникѣ и др. — «Зерцало великое», историческіе и легендарныя разсказы. — Дидактическія сказанія: о царствѣ, о вельсокумномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ	180
VII. Историческіе разсказы. — Повѣсти Русскія и шоломенныя. — Сказаніе о Дракулѣ Мутыльскомъ, о влѣтѣ Цариграда, повѣсти о порцѣи Иверской Цинарѣ. — Сказаніе объ Атылѣ, королѣ Угорскомъ; о Ва-	

	стр.
силія, королевичъ златовласомъ Чешскія земли. — Повѣсть умилительная о Брунцивиѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.....	209
VIII. Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинѣ. — Исторія Петра Златые-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсть оить древнихъ льтописцевъ. — Повѣсть о кнѣзѣ Алдороской. — Аюлоуъ, король Тирскій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или <i>Viuvo d'Antona</i>	228
IX. Польское литературное вліяніе въ XVII мѣ столѣтіи. — Семь мудрецовъ. — Анобетмата. — «Смѣхотворныя повѣсти», или средне-вѣковыя фанеціи. — Русское сказаніе о злыхъ женахъ. — Некоторыя изъ повѣстей Боккаччо въ старинномъ Русскомъ переводѣ..	249
X. Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Савѣ Грудичиѣ. — Рукопись старицы Маріи. — Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники.....	278
— Народныя произведенія, записанныя въ старыхъ рукописяхъ и сборникахъ.....	293
— Приложенія: отрывки изъ Александрии, Троилскихъ сказаній, Лелеиэва Дѣянія, Варлаама и Юасафа, Стефанита и Шимлата, Римскихъ Дѣяній, сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, изъ книги о Мелюзинѣ, изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ.....	303
— Дополненія.....	337

Въ литературѣ неразвитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ, иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленные стремленія фантазій, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапные порывы и дѣйствительная неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности бессознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея невыраженныя вѣче и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературѣ начинающей свое существо-

ваніе, и таковы были явленія старой Русской письменности, которыми часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много зависели отъ случайностей и не представляли строгаго и постоянного развитія. Изученіе старинной повѣсти нашей, въ томъ видѣ, какъ она известна теперь по остаткамъ и обрывкамъ, приводитъ къ подобному заключенію.

Повѣсть и романъ стали въ наше время основною литературною формою; ихъ классическіе предшественники далеко не имѣли того обширнаго значенія, какое приобрѣла эта форма впоследствии, въ литературахъ новой Европы. Самостоятельнымъ источникомъ новаго эпоса были произведенія, возникшія на богатой національной почвѣ, — древнія саги и легенды, фэблы, повѣсти, рыцарскія исторіи, въ которыхъ средневѣковой читатель встрѣчалъ и свои народныя преданія, и чуждые многи классическіе, и созданія восточнаго вымысла, давно сдѣлавшіяся достояніемъ западно-Европейской поэзіи. Новая дѣятельность развивалась подъ жгучимъ вліяніемъ эпоса народнаго; ея разнообразныя произведенія поражаютъ и простотою своего поэтическаго достоинства и вѣрнымъ отраженіемъ національнаго характера; даже тѣ изъ нихъ, какія происходили изъ чуждаго источника, носили тотъ же общій отпечатокъ, въ новой для нихъ области принимая и новыя черты. Въ этомъ литературномъ движеніи не доставало иногда самостоятельнаго основанія, при всемъ томъ факты его представляютъ живую и богатую данность дѣтства. Эта средневѣковая повѣсть, нерѣдко общія одинаково для западныхъ и для восточныхъ литературъ, развивается на обширномъ поприщѣ и въ своемъ распространеніи не одинокъ разъ коснулась и русской письменности.

У насъ были известны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединились

съ произведеніями историческими и чисто-наидательными, — при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, следовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повесть наша представляеть не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала. Вообще, при разборѣ старинной повести необходимо является такіе вопросы. Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повествовательная литература, такъ богато развѣтвленная въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? На сколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если паравѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чуждому вліянію и пользовалась чуждыми богатствами, гдѣ были ея источники? Существовали ли связи между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повести для характеристики народного быта и понятій?

Какъ главную, отрицательную, черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно Русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повестей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ Судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ Болгарская и Сербская, издавна заключилась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ исключительнымъ, какъ произведеніе, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Извѣстныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободного выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались вѣрнымъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели

вооружались против «писецъ и итрицы блѣсковскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать, небыльи и загадки загадывать».

Восполненіемъ недостатка въ повѣсти, Русской по содержанию и происхожденію, служила обширная популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романтическимъ разсказамъ, находило пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала Старо-Славянской, потомъ Русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расходившихся въ то же время и въ западно-Европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ во все не съ той точки зрѣнія, какъ смотритъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія, и считая переводъ за Русское сочиненіе, также легко и чисто-Русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія Русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ Г. Златоусту. При этомъ видѣть переводъ терялъ и свою иноземную виѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ Русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на Русскіе нравы, терзала свою исключительную физиономію и находила больше сочувствія у читателей. То же явленіе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ ли-

тературѣ начинающейсѣ, которая не имѣла понятія о литературной собственности и слѣдуетъ пехитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его». Простодушіе, съ какимъ тогда поддѣльвали и травестировали чужое произведеніе, даетъ много пѣны этимъ новыми вставками и перемѣнами, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторы ихъ принадлежали. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, — дѣло совершалось само собою. Писанныя литературы всегда и всегда подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ glossы и синонимы — которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало-по-малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до некоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ Византійской литературы и отличающія первой періодъ нашей письменности. Этотъ эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣлительностью южно-Славянскаго. Русскіе приобрѣдали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-Славянскаго письменности и потому легко переходили въ Русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на Русской почвѣ, такъ что въ послѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-Славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ Старо-Славянскаго письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранялось многое изъ классиче-

скаго наслѣдья и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени Греческой литературы — творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Столема, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ Индійскимъ, доходившимъ до нея путемъ Сирійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ переводовъ; но своимъ съ народами Германскими и Романскими, для нея доступны были и сказанья западно-Европейскія. Южно-Славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, перелаванныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежку, какъ баснословная *Исторія Александра Македонскаго*, приписываемая псевдо-Каллисмену, повѣсть о *Троийской войнѣ*; и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной Европѣ въ повѣдѣнныхъ обработкахъ, какъ знаменитая *Калида-и-Димна*, или *Стефанитъ и Шкилатъ*, — или же знакомыя только въ литературѣ Византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной Ночи о *Сингаритъ* и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣяныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ *исторія Варлаама и Иосафата*; и средневѣковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о *царь-пресвитерѣ Иоаннѣ*. По старинной повѣсти о *Дьявилъ Девятецъ* можно заключать, что у насъ не были чужды и Византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность Византійскаго міра съ Азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, несмотря на то, что по своему схоластическому направленію Греческая литература Византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему либо, похожѣму на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-Славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-эпокрифиче-

скія преданія, какія вообще играли очень важную роль въ среднѣ вѣка и у насъ получали развитіе, довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обусловливалась только письменными памятниками: основанныя первоначально на чужомъ преданіи, эти рассказы расходившись не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ поднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаниемъ чисто-народнаго эпоса. Такъ наши *повѣсти о Соломонѣ* или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ Сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ», представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всею свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказалася Русскій отблескъ и потому въ ихъ замѣтованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о Русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ Русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-Славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-Славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время Татарскаго владычества отзывалось замѣтнымъ усиліемъ и застоємъ. Поэтому XIV—XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки болѣею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаружившаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой

поры открывается новый періодъ нашей повѣсти: оставаясь какъ и прежде переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣ замѣчательнымъ. Но для нея было уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собою разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Въ замѣнь того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы. Впрочемъ только изрѣдка можно выслѣдить у насъ прямая связи съ западною литературой: хотя въ XV и XVI столѣтіяхъ значительно усилилось знакомство Русскихъ съ иностранцами въ сношеніяхъ житейскихъ, торговыхъ и дипломатическихъ, однако, по причинѣ понятной, оно почти никогда не доходило до такой короткости, чтобы сдѣлать возможнымъ литературное заимствованіе или подражаніе. Средство для перехода средневѣковыхъ романтическихъ произведеній въ нашу письменность доставила литература Польская. Ея участіе, сначала едва замѣтное, увеличивается болѣе и болѣе въ XVII столѣтіи, и сдѣлалось тогда такимъ же главнымъ источникомъ стариннаго популярнаго чтенія, какъ прежде Византійскій или южно-Славянескій. Опредѣляя начало этого вліянія по глѣмъ памятникамъ, какіе до сихъ поръ были обозначены, едва ли можно восходить далѣе XVI столѣтія; при томъ только къ этому времени Польская литература пріобрѣла большую самостоятельность и пришла въ столкновеніе съ литературами западными, особенно Нѣмецкой: отсюда явились въ ней многія западныя произведенія, потомъ перешедшія и къ намъ.

Нѣкоторые факты позволяютъ думать, что Чешская словесность также не оставалась чуждою для нашей письменности и могла передать ей или свои повѣсти и романы, или переводы западныхъ, которыми вообще была богата. Немногое было переведено съ Нѣмецкаго; одна старинная повѣсть заимствована изъ Итальянскаго литературы среднихъ вѣковъ

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали в глазах их такой цены, какую имѣли въ свое время сказанія Византийской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средне-вѣковой романтической литературѣ. Большая часть и Византийскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ встарину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые исследователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (*wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи своего происхожденія — восточнаго или западнаго, Азіатскаго или Европейскаго, — они сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расхошлось повсюду, и у разныхъ народовъ видоизмѣняя свою филономію, получали длинную литературную исторію, нелишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ Германскими и Романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдельной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернекомѣ, романы объ Артурѣ или Карлѣ Великомѣ, но тѣмъ не менѣе становились общимъ достояніемъ народовъ западно-Европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданіями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и разсказами, пришедшими изъ Византіи и съ востока: баснословная исторія Александра, Троянскія сказанія, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ разсказовъ, повѣдей, анекдотическихъ повѣстей, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространились также быстро и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса. Это оригинальное явленіе нашло уже многихъ объяснителей между повѣдшими учеными: труды Дюлопа, Сильвестра де-Саси, Я. Гримма, Вольфа, В. Шмидта, Ад. Келлера, Грессе и другихъ, представляютъ въ высокой степени любопытную картину распространенія по-

этических созданий в средние века. Памятники Русской старинной письменности еще на одну степень раздвигают этот круг странствований, открывая иногда до сих пор неопределенные факты его истории. Таким образом, наш перевод одной сказки из Тысерли и одной ночи, сделанный без сомнения с Греческого, указывает, что в литературе Византийской известны были и этот знаменитый сборник вместе с другими сказочными сборниками востока, — и следовательно дает новое средство объяснять сходство, какое находим в его содержании со многими из старинных повестей западно-Европейских «Цыгане Девгеніево», переведенное в древнюю эпоху нашей письменности, и кажется неизвестное из Греческих источников, имеет немалую цену для истории средневекового эпоса в литературе Византийской, как остаток самообытного героического романа Византийской эпохи. Подобным образом, более позднее Русское сказание, основанное на мифах о Соломонѣ, подтверждает родственность некоторым памятникам Германского эпоса с преданиями Византийскими. Сближая Шмецкое стихотворение XV века с его предполагаемым Греческим источником.

Из числа этих памятников к нам перешли между прочим через Польскую литературу: знаменитый в средние века сборник легенд, повестей и сказок, известный под именем *Римских Деланий* (*Gesta Romanorum*); рыцарская история — о *Феѣ Мелодивѣ*, о рыцарѣ *Петрѣ Влантисѣ-Ключикѣ*, о пезарѣ *Оттонѣ* и друг.; быть может, знаменитая повесть о *Семѣ Муорейцѣ*; известные в свое время *фавстичи* или шуточные рассказы и анекдоты, наконец несколько *повестей Воккасичо* и т. д. Мы заметили уже, что позднейшие переводы с Польского существенно отличаются от памятников древнего периода темъ, что рѣдко передѣлывались въ Русскомъ духѣ и чаще сохранили свою иноземную одежду; ихъ чуждая внѣшность переставала казаться странною уже тогда, когда читатель привыкаетъ къ господствовавшей въ нихъ литературной манерѣ. Изъ этого нельзя однако заключить, что позднѣйшія наши повести имѣли мало читателей; не говоря о томъ, что, появившіеся большею частью въ XVII столѣтіи, они еще не успѣли достаточно проникнуться

новой средой и припрорвиться къ Русскимъ правамъ, какъ это было возможно для древнихъ памятниковъ, — иныя изъ этихъ повѣстей были переведены не одинъ разъ и чрезвычайно распространялись въ рукописяхъ, следовательно встрѣчались большае сочувствіе.

Такимъ образомъ переводная Русская повѣсть всего болѣе заимствовала изъ двухъ ближайшихъ источниковъ — южно-Славянскаго и Польскаго. Господство ея простиралось и на первую половину XVIII вѣка, въ томъ классѣ народа, который еще не совсѣмъ отказался отъ старинны: вмѣстѣ съ новыми романами, переведенными съ Нѣмецкаго, Французскаго и Польскаго въ Петровскую эпоху, прилежно читались и прехнія повѣсти семнадцатаго столѣтія. Иныя изъ нихъ даже попадаются въ спискахъ прошлаго вѣка.

Поштыки самостоятельной повѣсти были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія. Съ одной стороны, повѣсть постоянно подчинялась требованіямъ историческаго изложенія, и примѣръ чистаго эпоса въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, остался безъ послѣдствій; позднѣйшіе грамотѣи чувствовали его прелесть, но никогда не могли подняться до его эпической высоты; отличаясь всего больше многословіемъ и напыщенностью, эти сочинители могли внести изъ Слова только отдѣльныя фразы въ свои тяжелыя схоластическія сказанія, и дальше идти не могли. Во множествѣ старинныхъ историческихъ повѣстей, жизнеописаній и сказаній о замѣчательныхъ событіяхъ, перѣво можно замѣтить участіе народно-поэтическаго преданія, но всегда оно затемняется, рутинною сухостью изложенія и смѣшанное съ чисто историческимъ разсказомъ не получило отдѣльнаго развитія, такъ что эти сказанія имѣютъ почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повѣсти, принадлежащія вполне области фантазіи, какъ *Слово о кунцѣ Бисарѣ*, или составлены по чуждымъ образцамъ или же безвидны по мысли и изложенію, несмотря на нѣкоторые приемы, свойственныя народной поэзіи. Нѣтъ такой поэтической мысли и вышности и на тѣхъ полу-историческихъ повѣстяхъ, которыя повторены Русскими съ чужаго преданія, какъ повѣсть о царцѣ *Диварѣ*, сказаніе о мутьянекомъ воеводѣ *Дракулѣ*. Примѣровъ легкой

повѣсти, взятой изъ Русскаго быта, въ родѣ сказаній о *Сивомъ Грудцѣ*, исторіи о *Фролѣ Скобѣцѣ*, до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляютъ цѣлаго направленія. Эти повѣсти вообще любопытны по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣленны, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму.

Въ концѣ старата періода въ нашихъ грамотахъ и книжникахъ развивалась необыкновенная охота къ повѣстямъ и сказкамъ. Сборники XVII вѣка сдѣлались потому главнымъ хранилищемъ этого разряда старинныхъ произведеній; значительное количество рукописей, посвященныхъ подобному содержанию, указываетъ, что именно легкая, забавная и занимательная повѣсть стала тогда чувствительною и потребною въ нашемъ популярномъ чтеніи. Многія рукописи отличаются особеннымъ тщательствомъ, во вкусѣ того времени, написаны очень ровно и красиво, съ гравированными заставками и начальными буквами, украшены виньетками и картинками; онѣ принадлежали вѣроятно любителямъ и даютъ намъ понятіе о тогдашнихъ иллюстрированныхъ или дорогихъ изданіяхъ. Въ этихъ литературныхъ сборникахъ господствовала обыкновенная неразборчивость нашихъ старинныхъ собирателей; здѣсь соединялись и сказанія византійскія, и новѣйшіе переводы, и баснословныя повѣсти изъ русской исторіи, и апокрифическія преданія. Въ XVII столѣтіи явилось желаніе воспользоваться и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повѣстями и сказками стали записывать и свои: такъ извѣстный стихъ о Голубиной книгѣ уже встрѣчается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожалѣнію, подобная записка обнаруживались рѣдко и не передали намъ народныхъ мифовъ въ той одеждѣ, которую носили они два вѣка тому назадъ и раньше; сказки и быльины явились впервые въ XVIII столѣтіи въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, но за то пострадали отъ книжниковъ и переписывателей. Какъ много замѣчательныхъ потребностей могли бы сохранить старинные списки, можно судить по прекрасному тексту повѣсти о *Горнъ-Втоцѣ*.

Народный эпосъ во всю эту эпоху собирается только въ устахъ самого народа. Имена эпическихъ героевъ изрѣдка упо-

минаются въ старой письменности, хотя она имѣетъ много свидѣтельствъ о народныхъ преданіяхъ. Что знось сохранять свою свѣжесть и живичность въ народѣ, не подлежитъ сомнѣнію; присутствіе эпического строя открывається даже въ янвкѣ древнѣйшихъ памятниковъ. Постоина, пригга, запатка, сравненіе еще сохраняли свое соизвѣстное употребленіе, какое утратили въ нашихъ сказкахъ: даже въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ всего меньше можно было бы ожидать того, въ дѣловыхъ бумагахъ и грамотахъ, мы встрѣчаемся съ тѣми свойствами и оборотами рѣчи, какіе по преимуществу усвоены народнымъ зносомъ. Живичность народнаго зноса необходимо предполагаетъ и его исторію: бышны о Владиміровыхъ богатыряхъ, какъ мы знаемъ ихъ теперь, конечно слишкомъ далеки отъ своего первообраза, и ихъ измѣненія начались въ очень отдаленное время. Смѣшеніе сюжетовъ, вставка новыхъ именъ и обстоятельствъ, намекъ на первобытный видъ произведеній, указывающіе и позднѣйшія эпохи—Татарскаго владычества, Московскаго царства, Сибирскихъ походовъ,—наложившія свою печать на преданія древняго зноса. Характеръ древнѣйшихъ бышней и позднѣйшихъ историческихъ пѣсней, такъ различны одинъ отъ другаго, что даютъ возможность опредѣлить до некоторой степени свойства народнаго творчества въ ту и другую эпоху. Историческій знось имѣетъ такимъ образомъ свою исторію и въ отношеніи къ живичности и развитію содержания, и въ отношеніи народнаго авторства. Несравненно меньше фактовъ представляется теперь для объясненія *сказки*, другаго основнаго направленія эпической народнои поэзіи. Большая часть нашихъ сказокъ существуетъ до сихъ поръ только въ устной передачѣ, и потому очень трудно обозначить вѣрно и кругъ ихъ содержания и развѣтвленіе этихъ произведеній народнои фантазіи. Сказка неясными слѣдами отражаетъ въ себя доисторическій бытъ; ея таинственныя и волшебныя существа очевидно имѣютъ мифологическое значеніе, теперь слишкомъ затемненное временемъ. Для самого народа уже необъяснимы многія имена, эпитеты и атрибуты сказочныхъ героевъ, но они, такъ или иначе, повторяются до сихъ поръ, какъ преданіе глубокой старины. Древность современныхъ сказокъ легко опредѣляется и сама собой и сравненіемъ

съ преданьями другихъ народовъ; при всемъ томъ сказка терпѣла много нарушений своей первоначальной формы, прежде чѣмъ получила нынѣшній видъ. Сохраняясь только памятью народа, сказка необходимо испытывала вліяніе новякъ началъ жизни и должна была примѣняться отчасти къ понятіямъ позднѣйшихъ поколѣній. Какъ общіе племенные мифы разбѣлись на вѣтви въ разныхъ народностяхъ, такъ дѣлились сказки и въ отдельномъ народѣ по условіямъ историческимъ и этнографическимъ. Ни изъ нихъ образовались вѣроятно уже въ ту эпоху, за которой можетъ слѣдить исторія, потому что народъ не теряетъ своей способности олицетворять и поэтизировать явления, поражающія его фантазію, и мифъ возможенъ вездѣ и всегда. Паденіе древней сказки началось безъ сомнѣнія очень рано, вѣншимъ раздробленіемъ ея, смѣшеніемъ разныхъ мифовъ въ одинъ, раздѣленіемъ одного общаго преданья на частныя, независимыя разказы, при чемъ однако мало измѣнились самыя сюжеты. Замѣчательный примѣръ этого представляютъ наши сказки о звѣряхъ, такъ называемый *животный эпосъ*. Въ его содержаніи много аналогическаго съ Шмецкими сказками, литературныя обработки которыхъ такъ знамениты были въ средніе вѣка. Записанный давно, Германскій эпосъ вошелъ не только въ Шмецкіе и Французскіе, но и въ Латинскіе памятники и слѣдовательно могъ удержать древнѣйшія черты своего состава. И по главнымъ героямъ и по ихъ происхожденіямъ, Германскій эпосъ однороденъ съ нашимъ и даже доносится имъ въ некоторыхъ частностяхъ, такъ что Шмецкіе исследователи Рейнгарта, дорожающіе даже незначительными отрывками древняго сказанія, могли бы многое для его объясненія найти въ разказахъ, теперь извѣстныхъ въ нашей народной словесности. Между тѣмъ у насъ, какъ у другихъ Славянъ, животный эпосъ не сохранился въ цѣлыхъ, законченныхъ сказаніяхъ, каковы древнія Шмецкія и Французскія, но разбѣлся на множество мелкихъ и большей частью безсвязныхъ сказокъ.

Былина и сказка были основныя формы народнаго нашего эпоса, выдѣлившіяся изъ общей массы эпическаго преданья. Съ теченіемъ времени, въ дальнѣйшемъ развитіи народной словесности, онѣ мѣняютъ свой характеръ, расширяютъ или сѣ-

уживаются свои границы. Былина, мифическая в своем основании, выражается в историческую повесть; сказка принимает в себя чуждые элементы, несродные с древним ее смыслом и становится былью, анекдотом. Это явление совершается постепенно, и представляя фазы их развития, выражает в тоже время их упадок. Таким образом наша сказка дала место и другим сторонам народной мысли, юмору и сатире; конечно они уже давно вошли в повествование и притчу, но сатирическая сказка есть явление, свойственное позднейшим эпохам народной словесности, и ни в каком случае не коренное, если только сатира присоединена к сказке мифической. Этот юмор обращается или против смешных сторон человеческого характера или против недостатков общественного быта, и потому выражение его выходило из предельной сказки, даже из предельной народного творчества, потому что в специальной сатире, точка зрения принадлежит гораздо меньшему кругу людей. В последствии не так строго становится и граница сказки с народным анекдотом, который довольствуется не затейливым, но забавным содержанием и за ним не имеет другой цели. Круг народного повествования завершается огромным количеством местных сказаний, составивших этнографическую характеристику народа, потому что содержание их по большей части находится в ближайшей связи с народным бытом. До сих пор мы имеем только отрывочные рассказы подобных преданий; между тем они представляют много любопытного для изучения народного эпоса, так как местное предание или примыкает по своей главной мысли к обще-народным повестям и сказкам, или прямо специализирует, их принося к частным условиям.

В каком же отношении находилась поэзия, народная и по содержанию и по форме, к памятникам книжной литературы? Состояние народной поэзии в период до-Петровском, не ясно до сих пор именно потому, что существование ее мало выразилось в произведениях письменности: то есть, она не имела существенной связи с явлениями книжной литературы. Не таково было ее положение у народов западно-Европейских;

не только Шменская и Романская, но даже и Латвиская литература средних вѣковъ утверждалась на основаніи народной поэзіи и заимствовали изъ нея и мысль и иногда выраженіе. Свойства образованія и условія литературнаго развитія на западѣ и у насъ были слишкомъ различны, и аналогія, которую хотѣли иногда видѣть наши изслѣдователи между древней нашей письменностью и литературами западно-Европейскими, должна ограничиваться только немногими частными случаями, иначе становится натянутою и ложною. Если мы, съ своей стороны, можемъ указать только въ двухъ-трехъ поэтическихъ памятникахъ тѣсное родство съ народнымъ эпосомъ, то обвиненія старой нашей литературы въ бѣдности совершенно справедливы. Бѣдность заключается именно въ отдаленіи отъ національныхъ мотивовъ, которые одни могли дать литературѣ свѣжесть и силу. Изъ памятниковъ письменности нашей можно взвѣчь только случайные слѣды народной поэзіи, каковы дѣтвонисныя вставки изъ народныхъ притчъ, пословицъ и сказаній, упоминанія духовныхъ сочиненій о народныхъ повѣрьяхъ и преданьяхъ и т. п. Такое своеобразное положеніе народной словесности существовало какъ необходимый историческій фактъ и причина его лежитъ, какъ мы прежде замѣтили, въ давнишней борьбѣ противъ народнаго начала въ писаньяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ, — борьбѣ, отрывшейся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности и продолжавшейся до конца стараго періода. Можно думать впрочемъ, что сильнѣйшій упадокъ народнаго начала связанъ съ общимъ ослабленіемъ литературы въ среднюю эпоху ея исторіи, преимущественно блѣдную и схоластическую. Одна изъ причинъ, поддерживавшихъ это явленіе, едва ли не заключается въ томъ обстоятельстве, что очень долго вся письменность наша была въ рукахъ однихъ духовныхъ лицъ. Это было и въ западныхъ литературахъ, но тамъ общее направленіе пріобрѣло такую силу, что писатель уже подчинялся его вліянію; между тѣмъ у насъ онъ скорѣе непреклонно смотрѣлъ на то, что выходило изъ круга его дѣятельности. При томъ наше образованіе всегда оставалось духовнымъ, и свѣтскій писатель необходимо долженъ былъ идти по тойже дорогѣ: по крайней мѣрѣ извѣстны намъ со-

чтения бояры и дворян позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами.

Такимъ образомъ народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли: но, говоря о старинной повѣсти, нельзя не замѣтить некоторыхъ, болѣею частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сблуженій, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народного эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иные формы отъ вліянія народно-поэтическаго вѣянія.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Извѣстно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературахъ одно и то же произведеніе: сравнить нѣсколько списковъ какой нибудь любимой старину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество вариантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во все стороны и во все разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи внѣшныя подробности складывались подъ Русскія формы, самое содержаніе много заимрываетъ въ почву народности склада и языка. На этомъ и останавливались, болѣею частью, переводныя повѣсти. Но случалось, что эти трагестивированныя разсказы сближались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ: герои переводныхъ повѣстей изображались теми же красками, какъ богатыри сказокъ и быльи. Такъ по свѣдѣтельству знатоковъ, варианты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ Малорусскихъ преданіяхъ; такъ Штепльнскій романъ XIII — XIV вѣка превратился въ Русскую на-

родную сказку о Бови-королевиче. Там же путем провозвлади многие из наших народных анекдотов, в которых хотело видеть проявление Русскаго юмора, и которые однако составляют принадлежность Шведской или вообще западной анекдотической литературы средних вѣковъ. Писательна дубочныя издания, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляютъ много заимствованныхъ разсказовъ, принадлежащихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліанію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія: въ кругу народныхъ знаній давно перешли многия повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ зверяхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ переводимыя сборники, въ родѣ средневѣковаго «Физиолога», и потомъ распространенныя посредствомъ буквариковъ и имъ подобныя популярныя книги; отсюда они появились въ пѣснь, быльи, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ явновъ во многихъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нередко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлыя сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было производиться конечно тамъ, гдѣ свѣра книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла поэтому служить этическому матеріалу, и отсюда явились опозданныя сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексѣ божіемъ человѣкѣ», о «Федорѣ Тиронѣ», о «Борисѣ и Глебѣ», даже стихи о Голубиной книгѣ, о «Георгіи Храбромъ» и другіе. Мотивы послѣднихъ не всегда принадлежатъ народной фантазіи, но давно ею воспріятыя, они связаны съ національными мифами и развиты параллельно съ ними. Не все духовныя стихи одинаково древни, но многіе принадлежатъ датской старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любочнѣйшихъ произведеній Русской эпической поэміи, въ XVII столѣтіи является уже какъ нечто законченное; очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія, преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэміи обнару-

живаго вліяніе и книжної повісти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени виступаються иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусѣвшій «Полюкъ-богатырь». Народная сказка къ своему оригинальному содержанию примѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечь-кладенець», необходимый спутникъ сказаннаго героя, едва ли не была чертой заимствованной, также какъ магическая гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или *поздъ-пана* старинное *поздъ*, выносящая сказаннаго паровича изъ подземной страны на свѣтую Русь. Даже ильве эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ рассказовъ: въ числѣ заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой женѣ», появившей въ яму и напугавшей бѣса, очень известная и въ средневѣковой западной повѣсти.

Обзоръ старинной Русской повѣсти раздѣляется слѣдовательно на два главные вопроса: одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмѣщающаго различныя сказанья среднихъ вѣковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Для рѣшенія послѣдняго вопроса до сихъ поръ собрано чрезвычайно мало необходимыхъ данныхъ: нѣсколько десятковъ былинъ, нѣсколько духовныхъ стиховъ, составляютъ весь матеріалъ, доступный теперь для изслѣдователя; сказки до сихъ поръ записывались и издавались людьми, нѣсколько не подготовленными, да и не заботившимися о вѣрной передачѣ народныхъ рассказовъ; въ изданіи г. Монастырева въ первый разъ принята правильная метода. Такъ какъ полный фактический обзоръ не можетъ принести здѣсь существеннаго результата, мы ограничимся здѣсь только объясненіемъ старинной рукописной литературы повѣстей или пону ирвато чтенія, по тѣмъ матеріаламъ, какими можно пользоваться. За тѣмъ могутъ быть собраны известныя до сихъ поръ данныя для исторіи народнаго эпоса, былинъ и сказокъ.

Мы стараемся показать содержаніе старинныхъ литературныхъ сборниковъ, заключающихся въ нихъ, большей частью переводныхъ повѣстей и сказанья, и нѣкоторыя сочиненія собственно Русскія: и такъ какъ почти все наши пересказы представляютъ одну эпическую область съ прозаическими средне-

вковой романтической литературы, то необходимо было упомянуть об этих литературной истории, чтобы поставить наши сказания в настоящий свет. Чисто-фактические приемы совершенно достаточны в этом случае, потому что ими ясно определяется достоинство разбираемых памятников; многие из указаний, нами сделанных, требуют еще подробнейшего и точнейшего определения. Перечисляя повести, нужно было, с другой стороны, приводить самые списки и рукописи, чѣмъ достигается и библиографическая и историко-литературная цѣль: все почти произведенія старинной повести известны только по рукописямъ, следовательно далеко не для всехъ доступны, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя повести встречаются до сихъ поръ въ одномъ экземплярѣ, какъ замѣчательное «Девгениево Дѣланіе»; указание списковъ необходимо и потому, что вѣрное понятие о всякомъ памятникѣ рукописной литературы достигается только обширнымъ сличеніемъ списковъ. При этомъ мы дѣлали указанія на слѣдующія собранія:

— *Толстовское*, принадлежащее Публичной Библиотекѣ. Здѣсь находятся многіе прекрасные сборники повестей и сказокъ, болѣею частью XVII столѣтія, и отдѣльныя рукописи сказаній, напримѣръ «Варлаамъ и Иосафатъ», «Александрія» и др. Вообще, Толстовское собраніе вполне заслуживаетъ обширнаго описанія, потому что «Обстоятельное описаніе» Калайдовича и г. Стрѣева коротко и нерѣдко неточно.

— *Погодинскія* рукописи представляютъ нѣсколько драгоценныхъ памятниковъ: назовемъ прекрасный списокъ «Стефанита и Икхилата», единственные экземпляры «Девгениева Дѣланія» и «повести о Горѣ-Влочасти», и басню Елона въ переводѣ второй половины XVII столѣтія.

— Рукописи *Фролова*, *Дубровскаго*, *Каленцоваго* и гр. *Суртетова*, также, какъ и собраніе г. Погодина, принадлежащія Публичной Библиотекѣ. Все эти собранія впрочемъ далеко не такъ богаты.

— *Румянцовское* собраніе, довольно известное по «Описанію» г. Востокова, имѣетъ вообще немного сборниковъ сказочнаго содержанія; изъ любопытнѣйшихъ рукописей укажемъ самый старій текстъ сказанія о Мугальскомъ поводѣ Дракулы; рѣд-

кую «повесть о Соломонѣ», «Великое Зерцало» XVII вѣка и несколько списков «Александрія».

Мы обязаны г. Заблунцу свидѣніями объ его рукописномъ собраніи и сообщеніемъ нѣсколькихъ любопытныхъ сборниковъ XVII—XVIII столѣтій; мы пользовались также нѣкоторыми рукописями г. Тихофанова. Все другія собранія извѣстны намъ только по печатнымъ каталогамъ, какъ превосходныя рукописи Царскаго, прима-теканція теперь гр. Уварова; библиотека Московскаго Общества Исторіи и Древностей; бывшее собраніе Демитова, и другія. Само собою разумѣется, что матеріалы наши были бы значительно пополнены, если бы можно было воспользоваться и этими богатыми собраніями и другими вышеупомянутыми, неизвѣстными даже и по каталогамъ.

Такъ какъ старинныя рукописи XVII и XVIII вѣка представляли и нѣсколько данныхъ для исторіи народнаго эпоса, былинны и сказокъ, мы означили въ народныя произведенія, которые были нами встрѣчены въ старинныхъ спискахъ. Не съ сомнѣніемъ что со временемъ могутъ быть найдены и другіе памятники народной словесности, вѣрно записанные старинными грамотами. Говорить о достоинствѣ подобныхъ текстовъ было бы лишнее.

Въ приложеніяхъ помѣщены выписки или нѣкоторыя старинныхъ повѣстей. Приложенія могли бы быть распространены еще болѣе, но теперь мы представляемъ только пробы, а не большой выборъ изъ этихъ произведеній. Здесь должна быть сдѣлана одна оговорка. Въ печатаніи рукописныхъ памятниковъ у насъ принято за правиломъ заботиться о вѣрнѣйшей передачѣ текста, служившаго оригиналомъ; это правило доводитъ иногда до крайности, гдѣ оно становится только помѣхой и лишнею стѣною. Этотъ способъ имѣеть большую плу, но тогда, когда дѣло идетъ о памятникахъ древнихъ языковъ не только по содержанию, но и по мелкимъ особенностямъ языка и произношенія. Мы слѣдовали ему, приводя выписки или изъ рукописей старыхъ, или любопытныхъ по орфографіи. Но болѣею частью эта мелкая точность не была для насъ необходима; памятники XVII и XVIII вѣка, нами приводимые, не имѣють этой филологической важности, и въ перепискѣ ихъ достаточно было сохранить *чтение*, а не способъ написанія. Во первыхъ, все сохра-

нения, которыми обильны рукописи XVII вѣка, разрѣшаются весьма обыкновеннымъ чтеніемъ и следовательно не поддаются въ точномъ соблюденіи подлинника. Во вторыхъ, эти рукописи нередко обильны и ошибками чисто-орфографическими, которыя были ошибками и въ старину; сохраненіе ихъ несколько не прибавило бы колорита памятнику, потому что онѣ обнаруживаютъ только незнаніе переносчиковъ: удерживать неправильное употребленіе буквы ъ и тому подобныя случаи, значило бы только неприятно встрѣять текстъ, безъ всякой пользы.

I.

Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: послѣ Калитаевск. — Повѣсти о Троянской воинѣ: старинная «спричка о крадехъ» и подлинный переводъ книги Гвидо де-Колумны.

Древнѣйшій періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ: характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благоприятныя условія, въ которыхъ народныя политическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чуждой литературы и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Вліянія отношенія ставили права Русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы Византійской, наследованную нами черезъ южно-Славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязанностью къ началамъ национальнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: вліянія несчастья, стѣсненіе самобытности, доказаны были невыгодно отразились и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха Татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ.

Вместе съ тѣмъ, многиа произведенія до-Татарскаго періода или совершенно погибли, или остались единичными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени: рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терпѣлись отъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ названіяхъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ издателя древнѣйшей Русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактически составъ и объемъ.

Во вѣдѣній ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ Византійскою литературою среднихъ вѣковъ, связь, которая и по вѣдѣніямъ нашихъ памятниковъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вмѣстѣ и христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки увидѣли во снѣхъ поръ, — переводы Греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками Русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему дѣлюшцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ: переводъ Маттея несомнѣнно принадлежитъ дѣлому вѣку, столько же древень и Амартоу, снѣлы котораго въ Нестерѣ указывалъ еще Антлеръ. Philol.-krit. Miscell. Wien 1799. 99 — 100. Въ историческихъ хроногравахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи такъ же изъ византійскаго источника: по некоторымъ, несемымъ временемъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли все эти произведенія трудомъ собственно Русскихъ переводчиковъ — другой вопросъ; но крайней мѣрѣ ихъ прямо-Русское происхожденіе не мѣшало имъ дѣйствіемъ на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію Русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ Русскимъ читателямъ Византійскія произведенія, составляли Болгарская и Сербская письменность, во все время ихъ вѣдѣющаго состоянія.

Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на Русское, было принадлежностью литературъ южно-Славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники Болгарскіе сохранились болѣею частью въ Русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-Славянскаго текста, и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе, — какъ древніе переводы Византійцевъ для позднѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-Славянскій съ нашею, обусловливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповѣданія и протекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для Русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества должно была Афонская гора; уже давно упоминаются путешествія Русскихъ къ Святогорскимъ обителямъ, и давно Русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы Греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносились болѣе потомъ въ Россію и расходились по всемъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Афонская гора подверглась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать Русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Афонской горѣ. Наконецъ, Афонскіе иноки приходили въ Россію всего болѣе въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ не появлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература Сербскаго языка жила только въ Дубровникскихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православною. Какъ бы въ замѣкъ прекраснаго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже Русскіе памятники, даже самые списки Русской редакціи.

Несомненно также и прямые отношения нашей литературы с Византийскою. Переводы съ Греческаго дѣлались и дома на Руси; язькъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ; притомъ къ намъ постоянно собираются много Греческихъ выходцевъ. Игнатьевъ отмѣчаетъ иногда самыя переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ Свѣдѣнскомъ Времѣнникѣ упоминаютъ о переводѣ поэмы Георгія Нисада — «Похвала къ Богу о сотвореніи вселеннаго». Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ Юліано-Славянского негочника, Русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями Византийской литературы, и теперь сохраняетъ много памятниковъ этой послѣдней, неизвѣстныхъ въ Греческомъ подлинникѣ; точно также она сберегала много юліано-Славянскіе переводы. При изученіи памятниковъ Византийской повѣствовательной или поэтической литературы, извѣстной вообще очень мало, необходимо обратиться къ старинной Русской письменности, гдѣ иногда остается ихъ единственный слѣдъ. Такъ, до недавняго времени ученые мало были знакомы и съ Византийскими редакціями знаменитыхъ сказаній объ Александрѣ, которыя подъ нѣсколькими видами повторяются въ старинныхъ нашихъ передѣлкахъ, и теперь существуютъ во множествѣ списковъ, нѣрѣдко дополняющихъ издаваемые Греческіе тексты.

Старинная наша «Александріа» — какъ ее называли — представляетъ особенный видъ того произведенія Греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисмену, и которое, распространившись въ Латинскихъ редакціяхъ во всей Западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывающихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Исторія его у насъ, какъ и вездѣ, была одною изъ любимыхъ книгъ народнаго чтенія; это общее сочувствіе, съ какимъ вообще встрѣчали романъ псевдо-Каллисмена, объясняютъ и симпатичной личностью самого героя и поэтическимъ колоритомъ, приданнымъ ему уже въ первоначальной формѣ сказанія. Далекіе походы Александра, слава и важное историческое значеніе его завоеваній, оставили неизгладимое впечатлѣніе: для Восточныхъ народовъ онъ не забытъ и до сихъ поръ; на Западѣ онъ увлекалъ своимъ рыцарскимъ характеромъ — его великодушіе, благородство, смѣлость

оружія и даже ранили е теръ дали ему особенную прелесть въ глазахъ средневѣковаго читателя. Странствованія и чудныя открытїя Александра нашли такое же участіе, какъ и военные его подвиги; его историки отнесли къ нему фантастическія преданія о земляхъ и народахъ, ходившіи со времени Гомера, прибавили къ нимъ многое изъ баснословныхъ сказаній Востока, и рассказъ объ Александрѣ сталъ романтическою этнографіею и романтическимъ описаніемъ природы, гдѣ нашли мѣсто всакия чудныя существа въ родѣ Гомеровыхъ циклоповъ и дестригоновъ, Геродотовыхъ аримасновъ, Клезиновыхъ макробіевъ и пр. Крестовые походы напомнили о странныхъ людяхъ, удивительныхъ физическихъ явленіяхъ, видѣнныхъ Александромъ; на отдаленномъ Востокѣ искали таинственнаго эльдорадо, полнаго чудесъ и опасностей.

Переходя отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событїи и преданїи; частные мнѣя получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы и не допускали первобытннй вадъ сказанїя. Та же приваровленіе къ известной національности выразилось уже въ первыхъ редакціяхъ исторїи, въ первыхъ попыткахъ соединить разсѣяныя подробности въ одно цѣлое. Зарѣвнши сяотносить къ эпохѣ, слѣдовавшей за смертїю Александра, когда его исторїя уже начинала покрываться туманомъ; полное изложеніе основнаго преданія приурочивають къ Александрїйской эпохѣ. Отсюда объясняютъ, почему вообще въ западныхъ редакціяхъ отцемъ Александра является не Филиппъ, а Египетскїй царь Нектанебъ: происходя отъ него, Александръ становится уже не завоевателемъ Египта, а прямымъ наследникомъ послѣдняго царя. Басношту, по мнѣнію Лестрония, перодило тайное чувство національнаго самолюбїа, присвоивавшее своему народу славу чужаго героя и желавшее скрыть свое собственное пораженіе. Восточныя преданія съ той же задней мыслью представляютъ Александра сыномъ Персїйскаго царя Дарабѣ. Въ западно-Европейскихъ предѣлахъ исторїи, преданїе о Нектанебѣ не

имѣло конечно особеннаго смысла, и было принято какъ историческій фактъ. Вместо того западные ученые варьировали исторію Александра въ другихъ отношеніяхъ и опять изображали ее въ новомъ свѣтѣ. Мы сообщимъ только немногіе факты изъ литературной исторіи сказаній объ Александрѣ, чтобы показать отношеніе Русскихъ редакцій къ первоначальному разсказу, и объяснить, почему наши редакціи разнятся иногда другъ отъ друга.

Лучшія изслѣдованія о началѣ и древнемъ видѣ этихъ сказаній объ Александрѣ: — *St-Croix*, Examen critique des historiens d'Alexandre le Grand, Paris 1804; — *F. Freylander* или по В. де-Кемперю *Ferry*, Vie d'Alexandre le Grand, коротенькая, но очень любопытная статья по поводу издания кард. Мабл Юлія Вазерія *Mediol.* 1817, въ *Bibliothèque universelle de Genève* 1818, VII. Littérature p. 218—229, 322—349; — *Berger de Xirrey*, Notice de la plupart des manuscrits... contenant l'histoire fabul. d'Alexandre le Grand, connue sous le nom de Pseudo-Callisthènes, обширная статья, помѣщенная въ *Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi* t. 13, 2, 162—219 и выписки 219—307; *Gräse*, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, Dresden u. Leipzig 1842, 435—456. Псевдо-Каллисеновъ издавъ въ первый разъ на Греческомъ языкѣ К. Моллеромъ по вѣсколькимъ спискамъ въ *Didorovoi Scriptorum Graecorum Bibliotheca*, Paris 1816 (*Arrianus. Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri Magni, Pseudo-Callisthenes* съ прекраснымъ предисловіемъ, объясняющимъ исторію Греческаго текста).

Греческая исторія, а вмѣстѣ съ нею и Русскіе переводы разсказываютъ, что Нектанебъ обладаетъ волшебными магіями, посредствомъ которыхъ легко побѣждаетъ враговъ своихъ. Однажды царству его стало угрожать новое ополченіе изъ разныхъ народовъ Востока; Нектанебъ увидѣвъ, что обыкновенная его защита будетъ недостаточна, и рѣшился искать спасенія въ дальнихъ странахъ. Онъ оставилъ отечество; Египтяне долго ждали его, наконецъ обратились къ оракуламъ и получили такой отвѣтъ: объявившій царь снова придетъ въ Египетъ, но не

старцем, а юношей, и побѣдить вратовъ нашихъ Перевостъ Ps.-Call. 1, 34. Между тѣмъ Нектасебъ поселяется въ Македоніи, приобретаетъ славою мудрости всеобщую известность, знакомится съ Олимпіадой—дочерью царя Добоскаго, Фода,—приходитъ къ ней подъ вѣтомъ и символами Юпитера Аммона и дѣлается отцемъ Александра. Воспитаніемъ ребенка занимается самъ Нектасебъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ; по претеканію самого Нектасеба, Александръ сдѣлался причиною смерти отца своего и тогда только узналъ о своемъ происхожденіи. Когда умеръ и Филиппъ, Александръ началъ войну съ Персидскимъ царемъ, но передъ тѣмъ покорилъ соседнихъ народовъ и присоединилъ ихъ къ своему воеванію. Онъ приходилъ даже въ Италію; «Римляне же тогда не имѣли царя — разсказываетъ Румянц. Александрія, въ хроногр., 17 356 л. 142 — но сами власть правили, и сръбцы Александра съ честію и со многими дарми и фарика, сирѣчь конь, извешона, корткостиловымъ сѣдломъ осѣдланъ, и отъ камени адаманта принесена ему оружіе Александра Фариска, сына Пріама, царя троека, еже Агаментъ, царь греческій, взялъ въ Трои, и коніе адеопатиново з бисеромъ и каменіемъ многоцвѣтнымъ принесена Ясна Келомонича т. е. Аюса Теламонича и имѣхъ 17, и щить Тарканія царя Римскаго, кожею асидовою повтаченъ; и славою вшедъ въ Римъ и сръбте его еренъ Аподоновъ, и покади, и поклонился ему, и принесе ему злато и миро и ошмянъ, и вси царіе западніи приидоша къ нему, со многими дарми, еже не восвати ихъ мотяхуса, и повелъ имъ дань дати отъ 12 дѣтъ и воиска вооруженнаго шаче въ Ps.-Call. р. 29 — 31 подл. Жители Египта признали Александра своимъ царемъ, потому что на немъ исполнились претеканія Нектасеба и оракуловъ: здѣсь онъ строилъ Александрію, отправляется за тѣмъ въ Турцію, посылаетъ Финикію и Палестину.

Услышавъ о намѣреніяхъ Александра, Царій отправляется къ нему высококомфривя письма, и съ ними шрушки, которыми Александру будто всего приличіе заниматься, какъ ребенку; Александръ отвѣчалъ смѣю и бойко. Отъ спора дѣло дошло до битвы; псевдо-Каллисеновъ сохранилъ здѣсь главные историческіе факты, но въ описаніяхъ сраженій не жалеть своей

фантазии и дать рассказу очень много историческаго блеска. Побѣдивъ Дарія и женившись на дочери его Роксанѣ, Александръ думаетъ о новомъ походѣ въ Индію; Поръ встрѣчаетъ его со словами и словами, но царь Македонскій хитроство взять надъ нимъ верхъ въ единоборствѣ и сѣсть на его престолѣ. Несметныя богатства Индійскаго вѣстителя достаются Александру; ему привели коней Пора, «середей индійскихъ», львовъ доменныхъ и леопарды—«сирѣчь бобровъ», объявляютъ Русскій переводчикъ: — «за золотыхъ чепухъ все то ко Александру привелона, чѣмъ Поръ царь дѣшисла», сказано въ одномъ изъ позднихъ списковъ исторіи. Затѣмъ Александръ отправленъ къ гимнософистамъ, — «сатомудренымъ» или «стотомудренымъ» въ нашемъ переводѣ, — обитавшимъ въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ, и удивленъ строгости ихъ жизни и преданію земной суеты: они не признавали его могущества, и онъ не рѣшился воевать съ ними, чувствуя ихъ нравственное превосходство. Далѣе, онъ увидѣлъ на морѣ островъ, гдѣ была царская гробница, заключающая огромныя сокровища; одинъ изъ полководцевъ отправился осмотрѣть островъ, но едва вступилъ на него съ своими спутниками, какъ онъ скрлся въ пучинѣ.

Еще до войны противъ Пора, Александръ встрѣчалъ на пути много удивительныхъ вещей; теперь походы его представляють цѣлый рядъ чудесъ, и самый характеръ странствованій измѣняется: единственною причиною ихъ становится непреодолимая и неопредѣленная любознательность. Не думая о завоеваніяхъ, Александръ старается проникнуть все таинственное въ природѣ, и въ невѣдомыхъ до цѣго странахъ находитъ необыкновенныхъ людей и животныхъ. Это — люди съ собачьими головами, люди съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, циклопы, великаны и пигмеи, и ни сколько же уродливыя животныя. Его вниманіе останавливаютъ и чудные феномены природы: то приходитъ онъ въ страну, гдѣ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то терпѣть дорою отъ непроницаемаго мрака и идти въ это время по землѣ, совершенно покрытой дроуцѣнными камнями; то встрѣчаетъ непроходимый ровъ и строить черезъ него желѣзную «комару». Онъ отправляется наконецъ и въ воздушное путешествіе на три-

фахъ, прислушивается къ говору плати, которыхъ разспрашиваетъ объ ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ Александру. Онъ приходитъ къ солнечному городу (Гелиополь), «откуда солнце восходитъ», встрѣчаетъ ужасныхъ «счастливыхъ» народовъ, и чтобы избавить отъ нихъ вселенную, заключилъ ихъ камнемъ суникитомъ въ торахъ «сверскихъ», откуда имъ нѣтъ исхода; «суникитъ же дѣлать такъ вѣдь — никакое желѣзо его растлѣть не можетъ, и отъ него не возметъ». Этотъ рассказъ о заключеніи несчастныхъ народовъ, повторенный у Меодія Патарскаго, находится и въ другомъ любопытномъ сочиненіи, въ Румницъ сборникѣ XVII в. № 363, л. 454 сл.: Александръ загналъ несчастные народы въ тѣсное пространство между горъ и «какова нестунившеся мѣсто вратами желѣзными и суникитомъ помала; и суникитъ же той есть вещь дивна такъова, его же огнь не жжетъ, ни желѣзо не съчетъ; внутрь же вратъ тѣхъ на 300 поприщъ купиною насади и ту поганые языки заградю». Въ числѣ этихъ народовъ были между прочимъ и Татары. Далѣе, въ одномъ озерѣ Александръ велѣлъ поймать рыбу, и въ ней нашли «камень» свѣтеть, яко солнце сіяеть въ ночи»; потомъ сражался съ чудными людьми «горѣ человекъ, доду конь, иже паршахуся непоминь», которые въ некоторыхъ спискахъ названы антирандо «вопанамю»; встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ вмѣсто себя конь какъ паря. Узнавъ о говорящихъ деревьяхъ, онъ послѣднимъ къ нимъ спросить ихъ о будущемъ; деревья предсказали ему, что онъ умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ потомства. Александръ посѣдилъ и Каудакію, паршу земли Муринской или Эоіопіи, а по другимъ предмѣину Семирамиды; при этомъ онъ едва не погибъ отъ сына Каудакіи—у Юлія Валерія Charogos, у псевдо-Каллисена и въ Русскихъ редакціяхъ Дорифъ, Δορifer, — женатаго на дочери Пира. Наконецъ, послѣ новыхъ странствій, Александръ пребылъ въ Вавилонѣ и умеръ тамъ отъ отравы; передъ смертию онъ простился съ Роксанною, со всеми придворными, воинами и конемъ «стучиналомъ» или «волуедавнымъ конемъ», который съ яростію растерзалъ его отравителя кривого Вріонуша Радѣловъ свое царство и давъ наставленіе «волоете-

дямъ, Александръ умеръ при восходѣ солнца; парина Олимпіада и Роксана причитали горько и жалостно, и стоиша плачь и рыданіе бысть тогда о царѣ Александрѣ, — говорится въ одномъ поднимѣ спискѣ, — якоже отъ созданія міра никто такъ ва плача не видалъ и не слыхалъ, и потомъ не чають быти и до скончанія міра: понеже бо вся вселенная и вся земля рыдаху объ немъ и плакаху отъ мала и до велика, яко отъ гласу плачевнаго и земли возстонати и чаяти вопля того гласъ бысть и до небеси слышати». Исторія оканчивается численіемъ городовъ, построенныхъ Александромъ.

Такъ вообще передаются повести Александра въ нашихъ редакціяхъ; однако при общемъ сходствѣ содержанія подробности и самый подборъ событий не всегда одинаковы въ разныхъ спискахъ. Это зависѣло не столько отъ Русскихъ интерпретцій, сколько отъ вариантовъ Греческаго текста, котораго имѣялся съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, такъ что два перевода съ разныхъ списковъ необходимо должны были отличаться одинъ отъ другаго. Исторія псевдо-Каллисенова романа объясняетъ это несходство Греческихъ редакцій, а за ними и нашихъ списковъ. Произведеніе, означаемое именемъ псевдо-Каллисена, не дошло до нашего времени въ прежнемъ своемъ видѣ; въ немъ много вставокъ разнаго времени и разнаго направленія. Есть сомнѣнія однако, что это произведеніе известно было въ древности: у многихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей замѣчаютъ слѣды его, но опредѣлить ими автора нѣтъ никакой возможности. Кроме Каллисена, который и потому не могъ быть сочинителемъ этой исторіи, что умеръ гораздо раньше Александра (328 г. до Р. Х.), сочиненіе приписывали какому-то Езону, Симеону Саю — известному переводчику басень Бидпая, Антиоену и пр., но всѣ эти имена явились только отъ ошибокъ переписчиковъ и простыхъ quiproquo: Армянскій переводъ V столѣтія называетъ авторомъ Аристотеля, Еврейскій — Птолемея. Эпоху появленія псевдо-Каллисена ученые опредѣляли также различно: отъ одинадцатаго вѣка, когда жилъ Симеонъ Сая, ее отодвигали и далѣе въ древность, до Александрійскаго періода и Птолемеевск. Всего вѣрнѣе приписать романъ псевдо-Каллисена къ тѣмъ анонимнымъ произведеніямъ, которая со-

ставляются не вдругъ, а мало-по-малу, и потому не могутъ быть отнесены къ одному автору. Преданія, собранныя дѣтскъ, встречаются у многихъ писателей изъ первыхъ вѣковъ нашей эры, такъ что необходимо принять начало ихъ около самой эпохи Александра. Разказы о чудесныхъ подвигахъ и страстяхъ Македонскаго царя тогда уже могли принять баснословный колоритъ и распространиться въ сочиненіяхъ болѣе или мене историческихъ. Въ древнихъ литературахъ такую же почти роль играли подложныя жизнеописанія, сочиненія и письма знаменитыхъ людей, какъ въ наше время подложныя мемуары; и тѣ и другіе являютъ обыкновенно вскорѣ по смерти дѣль, которыми приписываются, и достигаютъ своей цѣли, привлекая общее любопытство. Таковы могли быть и письма Александра къ его наставнику Аристотелю, Олимпидѣ, къ амазонкамъ и брахманамъ; онѣ разсказываютъ о чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ въ Индіи и т. п. и потому составляютъ быть можетъ самую интересную часть романа. Письма эти вносятся обыкновенно въ текстъ псевдо-Каллисена, но встречаются въ древнихъ манускриптахъ и отдельными статьями, напр. *Alexandri epistola ad Aristotelem de situ et mirabilibus Indiae; epilogus de mirabilibus, quae vidit Alexander, ad Aristotelem magistrum* и др. въ рукописяхъ Паризской бібліотеки. Съ другой стороны, въ мѣстныхъ преданіяхъ имя Александра связывалось съ частными обстоятельствами исторіи мѣстной страны или города; псевдо-Каллисентъ, или вообще авторъ произведенія, могъ воспользоваться ими, на сколько самъ ими интересовался, и действительно придавалъ иногда исторіи мѣстной, специальный отблескъ. Онъ почерпалъ наконецъ свѣдѣнія и въ разказахъ прекрасныхъ историковъ, которые также не были свободны отъ вліянія фантастическихъ преданій и собственнаго вымысла: такимъ образомъ возникаетъ связь между Александромъ историческимъ и Александромъ псевдо-Каллисена. Можно также указать, въ числѣ источниковъ, поэмы или поэтическіе разказы о дѣяніяхъ Александра, или предшественіе до насъ или уподобленіе въ немноткихъ отрывкахъ, и риторическія упражненія, столько любимыя въ эпоху упадка Греко-Римской литературы. Но въ тѣхъ и въ другихъ конечно меньше было заботы о вѣрной передачѣ фактовъ, чѣмъ

о рѣзкости и картинности описаній. Все эти источники можно отчасти указать и въ позднѣйшихъ редакціяхъ псевдо-Каллисоена: сохранившіеся фрагменты древнихъ историковъ Александра перѣдко согласны съ нимъ въ разсказѣ; сомнительна переписка Александра вѣроятно была вставлена также въ этого источника. Многое принадлежитъ и неизвѣстнымъ компиляторамъ и сочинителямъ романа; они давали общій тонъ ил-лему и выставляли тѣ стороны его, которыя имѣли для нихъ національный или другой интересъ, какъ упомянутая нами басня о Пектанебѣ. Преданье о Юпитерѣ-Аммонѣ могло быть современно Александру; его знаетъ Юстинъ, замѣтовавшій у Кинтарха; Эратосвенъ считаетъ его фактомъ общезнавшимъ. Пектанебъ, какъ замѣна Юпитера, обличаетъ эвгемерическія понятія составителей исторіи, и намекаетъ на Александрійское начало преданія; Египетскіе папирусы, по изслѣдованіямъ Детронна, упоминаютъ о магическихъ знаніяхъ этого царя, — следовательно, разсказъ о немъ могъ отчасти утверждаться на историческихъ данныхъ. Другія мѣста псевдо-Каллисоена также открываютъ въ составителѣ Александрійца: въ разсказѣ объ основаніи Александріи, авторъ упоминаетъ многія мѣстности ея, какъ весьма извѣстныя; называетъ мѣстныя Египетскими именами и т. п.; Александріи достается право владѣть трюбомъ знаменитаго завоевателя, который постоянно называется ея жителей «своими Александрійцами», οἱ τριετέροι Ἀλεξάνδραιοι. Въ этихъ мѣстахъ, пристрастныхъ къ Александріи и безъ сомнѣнія древнихъ, многія другія вставки вошли въ составъ романа позднѣе. Для насъ особенно любопытны тѣ изъ нихъ, которыя произошли отъ Еврейскихъ и Сирійскихъ читателей или тѣ, отражающія Византійскія понятія *Müller, Ps. — Call. xvj*; эти вставки особенно развиты въ Русскихъ редакціяхъ. Различіе текстовъ увеличивалось и случайными интерполяціями, которыя при новой перепискѣ еще далѣе уклонялись отъ правильнаго чтенія. Такъ Мюллеръ думаетъ объяснить разсказъ о походѣ Александр. въ Римъ: въ одномъ спискѣ исторіи говорится, что перейдя Греникъ, Александръ направился въ Ликаонію, область Малонисскую; въ другомъ писекѣ вмѣсто Ликаоніи поставили Луканію, область южной Італіи, затѣмъ и вмѣсто Луканіи явилась Сиппа-

лія и Італія; мы видѣли, какой оборотъ приданъ этому разсказу въ нашемъ старинномъ переводѣ.

Въ слѣдствіе подобныхъ вставокъ, случайныхъ и намѣренныхъ, уже Греческіе тексты разныхъ временъ и мѣстностей представляютъ значительные варианты; Латинскій переводъ Юлія Валерія, относимый къ IV в. по Р. Х., имѣетъ свои особенности. На востокѣ, гдѣ псевдо-Каллисеновъ поводится очень давно, онъ долженъ былъ измѣниться еще болѣе. Моисей Хоренскій, Армянскій писатель V столѣтія, разсказываетъ преданіе о Нектанебѣ согласно съ псевдо-Каллисеномъ; къ тому же времени относятъ цѣлый Армянскій переводъ сказанія. Еврейскій писатель бенъ-Горіонъ или псевдо-Горіонидъ, и христіанско-Арабскій историкъ Абуль-Фараджъ повторяютъ тоже преданіе, потому что непосредственно слѣдовали Греческому прототипу. Иначе представлена исторія Александра у писателей Мугаммеданскихъ, хотя и для нихъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, главнымъ источникомъ служили Греческія сказанія псевдо-Каллисена. По мнѣнію Моля (*Livre des Rois* I, p. MLX), Фирдоси замѣнилъ недостатокъ Персидскихъ преданій именно Греческими, которыя могъ знать изъ Арабскаго перевода. Весь составъ и порядокъ разсказа Фирдоси очевидно взять изъ псевдо-Каллисена (*Spiegel, Alexandersage* 14, 61 — 62). Передѣлавъ генеалогію Александра, который сталъ у него сыномъ Персидскаго царя Дараба, Фирдоси бросилъ другой колоритъ на всю исторію: псевдо-Каллисеновы подробности изложены въ духѣ Мугаммеданской жизни; мѣстности приурочены къ странамъ, знакомымъ Фирдоси по господству или описаніямъ Арабовъ; чудеса, видѣнныя Александромъ, Фирдоси сливаетъ съ восточными мифами. Благодаря тому же стремленію восточныхъ писателей осмыслить для себя подвиги славнаго героя фактами близкими и понятными, для насъ становится очень любопытна поэма Низами, по отношенію къ Русской исторіи. Песенъ пер-наме Низами болѣе независима отъ Греческихъ сказаній, чѣмъ произведеніе Фирдоси, и оттого национализированіе въ ней сильнѣе. По Низами, Пекендеръ былъ сынъ одной благочестивой женщины, воспитанный Филиномъ; его экзепции направлены къ странамъ Мугаммеданскимъ или такимъ, которыя были съ

ними въ близкихъ сношеніяхъ: войска непріятеля его Дара составлены изъ жителей Ирана, Харезма, Газны, а въ рядахъ своего воинства Александръ, кромѣ Македонцевъ и Египтянъ, велеть Франковъ, Грековъ и *Русскихъ*. Побѣдивъ Дара и женившись на его дочери Рушентъ т. е. Роксанѣ, Александръ посѣщаетъ Арменію, Абхазію, строитъ Тивлисъ, затѣмъ отправляется въ Берду (Berdaa). Этотъ городъ съ прекрасной окрестной землей, принадлежалъ тогда царю Пушабе — у неведомкама. Кандакия, у Фирдоси Киласа, — которая славилась мудростью и красотой; заключивши союзъ и дружбу съ Пушабе, Александръ пошелъ въ Индію и Китай, и здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что *Русскіе* напали на его союзницу и разрушили Берду. Александръ предпринялъ походъ, явился сперва въ Кинчакъ, гдѣ ему очень понравилось, что женщины не закрываютъ лица покрываломъ, и потомъ выступилъ противъ Русскихъ; войско ихъ, кромѣ Русскихъ, состояло изъ Буртасъ, Алянъ и Хазарь, но не смотря на ихъ геройское сопротивленіе, Александръ послѣ двухъ походовъ остался побѣдителемъ и получилъ богатую добычу, между прочимъ много драгоценныхъ мѣховъ, употребленія которыхъ сначала никакъ не могли постигнуть. «Любопытно въ историческомъ отношеніи, замѣчаетъ Гаммеръ, что Персидскій поэтъ шестатаго вѣка тедакіры, или двѣнадцатаго по христіанскому лѣтосчисленію, упоминаетъ о Русскихъ такъ обстоятельно и даетъ имъ такую важность. Оканчивая въ одинъ походъ войны съ Египтянами, Персами, Армянами, Индіанцами и Китайцами, Пекендеръ предпринимаетъ два похода противъ Русскихъ, царь которыхъ Каиньель, или Киньель, дѣлается наконецъ его пленникомъ» (Gesch. d. schön. Redekünste Persiens, Wien 1818, 117 ff.). Г. Эрманъ думаетъ, что Низами описываетъ здѣсь походъ Игоря на Византію, относя его ко временамъ Александра; но Персидскому поэту не было никакого интереса вставлять такое отдаленное и чуждое для него событіе. Низами постоянно сближаетъ разсказъ съ исторіей и географіей своего отечества, и вставка доказываетъ, что онъ самъ знаетъ или слышалъ о Русскихъ; въ сущности она имѣетъ некоторое историческое основаніе, потому что уже въ девятомъ вѣкѣ Русскіе были знакомы съ этимъ

краем востока, а десятое столетіе представляет двѣ извѣстныя и кажется несомнѣтельныя экспедиціи Русскихъ на востокъ, упоминаемыя Масуди и Ибнъ-эль-Атиромъ. Отсутствие критическаго такта, обыкновенное у писателей восточныхъ, позволило Низами смѣшать двѣ разныхъ эпохи и отнести къ Александру событія позднѣйшія и дѣйствительныя ср. Карамз. 3, пр. 279. Другія обстоятельства исторіи Низами вольно прямо у псевдо-Каллисоена; также описываетъ онъ посольство Дарія и послашенье Дарія Александромъ подъ видомъ посла, которое Шингелъ несправедливо считаетъ выдумкой восточныхъ писателей, потому что оно упоминается даже и въ нашихъ редакціяхъ (ср. Ps.-Call. II, 13—15), и пр., но вообще Низами рисуетъ своего героя на подобіе тѣхъ неудержимыхъ воеводъ, которые явились первыми распространителями ислама.

Объ Александрѣ въ восточныхъ преданіяхъ см. — *I. v. Hammer*, Alexander nach d. Sagen d. Morgenlandes въ его Rosenöl, Stuttgart 1813. I Bd. — *Démétrius de Golbelas*, Histoire d'Alexandre-le-Grand suivant les écrivains orientaux, Varsovie 1822. — *Fr. Spiegel*, Die Alexandersage bei den Orientalen, Leipzig 1834 и др. Огрышко въ Александръ-наме Низами изданъ въ кнѣж. г. *Армаванъ*, De expeditione Russorum Berdaam versus auctore imprimis Nisamio, Casani 1826—1832, 3 vol. съ Латинскимъ переводомъ I, 43—67 и объясненіями. Г. Григорьевъ, въ статьѣ о походахъ Руссовъ на востокъ въ Журналѣ Минист. Народн. Пр. 1835, 2, 229 сл., признаетъ въ повѣсти Низами много историческаго среди вымысловъ, разскалъ Ибнъ-эль-Атира о походѣ Русскихъ на Берду въ 944 г. сообщенъ Акад. Кунинкомъ въ Bulletin historico-philologique 1847, IV, 1—13. Ученныя Записки I и III Отдѣленія Академіи 2, 636, 794.

Не распространяясь о западныхъ предѣлахъ псевдо-Каллисоена, которыя представляютъ вообще Александра образомъ средневѣковаго рыцарства и оружаномъ его феодальной обстановкой, обратимся къ нашей «Александріи». Въ Славянскихъ литературахъ псевдо-Каллисоевъ былъ извѣстенъ по двумъ разнымъ источникамъ: къ Болгарамъ, Сербамъ и Русскимъ онъ пе-

решель изъ Византійскихъ редакцій, въ Полькамъ и Чехамъ изъ Латинскихъ или западныхъ. Стихотворные отрывки Чешской Александриды, собранныя въ «Выборъ изъ старо-Чешской литературы» (Praha 1845. 170, 1071 стр.), составлены, какъ думаютъ, по Французской поэмѣ Готье-де-Шатильона или по Нѣмецкой ея передѣлкѣ, и принадлежать къ XIII столѣтію; подлинъ является *Kniha o wssech skutečich welikeho Alexandra*, издавшая въ Пльзенѣ 1513, переводъ знаменитой книги о сраженіяхъ Александра Великаго — *Liber Alexandri Magni de rebus*, — какъ называется она въ старыхъ Латинскихъ изданіяхъ; Чешскій переводъ находится впрочемъ и въ рукописяхъ половины XV вѣка (*Jungmann, Hist. liter. české 1849, 68*). Польскій переводъ изданъ подъ заглавіемъ *Historia o żywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego Króla Macedońskiego* и пр., въ Краковѣ 1550, также 1690, 1704 г. *Mariejowski, Dod. do Piśm.* 359; ср. ib. 148. Старинная Русская повесть ведетъ начало отъ Византійскихъ редакцій повѣсти - Каллисоена, чрезъ южно-Славянскіе переводы. Разбирая оцнѣ Сербскія и Русскіе списки Александрии, Востоковъ замѣтилъ между ними большое сходство и объяснилъ, что послѣдніе имѣли первообразомъ Сербскую редакцію; онъ не только впрочемъ опредѣлить подлинникъ Сербскаго перевода. «Что касается до содержания сего, исполненнаго разными анахронизмами и небывшими житія Александра, говорить онъ, довольно упомянуть только, что это повесть ни Аррианова повѣствованіе, ни переводъ известной баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ, о коей говорить Фабрицій, и которая существуетъ также на Греческомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα καὶ πράξεις*. Но Словенскому сказочнику была какъ видно известна сія исторія о Александрѣ Македонскомъ, ибо онъ знаетъ изъ неглавныхъ обстоятельствъ, какъ-то приключенія Пеллашана... и пр., разсказывая впрочемъ многое иначе и съ большими подробностями, иное же выпуская или переставлявая. Сербу могла быть известна исторія сія, если не въ Латинскомъ или Греческомъ подлинникѣ, то въ переводѣ Болемскомъ или Польскомъ. Говоря о баснословной исторіи Александра въ хронографѣ, Востоковъ прибавляетъ: «сказка сія роудиъ и Сербской и Латин-

ской баснословной исторіи и содержать противу той и другой разныя несходства, въ мѣстахъ же и согласна... Но подлинникъ сей сказки писанъ вѣроятно на Греческомъ, а не на Латинскомъ: сіе заключать можно по некоторымъ Греческимъ словамъ, оставленнымъ безъ перевода, напр. въ одномъ мѣстѣ поставлено *αὐτὸς* вм. вѣстникъ; переводъ Словенскій весьма древень (Оп. Р. Муз. № 175. 454 — 456). Подлинникомъ Сербскаго перевода былъ именно Греческій текстъ псевдо-Каллисена, который для Сербской литературы былъ доступенъ Латинской, Чешской или Польской редакціи; при томъ Сербскій переводъ безъ сомнѣнія много старѣ двухъ послѣднихъ. Русскія редакціи, стоявшія въ связи съ Сербскою, иногда значительно разнятся отъ изданнаго Греческаго текста, но этого естественно ожидать въ сочиненіи, которое и на Греческомъ языкѣ представляетъ важныя варианты въ рукописяхъ. Гораздо чаще сравненіе Русскаго текста съ напечатанными у Мюллера кодексами открываетъ буквальные переводы съ Греческаго; уже въ старинныхъ азбучникахъ отмѣчено много Греческихъ словъ изъ нашей «Александріи»; Латинскія слова, какія встрѣчаются въ нашихъ спискахъ, точно также принадлежать новому Византійскому языку псевдо-Каллисена. Въ доказательство послѣдняго достаточно привести переводъ одной фразы: въ Греческомъ текстѣ читаемъ: *χρόνου δὲ ἱκανοῦ γενεαμένου ἐπὶ πλοῦσι τινεσ, οὗτο καλοῦμαι κατὰ Ρωμαίους, κατὰ δὲ Ἕλληνας κατάσκοποι* и проч.; въ Латинской исторіи *de preliis* эти лица названы просто *custos* и *exors*, у Юлія Валерія переведено просто *quodam tempore initiatum est*, въ некоторыхъ нашихъ спискахъ «вѣстники Нектанавы царя», но въ Румянц. списокѣ № 456 буквально сходно съ Греческимъ: «времени же довольно бывшу *εκτελεσσομένων* и лицъ, тако нарицаемѣи Римляне (т. е. Римлянами, у Римлянъ, Еллинекии же рассои) «отъ корня *σοκ*-ици). Сербская рукопись, Румянц. № 175, также сохраняетъ слѣды Греческаго подлинника; такъ въ рассказѣ о томъ, какъ Александръ учился у Аристотеля небесной мудрости (гл. 7 — 8), всѣ названія планетъ Греческія. Соответствіе Греческому тексту удержалось даже въ позднихъ нашихъ спискахъ, много разъ измѣнившихся и испорченныхъ.

Иное указание на Сербский подлинник наших ретакций приведено уже Востоковымъ. Въ Румин. списке, № 175 сказано, что Александръ основалъ одинъ городъ и нарече имя ему Дрэмъ, по *Сербскому* же языку наречется потечинце; въ Русскомъ списке поставлено «по Сибирскому языку», т. е. писецъ не понял или не разобралъ въ своемъ оригиналѣ слова «Сербскій», которое очевидно определяетъ подлинникъ Русскихъ списковъ. Это вѣрное объясненіе подтверждается другими рукописями, гдѣ это мѣсто написано правильно, напр. въ Погодинскомъ сборникѣ Публичной Библиотеки, XVII вѣка, № 1772, на л. 225 читаемъ: «градъ же ту созда и нарече имя ему Дрэмъ, иже по *Сербскому* языку потечинце наречется». Русскіе списки оставили иногда безъ перемены Сербскія слова, хотя и неупотребительныя въ Русскомъ языкѣ, и даже въ рукописяхъ XVIII вѣка удерживается слово *гусарь*, которымъ чествитъ Македонскаго царя Дарій въ своихъ постаніяхъ; буква *ль* называется *дуиналомъ*, въ южно-Славянской передалѣ Греческаго слова, которую иные сочли даже Славянскимъ словомъ.

Время перевода свято-Каллисоева опредѣлить трудно. Востоковъ замѣтилъ, что онъ очень древенъ, но большая часть списковъ принадлежитъ уже XVII вѣку, немногіе къ XVI столѣтію; прямыхъ свидѣтельствъ о переводѣ не сохранилось, такъ что единственнымъ средствомъ для рѣшенія вопроса остается филологическія и историко-литературныя вѣроятности. Старшныя формы языка прослѣживаются даже въ позднихъ спискахъ исторій, и съ перваго раза можно видѣть, что переводъ принадлежитъ не семнадцатому и не шестнадцатому вѣку; не смотря на испорченность позднѣйшихъ списковъ еще легко отличить правильность языка въ ихъ древнемъ первообразѣ. Сербскую редакцію должно безъ сомнѣнія отнести къ тому времени, когда Сербская литература еще жила собственными силами и была близко знакома съ произведеніями Византии. Едва ли подобныя сказанія могли явиться тогда, какъ она впадала въ бездѣйствіе; примѣры другихъ произведеній, замѣтованныхъ нами въ литературу южно-Славянскихъ, также относятся къ впаденію и порѣ ихъ развитія. Въ пользу давности Славянскаго свято-Каллисоева много говоритъ то обстоятельство, что подробное сказаніе

его объ Александрѣ записано въ переводномъ хронографѣ Мала-лы въ спискѣ XV вѣка, сдѣланномъ съ рукописи 1261 год. Въ этомъ замѣчательномъ спискѣ переводъ Малады прерывается длинною вставкой, на л. 311—311, которая озаглавлена «Жизнь Олександра»: судя по началу и заключенію вставки, призна-ваемъ у ки. Оболенскаго въ описаніи рукописи «Времени М. Общ. кн. 9, стр. хviij, xxxv», «Жизнь» эти ни что иное, какъ псевдо-Каллисеновъ, которому онъ соответствуетъ и по содержанию главъ (см. гл. 198—202 въ оглавленіи сборника). Въ хронографѣ Малады исторія начинается такимъ образомъ:

«Доблии минтея бѣли и храборъ Александръ Македонскыи, яко все сътворивъ посылвающее ему имѣя бристо въ доброму дѣлу промышление; только бо дѣль проводи съ добрыи аныкы брань творя и бѣася, якоже не можаху хотѣти, тѣмъ по на-вѣсту писати, Александрова же дѣланія и добръ събѣла душа, тѣла его, и еже въ дѣлахъ его ваши и муже, бо, се уже рече-чемъ, начитокъ отъ рола его сътворше, и которого бѣ отна съишь и проч. Ср. въ Румянц. хронографѣ, л. 456 л. 132 обор.

Тѣми же словами начинается псевдо-Каллисеновъ въ изда-ніи Моллера I, 1.

Ἀριστὸς μοι δεῖξει γενέσθαι καὶ γενναίωτάτος Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν, ἰδίως πάντα ποιησάμενος, συνευχόμενον αὐτῷ εὐρῶν ἀεὶ ταῖς ἀρεταῖς τῆν πρόνοιαν ποιεῖται γὰρ ἐν ἑκάστῳ τῶν ἐπιπέδων πολεμῶν καὶ μαχόμενος δάμνασε χρόνον, ὅσας εὐχὴ ἔχει τοῖς βουλομένοις τὰς πόλεις ἀκριβῶς ἱστορεῖσθαι. Τὰς δὲ Ἀλέξανδρου πράξεις καὶ τὰς ἀρετὰς τοῦ σώματος αὐτοῦ καὶ τῆς ψυχῆς, καὶ τῆν ἐν ταῖς ἔρεσις εὐτυχίαν καὶ τῆν ἀδραμίαν γὰρ λέγομεν, τῆν ἀρχὴν ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ ποιούμενοι, καὶ τίνες πατὴρ τῆν υἱὸς κ. π. λ.

Въ Новгородской рукописи XVI вѣка, заключенной «Пого-писень Еллинскій и Римскій» или компиляцію въ Амартола, Малады и другихъ писателей, снова вставлена длинная исторія Александра, впрямую также псевдо-Каллисенова (Врем. ив. хviij). Она есть и въ большей части хронографовъ, гдѣ помещается рядомъ съ древними переводами Вилантинцевъ. Вопросъ состоитъ теперь въ томъ, были ли исторія Александра вставлена въ хронографъ Малады Русскимъ составителемъ сборника въ

XV столетіи, или же она была и в древнѣйшемъ подлинникѣ 1261 года? Принимать, что Александрія прибавлена къ хронографу еще Григоріемъ, переводчикомъ Малалы, — какъ сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, — нельзя безъ подтвержденія этого и другими фактами, кромѣ содѣшеій Александріи съ Малалой въ рукописи XV вѣка. Судя по описанію, въ этомъ спискѣ Малалы нѣтъ его собственно разсказа объ Александріи (р. 189—196 ed. Bonn.), вмѣсто чего вставлена исторія псевдо-Каллисена; можно думать, что такой видъ текста находится и въ древнѣйшемъ подлинникѣ, потому что, если мы не ошибаемся, и позднѣйшіе хронографы не приводятъ этого мѣста Малалы, постоянно вышесывая псевдо-Каллисена. Замѣтимъ также, что нѣкоторыя вставки, какія есть въ Старославянскомъ переводѣ Малалы, принадлежатъ не переводчику, а находились безъ сомнѣнія въ томъ Греческомъ текстѣ, которымъ онъ пользуется, и гдѣ Малада была дополнена и исправлена по другимъ канонамъ и писателямъ. Таково напр. мѣсто хронографа на л. 354 о Кесарѣ Юліи, пришедшее изъ Обозвѣсканъ Малады ср. р. 215 ed. Bonn., на самомъ же дѣлѣ канонъ или сокращенной хронографіи Юліи, напечатанной въ Нибуоровскомъ изданіи вмѣстѣ съ Маладой см. р. 24. По компиляторскому характеру Византийцевъ легко даже предположить, что псевдо-Каллисена внесены были въ Греческую дѣлоушею Малады и вмѣстѣ съ ней были переведены пресвитеромъ Григоріемъ.

Но если этотъ вопросъ еще теменъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что переводъ былъ не одинъ; только этимъ можно объяснить значительную разницу списковъ касательно самаго содержанія. Варианты списковъ въ помянутомъ и вообще по вышности т. е. оупущеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, раздѣленіе на главы и т. п. могутъ быть объяснены легко, потому что не рѣдко зависѣли только отъ шепса; Русскія вставки опять были случайныя, потому что, разъ появившись въ рукописи, удерживались только въ тѣхъ спискахъ, которые съ нею были сдѣланы, тогда какъ въ другихъ преданое чтеніе не нарушалось. Но въ нашихъ текстахъ, какъ и въ Греческихъ, находится существенныи разности, въ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ передается различными образомъ. Возмемъ опять примеръ. По

кодексамъ, напечатаннымъ у Мюллера, убійцею Филиппа называется или Фессалионскій вельможа Павзанія, который совершилъ преступленіе въ театрѣ, и захваченный тотчасъ же Александромъ, былъ преданъ казни; или совершенно другое лицо, Анаксархъ, въ нашихъ редакціяхъ названный «царемъ Пеллопонескимъ», — онъ послѣ убійства похищаетъ Олимпиаду, но Александръ преслѣдуетъ его съ войскою и побѣждаетъ въ сраженіи. Некоторые Греческіе списки соединяютъ оба разсказа, иначе, представляютъ Анаксарха и Павзанію однимъ лицомъ, *Ἀναξαρχὸς ἑ καὶ Πάυσανίας* = Анаксархт, онъ же и Павзанія (Ps.-Call. I, 24. Müller *xxj*); но очевидно, что это соединеніе чисто вымышленное и поддѣльное. Въ Латинской исторіи de preliis в у Юлія Валерія названъ только Павзанія; въ нашихъ редакціяхъ помѣщены оба разсказа, т. е. Павзанія и Анаксархъ раздѣляются, и потому необходимо предположить два независимые перевода, въ основаніи которыхъ были Греческіе списки, въ этомъ случаѣ несходные. Совмѣстное существованіе обоихъ разсказовъ въ одномъ текствѣ не имѣло бы никакого смысла. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Александрія прибавлена къ Болгарскому переводу Маламы, и что языкъ ея въ этой редакціи носитъ скорѣе Болгарскіе, нежели Сербскіе признаки, то существованіе двухъ разныхъ переводовъ, Болгарскаго и Сербскаго, которыми воспользовались Русскіе передѣльщики, становится внѣ всякаго сомнѣнія. Быть можетъ, переводы сдѣланы были и не одинъ разъ, но полного опредѣленія ихъ отличій можно достигнуть только сравненіемъ многихъ списковъ. Подобные варианты встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Александрии, напр. въ описаніи похода въ Пелу Олимпійскую, Италію и западную Европу, знакомства Александра съ Рахманами и пр., и наши редакціи важны особенно тѣмъ, что многие варианты ихъ неизвѣстны изъ Греческихъ списковъ и могутъ служить имъ дополненіемъ. Для опредѣленія Славянскихъ редакцій «Александрии» особенно необходимо обратить вниманіе на древній переводъ Амартола, въ которомъ сказанія объ Александрѣ, принадлежащія псевдо-Каллисмену, также нашли себѣ мѣсто; къ сожалѣнію, мы не имѣли случая пользоваться рукописями Амартола

Сказанія объ Александрѣ или вносимы были въ хронографы, гдѣ помѣщались по хронологическому порядку событій, или встрѣчаются въ сборникахъ и отдельныхъ рукописяхъ. Въ каждомъ значительномъ собраніи рукописей находится по нѣскольку списковъ исторіи; иные изъ нихъ написаны очень щедроголемато, украшены вышетами и картинами. Въ Греческихъ кодексахъ исторія называется Βιβλίος Ἀλεξάνδρου, какъ выше «книги Олександра», Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πράξεις, Καλλιστένης ἱστορίαι Ἀλεξάνδρου πράξεις и т. п.; у насъ она имѣетъ обыкновенно два отдельныхъ заглавія и родъ введения, котораго недостаетъ въ Греческихъ спискахъ Мюллера; и тои другое приведено Востоковымъ въ описаніи Руминовскихъ текстовъ. Въ Сербской рукописи, Румун. . F^o 175, исторія озаглавлена — «житіе и последованіе достопамятнѣмъ члкомъ и воинномъ оустрамяющимсе на брани, еже ѿбо чтити и разумѣти и слышати блженнаго мужа пра Александрѣ, како воєва и како правасе пра въсей земли подсолучной. Начнемъ ѿже ѿ рожденія и ѿ смерти его», начин. «бысть великой премудрости и храбрости и крѣпости ствердившихсе» и пр. см. Оп. Р. Муз. 217). За предисловіемъ слѣдуетъ: «начнемъ ѿбо ѿ рожденія Александрова», начин. «говоре сѣи Филиповъ бити емъ, но не бди то, но Нектевана sic пра Египтского сѣи естѣ», какъ у псевдо-Каллисена: Ἀπατώνται γὰρ πολλοὶ λέγοντες εἶναι αὐτὸν Φιλίππου τοῦ βασιλέως υἱὸν ἕπερ οὐκ ἀληθές, ἀλλὰ τοῦ Νεκταναβῶ κ. τ. λ. Въ Русскихъ спискахъ заглавія приводятся нѣсколько иначе: въ Толстовской рукописи Отд. I, . F^o 34 (по описанію, сост. Калайдовичемъ и Строевымъ М. 1825), означенной въ каталогѣ Публичной Библиотеки въ Отд. XVII. F. . F^o 8, написанной красивымъ полууставомъ XVII вѣка и украшенной почти 350 картинами, въ началѣ прибавлена особая статья, «слово сказательно о величїемъ Іеремїи пророкѣ, о кончинѣ его и о принесенїи мощей его царемъ Александромъ Макидонскимъ отъ Египта въ Александрію» — имѣющая отношеніе къ самой исторіи; дальѣ, л. 7 «Книга, глаголемая Александря, полезно и честно слышати добродѣтельнаго мужа Александрѣ великаго Макидонскаго царя, и како и откуда бысть и..... докомѣ приде; сихъ ради добродѣтелей всей подсолучной царь и самодержецъ правася; подобаетъ же сего чтучи ра-

зумки, и разумьющимъ сего воиствомъ и добродѣтелемъ уи добитиемъ» и пр.; затѣмъ предисловіе, — нач. «бысть великѣ божіе промышленіе» и пр., — заключающее похвалу Александру Македонскому, и наконецъ новое заглавіе, «Сказаніе и хоженіе славнаго царя Александра великѣи Македоніи, наказаніе хрибрымъ людемъ нынѣшняго времени, чюдно и полезно слышатъ аще кто хоцеть послушати, повѣсть творимъ о рожденіи и храбрости его,» начин. «слава бо его быти сына царя Филиппа, исть то тако, но ложь» и пр. (ер. Ps.-Call. I, 1.). Эти заглавія варьируются въ большей части полныхъ списковъ Александриі (ер. Опис. Р. Муз. 755.). Карамзинъ приводитъ списокъ Александриі, занесенный въ Синод. Псковскую летопись, гдѣ исторія названа такъ: «повѣсть о храбрости Александра, царя Македонскаго, къ воиствомъ устремляющимся полезно естъ слышати— створившій естъ *Arianus*, ученикъ Епиктета философа» (Кар. 5, пр. 427, но имя Арріана поставлено здѣсь по ошибкѣ оно взято изъ самой исторіи, гдѣ имя Арріана упомянуто такъ какъ въ Греческомъ текстѣ (Op. P. Муз. 756. Ps.-Call. p. 106). Въ началѣ или серединѣ исторіи у насъ прибавляется родословная царей, предшественниковъ Александра на Персидскомъ престолѣ; эта генеалогія взята изъ Византійскихъ хронографовъ. Собственныя имена очень испорчены: «Даріи Арсумуянинъ» Румянц. хронографа № 456 есть конечно *Δαρειος ὁ Ἀσραδαίος* Византійцевъ, напр. Маламы р. 193; Ксерксъ передѣлывается въ Криса или Криса и т. п.

Укажемъ нѣкоторые списки Александриі въ отдѣльныхъ рукописяхъ и сборникахъ, не называя тѣхъ, какіе помѣщены во множествѣ хронографовъ.

— Миклошичъ упоминаеть Сербскую рукопись Александриі XVI вѣка (см. Vergleich. Gram. d. Slav. Spr. I, xij) Шафарикъ называетъ Сербскую рукопись 1719 г. (Wiener Jahrb. d. Liter. 1831, Bd. 53, Anz. Bl. 49).

— Тотъ же списокъ XVII вѣка, въ сборникахъ, полные и сокращенные, которые озаглавливаются «избраніе отъ хоженія Александра царя Македонскаго» — Отд. 2, № 101 и катал. Публ. б-ки Отд. XVII. Q. I, № 65, л. 243 — 314; — 5175 Публ. б-ки XVII. Q. 18, л. 517 — 539, — 2, 187, л. 1 —

229; — 2, 215 Публ. 6-ки XVII. Q. 27. л. 202 — 300. — 2, 366 Публ. 6-ки XV. Q. 13 рукопись на 168 л. — 1, 110 история Александра и другие отрывки, на Белорусском наречии, и др.

— Публ. 6-ки XVII. O. 12 сборник XVII вѣка, сѣв. на л. 68 — 119 повесть царя Александра Македонскаго Храброго.

— Царскаго . I^o 309 по каталогу, соет. Строевымъ. М. 1848) рисъ вѣроятно Александрѣ XVIII вѣка съ картинками на каждой страницѣ, на 140 л. — . I^o 438 съ неполным спискомъ л. 22 — 176; — . I^o 454 л. 88 — 242

— 6-ки Моск. Общ. Ист. и Древн. по описанію Стрѣва. М. 1845 . I^o 71 и 223 списки полнѣе.

— Списокъ Александрѣ XVII вѣка, внесенный въ Разрядную книгу, находится въ Парижской библиотекѣ; история Александра въ рукописи XVII вѣка, принадлежала Берлинской 6-кѣ, вѣроятно заключаетъ также псевдо-Каллисоена см. *С. Стрѣва*, Он. памяти, наход. въ Россіи, стр. 97, 124.

Въ рукописяхъ XVIII вѣка встрѣчается также история Александра, Квиша Курія, которую списывали съ печатнаго изданія, вышедшаго при Петрѣ В. напр. 6-ки М. Общ. . I^o 120 и друг. — Отрывокъ изъ Александрѣ о походѣ въ Индію и на востокъ разсказанъ былъ Подевымъ въ Моск. Телеграфѣ 1832. II, 374 — 390 и 24, 558 — 573, но безъ всякихъ объясненій.

Большая известность Александрѣ въ старинной Русской литературѣ прямо определяется большимъ количествомъ списковъ; извѣстность некоторыхъ рукописей истории показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Имя Александра было знакомо у насъ издавна; еще Даниилъ Заточникъ желаетъ своему князю «силу Самсонову, храбрость Александрову»; впрочемъ льтошисъ наша, приводитъ нѣсколько разъ извѣстное преданіе о нечестивыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, замѣствуетъ его не изъ псевдо-Каллисоена, но изъ другаго источника. Преданіе въ первый разъ примѣнено у Пестора къ Половцамъ; даѣе, разсказывалъ о дивномъ чудѣ въ землѣ Югры, льтошисъ думаетъ, что тамъ были «люде, заключени Александромъ Македонскимъ царемъ», потому что, разсказываетъ онъ сходно съ псевдо-Каллисоеномъ,

Александръ «взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоуѣкы нечистыя... то видѣвъ Александръ убоися, еда како умножатся и осквернятъ землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія, и Богу повелѣвшю, сеступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сеступишася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мѣдяна, и помазанася сунклитомъ, и аще хотѣтъ огнемъ взити, не възмогутъ ѿ жеци; вещь бо сунклитова сина есть: ни ошь можеть вакени его, ни желѣзо его приметъ; въ послѣдныя же дни... изидуть и си сквернии языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ». Наконецъ, это общепозвѣстное преданіе отнесли еще къ одному темному народу, Татарамъ; всѣ лѣтописи, говоря о первомъ ихъ нашествіи подъ 1223—24 год., упоминаютъ о нихъ одними словами. Мы видѣли, что псевдо-Каллисоевъ не забылъ этого преданія (Ps.-Call. p. 138—139; но лѣтописецъ нашъ заимствовалъ свой разсказъ у Меодія Патарскаго, который приводитъ его также обстоятельно см. Рус. Ист. Сб. 6, 154—156. Карамз. 2, пр. 64. Ps.-Call. p. 142—143. Меодій Патарскій взялъ его или изъ псевдо-Каллисоева или скорѣе слѣдовало здѣсь болѣе основному преданію, которое внесено было и въ исторію Александра; явнѣе о «нечистыхъ народахъ» имѣтъ обширную извѣстность, даже у Мухаммеданъ, относившихъ его къ національному герою, Дуль-Карненину, подвиги котораго смѣшивали съ подвигами Александра. Можно было бы ожидать, что лѣтописецъ нашъ, говоря о народахъ заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллисоева, если бы дѣйствительно Александрія наша была современна переводу Маламы, — потому что это преданіе очень тѣсно связано съ дѣяніями Александра; слѣдовательно, называя Меодія Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтеніе къ его авторитету, или же простое незнакоміе Александріи, которая въ то время еще не являлась въ Русской письменности. Такъ или иначе, но это примѣненіе разсказа о нечистыхъ народахъ къ событіямъ нашей исторіи, объясняется, почему Александрія могла найти сочувствіе у старинныхъ читателей: ея преданія касались того фантастическаго міра, въ которомъ искало себѣ нѣкии народное воображеніе. Наши читатели съ особеннымъ интересомъ слѣдили

за чудесными рассказами псевдо-Каллисоена и принимали на веру то, что говорили они о необыкновенных предметах, виданных Александром; потому в наших редакциях апохическая и историческая сторона истории занимает более видное место, чем в редакциях западных, или даже даже в Византийских текстах, которые планы Мюллера.

Общий характер наших передѣлокъ остался тотъ же, какъ въ ихъ источникѣ, т. е. Византийскія измѣненія истории привалялись и у насъ. Въ Греческихъ редакцияхъ, какъ и въ другихъ, забывалось историческое значеніе Александра; уже давно этотъ герой представленъ былъ въ новой обстановкѣ, принадлежавшей жизни и понятіямъ христіанскимъ. Какъ будто единственою враждою Грековъ съ ихъ вѣчными врагами на востокѣ, Александръ вооружается противъ народовъ *языческихъ*, дѣйствуетъ по высшимъ опредѣленіямъ, отличается уваженіемъ къ святынямъ, и смиренно признаетъ еуетность своей славы. Византийскія редакціи уже сильно проникнуты были этимъ элементомъ, такъ что нашимъ передѣльвателямъ псевдо-Каллисоена оставалось сохранить его Византийскіе оттѣлки, чтобы удовлетворить понятіямъ Русскихъ читателей. Правда, у насъ число вставокъ христіанскаго и баснословнаго характера значительнѣе и онѣ болѣе развиваютъ предметъ, чѣмъ изданные теперь Греческіе тексты, но этого нельзя приписывать только нашимъ передѣлкамъ; изданіе Мюллера, хотя и основано на позднихъ спискахъ, не волюнѣ однако выражаетъ Византийскій видъ псевдо-Каллисоена, явнѣ выступающій въ Русскомъ переводѣ. Въ этомъ послѣднемъ, напр., имя Александра соединено и съ преданіями объ основаніи Цариграда: мать Александра Олимпиада по смерти Филиппа вѣшла за царя Виза, отъ котораго Византія и получила свое названіе; въ другомъ случаѣ рассказывается, что по завоеваніи Рима и всей Европы, Александръ отправился въ морское путешествіе и поручилъ три тысячи людей возводить Византу; самъ царь основалъ при устьяхъ Нила городъ «во имя свое», Антиохъ построилъ Антихію, а Византъ прибылъ съ флотомъ своимъ «въ тишину Трахинекаго моря» и основалъ городъ Византію. Очевидно, что эта вставка, которой недостаетъ въ текстахъ Мюллера Ps.-Call. I, 31, 36, могла быть сочинена

только Византийцемъ, потому что для него только была интересна. Исторически известно, что Византия, хотя и соединенная съ именемъ Виза, основана еще въ половинѣ седьмаго вѣка до Р. Х., а съ Филиппомъ и Александромъ была въ постоянной враждѣ. Въ подобныхъ разсказахъ наши редакціи всего скорѣе могли передавать только то, что было въ нихъ подлинникъ. Александру постоянно приписываются христіанскія понятія; нередко онъ приноситъ молитвы Богу-Савалоу; его пребываніе въ Иерусалимѣ описывается съ любопытными подробностями. Въ послѣднемъ случаѣ некоторые списки Александрии представляютъ цѣлую статью о двѣнадцати камняхъ «спасе на соудѣ», принадлежащую Епифанію Кипрскому (περὶ τῶν δωδεκά λίθων); помѣщенные въ ней описанія камней и чудесныхъ свойствъ ихъ, получали видное мѣсто въ старинныхъ азбуковникахъ, откуда переходили и въ область народныхъ знаній и повѣрій. Бесѣды Александра съ разманами и главнымъ изъ мудреномъ, который названъ игуменомъ, отличаются у насъ аскетическимъ направлениемъ; странствія его къ чудесамъ природы были завлекательны по своей таинственности; встрѣча Александра съ Горгоніей напоминала читателямъ другія мистическія преданія; на дальнемъ востокѣ онъ доходилъ до рай и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же видѣлъ онъ и двухъ колоссальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди....

Но кромѣ отблговъ мистическихъ, сказанія объ Александрѣ давно уже принимали и историческія примѣненія. Желая осмыслить для себя походъ Александра въ Скиюю, Русскій, а можетъ быть и Болгарскій передѣлыватель исторій, называлъ Скиюю Куманами (Ps.-Call. 1, 23 not.); также переведено это имя и въ другихъ мѣстахъ — Куманы вступаютъ въ войско Александра и служатъ переводчиками (Ps.-Call. 1, 26 not.). Самъ Александръ въ древнѣйшихъ спискахъ назывался сыномъ «Поруна» великаго т. е. Юпитеръ Аммона; но рукописи XV-го вѣка, посланный Александра, Описикратъ, пришедши къ Дандамію, учителю разманъ, говоритъ ему: «радоуеся, учителю въразмановъ, съ бжін Пороуна велика, царь Александръ, еже естъ вѣрмъ чкомъ вл'ка, зоветь та» (Врем. 9, стр. хvi). Нетъ сомнѣнія, что подобныя замѣны могли быть сдѣланы только въ то время, когда

еще не были затеряны смыслъ этихъ древнихъ именъ: имя Куманъ уцѣлело и въ послѣдствіи, но уже требовало объясненія: новый передѣлыватель помогъ этому недостатку, назвавши царя Куманъ — Тактамышемъ (въ другихъ спискахъ — Алтамышъ, Атымышъ и пр.). Когда Тохтамышъ былъ убитъ въ сраженіи, Александръ поставилъ Куманамъ другаго царя, именемъ Тура, «малъ убо возрастомъ бѣше, но помысломъ и храбростію великъ». Замѣтимъ, что Греческій текстъ не называетъ Скиоскихъ царей: Латинская исторія de rellis — Юлій Валерій не упоминаетъ о Скиоскомъ походѣ. Другія подробности, вставленныя Русскими толкователями, иногда столько же замысловаты. Авторитетъ Александрии поддѣрживался тѣмъ, что многіе рассказы и преданія повторялись въ другихъ уважаемыхъ сочиненіяхъ, каковы статьи Меодія Натарскаго, Евсевія и др.: мѣстности, описанныя въ Александріи, отмѣнены были въ космографіяхъ, которыя упоминаютъ и «страну Муринскую», мнимую родину царицы Олимпиады, и стеклянныя горы подъ востокомъ солнца, куда доходилъ Александръ Македонскій, и Макаріиіскіе острова, гдѣ живутъ счастливые Рахмане, «патіе, подъ самымъ востокомъ солнца, — и царю себя имѣютъ, вѣруютъ же на небо къ Богу..... одѣваюца листвіемъ древянымъ, а питаются овоцемъ, и жены и дѣти имѣютъ, а ризь, и скота, и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же» Румянн. сборн. I' 380, л. 84 — 90. Александрія дополнялась иногда изъ постороннихъ источниковъ: такъ вѣроятно прибавлена первая статья въ Тотст. рукописи 1, 34: въ Румянн. спискѣ I' 456, на обор. л. 167 находится добъ пытная вставка — «иное *отъ писанія* о Рихманехъ». Мудрые отвѣты рахманъ на вопросы Александра перенесли читателей въ кругъ ихъ собственныхъ загадокъ: имя Рахманъ было вставлено даже въ народныя сказанія (Архивъ, Калач. 2, 2, 45); въ одной сказкѣ самому Александру приписывается изобрѣтеніе и первое разведеніе садовъ: въ другой разсказывается, какъ Александръ заключилъ въ горахъ Гога и Магога, и какъ они выйдутъ изъ горъ и опустошатъ землю (Kohl, Reis. in Südrussl. 1841. 1, 292: такимъ образомъ Александрія можетъ быть интересна и для изученія народныхъ преданій. Существенное значеніе ея состоитъ въ томъ, что она

была однимъ изъ главныхъ фактовъ того вліянія, какое имѣлъ свѣтскій отдѣлъ Греческой литературы на письменность южно-Славянскую, а чрезъ нее и на древне-Русскую словесность.

Меньшею известностью пользовались въ старину Троянскія сказанія, развившіяся особенно въ литературахъ Западной Европы, гдѣ они рано уже примкнули къ національнымъ преданіямъ. Такой примѣръ могутъ быть еще въ Энеидѣ Вергілія, которая мною о переселеніи Энея сваяла чужое произведеніе съ исторіей Рима; повѣіиіе народы точно также относили свое начало къ Троѣ и въ Греческихъ сказаньяхъ находили свою перубытнубую исторію. Укоренившееся мнѣіе, что новыя національности, по отношеніямъ политическимъ и образованію, составляютъ продолженіе древняго Греко-Римскаго міра, способствовало распространенію Троянскихъ сказаній, въ которыхъ такимъ блестящимъ образомъ выразилась его героическая сторона. Между всѣми классическими мѣстами, получившими сильное обращеніе въ средневѣковую эпоху, сказанія Троянскія и исторія Александра встрѣтили самое теплое участіе. Въ половинѣ и концѣ XI-го столѣтія были написаны леонинскія стихотворенія de excidio Trojae Бернардомъ Флѣри и Гильдебертомъ Турскимъ; во второй половинѣ XII-го явилась новая Илиада, а около 1161 года вышла знаменитая Histoire de la guerre de Troie сѣверно-Французскаго трувера Бенуа-де-Сен-Мора, сочиненіе котораго было существеннымъ, а въ некоторыхъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ для Шменскихъ поговѣй, передѣлавшихъ Троянскій мѣст. Гораздо рѣже воспользовались Троянскими сказаніями, чтобы объяснить происхожденіе разныхъ повѣіиіиныхъ народовъ отъ героевъ Троянскон исторіи.

Извѣстное мѣсто Платонской діалогон, гдѣ по поводу коварства Пислава діалогонсь восклицаетъ: «о мѣсть зла есть, яко же *Омиръ* мнеть, до обличеня сладка есть, обличена же зла есть: кто въ ней ходитъ, конень зоть приметь» (Плат. 173) — мѣсто, которое могло бы подать поводъ къ заключенію обѣ известности у насъ Гомера, теряетъ свой авторитетъ уже потому, что такого изрѣченія нѣтъ въ текствѣ Илиады и Одиссеи. Это заключеніе было бы невозможно и въ случаѣ достоверности изрѣченія, потому что главными источниками подобнаго из-

татъ у нашихъ летописцевъ и старинныхъ писателей служили сочиненія духовныхъ писателей или гимническіе сборники въ родѣ Пчелы. Не говоря теперь о мѣлнн кн. П. П. Вяземскаго, который открываетъ тѣсную связь между Словомъ о Полку Игоревѣ и гомерическими сказаніями о Трои, замѣтимъ только, что извѣстность Гомера въ средніе вѣка ограничивалась немногими Византійскими учеными, которые занимались объясненіемъ текста, а вмѣсто Гомера получили большой авторитетъ позднѣйшія, иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, которыя въ одной передѣлкѣ дошли и до Русской литературы. Стараясь схватить одну вышность въ содержаніи Троянскихъ сказаній, средневѣковые писатели всего охотнѣе обращались къ повѣйшимъ баснословнымъ сочиненіямъ; если они не дорожили и Энеидой, то Гомеръ былъ извѣстенъ только по имени. Содержаніе гомерическаго эпоса было такъ многозначительно, что уже древняя литература представила многія дополненія къ нему, порожденныя желаніемъ округлить эту великолѣпную исторію; такъ Гомеръ дополненъ былъ посредствомъ Κῆρυξ ἔπη , Илиадъ преднослали какъ введеніе новой поэмы, начинавшаго съ путешествія Аргонавтовъ; послѣ смерти Гектора, описывались битвы Грековъ съ Амазонками, Эоіонами, и окончательное разрушеніе Трои; Киклады рассказывали о возвращеніи Греческихъ героев въ отечество. Римская литература съ своей стороны принесла обильную дань Гомеру въ поэтическихъ и ученыхъ произведеніяхъ. Въ средніе вѣка, когда вопросъ касался Троянскихъ сказаній, древніе писатели уступали первенство Дарету и Диктису. Даретъ (Dares), которому приписывали очень извѣстную въ средніе вѣка исторію паденія Трои, упоминается въ Илиадѣ 5. 9. 10, какъ Троянскій жрецъ бога Пфеста. Эліанъ и другіе писатели положительно увѣряютъ, что знали Фригійскую Илиаду Дарета, подъ которой надобно понимать какое нибудь подложное Греческое сочиненіе. Незвѣстный писатель времени Константина воспользовался преданіемъ и составилъ книгу de excidio Trojae; Латинскій переводъ приписать былъ Корнелію Непоту, который въ приложенномъ къ книгѣ, и также подложномъ, письмѣ къ Саллюстію рассказываетъ, что нашелъ рукопись, писанную са-

шимъ Даретомъ, въ Аониахъ, гдѣ зтоя послѣдній похлловался
було бы гораздо болышимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Гомеръ.
Предполагаемое сочиненіе Дарета сдѣлалось въ средніе вѣка
однимъ изъ главныхъ источниковъ Троянскихъ сказаній, и было
напечатано въ первой разѣ s. l. et a. (1470) въ Кельнѣ. Дума-
ють однако, что извѣстная теперь Даретова исторія не была
переводомъ Греческой поэмы, упомянутой Эліаномъ, а скорѣ
сокращеніемъ болѣе обширнаго произведенія; но пол-
ный Даретъ былъ безъ сомнѣнія извѣстенъ въ средніе вѣка,
потому что западная Илиада, вѣрныя вообще Дарету, иногда
отличаются отъ него болышими подробностями, которыя трудно
объяснить изъ другаго источника; и одинъ изъ знаменитѣйшихъ
передъдѣвателей Троянскихъ сказаній, Гвидонъ де-Колумна,
нерѣдко приводитъ цитаты изъ Дарета, не находящіяся въ из-
вѣстномъ теперь сокращеніи. Сочиненіе, приписанное Диктису,
въ такой же степени недостоверно: въ предисловіи книги раз-
сказывается, что Диктисъ, изъ острова Крита, извѣстный спут-
никъ Цюменей, составилъ дневникъ Троянской войны; сочине-
ніе долго оставалось въ неизвѣстности; наконецъ при Перонѣ
землетрясеніе въ Критскомъ городѣ Гноссъ, гдѣ погребенъ
былъ Диктисъ, открыло могилу его, и пастухи увидѣли въ ней
оловянный ящикъ, заключавшій въ себѣ твореніе Диктиса;
Грекъ Эвиракендъ представилъ сочиненіе Перону. Далѣе Кв.
Септимій, предполагаемый авторъ Латинской обработки, отно-
симой къ началу IV-го вѣка по Р. Х., извѣщаетъ, что онъ пере-
велъ эту книгу, въ которой Эвиракендъ замѣнилъ только нуни-
ческія буквы подлинной рукописи буквами Греческаго алфавита.
Первое изданіе Диктиса сдѣлано было въ 1477 г. въ Миланѣ.
Различныя мнѣнія ученыхъ по этому предмету собраны въ изда-
ніи Смидеа Amstel. 1702: несомнѣнные гречизмы въ языкѣ,
обнаруженные Перизоніемъ, показываютъ, что Латинскій Дик-
тисъ дѣйствительно былъ переведенъ съ потеряннаго теперь
Греческаго подлинника; сочиненіе, обвиняющее исторію войны и
судьбу Греческихъ героев по возвращеніи изъ-подъ Трои, осно-
вано по преимуществу на Илиадѣ и обширнѣе книги Дарета.
Если бы эта послѣдняя и прежде была извѣстна въ своемъ ко-
роткомъ видѣ, то безъ сомнѣнія Диктисъ былъ бы предпочтенъ

какъ источникъ подлинный: между тѣмъ на дѣлѣ было не такъ. Диктисомъ воспользовались только въ концѣ его сказаній, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ болѣе неудовлетворителенъ.

Существованіе Греческаго сочиненія съ именемъ Диктиса подтверждается свидѣтельствомъ Вилантіина Малака, который повторяетъ исторію объ открытіи его творенія при Персѣ (р. 250); разные отрывки Диктиса сохранились и въ дѣловомъ Келрина. Малака въ приближеніи Троійскихъ сказаній не разъ ссылается на то, *κατὸς ὃ σαφώτατος Δίκτης ὃ ἐκ τῆς Κρήτης ὑπὲρ ἁμαρτίας* (р. 107); такъ, говоря о Поликсенѣ, о Циркѣ (р. 119), рассказывая о томъ, какъ Одиссей послѣ кораблекрушенія бѣгалъ възвѣчь Финикіянами и отправленъ Идоменеемъ въ Итаку (р. 122), о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои (р. 132), объ Агастѣ, Орестѣ и Клитемнестрѣ (р. 135). Малака постоянно указываетъ свой источникъ въ сочиненіи Диктиса, по которому вообще передаетъ исторію Троійской войны (р. 107). Переводъ этого извѣствованія Малака, принадлежавшій X-му столѣтію, есть вѣроятно древнѣйшій рассказъ о Троійскихъ событіяхъ, какой узнали Русскіе читатели: следовательно извѣстность Диктиса дошла и до нашей древней словесности. Въ упомянутомъ архивномъ спискѣ Малака XV-го вѣка, Троійская исторія помѣщена вѣдѣ за книгою Руонъ, съ особеннымъ заглавіемъ, неправильно къ ней отнесеннымъ: «Врем. 9, стр. xxjx, нач. «Въ дѣло же Давида царствова въ Царствѣ, сврѣчь въ Фругійстей странѣ, Принимъ, сынъ Лаомедонтовъ» и пр. Mal. р. 91. *Ἐν δὲ τοῖς χρόνοις τοῦ Δαβὶδ ἐβασίλευσε τοῦ Ἰλίου ἦτοι τῆς Φρυγίᾶν γῶραι. Πρωταρχος υἱὸς Λαομέδοντος...* Какъ во всемъ переводѣ, такъ и въ этомъ рассказѣ старо-Славянское чтеніе перѣдко полнѣе извѣстнаго Греческаго подлинника, какъ легко видѣть, сравнивъ издашійся Калайдовичемъ отрывокъ (I. Дж. Б. 178 — 188) съ соответственнымъ Греческимъ текстомъ.

Любопытное другое сказаніе, древній списокъ котораго относится къ половинѣ XIV-го столѣтія. Это «сказаніе о извѣствованіи» вещей — ежѣ о крадѣхъ прича и о развѣдѣ и прибаваніи, помѣщенный въ Ватиканскомъ спискѣ перевода Малака (On P. Муз. 385, f. 269), причѣмъ недостаетъ въ Царіградскомъ спискѣ, который писанъ въ 1345 г. и дорочно истребленъ предѣ

Ватиканскаго. Переводъ стихотворнаго хронографа Манассинъ относятъ къ XIV-му вѣку (*Билгирскій*, О ср.-Болг. вокал. 5—6); названная повесть помѣщена въ Ватиканскомъ спискѣ тотчасъ послѣ разказа о Троицкой войнѣ самаго Манассинъ, но къ сожальнію Румлицъ копія Ватиканской рукописи прерывается на началѣ этого любопытнаго произведенія. Востоковъ называетъ его народною сказкой и говоритъ, что оно писано на простомъ Болгарскомъ или Сербскомъ нарѣчій XIV-го вѣка, которое значительно разнится отъ языка въ переводѣ Манассинъ. Повесть начинается описаніемъ Троицкой мѣстности, затѣмъ идетъ родословіе Троянскихъ царей до Пріама, разсказывается соупъ Гекубы и рожденіе Париса; исторія останавливается на его подвигахъ. Первымъ основателемъ Трои названъ «Пришельцъ кралъ» или, быть можетъ по ошчкѣ, «Придешень кралъ»; трудно сказать, кого понималъ сочинитель подъ этимъ именемъ; по мнѣнію Востокова, оно могло быть Славянскимъ и составлено также, какъ слово *оушидь* или *оушедь*, въ смыслѣ бѣглеца, въ Сборникѣ 1073 г. Троянскіе цари приведены въ такомъ порядкѣ: Оилоуша Hus, Ламедонъ или Ламелонъ Lamedon, Шарикоуша Assaracus, Дарданоуша Dardanus, Троилоуша или Троилоушъ Troilus, Прѣмоушъ или Прѣмоуша Priamus; впрочемъ порядокъ невѣренъ. Другіе собственные имена передѣланы въ томъ же родѣ, напр. Кашантоуша рѣка Xanthus и пр. вездѣ буква *x* замѣняется посредствомъ *ш*, а въ имени Париса и *ps*; Парискѣ; по мнѣнію Востокова, это обнаруживаетъ Латинскій или вообще западный источникъ, которымъ руководствовался авторъ сказочникъ; имя Пріамовой жены, Такоуна, ближе къ Латинскому Песуба, нежели къ Греч. Ἐζέζα, и «Девочка борща», не позванная на бракъ Пелея, также есть Lat. Discordia.

Въ сокращеніи, эта повесть, вмѣстѣ съ хронографомъ Манассинъ, вошла и въ позднѣйшіе хронографы. Въ Румлицъ хронографѣ № 454 она помѣщена 106-ю главой, подъ названіемъ «оувѣсть о созданіи и поплѣщеніи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ Иудействѣмъ», нач. «быше въ первая времена царь ивѣкій именованъ Придешень» и пр. Разсказъ идетъ въ томъ же порядкѣ: царица Якама (Такоуна, Песуба) не хотѣла умертвить сына, какъ велѣлъ ей Пріамъ, и бросила

его вдали отъ города; пастырь овцѣй найдетъ ребенка, и онъ
стать отъ того назывался Фариаъ Пастыревичъ; рѣшая споръ
между тремя женами «пророчицами», Фариаъ присудилъ золо-
тое яблоко «Венуши госпожѣ», которая за это открыла Фариаку
его происхождение, и онъ возвратился къ отцу и пр. Имена
остальныхъ героев или странно переданы или замѣнены
Славянскими: Улиссъ называется Ур-канишъ, но Диана — Рель-
шою, Пенелопія — Целланю. Любопытно, что въ постройку го-
рода Пріаму помогаютъ «два дѣвола землию», подъ которыми
разумѣются Тебушъ Phoebus, и Пентенабушъ Neptunus. См. Р.
М. 743. Подлиннѣе Русскіе тексты очевидно сохраняютъ мно-
гіе слѣды древняго южно-Славянскаго «длинника». Происхо-
ждение этой повѣсти довольно темно: въ содержаніи ея нѣтъ
особенныхъ разпорѣчій съ извѣстными фактами; нѣтъ и націо-
нальныхъ примѣненій, кромѣ нѣсколькихъ неологизмовъ. Но
она важна, какъ любопытный памятникъ старинной литерату-
рной дѣятельности: безъ сомнѣнія она была не переводомъ, а
самостоятельнымъ пересказомъ Троинской исторіи, сдѣланнымъ
на основаніи Латинскаго или вообще западнаго источника; воз-
можности такого замѣтованія нельзя отвергать уже и потому,
что до сихъ поръ отношенія древней письменности Болгарской
извѣстны очень мало, а старинная формація собственныхъ именъ,
напр. Фариаъ вмѣсто Парисъ, Подимшешеръ вмѣсто Подимше-
сторъ и т. п. не встрѣчается въ извѣстныхъ переводахъ съ Гре-
ческаго, и едва ли не показывается вліяніе народной рѣчи. Въ
старо-Славянской литературѣ могла отчасти проявиться такая
любовь къ Троинскимъ сказаніямъ, какая была господствующею
на Западѣ; тамъ, какъ мы замѣтили, съ этимъ превращеніемъ
соединились и движенія народнаго самолюбія — писатели и
поэты среднихъ вѣковъ хотѣли въ Грекахъ и Троинцахъ видѣть
родоначальниковъ своего племени. Григорій Туретій, Фрете-
гартъ и другіе историки, Неманъ Kaisersteinick производятъ
Франковъ отъ Троинъ; Юриандъ производитъ отъ нихъ Готтовъ,
въ Эддѣ потомками Троинъ считаются Дитляне; генеалогія
Англійскихъ королей точно также была доведена до Троинскихъ
визисовъ. Даже въ чисто-національныхъ сказаніяхъ вѣровны
были герои Гречески и Троинскіе — и въ отъ нихъ происходи-

ше, напр. въ Пибелунгахъ, Вальтеръ Аквитанскомъ, въ сѣверныхъ сагахъ. Имя Троишь и Энея имѣю свою прелесть и для Славянскихъ писателей: извѣстны баснословныя генеалогіи Польскихъ Летописцевъ, по которымъ чистые Славяне оказывались потомками Римлянъ; для многихъ Греческихъ писателей Болгаре были прямыми наследниками Оракіицевъ и Неоповъ; такъ и Болгарскій переводчикъ Маламъ замѣтилъ: «снѣ Ахилеусъ имыи воя своя, иже нарицахуся тогда Муръмедонесъ, сынъ Болгаре», представляя предковъ участниками Троиской борьбы.

О Даретѣ и Диктисѣ см. *Grüsse, Lehrbuch einer allge. Literär-Gesch.* Dresd. u. Leipz. 1837—1854. I, 1256—57; — *J. Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen*, übers. v. Liebrecht. Berlin 1851, 178—179; — *Cholerius, Gesch. der deutschen Poësie nach ihren antiken Elementen.* Leipz. 1854. 109 ff. Новѣйшее изданіе Дарета и Диктиса гес. А. Dederich, Bonn 1835.

Рукописи повѣсти о Троискомъ созданіи и похищеніи встрѣчаются безпрестанно въ хронографахъ, напр. Румянц. № 456, полууст. XVII в. л. 198—202 — повѣсть о созданіи и хищеніи Троискомъ и о конечномъ разореніи еяе бысть при Давидъ царѣ Иудейскомъ, начин. обане въ первая времена царь и кнѣи именемъ Придешъ и пр. въ скорописномъ хронографѣ XVII в. № 459 л. 7—17 и пр.: мы пользовались третьимъ спискомъ, въ полной рукописи хронографа, принадлежащей г. О. XVII вѣка. — Списки встрѣчаются и въ сборникахъ, напр. Толст. 2. 104, или по каталогу Публ. б-ни XVII. Q. 65 изъ XVII вѣка. л. 314—337 съ тѣмъ же заглавіемъ, и друг.

Въ сборникахъ и хронографахъ XVII столѣтія встрѣчается и Русскій переводъ знаменитой Троиской исторіи Гвидона де-Колумны. Основнымъ источникомъ ея были Даретъ и Диктисъ; ими пользовался еще прежде Бенуа де-Сенъ-Моръ; Англійскій монахъ Іосифъ Iscanus или Devonius, который ѣздилъ на востокъ съ Ричардомъ Левиное-Сердце и восписать его подвиги въ «Антиохидѣ», написалъ гекзаметрами *I. sex de bello Trojano*, по Дарету; трудъ Гвидона былъ новой самостоятельной вариантаціей этого содержанія, и по своей славѣ съ другими обработками Троискихъ сказаній играть важную роль въ ихъ исторіи. Гвидо де-Колумна или Колонна былъ родомъ изъ Мессины; въ

1262—1272 г. онъ предпринялъ свой трудъ по просьбѣ архіепископа Салернского, но въ 1273 отправился съ королемъ Эдуардомъ, возвращавшимся изъ крестоваго похода, въ Англїю, гдѣ составилъ нѣсколько, впрочемъ неизвѣстныхъ, сочиненій объ Англійской исторіи; воротившись года черезъ три въ Мессину, онъ снова принялся за свою работу и окончилъ ее въ 1287 г. Сочиненіе въ большей части манускриптовъ называется *Historia de bello Trojano*, и начинается съ похода Аргонавтовъ и пераго разрушенія Лаомедонтова города Язономъ и Геркулесомъ. Новая Трои, основанная Пріамомъ, была осаждена десять лѣтъ и наконецъ предана Антеноромъ и Энеемъ, которые указали Грекамъ средство ввести въ городъ роковаго коня; затѣмъ разсказаны приключенія Греческихъ героев по возвращеніи изъ подъ Трои. Какъ вообще въ среднѣ вѣка пренебрегали Гомеромъ, едва зная его по имени, такъ и Гвидонъ объясняетъ въ предисловіи, что не пользовался Гомеромъ, который хотя и славился въ свое время у Грековъ *suis diebus maxima auctoritatis* *Homerus apud Graecos*, но скрылъ настоящую истину событія, выдумывая чего не было и передавая иначе то, что было, — потому что, продолжаетъ онъ, Гомеръ сводитъ языческихъ боговъ, которые будто бы сражались въ битвахъ, какъ живые люди. Чтобы избѣжать неправдоподобности и представить разсказъ о войнѣ безъ должныхъ прибавленій — «особенно для тѣхъ, кто занимается грамматикой», — Гвидонъ обратился къ Дарету и Диктису, какъ очевидцамъ и несомнѣннымъ историкамъ Троянской осады. Вергилій и Овидій подверглись тому же невзыскательному отзыву. Несмотря на то, мнимая достоверность не помѣшала Гвидону обогатить свою исторію богатыми украшениями романтическаго эпоса. Средневѣковые поэты вообще получали готовые факты у Дарета и Диктиса, но передавали ихъ такъ, какъ они представлялись имъ собственной фантазіи. Гвидонъ меньше другихъ увлекался желаніемъ изукрасить описываемыя событія, тѣмъ не менѣе у него Троянская война получила характеръ романтической: Ахиллесъ и Гекторъ изображены совершенными палачами; Пеліонскія стѣны построены изъ мрамора, и дворецъ Пріама великолѣпнѣе, какъ волшебныя замки рыцарскихъ романовъ.

Изложение Гвидона имѣть вообще свои достоинства; онъ не столько, какъ другіе, поражаетъ анахронизмами и ошибками географическими, старается о группировкѣ событій и последовательности разсказа, который постоянно снабжаетъ нравственными замѣчаніями. Онъ разсуждаетъ о легкомыслии женщины, объ испорченности жрецовъ, вѣтренности молодежи въ танцахъ и пр. Все сочиненіе приводится къ мысли, что величайшія событій часто бывають вызваны незначительными случаями, и что по этому влстители должны умѣрить порывы своего характера и страстей. Лаомедонтъ оскорбилъ Аргонавтовъ, и за этимъ последовало разрушеніе первой Трои и похищеніе Гелены; когда Пріамъ требовалъ назадъ свою сестру, отказъ Грековъ подалъ поводъ къ похищенію Елены; эта неважность повода величайшіе перевороты: разрушеніе прекраснаго города, смерть тысячи людей и бѣдствіе вдовъ и сиротъ. Изъ этого несчастія произошли однако благотворныя плоды, потому что далекія страны были заселены Троянскими выходцами: Бругъ отправился въ Британію, Франкъ во Францію, Антеноръ въ Венецію, Сиванъ или Сиккуль въ Сицилію и Тусцію, Эней основался въ Италіи и пр. Троянская война изображается у Гвидона и современныхъ ему поэтовъ, какъ и было переселеніе народовъ, и была не только споромъ Греціи и Трои, но и борьбою частей свѣта, потому что за Грековъ стоитъ все Европа и Африка, сторону Пріама вела Азія. Уже Гвидонъ упоминаетъ о Персахъ и Кароагенинахъ; его Троя, съ высокими стѣнами, величественными дворцами и башнями, кажется вторымъ Константинополемъ и служить представительницею всей Азіи. Какъ далеко занло наковецъ это возвеличеніе Троянской войны, можно видѣть изъ поэмы Конрада Вюрцбургскаго, Немецкаго поэта XIII вѣка; онъ пересчитываетъ при этомъ случаѣ, что на Троянское побоище выставили свои войска также Венгрія, Россія, Данія, Англія, Норвегія, Испанія и пр., а Немекіе рыцари, какъ и слѣдуетъ оказывать, одержали тамъ верхъ надъ всеми другими. Замѣтимъ еще странное проишеденіе, написанное въ XV столѣтіи по поводу влітія Константинополя Турками: *Florentini Turonensis Carmen de destructione Constantinopolitana s. de ultione Trojanorum contra Graecos* Paris. s. a. — 1496, гдѣ, какъ видно изъ заглавія, не-

наветь Турокъ противъ Грековъ объясняется какъ продолженіе вражды Троянской. Другое объясненіе сдѣлано было въ Русской повѣсти XV вѣка о солданѣ и вѣжѣ Царяграда: говоря о Троедѣ, гдѣ Константинъ хотѣлъ прежде основать свою столицу, и гдѣ «всемірная побѣда была Грекомъ надъ Фригъ», авторъ ея думаетъ о битвѣ Троянской, и случайно или съ намѣреніемъ смѣшавъ Фригъ-Латинцевъ съ Фригами-Троянами (Средневѣковаго, Нов. о Царегр. 28), считая Грековъ побѣдителями тѣхъ и другихъ: это недоразумѣніе очень любопытно.

Сочиненіе Гвидона Мессинскаго скоро разошлось по всей Западной Европѣ. Латинскій подлинникъ его издавъ былъ въ первый разъ s. l. et a., а по Брюне первымъ изданіемъ была *Historia Trojana prosaice composita*, Col. 1477. Прежде всего явилось нѣсколько Итальянскихъ переводовъ, въ первой половинѣ XIV вѣка: одинъ изъ нихъ напечатанъ 1481 г. въ Венеціи. Французскій переводъ *La destruction de Troie* вышелъ также очень давно; Испанскій въ Толедо 1512. Краткое переложеніе въ Мемль 1587. Нѣмецкое изданіе *Nie vahet sich an die kostlich hystori die da sagt von der erstörung der edeln auch allergrösten statt Troia. wöliche Hystori gründtlich beschrieben haben die hochgelehrten meyster, herr Dares von Troya, auch herr Numerus von Kriechen vnd ander meyster*, — напечатанное s. l. et a., относится къ 1474 г. (Augsb.), а самый переводъ къ концу XIV вѣка; въ 1479 г. вышло Голландское изданіе. Однимъ изъ самыхъ старыхъ изданій книги Гвидона было Чешское: переводъ относится къ началу XV вѣка, и книга напечатана, вѣроятно въ Пльзень, вскоре по изобрѣтеніи книгопечатанія: Добрѣнскій относитъ ее къ 1476 г., считая упомянутый въ ней 1468 г. временемъ оригинальной рукописи (*Gesch. der Bohm. Spr. 155, 309*; однако Юнгманъ и другіе оспариваютъ это мнѣніе и полагаютъ 1468 годомъ изданія *Jungmann, Hist. 65—66*); въ 1488 появилось уже второе Чешское изданіе Троянской исторіи. Существовалъ ли полный переводъ Гвидона на Польскомъ языкѣ, трудно сказать положительно; сокращеніе его книги приведено въ хроникѣ Бѣльскаго.

Русскій переводъ конечно не древнѣ XVII вѣка, какъ можно судить изъ языка и изъ того, что повѣсть не встречается рань-

ше этого времени; къ тому же заключенію приводитъ и значительная безцѣлность перевода, какую вообще перѣдко можно найти въ литературѣ XVII столѣтія. Повѣсть замѣняетъ иногда въ хронографахъ упомянутую исторію «о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ»; такъ переводъ Гвидона помѣщенъ въ Румниц. хронографѣ XVII вѣка, № 457 л. 296 подъ заглавіемъ «повѣсть о црствѣ Тройскомъ и о конечномъ разореніи его, сие бысть во дни Деда прѣв; сначала вступленіе, за которымъ л. 297 начинается и самое сочиненіе «книга глглемъ Трои. о Пелте при Тесалинскомъ, како посла брата своего Едіона добыти златое рунъ и пр., въ 56 главахъ. Чертавыя названія главъ, Русскій писецъ или переводчикъ выразался, можетъ быть по привычкѣ, такимъ образомъ — «о силномъ прѣвѣ и хрѣбромъ витязѣ о Екторе, и колко Греческихъ црѣй оуби», что припоминало ему свои исторіи о хрѣбрыхъ витязяхъ и паревичахъ. Оп. Р. М. 763 . Въ другомъ Румниц. хронографѣ XVII в. № 458 Тройская исторія Колумны находится въ сокращеніи по хроникѣ Бильскаго: «о златомъ рунѣ волшебнаго овна», начин. «въ дѣло о Адама ꙗꙗꙗ при Авдонѣ судиѣ во Парали, црѣвовать на востокѣ Атанасъ царь» (Опис. 773 . Таже короткая редакція находится и въ другихъ хронографахъ, напр. Толст. 1.325, Публ. б-ки IV. Ф. 90, исторія о златомъ рунѣ волшебнаго овна помѣщена 24-ю главою сборника, и начинается тѣмъ же: «въ дѣло отъ Адама ꙗꙗꙗ при Авдонѣ судиѣ, вѣже во Парали, царьствовати на востокѣ Атанасъ царь, царину имѣя Певидію, и родила ему сына именемъ Фрика, да дщерь Елену — т. е. Геллу, — и та у него царина Певидіа умре, и потомъ взявъ другую жену» и пр. Второе отдѣленіе сокращенной редакціи озаглавлено здѣсь «о восхищеніи златого руна и о градѣ Мидій», далѣе «о брани Троянъ со Греки и о разореніи его сѣ и о Еркудесѣ хрѣбромъ и о дѣвнѣ и о змѣ»; наконецъ «о созданіи града Трои, по разореніи перваго града, и о конечномъ разореніи и оплѣненіи его при Давидѣ царѣ Иудейскѣмъ» начин. «по смерти же Давомедонна царя нача царьствовати въ Тройскомъ государствѣ сынъ его Пріамъ, и совѣдуя расколѣнныя грады сооружити» и пр.

Отдѣльно списки Гвидона встрѣчаются рѣдко. Въ Погодинскомъ сборникѣ сказаннаго состава, № 4772 по описи, при-

надлежало бы. Публичной б-к. на л. 1 — 96 находится эта Троицкая история подь заглавиемъ: сначала предисловію на историю разоренія Трои, списано судією Гвидономъ де Колумна Мессанціѣскимъ sic? , нѣтъ же первое писаніе о Веллѣ т. е. Веллѣ царі Геосомнекомъ sic приводима Азона да са помясть добыти златое руно» т. е. *Incipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem*, какъ начато первоначальное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помѣщенный здѣсь въ дурномъ спискѣ переводъ не соответствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подь руками (Argent. 1489), и много короче его. Главы Русскаго перевода послѣ заглавія плусть въ такомъ порядкѣ: л. 6 «о Медѣ, како любовію Азоповою уявилась», л. 10 «о Медицинѣ наказаніи Азона и о златорушной брани и о *ариссанти* на волна и на змѣю, дѣлаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «о наказаніи Медицинѣ ко Азону о златорушномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Азонъ приступи къ златому руно по наученію Медицинѣ», л. 18 «о разореніи первыя Троицкаго царства отъ Азона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златаго руна» и пр.: въ Латинскомъ оригиналѣ послѣ пролога слѣдуетъ 2-я глава — *Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum*, 3-я *de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis*, 4-я *de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit*, 5-я *de Medea instruente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis*, 6-я *qualiter Jason accessit ad aureum vellus*, 7-я *de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem* и т. д.

При Петрѣ В., который старался пріохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода перѣдко очень вѣрно угадывать вкусъ нашихъ читателей, Троицкая исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подь заглавиемъ: «исторія въ ней же писана, о разореніи града троїи Фрїѣйскаго царства, і о созданіи его і о великихъ опочителныхъ бранехъ, како ратоваша о ней царі і князѣ вселенныхъ, і что ради только і таковое царство троїцкихъ державцовъ нѣ-

вержеса, і въ подѣ зауветнійа положієн» и т. д. За тѣмъ въ заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фриію-Дарію, т. е. Диктису и Дарету, а Омръ, Виргилій и Овидій Соломенскій т. е. Sulmonensis отвергаются «многія бо въ нихъ несогласія і басні обрѣтошася». Далѣе — «напечатана же славенскіи повѣдніємъ царскаго Величества въ типографіи Московскоіи Для Господня 1709-го въ мѣсѣцъ Іюній, 8 479 стр. Слѣдующія изданія—1712, 1717, 1760... 1785, 1791, 1817—сдѣланы были почти безъ перемѣнъ, но въ послѣднихъ заглавіи вышесказалось короче. Количество изданій само говоритъ объ успѣхѣ книги; но кромѣ того она появилась и въ другомъ видѣ, именно въ переводѣ на Русскій языкъ, подъ названіемъ «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города Фриіискаго царства,—переведенная съ *Греческаго* на Славенскій языкъ, а шибъ съ онаго вновь переложенная на чистый Россійскій Иваномъ Михайловичемъ». М. 1791 — 92 и друг. Мы встрѣтимся еще разъ съ этимъ Михайловичемъ, передѣльвателемъ старинныхъ Славянскихъ произведеній. Въ эти изданія показываютъ обширную извѣстность книги, которая вѣроятно и до сихъ поръ услаждаеть досуги извѣстнаго разряда читателей.

Вообще о Гиндони де Колумна см. *Grässe*, Sagenkreise 116—120. — *Liebrecht's Dunlop* 179—180. — *Cholovius*, *Gesch. d. deutsch. Poes.* 101, 126 ff.; — *Brunet*, *Manuel du libraire et de l'amateur de livres*. Brux. 1838. 1.373—374.

— Особенную, не встрѣчающуюся намъ, Троицкую исторію указываетъ г. Строевъ въ б-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII вѣка, тоже б-кѣ, № 286 л. 266—320, глава 401 «повѣсть великии подвѣла и дивна и прѣзвѣща о Троицкомъ царствѣ», еже бѣ во Елишѣхъ, како создася и како разорися для прекраснаго царина Елены, въ двухъ частяхъ. — въ первой 6, во второй 53 главы; можетъ быть также исторія Гиндона.

— Въ рукописяхъ XVIII вѣка находятся и простые списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Т. е. — Тотт 5, 39 рукопись 1771 года. — Царскаго № 693. — Б-кѣ Моск. Общества № 88 списокъ 1743 г., сдѣланныи съ изданія 1717, и друг.

надеждамъ нашѣ Публичной б-кѣ, на л. 1 — 96 находится эта Троянская исторія подъ заглавiемъ: «стачало предисловіе на исторію разоренія Трои, списано судією Гвидономъ де Колумна Мессанійскимъ sic?», нашѣ же первое написаніе о Велѣи т. е. Пелѣи царя Теосомикомъ sic приводима Езона да ея поиметь добыти златое руно» т. е. *Incipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem*, какъ начато первопечатное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помѣщенный здѣсь въ дурномъ спискѣ переводъ не соответствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подъ руками (Argent. 1489), и много короче его. Главы Русскаго перевода послѣ заглавія идутъ въ такомъ порядкѣ: л. 6 «о Медѣ, како побовио Азопового уашише», л. 10 «о Мединице наказаніи Азона и о златорушной брани и о *привезеніи* на волны и на змѣю, дѣлаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «о наказаніи Мединице ко Азону о златорушномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Азонъ приступи къ златому руно по наученію Мединицу», л. 18 «о разореніи первые Троянскаго царства отъ Азона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златаго руна» и пр.: въ Латинскомъ оригиналѣ послѣ пролога слѣдуетъ 2-я глава — *Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum*, 3-я *de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis*, 4-я *de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit*, 5-я *de Medea instruente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis*, 6-я *qualiter Jason accessit ad aureum vellus*, 7-я *de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem* и т. д.

При Петрѣ В., который старался пріохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода перлѣко очень вѣрно угадывать вкусъ нашихъ читателей, Троянская исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подъ заглавiемъ: «исторія въ ней же писанъ, о разореніи града трої Фрѣйтскаго царства, і о созданіи его і о великихъ оиовѣдательныхъ бранехъ, како разговашася о ней царіе і князѣ вселенныхъ, і чего ради только і таковое царство троянскіхъ державцовъ піз-

вержеса, і въ поѣзанствіи полужіею» и т. д. За тѣмъ въ заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фригію-Дарію, т. е. Диктееу и Дарету, а Омирь, Виргилій и Овидій Соломенскій т. е. Sulmonensis отвергаются «многія бо въ нихъ несогласія і басні обрѣтошася». Далѣе — «напечатана же славенскіи повѣдніемъ царскаго Величества въ типографіи Московскоіи Дѣла Господня 1709-го въ мѣсѣцѣ Іюніи», 8—479 стр. Слѣдующія изданія — 1712, 1717, 1760... 1785, 1791, 1817 — сдѣланы были почти безъ перемѣнъ, но въ послѣднихъ заглавіе вышесказанное короче. Количество изданій само говоритъ объ успѣхѣ книги; но кромѣ того она появилась и въ другомъ видѣ, именно въ переводѣ на Русскій языкъ, подъ названіемъ «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города Фригійскаго царства, — переведенная съ *Греческаго* на Славенскій языкъ, а нынѣ съ онаго вновь переложенная на четвѣртой Россійскій Иваномъ Михайловичемъ». М. 1791 — 92 и друг. Мы встрѣтимся еще разъ съ этимъ Михайловичемъ, предѣльвателемъ старинныхъ Славенскихъ произведеній. Всѣ эти изданія показываютъ обширную извѣстность книги, которая вѣроятно и до сихъ поръ услаждаетъ досуги извѣстнаго разряда читателей.

Вообще о Гвидонѣ де-Бодуина см. *Grässe*, Sagenkreise 116—120. — *Liebrecht's* Dunlop 179—180. — *Cholevius*, Gesch. d. deutsch. Poes. 101, 126 ff. — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Brux. 1838. 1.373—374.

— Особенную, не встрѣчающуюся намъ, Троицкую исторію указываетъ г. Строевъ въ б-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII вѣка, тоже б-кѣ, № 286 л. 266—320, глава 401 сообщаетъ весьма полезныя и дивныя и пріятныя о Троицкомъ царствѣ, еже 6к во Елшихъ, како создася и како разорися для прекрасныя царьины Елены, въ двухъ частяхъ. — въ первой 6, во второй 33 главы; можетъ быть таже исторія Гвидона.

— Въ рукописяхъ XVIII вѣка находятся и другіе списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Т-кова — Точетъ 5, 39 рукопись 1771 года. — Царскаго, № 693, — Б-кѣ Моск. Общества № 88 списокъ 1743 г., сдѣланный съ изданія 1717, и друг.

II.

Синагриць, царь Адоровъ и Навискїа страна; или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ Тысячи и одной ночи. — Слово прекраснаго времени арабскаго человека. — Сказаніе о Индикомъ царствѣ и пресвитерѣ Иоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ.

Мы остановимся теперь на другихъ произведеніяхъ древняго періода, которыя принадлежатъ тому же Византійскому источнику, но отличаются отъ Александрий и сказаній Троицкихъ тѣмъ, что выходятъ изъ ряда историческихъ сюжетовъ и относятся уже чисто къ области фантазіи. Ихъ немного, но безъ сомнѣнія только потому, что немного сохранилось, а не потому, что столько же было ихъ и прежде. Это одни изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древней славянской литературы; несмотря на ихъ чужое происхожденіе, въ нихъ отразилось много той свѣжести, какая часто поражаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашихъ, и которая становится болѣе и болѣе рѣдкою въ книжныхъ произведеніяхъ поздней письменности. Одинъ изъ этихъ памятниковъ есть сказка изъ Тысячи и одной ночи въ древнемъ Русскомъ или вѣрнѣе южно-Славянскомъ переводѣ, которая занесена была между прочимъ въ замѣчательный сборникъ XIV или XV вѣка, сохранившій намъ Слово о полку Игоревѣ. Она помѣщена была въ сборникѣ четвертою статью, передъ самымъ Словомъ, и озаглавлена «Синагриць царь Адоровъ и Навискїа страна». Первый издатель Слова сообщилъ очень короткое повѣстїе о содержаніи рукописи; въ послѣдствіи, этотъ недостатокъ былъ нѣсколько исправленъ Карамзинымъ, который помѣстивъ немногіе отрывки изъ сборника въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи. Сборникъ принадлежитъ къ разряду хронографическихъ, и кромѣ того заключаетъ нѣсколько статей сказочнаго или чисто-литературнаго характера; легко оценить важность сборника, вспоминая, какъ вообще мало подобныхъ рукописей и болѣе поздней эпохи сохранилось до нашего времени; нѣкоторыя статьи его считались до сихъ поръ окончательно потерянными. Впрочемъ сказаніе о Синагрицѣ не принадлежитъ къ ихъ

числу, потому что нередко встречается в рукописях XVII и XVIII века; оно известно теперь в двух главных редакциях: одна — древнейшая, подходящая къ описанной Карамзинымъ, другая — поздняя, отличная и по заглавию и отчасти по содержанию. Въ этомъ послѣднемъ видѣ, повѣсть называется «Слово о Акирѣ», «Сказаніе о премудромъ Акирѣ и сынѣ его Аиадавѣ» и т. п., по именамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Источники Слова указаны были Карамзинымъ по Казоттову продолженію перевода Тысячи и одной ночи, началаго Галляномъ (*Nouveaux contes arabes ou supplém. aux Mille et une nuits etc. par M. Galle. Paris 1788, 4 t.*, гдѣ во второмъ томѣ помѣщена «исторія Синкариба и двухъ его вилрей»). По сравненію нашей сказки съ Казоттовымъ текстомъ не могло бы привести ни къ какому точному выводу, если бы нужно было опредѣлить отношеніе нашего Слова къ его прототипу; потому что Казоттъ, не имѣя достаточнаго знанія восточныхъ языковъ, чрезвычайно невѣрно передавалъ восточные рассказы, и, что еще хуже, украшалъ ихъ шпатами собственной фантазіи и прибавлялъ, чего не было въ подлинникѣ. Гаммеръ не считалъ даже книги Казотта переводомъ Тысячи и одной ночи; исторію Синкариба онъ исключалъ однако изъ числа рассказовъ, которые принимаютъ за собственное сочиненіе Казотта (*ср. Hammer, Der T. und ein. Nacht noch nicht übers. Mahrech., Erzähl. u. Anektd.; deutsch v. Zinslerling, St. u. Tüb. 1823, I, стр. 171, 172*). Послѣдующія открытія оправдали несколько Казотта, потому что повѣсти его найдены были въ Арабскихъ и Персидскихъ рукописяхъ учеными Росселемъ и Скоттомъ, а Коссенъ-де-Персеваль нашелъ и самую рукопись Парижской бібліотеки, служившую для него оригиналомъ. Коссенъ-де-Персеваль издалъ новый переводъ, какъ другое продолженіе Галлянова: *Les Mille et une nuits, trad. par M. Galland, cont. par M. Caussin de Perceval (Paris 1806, 9 t.)*, гдѣ наша повѣсть находится въ восьмомъ томѣ, подъ заглавіемъ — исторія мудраго Гейкара. Послѣ него сказка о Синкарибѣ и ш. Гейкарѣ переведена была снова *Le sage Heucar, Conte trad. de l'arabe par Agoub, Paris 1824*, и эта послѣдняя передача, по отзывамъ специалистовъ, гораздо удовлетворительнѣе прежнихъ. Мы пользовались ею въ прекрасномъ из-

танія Габихта, 4-1-Елена и Шадя, сдѣ сканка занимають 561—568, нем. Ausg. und eine Nacht, arth. Erzählungen, 2-te Ausg., Breslau 1827—13, 86—126.

Содержаніе нашего Слова очень сходно съ текстомъ въ редакціи Габихта, и происходитъ съ нимъ только въ некоторыхъ подробностяхъ. Въ старѣйшій Гислян и одной ночи исторія переложена слѣдующимъ образомъ. Гейкаръ былъ перламъ министромъ Сенхариба, царя Аравіи (или Ассурія и Финевіи); онъ отличался могуществомъ, познаніями и мудростью, но не былъ счастливъ, потому что у него не было дѣтей. Напрасно онъ взялъ себѣ шестьдесятъ жень, наждакъ его не поднимался, и Гейкаръ, по опредѣленію неба, усыновилъ племянника своего Шадя. Гейкаръ избралъ для него восемь кормилицъ, и когда ребенокъ выросъ, самъ Гейкаръ началъ учить его чтенію, грамматикѣ, морали и житейской философіи; онъ представилъ наконецъ Шадя царю, какъ своего преемника, и потомъ въ течение многихъ дней и ночей дѣлалъ Шадю правительственныя и политическія наставленія. Мы не будемъ перелазать ихъ, потому что онѣ не точно переведены у Габихта и несходны съ поученіемъ нашего Слова. Сдѣлавшись самъ правителемъ, Шадя возгордился и не уважалъ своего благодѣтеля; оскорбленный Гейкаръ отдалъ свой домъ его меньшему брату. Шадя рѣшился отомстить мудрому Гейкару; онъ написалъ отъ имени его подложныя письма къ царямъ Перенскому и Египетскому, съ Гейкаръ обѣцалъ предать имъ бѣгъ боя владѣнія Сенхариба, въ долину Баширъ; письма запечатаны были печатью старца министра и подкинуты во дворецъ. Въ тоже время Шадя отъ имени царя велѣлъ Гейкару собрать войска въ той же долинѣ, потому что Сенхарибъ желалъ будто показать ихъ послѣ Египетскаго вараона. Царь наумился, прочитавъ подкинутое письмо; но по совѣту Шадя отправился на означенное мѣсто, чтобы убѣдиться въ имѣніи Гейкара; онъ увидѣлъ собраннаго войска и съ удовольствіемъ возвратился во дворецъ. Гейкаръ, приведенный къ царю, попалъ коварство Шадя, но пораженный его неблагодарностью, не могъ сказать ни слова въ свое оправданіе. Сенхарибъ осудилъ его на смерть; но исполнительъ казни, Абу-Соманъ, обязанной Гейкару, далъ ему средство спастись отъ казни. Гейкаръ

поселился въ поташной комнатѣ своего двора; Наданъ ослѣблялъ его безмилостивую жену.

Молва о смерти Гейкара распространилась, и Египетскій фараонъ прислалъ Сенхарибу патентованное требованіе — прислать въ Египетъ архитектора, который бы выстроилъ дворецъ между небомъ и землей и могъ отгадать загадки фараона; за то послѣдній обѣщалъ Сенхарибу трехлѣтнюю покладу Египта; въ противномъ случаѣ Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехлѣтніе доходы Ассиріи. Ни одинъ изъ советниковъ царя не зналъ, что дѣлать; Сенхарибъ вспомнилъ прежняго мудраго министра и предался неутишной горести; тогда Абу-Сомейка открываетъ ему спасеніе Гейкара. Обрadowанный царь возвращаетъ Гейкару свою милость и проситъ его помощи; Гейкаръ потребовалъ сорокъ дней на приготовленіе къ путешествію въ Египетъ. Онъ велѣлъ доучить своихъ поймать двухъ сильныхъ слоновъ, прикрѣпить къ нимъ два ящика изъ легкаго дерева и шелковыя веревки длиною въ двѣ тысячи локтей, и приучить орловъ летать съ посаженными въ ящики мальчиками, во всю длину веревки; на воздухѣ мальчики должны были кричать, что имъ было приказано. Послѣ того Гейкаръ отправился въ Египетъ, подъ именемъ Абимакама; онъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе фараона мудрыми отвѣтами. Когда онъ явился однажды къ царю, фараонъ одѣтъ былъ въ порфиру, и спросилъ Гейкара, съ чѣмъ сравнить онъ его и вельможъ двора его; Гейкаръ угодилъ его изображеніемъ божества, а придворныхъ поклонникамъ. На другое утро царь одѣтъ былъ въ красное платье, а вельможи въ бѣлое; Гейкаръ сравнилъ его съ солнцемъ, а вельможи съ лучами солнца. На третій день Гейкаръ сравнилъ его со луной, а вельможи съ звѣздами; наконецъ, когда фараонъ на дѣлъ красную одежду, а вельможи разноцвѣтныя платья, мудрецъ угодилъ его мѣсяцу и планетамъ зодіака, а придворныхъ платьемъ, которые онъ провозвѣститъ. Когда же фараонъ спросилъ, съ чѣмъ сравнитъ онъ своего государя, — Гейкаръ потребовалъ сперва, чтобы фараонъ сошелъ съ престола, когда онъ будетъ говорить о своемъ повелителѣ, и потомъ сказалъ, что ищетъ царя могущественнѣе Сенхароба; онъ повелѣлъ, и солнце не распространяетъ лучей своихъ, мѣсяцъ и звѣзды останавли-

ваются в теченин, — онъ даетъ ливень, и бури и ураганы срываются на землю, уничтожаютъ мѣсяцъ ниланъ и разносятъ его пѣкны. Фараонъ догадался, что такіе мудрые отгадки можетъ дать только Гейкаръ, но потребовалъ исполненія главной задачи. Когда Египтяне собрали матеріалы для златнаго, Гейкаръ пустилъ орловъ съ мальчиками; поднявшись высоко на воздухъ, мальчики кричали: «несите же намъ камни, извести и цемента, стройте дворецъ фараону; мы только этого и дожидаемся. Скорѣе, работники! нѣлнй часъ мы все еще съ пустыми руками; странно оставлять насъ такъ долго безъ дѣла!»... а люди Гейкара стали бить оторопѣвшихъ Египтянъ, требуя, чтобы они несли мальчикамъ нужные матеріалы. Фараонъ отказался отъ воздушнаго дворца и предложилъ другую загадку: что это за конь у твоего повелителя — когда онъ рветъ въ Писевн, то очень пугаетъ моихъ кобылицъ? Гейкаръ скоро обѣщалъ дать отвѣтъ и, пришедши домой, началъ жестоко бить кошку, такъ что собѣли сказали объ этомъ царю. На вопросъ фараона, зачемъ онъ бьетъ безмощное животное, Гейкаръ сказалъ: «оно виновно въ, чѣмъ вы думаете; мой повелитель Сенхарибъ подарить мнѣ прекраснаго, съ звонкимъ голосомъ и пѣтуха — который безъ устали расцѣвлять во все часы дня и ночи; кошка, которую я теперь наказываю, сбѣгала въ прошлую ночь въ Писевн и задушила его». — Какъ же можетъ это быть, спросилъ фараонъ, отъ моей столицы до Писевн 360 миль? — Если вы это знаете, сказалъ Гейкаръ, какимъ же образомъ слышно здѣсь ржаніе коня, который стоитъ въ Писевн?... Гейкаръ отгадалъ и другія загадки. Фараонъ прозвалъ себя поблаженнымъ, далъ трехлѣтніе доходы своей страны, наградилъ щедро Гейкара и заключилъ дружбу съ Сенхарибомъ. Гейкаръ былъ милостиво принятъ своимъ повелителемъ: Абу-Сомейка былъ снова награжденъ по просьбѣ Гейкара; Наганъ осланъ былъ въ полную власть оскорбленнаго отца, Гейкаръ заключилъ его въ мрачную тюрьму, и послѣвая его, каждый разъ осѣнать упреками за неблагодарность и испорченность сердца; Наганъ мучился угроженіями собѣти и умеръ ужасною смертію. «Судьба преступнаго Нагана, сказано въ заключеніи Арабской сказки, оправдываетъ вѣчную истину: наказаніе всегда идетъ за пре-

студеніемъ, и кто кокетъ ему брату своему, навѣсть въ нее сама».

Въ книгѣ III въ Казотта сказка очень разрастута: въ Русскомъ переводѣ прошедшаго столѣтія, напечатанномъ довольно уютно, она занимаетъ около ста страницъ (Продолженіе I, в. о. почт. М. 1794—95, т. I, 1—96). Есть и значительные варианты: вводится жена Гейкара, будто бы тетка Сенхароба, которая принимаетъ дѣтское участіе въ дѣлахъ мужа, дѣтскъ съ нимъ въ Египетъ, гдѣ ее принимаютъ за волшебницу и пр., чего нѣтъ ни въ Русскомъ старинномъ сказаніи, ни въ текстѣ Габихта, и исключеніе женщины вовсе не принадлежить Русской переводкѣ, какъ думаютъ, кажется, Подевой. Отъ разрастутости Казоттова перевода, сказка потеряла много живости и оживленности: много намѣнено, напр. Абу-Семейка не играетъ важной роли, потому что спасеніе Гейкара устроено женой его; Палакъ, по Казотту, умеръ повѣсившись на вѣтвяхъ, чего вовсе нѣтъ у Габихта. Вообще наше сказаніе въ общихъ редакціяхъ гораздо ближе къ этому последнему.

Но прежде чѣмъ займемся опредѣленіемъ Русскихъ редакцій, сообщимъ нѣкоторыя подробности изъ вѣдшей исторіи этой замѣчательной сказки. Уже Французскій переводчикъ смутно Гейкара замѣтилъ, что исторія его во многомъ сходна съ биографіей Елопа, какъ рассказываетъ ее Планидъ. Сходство дѣйствительно очень велико и несомнѣнно доказываетъ, что одинъ рассказъ служитъ прототипомъ другому: биографія Елопа въ томъ мѣстѣ, гдѣ сблизкается она со сказкой Тысячи и одной ночи, составляетъ почти буквальный переводъ ея или на оборотъ. Не принимая на себя рѣшенія того, какое изъ этихъ произведеній было первоначальной формою рассказа, приведемъ только нѣкоторые факты, объясняющіе этотъ вопросъ. Исторія Елопа, какъ почти всѣхъ древнихъ баснословцевъ, давно представлялась въ мифической обстановкѣ, такъ что мы не знаемъ о немъ почти ничего, исторически вѣрнаго: многіе совершенно отвергаютъ существованіе такого лица. Преданіе изображаетъ его съ уродливой и смѣшной парукостью, но съ умомъ чрезвычайно острымъ и находчивымъ; сначала онъ былъ рабомъ Аонизана Демарха, или другихъ, потомъ Саміона Кеана и пр., наконецъ

потушить свободу. По словам ранних древних писателей, онъ былъ любимцемъ Крета, у котораго встрѣтился и много бесѣдовалъ съ Союзомъ. Новѣйшіе писатели вѣдаютъ придаютъ мало значенія этимъ свѣдѣніямъ, не подтвержденнымъ точными данными: еще меньшимъ довѣріемъ пользуется обширная біографія, приписываемая Платуду, Епископу изъ некоему монаху (1340 — 1353), который славился всѣмъ кругомъ обширною ученостію, писалъ стихотворенія, сочиненія по части богословія, грамматики, и перевелъ на Греческій языкъ многихъ Римскихъ писателей. Какъ большая часть Византійскихъ ученыхъ, Максимъ Платуду былъ только компиляторъ и собиратель: плодотворительность его біографіи Еюна вышлется переносомъ, когда онъ вставляетъ въ уста Еюну стихи Эрицида, жившаго гораздо послѣе. Біографія перемѣнила произвученіями и артефакціями и баснями самого Еюна, и нѣкоторыми чертами упоминаетъ рассказы о другихъ мудрецахъ: такъ уже давно замѣчено, что рассказы объ уроженности Еюна нахожены и въ преданіяхъ объ Арабскомъ баснописцѣ Локамнѣ. Ученый теологъ Креть думаетъ, что авторъ біографіи составилъ ее отъ части изъ собственныхъ выдумокъ, отъ части изъ этихъ восточныхъ преданій; но мнѣнію другихъ, Платуду оиесъ къ Еюну то, что вычиталъ о другихъ мудрецахъ и философахъ Греческихъ: его парфенія, его *ῥηδαιολογία* сравнивали съ тѣми, что писаны изъ Платарха и другихъ о Сократѣ, Демосенѣ, Вланѣ и пр.: находили у Платарха и статьи, которыя пересылали другу другу, — такъ что многое объясняется и Греческими источниками. Всего чаще упоминали на сходство преданій о Еюнѣ и Локамнѣ: трудно сказать, съ которой стороны было тѣмъ существованіе. Столько же неясно и то, какимъ образомъ въ біографію Еюна вошли главныя обстоятельства Арабской сказки о Гейкарѣ: если бы біографія действительно принадлежала Платуду и была составлена въ половинѣ XIV-го вѣка, то все свѣротивше было бы предположить, что вставка стѣла самими Платудомъ, — между тѣмъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія и ученые соглашаются въ томъ, что біографія только послѣдствіемъ Платуды, а не въ самомъ тѣмъ сочиненіи имѣ въ XIV-мъ столѣтіи. Новѣйшій издатель біографіи, Вестерманъ, оставляетъ на-

печатанную имъ редакцію — очень мало отличную отъ Планудовой, — не раньше *десятка* вѣка и следовательно думаетъ о времени, гораздо древнѣйшемъ Плануда V. Aes. p. 2, 4, такъ что на долю послѣдняго остается только новая редакція сочиненія, существовавшая прежде.

Латинскій переводъ Планудовой біографіи помѣщенъ въ изданіи Езона — *Excudebat Rob. Stephanus 1529. VII Cal. Septemb.* и въ другихъ изданіяхъ. Греческій текстъ съ переводомъ Роб. Стефана въ *Aesopi Phr. vita et fab., gr. et lat. Venet. 1770.* другой Греческій списокъ въ *Vita Aes. ex Vratisl. etc. codd. ed. Westermann. Brunsvigae 1845.* Замѣчанія о Планудѣ и его біографіи въ *Thesaurus epist. Lacrozianus, ed. Uhlus, Lips. 1742 — 46. 1, 170 — 172. 2, 153.* — *Fabricii, Bibl. Graec., ed. Harless 1. 618.* — *Furia, Aesop. p. X sq.* — *A. Pauly, Real-Encyclop. d. class. Alterthumswiss. 3, 411.* Въ сожалеанію, мы не имѣли книги Грауорта *Grauert Diss. acad. de Aesopo et fab. Aesop. Bonn 1825.*, который также касается этого предмета.

Разсказъ, соответствующій повѣсти о Гейкарѣ, составляетъ только часть Планудовой біографіи Езона (*Rob. Steph. 37 — 44. Westerm. 43 — 52.*), въ началѣ которой собираются повѣстия о походахъ Езона во время рабства, за тѣмъ слѣдуетъ въ ней пребываніе его на о. Самѣ и у Креза. Отправившись оттуда, говоритъ біографія, Езонъ странствовать по свѣту и бесѣдовать съ мудрецами. Отъ пошелъ и въ Вавилонъ, и выказавши тамъ свою мудрость, получилъ большое значеніе при царѣ Ликерѣ, или по Вестерманну Ликурѣ; потому что въ то время цари, живя между собою въ мирѣ, для забавы посылали въ письмахъ другъ другу философскія задачи или загадки, *πρόβλήματα*, и не отдававшій посылать дань тому, кто предложилъ задачу. Езонъ, разрѣшая присылаемыя Ликеру задачи, прославилъ этого царя, и черезъ него самъ посылать задачи другимъ царямъ, и такъ какъ они не въ состояніи были разрѣшить ихъ, то должны были присылать Ликеру дань (и такимъ образомъ царство Вавилонское усилилось). Вавилонскій царь ираетъ за царя Сенхаріба. Бездѣльный Езонъ усмиряетъ Эна или Эна *Ἄνεξ* притча, басня; къ этому же роду объясняли имя Езона, который однако не выполнилъ его ожиданій: по Вестерманну *ὁ Ἄνεξ γὰρ*

τιῶν τῶν τοῦ βασιλέως διὰ συνεπίσχυ, по Р. Стефану concubina rem habuit. Еюнь хотѣлъ претать его смерти, ила выпнати изъ своего дома; метительный Онь обвинилъ его предъ паремъ въ измѣнѣ; Еюнь спасается отъ казни при помощи Гермона (Абу-Сомейка), и въ послѣдствіи снова является къ царю, когда Анкеръ быль устраниль изъ египетскаго царя Нектасеба. Онь быль выданъ Еюню, который не сталъ метить ему за вѣсуду и только сдѣлалъ приличное правоученіе; Онь умеръ отъ угрозеній совети. Когда Еюнь отправиденъ въ Египетъ и подобно Гейсару исполнить мудренныя требованія Нектасеба, Египетскій царь воскиснутъ: «счастливъ Анкеръ, имѣющій въ своемъ царствѣ такую мудрость!» По возвращеніи Еюна съ Египетскою данью, Анкеръ велѣлъ водвинуть ему золотую статую. — За тѣмъ Еюнь отправляется въ Грецію и гибнетъ тамъ жертвою мненія Дельвійцевъ, которахъ оскорбилъ своими шутками.

Вмѣстѣ съ событія, его потребности скорѣе можно счесть произведеніемъ восточной фантазіи; въ Арабской сказкѣ важна и большая полнота въ развитіи сюжета; но съ другой стороны есть возможность считать это и Греческою баснею подлиннаго происхожденія. Имя Нектасеба знакомо было изъ исторіи Александра, и если эта послѣдняя проникла въ Арабскую литературу, то также могло быть и съ мною объ Еюнкѣ, особенно въ ту эпоху, когда Арабская литература усвоила себѣ много Греческихъ произведеній. Но крайней мѣрѣ хронологическія данныя не мѣшаютъ предположенію о переходѣ біографіи Еюнка въ составъ Тысячи и одной ночи. Первоначальной основой этого сборника многіе признавали Индиское происхожденіе, но отъ времени до времени оны подвергались многимъ перемѣнамъ и въ сборникѣ внеслись повѣршія сессіи. Нѣкоторые критики не признають впрочемъ такой его давности, и въ самомъ содержаніи Тысячи и одной ночи находятъ доказательства о подлинномъ появленіи. «Правда, говорить о томъ ученый ораторъ лишь, разбирая содержаніе Тысячи и одной ночи, — мы не худимъ мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ происшествій въ Индію, Персію, Китаю, даже Ассирію, иль эпоха отнесена отъ исти къ еру вообщимъ временамъ, и этою обманъ поддерживается о стар

коемъ судили имени и картинами правды и объемы вноде-
ныхъ: во тѣхъ датовахъ, кѣмъ во всемъ образѣ представана,
вѣсна рука Мухаммеданско-Арабскаго писателя — *Chazy*, во *Pe-
ties* oder *Krit. Jahrb. d. Liter.* Bd. 33, 1-es H. 96, съ указаніемъ
на С. de-Caspi въ *Journal des Savans* 1847, nov. p. 686. Снѣга
Египетъ мѣстомъ, гдѣ составился сборникъ, названный Габих-
томъ, критикъ относитъ его къ довольно позднему времени,
около XIV-го вѣка. *Pe-ties* ib. 94, 96, 99 и 108, такъ что
включеніе Греческой біографіи не имѣеть ничего невозможнаго.
Басна о Гейсарѣ могла впрочемъ образоваться и на шесто-Араб-
ской почвѣ, заключаая, быть можетъ, передачу прѣзвѣія о Моисѣ,
— и потому въ дѣтской передачѣ перейти къ Грекамъ,
какъ случается со сборникомъ сказокъ Каллимаха-де-Думна; несо-
мнѣнное существованіе Греческаго *и речева* сказки о Гейсарѣ
можетъ подтвердить, что въ отношеніи къ біографіи Басна за-
мечено было предѣломъ Византизма. Что каса-
ется до пѣлаго прѣзвѣія, то нельзя не приписать рожденіе его
стѣмъ, которое Іосифъ Флавій и Вильгельмъ Гирекій отно-
сять къ Солону и Туркому царю Гириму, и которымъ учени-
камъ несправедливо объясняли происхожденіе ересьякаго
сказанія о Маріонѣ. Главнымъ сюжетомъ оная является
сперва духъ царя о мудрости посредствомъ трутенья ли-
ства, которая она пересѣяла и трутъ труду. Такимъ образомъ
сначала рассказъ обобщается еще болѣе; и всего вродѣ бы
предполагать его рожденію на Востоцкѣ, можетъ быть у Евреевъ,
которымъ принадлежеть и тогѣ мѣвъ о Соломонѣ, и какъ ду-
хотъ Ил. Грамматъ, предѣлала редакція повѣсти о Маріонѣ.
Chazy ib. 12, *Jahrb. d. Liter.* 1809, 5. Abth. 2, 249 ff. Столь же
снѣга и вѣрнѣе также в старинной, мѣвъ и историческѣ
рассказѣ о дѣтнѣи малышкѣ на ореху; она вѣстна по мно-
гимъ другимъ мѣвамъ и сказаніямъ. Очень прѣвѣла писатель
Абу-Бендъ Корри, что Нимротъ, когда мушкетарю вострѣтъ
Вѣрнѣе болѣе болѣе, в думать пошлетъ на востухѣ, на четь-
рехъ паряхъ, къ которымъ прирѣднѣтъ быть ротъ окнѣла,
стѣга мѣвъ стрѣляетъ и въ свѣлахъ Сомбелѣ, приподнеса
въ востухѣ мѣвъ стѣга мѣва Снѣга, въ Гвельтъ и одной
роде, она вѣстна и въ романтическѣ литературѣ среднихъ

вковъ — т. е. *Union de Bourdeaux* совершилъ такую похвалу за гробомъ *Liberlé's Dandor* 184—477. Въ баснословномъ повѣсти писателя-Калипсова Александра предпринимаетъ достижимое путешествие на гривахъ или завѣтрахъ краснѣящихъ, которыми онъ управляетъ, прокладывая имъ на коньхъ кусокъ мяса. Сербская сказка относитъ преданіе къ другому герою, славному по мушкетерству; ему нужно было вѣять сморчане дубине и небеске вассиню, и чтобы достигнуть послѣдняго, онъ схватилъ два пера — *two* орла, грива, на имъ за несколько дна не давши жести док добро оданне, на имъ онъ привезе за него велику козарину у коју онъ уба и сѣдне дряк въ рукама воше себе и тамъ и јва на дубакомъ рываку печено јитие. Цѣй ви аетелни та би повано дохватити, полете у висину, и тако су све тебедо доде Приму три не удри равнем у небо, на онъ обрне равкъ на тилке тега појени снесу на земљу.... *Врл*, *Прим* 1853—200. Въ Славянскихъ и Польскихъ преданіяхъ разсказъ о томъ, какъ охотникъ дѣлаетъ на трякохъ въ ать, — очень сходный съ правительствомъ, свидѣается съ мномъ о *Ил-бобл* *Ko'lar*, *Zri-w*, *Slow*, 1834. 1, 12. Для Сербской сказки упомянутый повѣсти могъ и служить ея не основаніемъ, но второстепенная вѣсточномъ разсказъ.

Какой же вѣтъ получила А. Сербская сказка въ Русскихъ редакціяхъ и какъ въ обратномъ вершилъ она въ нѣмъ провѣнюю литературу? Сербская редакция сказки о Сиваринѣ, сохранившаяся теперь въ оти и нѣмъ рукописяхъ, о-къ Моск. Обществу исторіи и древности, близка къ сказкѣ Габиха, чѣмъ и отличается перелѣтомъ — какъ и ея текстъ отъ Габиха, хотя сама сказка Габиха въ ея не естъ. Зрѣнее Арбенъ естие о Востокъ добродѣтельная особенность ея рина и ала въ редакціи состоитъ въ томъ, что вся исторія ея рина естъ отъ имени Антра-Гонтра, котораго само о себѣ въ нѣмъ не дѣлаетъ. Это объясняется по нѣмъ мнѣнію восточной формой ея сказки, оборотахъ, которая вѣтъ ея стараетъ сваятъ отъ имени разсказа въ отношеніе какому нибудь побожнымъ обстоятельствомъ, такъ въ Габиха и она по нѣмъ состоитъ именемъ Шехер-заде, сама повество въ о нѣмъ разсказъ вѣщается другой, ея сама съ вѣтъ третью и такъ дѣлаетъ, а сама въ непримѣнныя ея рина естие главную часть цѣлито.

В первоначальном сборнике историк Гейкара принята ссылка впрочем къ числу такихъ вводящихъ разсказовъ, и въ этомъ видѣ дошла къ намъ. Древняя Русская редакція представляетъ еще много особенностей, неизвестныхъ позднимъ спискамъ, а иногда и самой редакціи Габихта. Писавая подготавливая письма къ царямъ Переясковому и Египетскому, Паданъ упоминаетъ ихъ лишь въ имени «на поле Египетское (= долина Баширинъ) мѣсяца августа въ 25 день»; спасенный отъ казни, Асаръ скрывается въ приготовленное ему женой и другомъ его мѣсто въ земли, 4 докоть въ длину, 4 въ ширину, 4 въ глубину; пространство отъ Елишта до Нишеви царь считаетъ въ 1000 и 80 верста и т. д. Многія изъ такихъ подробностей или опущены въ позднѣе спискахъ или же непонятны.

Мы уже сказали, что Русскіе списки раздѣляются на два от-
дѣла. Карамзинъ сообщил начало повѣсти о Сиваринѣ по
древнѣйшей русс. сабдуиномъ образомъ: «Въ то время ахъ
Акырѣ князичи бѣ, и речево ми есть отъ Бога: отъ тебе чаю
не рожити. Идѣше же имѣя чаче вѣхъ человекъ, повѣхъ
жену и устроишь домъ, и живъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чаю
и сздашь требшкы и вѣдѣтишь оми, и рѣхъ: Господи Боже
мой! аще умру и не будетъ ми наследника, и ркутъ человекъ
Акырѣ: *правдѣ бѣ и Богу невинно служаше: аще чуретъ и не
обрящется мужескъ илѣ, чомъ, иже не стоиши ни гробѣ твою,
ни чинескъ илѣ, може бѣ еи оставити; ни може по чомъ и чиниши
наследство, ахъ мѣтъ...* И шѣхъ прощу у тебе, Господи Боже
мой! даждь ми мужескъ чомъ, да преставишя, да вѣдѣши
ми прѣсть на очи мой». Пов. 3. пр. 272. Въ сборникѣ б. в. в.
Моск. Общ. конца XV вѣка, № 189, с. 90 — 104 обор. на-
ходится также редакція: «Сиваринъ царь Азаровъ и Патне-
ской страны, нач. въ то время ахъ Акырѣ князичи бѣхъ,
и т. д. Мы пользовались спискомъ этой статьи не совсемъ
удовлетворительнымъ, за который приносимъ благодарности
П. Е. Забѣлину, и потому не всегда могли податися на свое
чтеніе текста.

Другая, повѣстная форма сказанія перфѣно встречается въ
рукописяхъ, напр. — Румянц. сборн. XVIII в., № 303, с. 438
— 454 «Сказаніе объ Акырѣ, премудромъ царѣ Сиваринѣ Ави-
вицкѣно и Анзорекѣ», приведено мною, хотя и не вполне, въ
Отч. Запискамъ 1855, № 2.

— Погодинск. сборн. Публ. 6 кн. по описи, I 1772, XVIII в., д. 190—202. Сказание о Акири премудромъ и о иротеи царя Синографа земля Алекситской и Аниторской, нач. Бысть иже кн человекъ Акирь премудрый въ земли Алекситской и Аниторской.

— Полевато, список напечатанный въ Р. Вѣстн. 1842 I, 54—65. Слово о Акири премудромъ. Повидимому издание несовсѣмъ верно, если это также русь, по которой П. рассказываетъ объ Акири въ М. Телеграфѣ 1825 I I, 227—235.

— Ундольскаго, въ сборникѣ, откуда было напечатано слово о в. к. Дмитрии Ивановичѣ. Времен. кн. IV, — о премудромъ Акири и сынѣ его Анаданѣ, нач. въ земли Алекситской.

— Царскаго псалтр. Уварова, I 450 сборн. конц. XVIII в. д. 642—653. Отдѣльная русь. Сказание великаго царя Синографа, Алекситской земли и Аниторской, и о Акири премудромъ.

— I 459 сборн. нач. XVIII в. д. 39—48. Слово это поведено о Акири премудромъ, начал. бысть иже кн человекъ, именемъ Акирь премудрый, въ земли Алекситской и Аниторской. — I 451 сборн. нач. XVIII в. д. 249—270. Сказание о премудромъ Акири и о сынѣ его Анаданѣ и о ихъ премудрости, и какъ Анаданъ отца своего оклеветалъ царю Синографу.

Различіе дѣланий вело въ ошибку и Снестирева, который считалъ сказки о Сиватришѣ и Акири за два отдѣльных произведенія въ Ватусевск. сборн. 212. Грессе смѣшиваетъ Снестирова съ Серейшбюмомъ и называетъ наше сказаніе переводомъ «Трехъ Серейшбюмскыхъ царей», въ *Allgem. Literar. Gesch.* 2 Bd. 3, 978, 994.

Въ древнемъ своемъ видѣ, наше переводъ безъ сомнѣнія верно передавалъ чужое сказаніе; онъ не лишился восточнаго колорита въ разсказѣ, но уже отразилъ вліяніе Русскихъ переписчиковъ и читателей. Мы уже говорили о томъ приращеніи чужихъ сказаній къ своей національности, какое было очень обыкновенно въ средніе вѣка. Это несомнѣнное желаніе усвоить собственной народности знаменитую личность или событіе, дѣйствовало незамѣтно, мало-по-малу, и конечно оставило безъ вниманія требованія исторіи или даже здраваго смысла. Въ одной Французской передѣлкѣ псевдо-Каллисоепа, Александръ на пути

къ Юпитеру-Ammonу принимаетъ покровство Русскихъ князевъ, qui luy apportent les clefs et tributz de leurs provinces, et receut d'eux les *pays* et *homages* et furent bons amys; Пеманскій поэтъ XIII-го вѣка, переизложилъ ту же исторію, говоря, что Осида для того, чтобы уберечь Ахитеса отъ козачьихъ свара, скрала его въ монастырь бенецианцевъ. Читатели не найдутъ этого страшнымъ, потому что въ подобныхъ имѣнныхъ апошта бѣать только вѣрный переводъ чуждаго понятія на общедоступный языкъ: называя служителей Фарона его *mitzritim* и т. д., Русскій переводчикъ желаетъ только выразиться яснѣе для читателя. Наставленія Гейкара Штану, переведенныя нашимъ сказаніемъ въ особомъ поученіи, которое могъ издана деканъ и послинику, но скорѣе вставлено было при переводѣ; Греческая біографія Клопа сообщаетъ собственную мораль, собранную изъ стиховъ и прѣречій Одесса, Пингакса, Софокла, Эврипида и особенно Менадра. Русское поученіе указываетъ восточнымъ и вѣдущимъ рукописамъ, гдѣ оно помѣщалось отъ какой страны, напр. въ Румини, рукописи В. тх. Зав. XV-го вѣка, F° 27, гдѣ на л. 409 — 411 находится поученіе: *о стѣ бѣ млади христовлюбни внимайте гдѣ веждому какъ единю бѣти съ сто еже рече къ сну своему*, приведенное нами въ Отеч. Знн. 1855, т. I, 2, а авторомъ статьи о древне-Русскихъ повѣствованіяхъ въ Иллюстраціи II Одд. Акт. 1855, 151—153. Это поученіе бѣло схожо съ поученіемъ древней редакціи вавиловаго свѣдѣнія, которое свѣдѣнію значительно его интерпретировано. Поученіе вавиловаго свѣдѣнія повѣсти пространнѣе Румини, статьи и прѣставляетъ дѣтально любовничьихъ возрѣзмовъ, напоминаній охлѣ или обязанности чиня прѣречія или постовавы. Ахирѣ уаать Ахилова христовпарекую тану — пусть она снѣтъ въ его сердцѣ, — уаажко умѣ въ че тобаѣ, не смѣяться чати дуками не то стѣвами, не делитовати чуждому снѣтию, бѣти прѣвѣаимѣ. «Чего, говоритъ онъ, дѣлаетъ человекъ непрерывно бѣти бѣти и наконецъ въ смѣѣ бѣти и въ укоритѣ бѣлаетъ: дѣлаетъ не то ба рѣвно ико ина *поштина* снѣ, и бѣтумна поштинѣ стѣ въ Румини, рукописи не то снѣтъ вѣрон по бѣлаи вѣрѣннѣ. «Снѣ, прѣто вѣаѣтъ онъ, умѣ снѣ че тобаѣ добра смерти, не шѣ то вѣаѣтъ, снѣ, умѣ снѣ че тобаѣ въ своею руку, не шѣ вѣаѣтъ

въ рукав рунѣ, и бѣлаше оубо убо естъ, не и та шей вои; убо етъ етъи прѣби, и те въ рунѣ, вѣршии не та, пѣшиа и пѣшиа дѣшиа по аеру; убо етъ коноиши портѣ, пѣше и пѣшии, не и бѣрашии, ето же не и пѣшии и пр. Такии пѣрѣшиа карѣру ютеи и въ постовахѣхъ, напр. «не суи журавля на и бѣ, даи сишиу въ рунѣ, и не и не суи журавля въ тои, а хоти сишиу да въ рунѣ». Бустѣ, и ни постовахѣхъ *avis in laqueo plus val t osto vagis* въ Латинскомъ «Решардѣ» XI-то столѣтїа *Grimm, Reinh. Fuchs 209*. Румши, рукописи, не имѣетъ стѣхъ пѣрѣшии. Въ общиимъ практическимъ правиламъ, высказаннымъ очень оригинально, Акирѣ прѣблѣваетъ и прѣстая и пѣшиа и пѣшиа: не хоти, говоритъ оубо Натану, на обѣтѣ, не и бѣрашии прѣсте у хошии; хоти много вѣршии, то поменьше говорѣ, и прѣблѣваетъ умнымъ человекомъ; на перу дого не етъ, чтои теби не прѣблѣваетъ рѣшии пѣсто ухаи. Въ подтвержденїи своихъ мыслей, Акирѣ указываетъ и собственную опытность: «содни и горести вунѣхъ и не бѣше пѣше убожества...», же пѣло и камешъ потѣхъ и дѣти ми си мѣти, невелии мужеи, вѣдущему законѣ, пѣтишь со бѣлашимъ своимъ».

Румши, поученїе . I * 27 сокращено пѣ поученїа Акира: что таково было ето прѣшехаденїе, можно убѣдѣтъ пѣ самой формѣ ето: оно именно названо наставленїемъ сыну, въ ерѣшии постоянно пѣше обращенїа къ сыну», и въ дѣлѣ почтенїа ето сказано — «сину и чаю мое, же пѣмѣхъ *tu o ubi ubi*, — пѣше на оуби хъ и прими и разсуди и сѣе ти бѣти на поду», етои, не нужнѣи дѣше, но очень естественнѣи въ поученїи Акира. Составъ этого поученїа не етъ еще пѣи пѣи; но авторъ упомянутой статьи о пѣсѣтѣвахъ напрѣсно, кажется, опредѣляетъ ето обыкновеннѣи сѣ фразами пѣрѣшии Соломона, Сираха, Псалмѣи и др. Хотя сходство иногда и етъ, въ общей етѣности оно не велико и очень отдаленно. Сокращеннѣи списокъ поученїа находится также въ Румши, сборникѣ XV — XVI вѣка, . I * 358, об. л. 309 — 312 подъ дѣлаемъ «поученїе отъ ерѣтѣхъ книгѣ о ча (Хъ)». Составленїа Акира напоминають иногда Псалмѣ, напр. въ «Сказанїи о пѣрѣшѣхъ»: «Мудри етъи, кѣи бѣутишь въ подухѣ, не смѣтѣи, въ смѣтѣ бѣ бѣдуми, кошуи, а въ бѣдуми етъи, а въ етъи бѣи, а въ бѣи етъи и грѣхѣ и мука

вѣшал... Сынъ, укуси друга своего, первымъ днемъ разварися съ нимъ, и аще не повѣдасть тайны твоея, то дружися съ нимъ, аще ли явить тайну твою, то отвраћися отъ него» Рум., I' 363, л. 676; почти тѣми же словами повторено это въ некоторыхъ спискахъ нашего сказанія. Таковы же изреченія Даниила Заточника «мука бо мудра посылай, мало ему казки; а безумна посылай, самъ не дѣиши по немъ и тѣмъ...», «какъ во утѣхъ мѣхъ воду лить, такъ безумнаго учить», или Пчелы «окоже немощно во холщевъ мѣхъ воды удержати, тако и въ клеветникѣ знать словеса» Москва, 1843, 9, 153. Нельзя думать, чтобы здѣсь замѣтваніе было на сторонѣ поученія Акирова; значите нынѣ древность сказки даетъ возможность скорее считать ее источникомъ; позднѣй редакціи могли быть передѣланы Русскимъ по книгамъ, какія у него были подъ руками, но старинная редакція была конечно независима отъ Русскихъ гномическихъ сборниковъ. — Немногое только въ поученіи сходно съ восточною моралью Арабской сказки; напр. Гейкаръ также учить Надава, — «прежде чѣмъ отправиться вьнутъ, возми свое оружіе; ты не знаешь, гдѣ встрѣишься со врагомъ» — «лучше носить камни и подвергать себя тяжкой работѣ съ мудрымъ, чѣмъ наслаждаться драгоцѣнными наитками съ глупомъ» — «испятай сперва друга, котораго себѣ выбрасиши, и тогда дружиши съ нимъ» — «ослабленіе сердца въ тысячу разъ хуже, чѣмъ слѣпота очей». Вообще наша древняя форма сказанія очень важна для объясненія гномической литературы.

Подобная редакція отъ долгаго пребыванія на Русской почвѣ получила много Русскихъ примѣсеній, но въ тоже время и потеряла многія оригинальныя черты древняго текста, который становился уже непонятны для читателей. Подшая редакція много короче древней и представляетъ уже новый пересказъ сюжета, такъ что въ очень немногихъ мѣстахъ удержалось буквальное соответствие чтеній; многія мѣста выкинуты, собственныя имена испорчены. *Синагрига* предѣланъ въ Сенеграва и Синографа; *Налтвскій* т. е. Нишвинскій въ Атевицкѣ; царь *Азорскъ* (= Зоръ, Ассуръ араб. текста) называется Азорскимъ, Анзорскимъ, Анивзорскимъ, Анисворскимъ; жена Акира получила имя Феодулѣ; парскій слуганецъ, которому поручено

клятва Акира, названный в древнем списке в араб. Абу-Сомейка, в биографии Ел. Герминия, именуется Абубуилом, тогда как в древнем тексте *Абубуил* — отрок, которому поручить Акирь стеречь наказанного Аватана; под тем же именем отправится Акирь в Египет, между тем по древней редакции он называется в этом случае *Обекам*, что сходно с Абумакамом Арабской сказки; наконец Персидский царь Аксет, которому Натань посылает подложное письмо, в поздних списках упоминается без имени, а в древнем называется *Дит*. Поучение Акира, вполне переданное в Румши. списком, в Р² 363, у Полевая сокращено в несколько строк.

В конце Арабской сказки находится второе поучение Генкара, где он укоряет Натань в его нравственном падении; поучение составлено из афоризмов, по добрых притчах, и кроме того из басен и апологов, которыми доказывается, что человек злого сердца не может исправиться, и что злоба всегда бывает причиною его собственной гибели. Эти замечательные апологи, пропущенные в Греческой биографии, сохранены в нашем древнем сказании; эти коротенькие басни очевидно принадлежат древнему восточному алогу и стоят внимательного разбора; к сожалению мы не можем привести их с некоторой полнотой, что показало бы их отношение к известной теперь Арабской сказке. — «Сын мой, говорил мудрец Аватану, ты поступишь как земля, которая хотела увлечь иду, и вместо того жестоко укололась сама; ты поступишь со мной, как тот человек, который пустил стрелу против неба, но стрела невольно обратилась на его собственную голову; ты похожа на свинью, которая пошла мыться в бань с бобрами, но предпочла бань первую дужку, встретившуюся на дороге. Сын мой, продолжал он, дескала на песок сляк; пришел зайць и спросил ее: что ты тут делаешь?» — Клянется Богу, «Что держишь ты в устах своих?» — Укрух хлеба, отвечала сляк. Зайць прельстился на укрух хлеба, но застрял в гонетах, и сказал сляк: «если этот укрух такой коварный, то Бог никогда не примет твоего поклонения» — «оке укрух-с еще клякает, то твоего кланья не примет» Бог никогда же. Сын мой, ты подобен коду, к которому

прикованы золотыя кольца, ано же его не избѣжится отъ чер-
пота сыну, бѣды ми еси якоже коду прикованъ золотъ коудъ,
а дну его не избѣжитъ черноты, и проч. Но всѣхъ этихъ апо-
договъ, позднѣе списки удержали только басно объ яворѣ и о
волченкѣ, отдѣльное увидѣла грамота. Этого послѣднѣя апо-
договъ, котораго такъ доискивается Гриммъ въ восточныхъlite-
ратурахъ Reinh. Fuchs *schwarz*, пользуется болѣею по-
вѣстностью въ области Германскаго животнаго эпоса. На него
намѣкаетъ средневѣковое Шлемское стихотвореніе словами:

swaz man dem wolfe sagen mac
pater noster durch den tac,
waen, er sprichet anders nith
niwan d' inre.

Въ Латинской редакціи Рейнгарта такъ по окрестъ XII вѣка
dumque docet amen, quasi graecum accentuat agne. Сюжеть апо-
догова о волченкѣ, увидѣннѣя грамота, развилъ бытъ въ отдѣль-
ное стихотвореніе *der wolf in der schule*, т. е. волченокъ въ от-
дѣль въ школѣ, въ вопросѣ учителя говорить только о кушаньяхъ, ко-
торыя ему нравятся (*Gramm ib.* 333—344 ср. *schj.* *schj.*).

Многія непорочныя мѣста поэтичѣскихъ списковъ становятся
понятны только по сравненію текстовъ. Такъ въ поэмѣ спис-
кахъ непонятна первая заглава фарона о конѣ Пиндѣйскомъ, въ
сѣдѣніе которой Акиръ вѣдѣлъ брата Египетскаго бога «Виктора»
(Рум.), «сои бо тогда бѣвалъ ринъ бытъ», прибавляетъ Русскій пе-
редъаватель; у Повесть это мѣсто стоило же темъ, но Егип-
етское божество называется «Духра». Мы видѣли, какъ это
рассказано въ Арабской сказкѣ; въ Греческой біографіи Елоу,
какъ и Генкарь, въ отвѣтъ на заглаву царя Египетскаго вѣдѣлъ
своими рабами вѣдѣлъ конку *ἡῖς ἡῖς* и бѣды ее; Египетские бро-
силъ женовать царю, которой сказала Елоу: «ты едѣла въ
дури, Елоу; это — изображеніе бѣднѣя Габасты, которую Егип-
етские чреватѣли по почитаютъ» (*Vesterm.* 50). Эта бѣднѣя, кото-
рую сравниваютъ съ Артемидой, по Египетской мѣстности бѣды
дочерью Панды и Овериса; священнымъ животнымъ ее бѣды
кошка, подѣлать темъ которой изображаетъ и самъ бѣднѣя. Въ
нашемъ древнемъ текстѣ Акиръ даетъ тоже прилаганіе своему
отрокамъ: *синаи боготр* — *дехри боготр*, *триста ви*, — и

и отроки шедше яша дьхорь живь, и принесона ко мѣ и ре-
кохъ имъ: *бѣте, доидетьже египетская земля слышитъ*, и Егип-
тяне жаловались фараону, что Акирь «среди нашихъ очима на-
шимъ богомъ посмѣяся, предъ нашимъ жертвенникомъ потворы
дѣять», и пр. Следовательно *дѣторь* здесь также принимается за
божество и подлиннѣйшій переписчикъ, не поймавший этого сло-
ва, легко могъ перелѣзать его въ собственное имя — Дохра, и
спутать вмѣстѣ съ тѣмъ другія подробности. Имя бога Виктора со-
ставлялось конечно такимъ же образомъ. Въ этомъ разсказѣ наша
редакція вмѣстѣ съ Греческой біографіей удержала черту древ-
няго подлинника, уже не находящуюся въ текствѣ Габихта. —
По старинному списку, Акирь приказываетъ Анадану тѣмъ, что
велѣтъ заковать его въ желѣзные ужи и дать ему по хребту
1000 ранъ и по чреву 1000 ранъ т. е. ударовъ; выслушавъ по-
слѣднее поученіе Акира, «той часъ надуветъ Анаданъ аки князя
и *переспидеть* на полы». Этому обстоятельству вовсе не упомянуто
въ новыхъ спискахъ; за то въ нихъ есть другія вставки: осво-
божденный Акирь идетъ отыскивать свою жену и находить ее
въ рабствѣ у Анадана, стерегущаго верблюжью стадо; прибав-
лено также разсужденіе фараона съ придворными о томъ, что
нужно взять дань съ Ассирійскаго царя.

Вообще новая редакція гораздо болѣе приурочена къ Рус-
ской жизни. Акирь учитъ сына грамотѣ *Русской*, Адевитской и
пр. (въ древн. спискѣ просто «всезной грамотѣ»); освобожден-
нись изъ заключенія, онъ идетъ *въ баню съ паритица*; у него
своя дружина — *отроки*; царя фараона окружаютъ *посадники*;
въ поученіи говорится, вѣроятно пословицею, «добро сытому у
великаго князя обѣда ждаты, также и праведному смертнаго часу
ждаты», тогда какъ обыкновенно упоминаются цари: *Анбутилъ*,
говоря съ Синографомъ, называетъ себя уменьшительно *Анбу-
тилцъ* по старинному Русскому обычаю, какъ *Федорцъ*, *Иван-
нецъ* и т. п. Замѣтимъ еще перелѣзки: по древнему списку, Акирь
говоритъ, что илгухъ, которому дьхорь отрылъ голову, будиль
его самого — «*субужахся и идяхъ предъ свои князь*»; по Рум-
руковцевъ, это быль «сурь дати, иль рашо, а будиль нашего
царя къ *застрѣть*». Въ подлиннѣйшихъ спискахъ, напр. Погодин-
скомъ, Акирь остерегаетъ сына отъ тѣхъ же пороковъ, какіе

Максимъ Грекъ, авторъ Домостроя и другіе наши моралисты XVI — XVII в. осуждали въ своихъ современникахъ.

Египетъ постоянно называется *градомъ*, въ такомъ же смыслѣ *градъ Антиохъ*; это значеніе слова градъ встрѣчается и въ другихъ старыхъ памятникахъ: въ сказкахъ нашихъ, на оборотъ, подъ *шартевомъ* понимается не рѣдко городъ, столица. Языкъ новыхъ редакцій получилъ отчасти народный складъ или въ составѣ предложенія или въ отдельныхъ фразахъ: поговорка «сыню время и молитвъ часъ», которую Акиръ отвѣчаетъ Анбугиду, встрѣчается уже въ Златой Чинѣ XVI вѣка (Калач. Арх. 2, 2, стр. 194) и сходна съ фразой пара Алексея Михайловича, написанной на Ураинскѣ соколомъша пути; слова Акира въ послѣднемъ поученіи «сыну, какъ рли суть въ повлетьхъ, оже родивше то сыномъ звать, а еже скотъ давше, то холопомъ звать» переданы въ Рум. спискѣ совершенной пословицей «не роженъ — не сынь, не окуленъ — не холонь, не вскормя себѣ врага не видать», которая и теперь повторяется съ вариантами — «не куленъ — не слуга, а не роженъ — не дитя» или «не сроженное — не дитя, не куленное — не слуга» (Систр., Рус. въ Поед. 3, 56. Архив. 2, 2, 192). Витье веревокъ или пещу, зашиное жаромомъ Акиру, извѣстно въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ какъ трудная задача, которую принимаютъ чародѣи (Абев. рус. сев. 1786. 315; Грумъ приводитъ древнее нарѣчіе *or sandi sima vinda, or dali diupora grund um grafa = ex arena funem necete, valem sulledece* Reinh. 1887; «вить пещу веревки вить» говорится также пословицей на дат. и греч. языкѣ *ex arena funem efficere, ἢ ἄρδω στυγῶν πλέξω*).

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вариантовъ новой редакціи представляетъ Египетъ славянъ, съ выводомъ Египетскій посоль. Египетъ. Онъ всегда называется троякимъ посломъ, какъ другіе послы въ нашихъ сказкахъ и быльяхъ, а «роженъ посоль, по объясненію Чулкова, значитъ то, что въ старину рѣдко посылали пословъ, какъ только для объявленія войны, причемъ обыкновенно употребляли ругательныя слова и угрозы» Рус. Ск. 1780. 118. Египетъ, кромѣ того употребляется и на селія, одинаково описанныя въ спискахъ Полевскаго (стр. 59), Румянцева и Погодинскаго. Ни Арабскій текстъ, ни наша

древняя редакция вовсе не говорит о посольстве Фрагона; следовательно, Русский передельватель, вставив это лицо, должен был изобразить его теми красками, какия находились в своей действительности. Акирь, отправляясь посломъ въ Египетъ, поступает также, какъ дѣлать и въ царствѣ Синографа Египетскій посолъ; такимъ образомъ черты посла повторяются какъ повторенныя, эпитетскія ср. Повел. стр. 62, Др. Р. Слѣх. стр. 35 о Целканѣ). Египетъ не упомянутъ въ древнемъ спискѣ, но вставленъ, безъ сомнѣнн, очень давно, потому что рассказъ о немъ находится въ спискахъ, хотя и подлинныхъ, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Древнѣйшая рукопись нашего сказаннн принадлежитъ XIV-XV вѣку, но самое произведенн еще старѣе и относится по этому къ времени сильнѣйшаго развитн Татарскаго владычества; характеръ грознаго посла глѣмъ болѣе напоминаетъ Татарскую эпоху: въ XIII же столѣтн самое имя Египетъ становится современностью, потому что именно о такомъ лицѣ, вельможѣ Батый, упоминаютъ наши дѣтские Кар., изд. 6-е ч. 36, пр. 42.

Мы уже замѣтили, что новыя списки почти совершенно отсутствуютъ отъ чтенн рукописей XV вѣка; потому они представляютъ очень немногю данныхъ о первоначальномъ текстѣ. Древняя редакция принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ старой письменности. Рукопись б-ки Моск. Общества есть Русскій списокъ, въ которомъ однако сохранились нѣкоторыя особенности Южнославянскаго подлинника: формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенн, быть можетъ современную Слову о полку Игоревѣ. Въ изложенн упомянуты сдѣлы и Греческаго перевода Арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала известна въ литературахъ южно-Славянскихъ. Нѣкоторыя фразы, напр. обращенн къ царю во время разговора «царю, въ вѣчны жизни, дадутъ свое начато можетъ быть отъ Арабскаго подлинника; другн отзываются гречизмами, напр. письмо Акиря къ Цѣрентскому царю открываетъ обыкновенной Греческой формулой «Синагрина царя княжнн» и слѣдующн «къ Акирю Цѣрентскому царю Алому радоваться» т. е. *χαίρειν* какъ въ биографн Елопа — *Νεχταρῶ βασιλεὺς Αἰγυπτῶν Αχιρῶν βασιλὴ Βαβυλωνῶν*

χαίρειν; мальчики, летавшие на орлах, кричали Египетским работникам — «пнесите камень и *кермиду*» греч. κερμίς, — ἶδος, κερμίτις; слово употребленное также в переводе Малала (Врем. 9, xxxvii) и в старинной повести о Царьградъ. Срез. 40.). Не указываемъ другихъ переводовъ съ Греческаго, въ родъ «всяко ти прошение створю, а *еже о чидь* то не проси у мене» потому что подобные обороты уже давно вошли въ нашъ литературный языкъ того времени. Не говоря о правописаніи въ текстахъ XV вѣка, иные слова указываютъ на южно-Славянскую редакцію, предшествовавшую Русской редакціи; таково Греческое слово *критинарь*, κερτινάρης centenarium, librae centum (Ducange, Glossar. Gr. в южно-Славянскомъ видѣ, и другія).

Кромѣ указаній въ языкѣ повести, литературно-историческіе факты также подтверждаютъ существованіе Греческаго перевода сказки изъ Тысячи и одной ночи. Важное свидѣтельство объ этомъ составляетъ апокривическая статья въ Румянцевскій Златоустъ, № 181, относящаяся къ 1523 г.; статья озаглавлена «сно¹⁹ ето Никола ѿ Синагрины прѣ» на об. л. 308 — 309, начин. «въ тѣже дѣта поиде прѣ Синагрины на брѣ и бы на мори востана вѣри велики и оубже кораблю разбити х... и пр. Акирь названъ здѣсь *радуй* Синагрина — «бы оу него радиа ймене» 'Акирь премръ и хртѣанъ» — т. е. *σούζουλος* что въ древнемъ еписк. повести переведено «ствѣтшикъ». Статья въ рукописи зачеркнута и кажется давно, иные слова трудно разобрать; впрочемъ содержаніе очень темно и по непорочности чтенія и потому что въ рукописи недостаетъ листовъ. Статья безъ сомнѣнія Греческая, что видно изъ ея характера и языка, и следовательно предполагаетъ Греческій переводъ Синагрина, потому что только извѣстность этой сказки могла дать поводъ къ составленію апокрива. На этомъ основаніи можно, по нашему мнѣнію, опредѣлить и то, какимъ образомъ Греческая біографія Езона относится къ разсказу Тысячи и одной ночи: Византійскій компиляторъ біографіи увлекся эффектною послѣднюю и вставилъ его въ жизнеописаніе національнаго мудреца, не заботясь о несовѣстностяхъ историческихъ. Такимъ образомъ наше сказаніе о Синагринѣ прибавляетъ къ исторіи Тысячи и одной ночи новый фактъ, неизвѣстный ея исследователямъ, и

указывает еще одно произведение Византийской литературы, взятое из сказочных сокровищ Востока вместе с баснями Вивая, сказаньем о Семи мудрецах и др.

В том же сборнике, где находился древнейший список Синагрины, помещено было другое замечательное произведение «Джане и житие Девгеніево Акрита». Сказаніе о Синагрине знакомяло наших читателей съ областью Восточнаго вымысла; и характер и развитіе сюжета отражали въ себѣ обыкновенныя свойства Восточной поэзіи; Девгеніево житіе напротивъ было уже эпосомъ Европейскимъ, въ немъ литература наша получила Византийскій героическій романъ, произведеніе другаго тона и съ другими красками. Карамзинъ называетъ это произведеніе старинной Русской сказкой, сочиненной въ XII-XIII вѣкѣ, но потомъ признаетъ его не Русскимъ сочиненіемъ: это бытъ такой-же переводъ или передѣлка, какъ повѣсть о Синагрине. Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ передаетъ заглавіе повѣсти иначе: въ первомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ статьи рукописи оглавлены такимъ образомъ — «6. Джане прекрасныхъ временъ храбрыхъ человекъ о брѣзости, о силѣ и о храбрости, 7. сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ, 8. аще думно естъ слышати о свадьбѣ сіе Девгеневѣ и о вельмаченіи Стратитовнѣ», но изъ пересказа содержания повѣсти у Карамзина видно, что это были не заглавія отдельныхъ статей, а только названія главъ самой исторіи; следовательно настоящимъ именемъ ее было то, которое мы привели выше. Единственное свидѣніе о древнемъ спискѣ повѣсти оставлено Карамзинымъ (2, пр. 333. 3, пр. 272). Джане Девгеніево, говоритъ онъ, изображаетъ богатство трехъ сыновей одной набожной вдовы и племянника ихъ Девгенія, дѣйствіе происходитъ въ Греческой землѣ; сочиненіе не богато стихотворными вымыслами; храбрыя быють людей какъ мухъ и слѣдутъ головы тысячами. Вотъ нѣкоторыя отрывки изъ повѣсти: «Сла Амера на сумелѣи Грешкой земли и рече: бодрство мое великое, сынове аравитѣстн' имете ли дрѣзость на грешкую землю, прочеу ты силѣ или поставити? И единъ аравитѣстнъ велетъ ясно рече... устны у него пати; на конецъ устенъ висяху мнози жуковины, и погонень послѣ 12 дѣмка замчена». О Девгеніи сказано — «дванадцати члѣнъ мечемъ

играть, а на 13 дьго кошемь, а на 14 дьго похунаста великий збрь побѣдигъ; онъ ѣдетъ къ славнои красавицѣ Стратиговѣ, играть подь окнами ея на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «какъ ми отца своего и братио, каковы суть? И начи два ему даголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ сакенъ, а конь у него покрытъ наволокою зеленою; а братио моя суть въ серебряныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрвденю наволокою покрыты». Побѣдивъ отца и братьевъ Стратиговы, Девгеній говоритъ имъ: «зачь старости твоя дѣла покажу дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ: только знаменіе свое хощу вылоказати на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ правды его многоцѣнъ, и у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ; то вла у нихъ за знаменіа мѣсто». Онъ женится на Стратиговѣ, и отецъ ея предлагаетъ ему дары—«нода Стратигѣ своему злато 30 фаревъ (коней), а покрыты драгыми наволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; нода ему конохъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ крѣмлицы своими, и дастъ ему кокуховъ 50, сухымъ златомъ шиты, и наволокъ великихъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомъ; вмѣщахуся во нь многы тысяща вои, и ушкина бяху шатра того полкозюва, а колца серебряна; и поцаетъ ему шкону злату св. Оседоръ, и коня 4 аравитьскыя, и мечъ пачь правды своего. А тепа поцаетъ ему драгыхъ поволокъ зеленыхъ 30, кокуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ; прѣвый шуринъ уноша поцаетъ ему 50 поясовъ златокованныхъ, и шна шурѣя даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа». Это замѣчательное произведение до сихъ поръ оставалось неизвѣстно по другимъ источникамъ; оно не было упомянуто ни въ одномъ описаніи нашихъ рукописныхъ собраній. Намъ удалось встрѣтить довольно поздній списокъ этой повѣсти въ Погодинскомъ сборникѣ Публ. б-ки, отмѣченномъ по описи Л. 1773 и принадлежаніемъ XVII—XVIII вѣку. Здѣсь повѣсть помѣщена на обор. л. 342—361 подь заглавіемъ «Декий прѣзжихъ времѣнь и хрѣбрныхъ члвкъ, ѡ дерзости и ѡ хрѣбрности ѡ бодрости, прѣдръ свѣѡ. Девгеній» начин. «бѣ нѣ сѣя гдова царєка роду» и пр.). Сарацинскій или Аравит-

ский царь Амирь влюбился въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землѣ Греческой: онъ собралъ войско и пошелъ «накости творити въ Греческой землѣ для ради красоты дѣвцы той», похитилъ дѣвушку и скрылся. Вдова посылаетъ трехъ сыновей въ погоню: «идите вы, сказала она имъ, и угоните Амира царя и отоймите сестрину свою прекрасную: аще сестры своей не возьмете, и вы и сами тамо главы свои потянете». Братья снарядились и бросились за Амиромъ какъ ястребы золотокрылатые: на границѣ земли Аравитской они встрѣтили стражу Амира и начали бить ее, яко доброе косятъ траву косятъ. Прибѣжавши потомъ къ стану царя, братья подняли на коня царскій шатеръ, и Амирь предложилъ имъ бросить жребій, кому изъ нихъ достанется битися съ нимъ за сестру ихъ: три рѣза были брошены жребій и какакой разъ приходилось меньшому брату, потому что онъ родился вмѣстѣ съ сестрой. Амирь былъ побѣжденъ на поединкѣ, но соглашался принять истинную вѣру, если братья отдадутъ ему сестру свою. Братья спросили ее, какъ жила она у царя Амира: и рассказала ему о великой храбрости, отвѣчала она, и онъ не велѣлъ никому входить въ мой шатеръ, велѣлъ еродникамъ скрывать мое лицо, и разъ въ мѣсяцъ прибѣжать посмотреть на меня и т. д. etc.; но если Амирь крестится, то не нужно вамъ заботиться о немъ, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростию мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились и Амирь, собравши множество сокровищъ, отказался отъ своего шатера и уѣхалъ въ землю Греческую; свадьбу отпраздновали великими танцами и пиромъ. Между тѣмъ мать Амира узнала о его отступничествѣ и послала трехъ Сарацинцевъ на волшебныхъ коняхъ, вывести Амира изъ Греческой земли: въ тоже время царина Амира царя видѣла ловящій сонь; призваны были волхвы, книжники и *фарисей* и объяснили, что за Амиромъ присланы гошны изъ Аравитской земли. Гошны действительно были найдены въ тайномъ мѣстѣ за городомъ; ихъ крестили, а волшебные кони были отданы тремъ братьямъ-богатырямъ. Черезъ нѣкоторое время у Амира родился сынъ: его назвали Акримъ, а въ крещеніи дали ему имя прекрасный Девгей. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: на тринадцатомъ году онъ уже готовился

къ воинскимъ погхамъ, «самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко свѣтъ, а румяно яко макотъ цвѣтъ, власи же его яко злато, очи же его велми великии яко чашни». Однакожъ, когда отецъ выхалъ съ нимъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всѣхъ спутниковъ неустрашимостью своей въ борьбѣ съ дикими звѣрями; тутъ же убилъ онъ четырехглаваго змѣя и съ тѣхъ поръ сталъ думать о ратныхъ дѣлахъ. Сначала пообладалъ онъ Филипата, — который называется въ Погодинской рукошесъ «Филиппъ-пана», — и воинственную дочь его Максиміану, которые хотѣли вродомно завлечь его къ себѣ; пооблаченный Филипата сказалъ Девгенію, что есть на свѣтѣ витязь храбрѣе и сильнѣе Девгенія, Стратигъ, съ четырьмя сыновьями и дочерью Стратигиной, которая имѣетъ мужскую дерзость и храбрость и которой напрасно добивались многіе цари и королѣ. За такое извѣстіе Девгеній обѣщаль отпустить Филипата — «только возложу знаменіе на лице твое протѣго ради времени», — но хотѣлъ сперва увѣритъ въ справедливости его словъ; сдѣвъ Филипата отцу, а Максиміану матери своей, Девгеній отправился на новыя подвиги, несмотря на всѣ увѣщанія Амира. Погодинская рукошесъ прерывается на описаніи похищенія Стратигиной; мы уже видѣли изъ вышескъ Карамзина, что Девгеній побѣдилъ и Стратига, и женился на славной красавицѣ. — Очевидно, что подобный разсказъ не могъ принадлежать Русскому или южно-Ставишскому сочинителю, которому было бы странно выбирать такой сюжетъ. Дѣйствующія лица и мѣсто событій принадлежатъ землѣ Греческой, одно изъ главныхъ оснований повѣсти — противоположность Греческой земли съ Сарацинскою; характеромъ своимъ «Девгеніевъ Дѣлиевъ» указываетъ на Греческое произведение, относящееся къ темному въ Византійской литературѣ отдѣлу повѣстей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полу-вѣщественными исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и страствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ Византійско-Палестинскій. Для Греціи противоборство восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо ранѣе, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эпоха столкновѣнія запада съ востокомъ, такъ восточная

борьба съ невѣрными, романтическіе эпизоды далекихъ странствованій, — такъ подобныя мотивы существовали и для Византійской литературы. Впрочемъ памятники Византійскіе, обладающіе своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ Девгеніева Цанія, доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной Византійской литературы. Наложено при томъ вообще политическій колоритъ: сравненія, эпитеты, угодобленія и гипербола встрѣчаются безпрестанно; повѣсть вѣроятно нравилась стариннымъ читателямъ, потому что нѣкоторыми подробностями очень похожа на наши сказки. Выбѣтъ съ сказаніемъ о Синагриѣ, эта повѣсть дѣйствительно могла относиться къ XII — XIII вѣку, и появилась у насъ также чрезъ южно-Славянскій переводъ, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «сухо» «злато» — обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи; «гисуна» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-Славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фаръ» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкѣ о Синагриѣ, иногда въ формѣ «фарина», и происходитъ отъ средне-Греческаго *φάρμα*, также *φάρμα*, *φάρμα* по Диоскориду *equus arabicus*... *passim pro quovis equo praesertim generoso*. — или средне-Лат. *farius* (ср. Плат. 56, 162, *фарбавитъ* 170. . . .). Погодинскій списокъ довольно далеко отъ того вида повѣсти, какой имѣла она въ древнемъ спискѣ или въ подлинникѣ — несомнѣнно доказательство того, что повѣсть переносилась перѣлко и вообще была извѣстна охотникамъ до сказочнаго чтенія. Рѣдкость ея въ рукописяхъ должна быть поэтому объяснена той случайностью, которая господствуетъ надъ произведеніями литературы писанной. Но сравнениа немногихъ дошедшихъ строкъ у Карамзина и въ спискѣ Погодинскомъ, можно повѣрливому вывести заключеніе, что Цаніе Девгеніево не было перемѣнено до такой степени какъ сказка о Синагриѣ, и въ подлинникѣ въ своемъ сохранила болѣе древняго если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета.

Наконецъ, въ потерявшемъ сборникѣ гр. Мушкова-Пушкина находилось «Сказаніе о Индіи богатой» или извѣстное письмо пресвитера Юанна къ Греческому императору Мануилу, въ свое

время знаменитое во всей Европѣ. Въ XII столѣтіи или еще ранее въ западной Европѣ начали говорить о существованіи славянскаго христіанскаго государства въ Азии, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ Presbyter Johannes. Писаніе сперва по темнымъ слухамъ и преданіямъ, имѣло это видѣлось и въ сочиненіяхъ путешественниковъ, напр. у Шлайхтинни, Рубрукиса, Монте-Корвато и другихъ, которые съ уверенностью говорили о загадочномъ пресвитерѣ; но писанія и противорѣчили одно другому и понятія о неслыханномъ царствѣ запутывались болѣе и болѣе. Преданіе впрочемъ сохранило и имя пресвитера Іоанна вошло въ народныя легенды: писаніи три царя, отправляясь съ востока въ Византию, поручили бы Іоанну управление своими Индійскими царствами *Sinuos Volksh. 4. 456*; существованіе его подтверждалось письмамъ которыя писалъ онъ къ Греческому императору, къ Фридриху Барбаруссу и др. о чудесахъ своего царства; Мантевалъ разсказывалъ о немъ въ своемъ сказочномъ путешествіи. Личность пресвитера Іоанна представлялась въ самыхъ смутныхъ чертахъ но не подвергалась сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что хотѣли върять невѣроятнымъ чудесамъ, которыя находились будто въ этой странѣ. Его считали или Татарскимъ ханомъ, признающимъ христіанство, или Индійскимъ царемъ и восторженскимъ патриархомъ, дѣлали его главою сказочныхъ рамавъ, о которыхъ говорила исторія Александра; подиѣе его перенесли въ Абисинію, гдѣ путешественники описывали что-то подобное христіанскому царству Іоанна. Между бумагами Кемптебергскаго архива Карамзинъ нашелъ письмо одного великаго министра Неманскаго ордена, отъ 1407 г. 20 Января, къ царю Абисинскому или священнику Іоанну Regi Abissiae sive presbytero Johanni такимъ образомъ, смѣшавши Абисинію и Абиссію, его назвалъ даже у Абхаловъ Кар. 3, пр. 282.

Древнее Русское «сказаніе о Цити богатой» или повесть Іоанна къ Греческому императору Мануилу Димануилу Гомариду разсказываетъ по словамъ Карамзина, что Іоанну повинуется Цити 72 царя, что въ его странахъ рожается *conchium* — пометловка и перидея, *urini* или медвѣди, женщины, рыбы съ водою кровью, звѣри о пяти ногахъ и сатиры; что медвѣди не пуга-

потому что отъ великой лжи блѣднѣють какъ мертвенны: что ушины нахожены драгоцѣнными камнями и пр. Кар. 3, пр. 272. Подлиннѣиши космографѣи также упоминали объ этомъ царствѣ, помѣщая его въ Абиссиніи; въ Румянн. космографіи XVII в. № 380 на л. 90 разсказывается, что государство цона Яна — земля великая, пространна, изъ мѣсту великаго моря, въ ра же въ ней свани и тиска и еретическая; то нико же горы нѣмѣють нравы — аще прѣбавіе гости... не учеть въри въровати, и оны у нихъ на славахъ по тожакъ бумажны шыпки, залыгають, и оттого джорантъ; плодильно же и водомъ и всякимъ богатае. Сказаніе объ Индіи сохранилось у насъ въ позднихъ спискахъ и вѣроятно много передѣлано.

Списки — Толст. 2, 104; Публ. Бол. XVII, Q, 65; Сборн. XVII вѣка л. 495 — 497 — сказаніе о Индіискомъ царствѣ и о величїи мѣстехъ его, великомъ. Къ сказанію, мы вѣроятно случая просмотрѣвать этой рукошеи.

— Удольскаго, въ сборникѣ XVII в. Время, кн. 14.

— Тихомирова, въ сокращенномъ сборникѣ XVII вѣд. небольшого формата, гдѣ на 7 листкахъ помѣщено сказаніе о Индіискомъ царствѣ, которое начинается такимъ образомъ: Царь Мануилъ Греческій послалъ своего посла ко црю Ивану Индіискому и посла къ нему дары мѣсти и повелѣи вопросити о величествѣ силы его и о царствѣ его и о величїи мѣстехъ его Индіиской земли. И дошесть повелѣи земли Индіиския и дати дары царю Ивану и повелѣиша ему начати цювати. Црю царь дары и рече царь Иванъ послу — рши царю своему Мануилу — аще хочешаи узнати мою силу и величїе мѣсти царства, протан все свое црство и црци ко мѣбъ ема, и послужа мѣб, и поставлю та у себя еднѣго царя и поставлю црствати, и пачи и црствати до своѣи земли. Дѣду еси ты мене до сестеринѣи есины, аще вѣсх црствати шестѣи црствѣи мѣсти, и ты со великии црцкыи своими не можешаи црствати мѣсто црства до нехотѣи души твоеи, и рече црю Мануилу поставити, и тебѣ съ харьково, на чьемъ мѣбѣ рече повелѣиша црствати, и црствати тебѣ мѣсто црства земли шестѣи и величїи мѣстехъ. Аще бо еси до обѣдѣи царя рече, а повелѣи обѣдѣи царя, а царь еси и црствати ты црствати и рече црю Ивану, а црствати ты црствати по православной цркви Христовѣи, и црствати ты црствати и

едну страну 10 мѣсць, а на иную страну не вѣдоу и сажь,
гдѣ небо и земля соудулась и т. д.

— Поделано. Сказаніе о Индіискомь царствѣ и великомь
и пресловуемь государствѣ, и о всѣхъ чудесахъ земли той
Индіискія: сколь велика земля, и сколько какихъ чудесъ и
удорожій, и каковы въ ней люди и языцы, и каковы въ ней
звери, и каковы въ ней птицы: напечат. въ Моск. Типогр. 1825
10, 93 — 105; списокъ очень полнинъ, и впрямую истощинъ.

*Litterae presbyteri Johannis ad Constantinopolitanum impe-
ratorem* напечат. въ *Moschensii Hist. Tartar. eccles.* Helmst. 1751,
app. p. 29—33 изъ *Assemani Bibl. Orient.* t. 3, p. 2, c. 9, p.
cccc. re sq. Новѣйшія изслѣдованія *Ritter* *Erdkunde* 2, 2, 1,
283 ff. *Neander Kirchengesch.* 3, 1, 59 ff. *Güsse, Lat.-Gesch.* 2,
2, 767 ff., *Semenovъ, Землеведение Азіи.* СПб. 1856, 1, 679—700.

Таковы памятники, унѣльшіе отъ древней эпохи нашей сло-
весности; бо иную часть мы не имѣемъ средствъ точнѣ опре-
дѣлить ихъ литературныя отношенія т. е. время и обстоятель-
ства перевода, побужденія, руководившія тогдашними писате-
лями и пр. Какъ заключительный фазъ этого періода является
самобытное произведеніе высокаго поэтическаго достоинства; мы
поимамъ Слово о полку Игоревѣ. Ни одинъ изъ памятниковъ
нашей старины не подвергался столько разъ толкованіямъ, не
былъ столько разъ подведенъ подъ разные точки зрѣнія, какъ
это Слово; если до сихъ поръ оно остается темнымъ по нѣко-
торымъ отношеніямъ, виною тому прежде всего непорочность
извѣстнаго текста, не дающая понимать его ближайшаго зна-
ченія, и неизвѣстность самого періода литературнаго, которому
оно принадлежитъ, — неизвѣстность, за которой оставалась не-
объясненною возможность подобнаго явленія въ ту отдѣленную
пору. Это произведеніе замѣчательно не тѣмъ только, что въ немъ
разсѣяно много истинно-поэтическихъ представлений, и не тѣмъ,
что въ немъ обильною струей проходятъ образы народной по-
эзіи: если въ немъ много народнаго начала, то столько же, если
не болѣе, частнаго авторскаго труда, и въ этомъ послѣднемъ
отношеніи Слово до сихъ поръ не находитъ основательной опѣн-
ки. Не имѣя теперь намѣренія опредѣлить его съ этой стороны,
что потребовало бы спеціальнаго изслѣдованія, мы упоминаемъ

только о мнѣніяхъ автора недавно напечатанныхъ и еще не конченыхъ «Замѣчаній на Слово о полку Игоревѣ», гдѣ въ первый разъ и очень оригинально выражена мысль, что сочинитель Слова вообще былъ ученый писатель своего времени, и что въ частности, относительно своего предмета, онъ глубоко изучилъ Гомера и Эврипида, и что наконецъ одна изъ главныхъ основъ поэмы — сбѣжаніе Русскихъ событій съ *Троическими* сказаніями, ходившими тогда по всей Европѣ. Знакомство съ Гомеромъ, авторъ «Замѣчаній» объясняетъ, отчасти противъ общепринятыхъ мнѣній, значительною известностію Гомера въ западной и восточной Европѣ и влѣбіемъ свѣтской литературы Византийской на Русскую въ XI—XII столѣтіяхъ. Главныя положенія свои онъ излагаетъ такимъ образомъ: «...Единство, являющееся въ литературномъ направленіи XII столѣтія между всеми современными писателями Восточной имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пѣвцомъ, а также и общее стремленіе къ лучшему Троическимъ сказаніямъ и соединеніе исторіи позднѣйшихъ Европеевскихъ племенъ съ древними родами, сильно подтверждающія въ историческомъ отношеніи полноту Слова о полку Игоревѣ и современность его съ событіемъ, въ ономъ изображенномъ. Но и въ одномъ памятникѣ стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пѣснѣ. Вездѣ видны слѣды учености и подражанія Латинскимъ родословіямъ. Въ пѣснѣ же сей воспоминанія про древніе роды являютъ съ характеромъ народности и полною убѣжденіемъ. Весьма замѣтно, что пѣвецъ Игоревъ самъ вѣрится и говорить людямъ вѣрившимъ и его понимающимъ. На основаніи этого, авторъ относитъ къ Троическимъ сказаніямъ всѣ мѣста въ Словѣ, гдѣ упоминается имя Троицы, и другія темныя выраженія, объясняетъ ими *Болиа* Гомеромъ — какъ Гомеръ по преимуществу $\pi\epsilon\tau\epsilon\tau\iota\varsigma$ роѣта бѣль прилаг. собственнаго имени, такъ *болія* вообще поэтъ по этимологическому значенію слова: *τροῦ* троица — возвратомъ троицескимъ $\tau\epsilon\tau\epsilon\tau\iota\varsigma$; *дугу-обиду*, везувившую на землю дѣкъ-бога шума, — Еленой; все это подтверждаетъ онъ многочисленными сличеніями съ писателями Греческими и другими, и постоянно открываетъ въ сочинителѣ Слова глубокое изученіе Троическаго эпоса. Времен. кат. II, 17. Вообще мысль о связи Слова о полку Игоревѣ съ Троическими

сказаниями доведена авторомъ до такой крайности, что каждый безпристрастный исследователь усомнится въ его гипотезахъ. Текеть дошелъ до насъ въ такомъ испорченномъ видѣ, что полагаться на него не всегда можно, особенно при такихъ выводахъ; нѣтъ сомнѣнй, что въ текеть есть и пропуски и совершенное искаженіе подлинника. Далѣе, въ тѣ мѣста, гдѣ авторъ «Замѣчаній» видитъ слѣды Троинскаго мифа, составляютъ ошибку весьма непрощую: нѣвѣстность Гомера у насъ очень сомнительна и нуждается въ доказательствахъ, несмотря на слова Ипатьевской дѣлони и переводчика посланнй Леонты къ Флавиану, да и самое имя *Troia* по формѣ своей никакъ не можетъ быть отнесено къ Троѣ, отъ которой у насъ были только два прилаг. «Троицкыи» и «Троинскыи», а смысловое означеніе прилаг. указываетъ именно на Трояна или Травна. Другіе въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли не справедливѣе вспоминаютъ о царѣ Троицѣ, играющемъ роль въ преданьяхъ южно-Славянскихъ; у Сербовъ имя Трояна пользуется особенной любовью. Вместо естественнѣе находить здѣсь намеки не на Троицкую исторію, а на каки-то народныя преданья, теперь неизвѣстныя, но конечно не имѣющія отношенія къ Троицкимъ сказаніямъ. Мнѣнія автора «Замѣчаній» добрыи и имѣютъ свою цѣну въ томъ только отношеніи, что предостерегаютъ въ сочинителѣ Слова не просто подражателя народному эпосу, а писателя самостоятелъ, имѣющаго свой выборъ сюжета и изложенія. Сочинителѣ Слова опредѣляетъ себя такимъ образомъ въ самомъ началѣ своего произведенія: въ верхахъ словахъ нѣтъ ни говорится имен но о манерѣ, формѣ, приличной его предмету, и это самое по- казываетъ, что для него было возможно подобный выборъ. Въ обозображенномъ видѣ Слова, какой мы знаемъ теперь, можно однако видѣть, что здѣсь съ начала до конца господствуетъ одна авторская мысль, развиваемая литературнымъ образомъ. Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ нашен старинной шествиности примѣръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала Германская среднѣвѣковая литература, т. е. эпоса, уже возвышеннаго надъ уровнемъ народной словесности устной дѣлѣвательной по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если звѣнія литературы общероженно совершаются в

и светлой постепенности, имѣеть свои причины и следствія, то легко придти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ удивительно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало извѣстное литературное развитіе, и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта: это предыдущее развитіе указало на пути, которыми могла сдѣловать авторъ стариннаго эпоса: съ одной стороны переть имъ деяніи богатые лианы народной поэзіи, — оны имъ и воспользовался значительно, — съ другой, произведеніи письменной литературы, вѣроятно не оставшіеся безъ вліянія на его форму. Указаніями нами прежде произведенія имѣеть нѣкоторое понятіе объ этой литературной эпохѣ, и хотя мы не имѣемъ всего объема древней повѣсти, но можемъ догадываться, что она составляла замѣтное явленіе въ тогдашней письменности и имѣла свое тогдашнее участіе въ образованіи такого памятника, какъ Сказаніе о походе Игоревѣ.

III.

Сказаніе о походе Игоревѣ. Русскія старинна повѣсти. — Сказаніе о Вавилонскомъ пленѣ. — Сказаніе о Соломонѣ. Шведскія средне вѣковскія сказанія Мартина, Сказаніе о Каторжѣ, судъ надъ Соломономъ, средне вѣковскія сказанія Сусо о вліяніи на оныя Массар и пр.

Повѣсти, въ которыхъ переходимъ теперь, по болѣе или менѣе близкую связь съ народною словесностью, имѣеть прежде переводы Византическихъ сказаній. Правда, и эти повѣсти не были прямо заимствованы изъ народной лианы, но они имѣли читателей и обязаны вымладѣть въ своемъ характерѣ отъ близости съ образами народной поэзіи. Она имѣла ихъ призваніе, если не ошибаюсь, Русскому сознанію, но, и добившаяся какъ примѣръ того, каковымъ образомъ старинныя повѣствованія понимали и взынати на требованія тогдашней повѣсти. Вѣроятно были чуждого происхожденія, но на Русской почвѣ стали и нѣкоторыя новыя отношенія.

Первая повѣсть разсказываетъ, почти во всѣхъ сущностяхъ, ошакowo, исторію Киевскаго гостя Басарта и его сына, котораго звали Борзосмысломъ или Мудросмысломъ. Оныя бы сего-

ная буря застала их на морѣ и принесла къ невѣстному городу; имъ править несчастный царь Сміанъ или Несміанъ, всѣхъ обращавшій изъ христіанства въ свою Еллинскую вѣру. Царь обещалъ позволить купцу торговать безданино-безпошлинно въ своемъ царствѣ, обещать даже отпустить потомъ Цесарю на родину съ дарами и проводниками, если только он приметъ его въру или отгадаетъ три загадки. Цесарю пришлось въ ушыніе — онъ видѣлъ триста тридцать кораблей, хомова торжествъ, неисполнившіе требованій Несміана, томилась въ топикахъ, и ожидать такойже участи себѣ. Семилѣтній сынъ обавляетъ Цесарю о гибели: по истеченіи срока, когда купецъ долженъ былъ отвѣтить на вопросы цара, они оба явились передъ Несміаномъ; дитя отгадываетъ первую загадку; на другой день царь собираетъ *smithoz* и *thronoz*, князей и бояръ, чтобы они видѣли дивную мудрость семилѣтняго ребенка, и на слѣдующій снова отгадываетъ загадку. На слѣдующій день, приготавливаясь рѣшать третью загадку, ребенокъ потребовалъ, чтобы царь далъ ему свое одѣяніе и посадилъ его на своемъ престолѣ, чтобы весь народъ могъ его слышать и видѣть. Несміанъ согласился и Борзоумьель, вошедши на престолъ, сидѣлъ царемъ, въ кого онъ въруеть, и когда всѣ признали се христіанами, онъ отрубилъ голову несчастному Несміану; народъ призналъ мудраго ребенка своимъ царемъ, заключенныя купцы были освобождены, патриархъ возвращенъ изъ заточенія и христіанская вѣра утверждена. Борзоумьель женился на сиротлившейся дочери Несміана и правилъ царствомъ до кончины.

Содержаніе, какъ видно, довольно общее; разсказъ, можетъ быть, извѣстный намъ и не въ первоначальной формѣ, обличая книжные приемы средняго періода литературы до-Петровскаго въ языкѣ заимствы иногда слѣды народной рѣчи. Но слова все можно свести и передѣлкой чужаго разсказа, но скорѣе это была Русскимъ сочиненіемъ, на что и указываютъ собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Въ одномъ изъ Руминовскихъ списковъ повѣсти, находится даже варіантъ — что сынъ Кіевшица Цесаря, слѣзавшійся царемъ невѣстнаго города, представивши своимъ приказъ царство свое правити брату своему

Кириаку Дмитриевичу, а старшинство приказал дать своему Василию Кудриному», — что впрочем могло быть прибавлено и послѣ Карамзина, передавая содержание сказки 7, 229—230. пр. 411, называть ее Русским сочиненіем и относить къ XV—XVI вѣку, но не высказавъ оснований своей догадки; Полевой, напротивъ, считаетъ повесть о Басарѣ только Русскою передѣлкою; Снегиревъ приводитъ только мнѣніе Карамзина (Вал. Сб. 213). Некоторые подробности, дѣйствительно, какъ будто намекаютъ на чужой подлинникъ сказанія: во всѣхъ спискахъ повести упоминаются «шматы» или неправ. «шповы» и «шпроны» въ числѣ вѣдьмъ, вытѣе съ средне-Греческихъ ἑπαγγεῖς и πίζωρ или πίζωρ, Лат. дуго *Ducange Gloss.*, — а въ Румянц. спискѣ, J° 380 дѣйствіе даже происходитъ въ Антиохіи; но, имя Антиохіи принадлежитъ одному только списку, илліишее же употребленіе Греческихъ словъ, было литературной манерой, въ которой находили тогда особенную красоту слога. Такія же ненужныя Греческія слова встрѣчаются въ сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Русскимъ книжникамъ; не собирая многихъ примѣровъ, укажемъ только на автора Сказанія о Мамасовомъ побойнѣ, который говоритъ между прочимъ: «бѣлбозный царь Мамай ... нача глаголати ко своимъ *оушатиамъ* и княземъ и буланомъ», Одетъ пишетъ къ Литовскому князю — «азъ же жду твоего *постисара*» т. е. посланца; «скальваютъ, есть въ вѣднѣ его *кадуръ* именемъ Сергій, по свѣтъ и прозорливъ великъ» и т. п. Р. Ист. Сб. 3, кн. 1, 3, 5, 31. Большая простота содержания не позволяетъ думать, чтобы наша повесть была передѣлкой какого нибудь Византийскаго сказанія; напротивъ, по незамѣлливости ее скорее можно считать произведеніемъ Русскаго трагика. Главные мотивы ея — торжество истинной вѣры и презрѣтельность зачаткамъ, были совершенно въ духѣ времени и могли быть употреблены Русскимъ сочинителемъ. Притомъ и вопросы Песмѣяна не отличаются большою хитростью: «много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми!» спрашиваетъ отъ Борзосмысла, и тотъ отвѣчаетъ: слово, царю, ни мало ни много, день съ ночью, сонъ правды весь кругъ небесный, и отъ востоку и до западу единымъ дѣломъ, а ночью единою соуще пройти отъ сѣвера до юга». Другая

загадка: «что днем десятая часть въ міру убываетъ, а поно
десятая часть въ міру прибываетъ?» на что отрокъ говоритъ
«то, царю, днемъ десятая часть сошемъ воды усыхать въ
моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а поноію десятая часть въ міру при
бываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже сону зашеи
и не сіюноу». Въ отвѣтъ на послѣднюю загадку, отрокъ уб
ваетъ несчастнаго царя и утверждаетъ истинную вѣру. Загад
составляетъ одинъ изъ существенныхъ пріемовъ народной по
эзіи и тѣмъ легче могла быть введена Русскимъ сочинителемъ,
что также роль дана ей въ древнихъ переводныхъ повѣстяхъ.
Вообще въ построеніи повѣсти можно замѣтить вліяніе обра
повѣ, какіе находилъ сочинитель въ тогдашней письменности.
загадки встрѣчаются и въ Греческихъ сказаніяхъ, Александрій
сказкѣ о Синагриѣ и другихъ, которыя были безъ сомнѣн
хорошо извѣстны нашему сочинителю; въ нихъ замѣтны и ле
гендарныя стремленія, которыхъ нельзя не видѣть въ Словѣ
Басаргі. Представленіе мудраго семилѣтняго ребенка, который
блуждать верхомъ на палочкѣ, буквально сходно съ тѣмъ, какъ
одна Сербская сказка рисуетъ «Премудраго» т. е. Соломона.
Одинъ человекъ, желая получить свѣтъ отъ Премудраго, при
шелъ на Соломоновъ дворъ: — «онда та уме један слута, те г
уведе у двор на пружки руку на једно шјете, *које бјеше ујјетомъ*
на штапа на три по обору: Ено оно је Премудри. — Чоек се за
чуди, на пошелу у себи: Шта ће оно шјете мени знати казати!»... *Вук*, Прип. 193. Впрочемъ, это мотивъ общенарод
ный: Французская народная книга рассказываетъ о мудромъ ре
бенкѣ трехъ лѣтъ, которому задавать трудные вопросы импе
раторъ Адрианъ. *Nisard, Hist. des livres populaires ou de la litte*
rature du colportage, Paris 1854, 2, 16 — 19; тошо также въ
Монгольской сказкѣ о мальчикѣ, сказавшемъ безъ слѣда на чер
номъ быкѣ, мудрый ребенокъ своими отвѣтами удивляетъ ошат
наго наставника. *St. Petersburg, Ztg.* 1849, 1, 79. Замѣтны на
ковель, что въ спискѣ, которымъ пользовался Карамзинъ, по
вѣсть является разказомъ самаго куша, тогда какъ въ другихъ
спискахъ этого нѣтъ. Личное имя Басарги встрѣчается иногда
въ старину, напр. Тихонъ Басарга, архим. 1500 г. *Опис. Рум.*
Муз. 76. Число списковъ повѣсти довольно значительно.

— Ружанин, J' 370 мшваториань сбори, XVII в. д. 60 — 117. Сказаніе о Дмитріѣ кушѣ, начн. бѣсть пѣкто купецъ именемъ Дмитріи, въ Кіевѣ градѣ дѣлаше — короткая редакція; — J' 378 сбори, XVII в. д. 332 — 346. Слово о Дмитріѣ кушѣ довожомъ порекду Басарга Кіевскаго, и о мудромъ и о блаторазумномъ сыѣхъ его, о отроцати добро-мудромъ смѣстѣ, начн. бѣсть пѣкто купецъ богаты зѣдо въ русскои земли во градѣ Кіевѣ, именемъ звономъ Дмитріи Басарга — редакція пространная; — J' 380 сбори, XVII в. д. 466—475. Слово о Дмитріи кушѣ Басарга, нач. бѣсть пѣкѣи купецъ Дмитріи Басарга, женижеса въ русскои земли, во градѣ Кіевѣ и пр.

— Толст. 2. 140 Публ. Б-ки XVII. Q. 22 сборишь XVII — XVIII в. д. 638—651. Слово о Дмитрѣ кушѣ и о мудрыхъ словесехъ сына его Борлоемысла сказаніе.

— Погодин, сбори, повѣстей и сказокъ XVII — XVIII в., въ Публ. Б-кѣ, по описи J' 1772 д. 203 — 212. Слово о Дмитріи кушѣ, града Кіева, прозваніемъ Басарга, и о мудрыхъ словесехъ сына его, нач. бѣсть пѣкѣи купецъ именемъ Дмитрѣ, богаты, лави въ русскои земли, во градѣ Кіевѣ....

— Полевато, списокъ напечат. въ Р. Вѣстникѣ 1842. 4. 65 — 75. повѣсть о Басаргѣ кушѣ.

— Ундольскаго, въ сборишь сказокъ Врем. кн. 14 — о Дмитрѣ Басаргѣ и о сыѣхъ его отроцати седми зѣтъ, нач. Дмитрѣ Басарга гостѣбу дѣлаше.

— Въ Русск. сбори, конца XVII в. Дрезденской Б-ки, д. 61—70. Слово о Дмитрѣ кушѣ и пр. С. Стрелъ, Он. пам. Сл.-русск. литер. М. 1844, стр. 66.

Сказка «о Вавилонскомъ царствѣ» встрѣчается въ рукописяхъ XVII-го и XVI-го столѣтій, и рассказываетъ о томъ, какъ Левъ, царь Греко-сїій, посылалъ въ Вавилонъ трехъ пословъ, выбранныхъ изъ трехъ народовъ — Греки, Облѣжанина и Русина или Словенина. Послы благополучно избѣжали опасностей, грозившихъ имъ въ дорогѣ, прибыли въ Вавилонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ чудовищными змѣями, нашли тамъ много древнихъ драгоцѣнностей и возвратились съ ними къ царю. Выслезенія ими сокровища состояли изъ различныхъ парскихъ одеждъ и украшеній, которыя и были представлены ими царю Леву. Въ этомъ состояніи основа разсказа: впрочемъ разные

списки передают его съ значительными вариантами, дополняют посторонними подробностями, такъ что вообще составляет довольно неясное цѣлое. Въ одномъ спискѣ повѣсти, которымъ пользовался г. Буслевъ (О послов., 47 — 49), второй посолъ царя Льва названъ *Обжешномъ*, и на основаніи этого имени г. Буслевъ сблизилъ сказку съ извѣстной притчей объ Обрахъ; но въ рукописи, какія намъ случалось пересматривать, приводитъ это имя въ формѣ *Обжешинъ*, которая прямо относится къ «Обезамъ» древней нашей летописи г. е. Абхамамъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ сравненія съ Польскимъ *obrzum*, *olbrzum* и Обрами. Сказка не была безъ сомнѣнія Русскимъ народнымъ произведеніемъ: неважное мѣсто, какое дается въ ней Русскому началу, достаточно на это указываетъ; главное дѣйствующее лицо ея — Греческій императоръ; содержаніе сказки принадлежитъ къ кругу апокрифическихъ преданій, главнымъ источникомъ которыхъ служила у насъ литература Византійская. Въ основѣ сказки было Греческое произведеніе, вѣроятно и несколько развитое и дополненное Русскими передѣльщиками, которые, можетъ быть, и сдѣлали Русина участникомъ событія; что касается до Обела или Обезанина, онъ легко могъ попасть въ Греческое сказаніе, потому что Абхазія, какъ страна христіанская, издавна знакома была Византіи; Греческій первообразъ нашей сказки видѣть и въ томъ, что конечь ея сводится къ возведенію Греческаго царя. Но въ послѣдствіи она была связана и съ преданіями Рускими: и некоторые списки, по поволу царскихъ украшеній, вывезенныхъ будто изъ Вавилона, упоминаютъ и Мономахову шапку, которая должна была находиться въ числѣ этихъ драгоценностей. Въ рукописяхъ XVI—XVII-го вѣка встрѣчается «Сказаніе о великихъ князехъ Владимировыхъ», гдѣ передается баснословная исторія о томъ, какимъ образомъ императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ Владиміру, князю Русскому, вѣнецъ царскій, и кромѣ того *«срѣбійцу»* сердолицу, изъ нея же Августъ царь Римскій веселашеся, и *«ожерево»*, яке на плещу своєю понаше, и *«члѣ»* отъ золота Аравійска исковану, и ины многи дары царскія». Изъ эта исторія и сказка о Вавилонскомъ царствѣ и его сокровищахъ, легко могли быть приведены въ извѣстную аналогію; потому что *«объ»* заключали раз-

сказь о царехъ вѣнцахъ и украшеніяхъ, наследственно переходившихъ сперва изъ Вавилона въ Византію, потомъ изъ Византіи на Русь: это сближеніе было совершенно въ духѣ баснословныхъ повѣстей изъ древней Русской исторіи, появившихся у насъ въ средневѣковую эпоху, когда наши книжники позавкомнились съ сказочными дѣтошниками Польскими и начали производить Москву отъ Мосоха, выводить Рюрика изъ Пруст, вставлять въ нашу исторію Александра Македонскаго и кесаря Августа. Но только въ это время сказка о Вавилонскомъ царствѣ была дополнена такимъ образомъ: а въ первоначальномъ своемъ видѣ она была ближе къ чистому апокрифу. Впрочемъ, дальнейшее опредѣленіе ея должно быть сдѣлано по множеству спискамъ различныхъ редакцій, потому что она въ разныхъ текстахъ передается очень несходно. Списки ея встрѣчаются нередко въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

— Отрывокъ изъ нея, по рук. XVII вѣка, приведенъ былъ г. Буслевымъ въ статьѣ о поговѣткахъ, Арх. Кален. 2, 2, 47—49

— Румянц., J^o 374 повѣсти спискомъ, на л. 207—215. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о змиѣ и о царскомъ вѣнцѣ и о батришцы и о святыхъ отрокахъ и о вѣсехъ и о бораниѣ, серданиковой и о иныхъ многихъ вещехъ вавилонскихъ, сія рече — сирѣчь, и о *пелмаговъ* шапочки и о царской портирѣ и о царскомъ одеждѣ. — приведенъ нами вполнѣ въ Писем. 3, 313—320. Момоахова шапка не упомянута однако въ этомъ текстѣ.

— Царск., J^o 382 сборн. конца XVI вѣка, л. 210—214. Слово о святыхъ трехъ отрокахъ Аманія и Азарія и Мисаила, иже посланіе отъ Улева царя, во крещеніи нареченнаго Василия, иже посла въ Вавилонъ испитати. — J^o 743 сборн. 1692 года, л. 340—343. о Вавилонѣ сказаніе и о трехъ отрокахъ, начавъ посланіе отъ Водуа царя, и во крещеніи Василия. — J^o 401 сборн. XVII вѣка, л. 218—224. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Аманія, Азарія, Мисаила, и о змиѣхъ како вѣзати кругъ града Вавилона, и како ходити три мука, начавъ въ Вавилонѣ, бѣлъ первый царь Насоръ и възрѣ кровно всю желтомъ. — вкрѣпно особа редакцій.

— Толст., 2, 229 Публ. Б-ки XVII вѣка, Q, 82 подухст. сборникъ XVII вѣка, с. 57—61. Слово о Вавилонѣ и о трехъ от

роульхъ, Аваши, Азарти, Мисаца, начилъ. Писаніе отъ Иеруя царя, и даде такъ же.

— Забѣлиа, въ рукописи XVII в. № 75 «О запусетіи Вавилона града и о змѣхъ лютыхъ, и како посла царь греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ», — очень любопытная редакция сказки, безъ конца, которою мы, въ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться.

— Удольскаго, въ сборн. XVII вѣка «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о царѣ Аксерѣ и о Понхоленосорѣ царѣ и о царѣ Васильѣ, нач. «бысть въ вавилонскомъ царствѣ».

— Въ упомянутомъ сборникѣ Дрезденской Б-ки л. 56 — 61 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ» (*С. Строев.* Оц. пам. стр. 66). Вероятно тоже «о Вавилонѣ сказаніе» въ Макаріевскихъ Минеяхъ подъ 17 днѣмъ.

Сказаніе о великихъ князехъ Владиміревскихъ начекало, повидно, въ Древ. Росс. Вѣст. изд. 2, 7, 1 — 4 «о поставленіи великихъ князей русскіихъ на великое княженіе святыми бармами и царскими вѣнцемъ, откуда бѣ, и како начана ставитися», — и рассказано по списку XVI-го вѣка у Карамзина 2, пр. 220. Оно внесено въ Воскресенскую и Царственную летопись, встрѣчается также отдѣльною статьёй въ сборникахъ и хронографахъ, напр. — *Румянц. хронографъ*, т. 1, 159 л. 525 — 530 «Сказаніе о великихъ князехъ Владиміревскихъ великаго Рюска, начилъ, соуть исторія Ханаюкова» и пр. — *Публ. Б-ки IV, Г.* 238 сборн. Дубровскаго XVI вѣ, об. л. 150 — 153 съ тѣмъ же заглавіемъ. — *Велик.* 3, 68 Публ. Б-ки IV, О, 24 сборн. XVII вѣд. 350 — 364 также. — *Царск.* № 192 сборн. XVII вѣка, обор. л. 2 — 8.

Переходимъ теперь къ иному ряду повѣстей о царѣ Соломонѣ, которому уже восточныя сказанія придаютъ политическій колоритъ. Столько же извѣстно было имя его и на западѣ, гдѣ въ различныхъ преданіяхъ сохранилась память о его мудрости, если не всегда вѣрно исторической истинѣ, то по крайней мѣрѣ сообразно народнымъ понатіямъ. Иногда впрочемъ эти сказанія развивали сюжеты другаго рода, относили къ Соломону несторонніе мнѣнія: но и здѣсь не теряется мысль о первоначальномъ характерѣ лица и рассказъ долженъ быть привязанъ къ той же основной темѣ. Старая наша письменность не была чужда этимъ поэтическимъ претаніямъ; иныя изъ нихъ стоятъ въ истиннейшей

связи съ народной поэзіей стараго времени и любопытны для насъ, какъ факты ея столько бѣдной исторіи. Большая часть старинныхъ повѣстей нашихъ получили начало книжнымъ путемъ и постоянно оставались глѣмъ, что называется *Volksbuch*, *livre populaire* т. е. хотя и хорошо знакомымъ народу, но все таки книжнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ существеннаго мѣста въ его воображеніи. Таковы были Александрія и другія сказанія, которыя пользовались значительною известностью, что легко видѣть изъ множества списковъ и разнообразія редакцій. Повѣсти о Соломонѣ по своему началу подходят подъ тѣ же условія; онѣ не были самобѣтными произведеніемъ Русской фантазіи, но, или по имени главнаго лица, или по содержанию, которое понятнѣе было народному вкусу, они получили другое значеніе въ глазахъ читателей и стали достоинствомъ специальной народной литературы. Замѣчательная въ этомъ отношеніи повѣсть находится въ Румянц. сборникѣ XVII вѣка, F° 363 на л. 418 — 438 и называется «повѣсть царя Давида и сына его Соломана и о ихъ премудрости» нач. «бысть у царя Давида три дѣвчине; въ нѣсколко разъ упомянутомъ сборникѣ г. Ундольскаго такъ же помѣщена вѣроятно такъ же «повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости» нач. такъ же. Повѣсть, довольно обширная по объему, дѣлится по содержанию на два независимые разсказа: одинъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начиная съ возвращенія его къ Давиду, заключаетъ споръ его съ царемъ Поромъ и побѣду Соломона. Дѣленіе это очень замѣтно въ извѣстномъ намъ Румянц. спискѣ, такъ что каждую часть можно привязать за отдельное цѣлое. Не вдаваясь въ подробности содержания, мы обозначимъ только отношеніе нашей повѣсти къ другимъ произведеніямъ, съ которыми она имѣетъ много общаго.

Въ средневѣковыхъ литературахъ, особенно въ Нѣмецкой, было очень распространено произведеніе, заглавленное исторію Соломона и Моролфа или Маркола *Salomon und Morolf*, *Salomon und Morolt*, *Morolt*, *Marcoul*, *Mason* etc. Впрочемъ въ Нѣмецкой литературѣ подъ именемъ *Salomon und Morolf* извѣстны были два произведенія, совершенно различныя. Одно изъ нихъ появилось очень давно, и въ Латинской редакціи упоминается уже въ V

вклк., въ индексѣ папы Геласіи: *scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis, apocrypha (Fabricii Codex pseudep. V. 1, 1055, ed. 1713—23)*; оно упоминается и въ послѣдствіи. Латинская редакція вышла въ свѣтъ между первыми напечатанными книгами; давно составились и Нѣмецкіе переводы. Французской редакціи собственное имя Соломона было дано пріурочено къ національному герою *Salomon le quens de Bretagne* извѣстны потомъ Англосаксонскій, Датскій, Шведскій и пр. переводы; изъ Нѣмецкой литературы эта редакція Соломона и Маркольфа перешла наконецъ въ Чешскую и Польскую. Но особенное сочувствіе нашла эта исторія въ Италіи, гдѣ, измѣнивъ собственные имена лицъ, она сдѣлалась любимымъ народнымъ романомъ. Мѣсто Соломона занялъ царь Лангобардскій Альбоинъ вмѣсто Маркольфа является національный мудрецъ Бертольд который достигъ такой славы, что ему придумали даже сына Бертольдино и внука, и каждый изъ нихъ получилъ особенную исторію. — Главная мысль этой первой редакціи Соломона и Морольфа есть споръ о мудрости, тема очень обыкновенная въ восточныхъ сказаньяхъ: славному и мудрому царю противопоставляется грубый, уродливый Маркольфъ, который остроумно разрѣшаетъ все трудныя вопросы царя и нередко удивляетъ его своими оригинальными выходами. Послѣ диалоговъ о разныхъ предметахъ жизни, особенно о характерѣ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ женщинъ, исторія говоритъ о томъ, какъ царь началъ преслѣдовать Морольфа за его рѣкшія истины, и какъ послѣдній всегда умѣлъ избѣгать опасностей и оставаться плѣннымъ и невредимымъ.

Подробности и указанія о Морольфѣ — *Grässe, Sagenkreise 30 ff.*, — *Libbrecht's Dunlop 328, 303, 311*. Одна редакція исторіи Бертольда была переведена и у насъ — Италійскою Елои или сатирическое повѣствованіе о Бертолдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія и остроумныя выходки. 2 е изд. Спб. 1782, 8.

Не здѣсь однако любопытная для насъ сторона преданья Морольфа. Въ Нѣмецкой стихотворной редакціи, изданной Гагеномъ (*V. d. Hagen u. Büsching, Deutsche Gedichte d. Mittelalt. Berlin 1808, 44 — 64*), исторія, послѣ спасенія Морольфа от

всклани, имѣть продолженіе, ст. 1605 — 1876, неизвѣстное въ Латинскѣхъ текстахъ. Это окончаніе различіею отличается отъ предыдущаго: Морольвъ уже не грубый посланикъ, а умный и хитрый придворный Соломона, ловко исполняющій самыя опасныя порученія царя. Самое содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ первымъ Морольвомъ, и оно-то развивается въ другомъ обширнѣйшемъ произведеніи, очень сходномъ во многихъ чертахъ со второй половиной нашей повѣсти о Соломонѣ (*V. d. Hagen und Bischening* ib. 1—43). Падатель стихотворенія думаетъ найти въ немъ общія стороны съ первымъ Морольвомъ, хотя и сознается, что во второмъ Морольвъ есть что-то «чуждое». Гриммъ, въ критической статьѣ по поводу изданія Ф.-д. Гагена *Heidelb. Jahrb. d. Liter.* 1809, V abth. 2, 162 — 164, 249 — 257, опредѣлить оба стихотворенія совершенно иначе: приписавъ первому стихотворенію чисто восточное, и именно Еврейское происхожденіе, онъ рѣзко отдѣляетъ отъ него второе, сюжетъ котораго и вся обстановка принадлежатъ по его мнѣнію не востоку, а средневѣковой Европѣ. Приводя здѣсь мнѣніе Гримма, замѣтимъ, что это второе стихотвореніе (*Hagen* 1—43) соответствуетъ второй половинѣ Румянц. повѣсти, тогда какъ первая часть этой послѣдней совершенно своеобразна и, кажется, не имѣетъ ничего подобнаго въ средневѣковой Шменской литературѣ. Передавая сходныя приключенія, иногда съ тѣми же подробностями, Русскій и Шменскій разсказы имѣютъ и замѣтельную разницу: въ Шменской повѣсти сюжетъ развивается гораздо обширнѣе и подробнѣе, — быть можетъ потому, что здѣсь участвовало авторство Шменскаго поэта, — и представлять притомъ два событія, хотя и одиозковыя; между тѣмъ въ нашей повѣсти разсказывается только одно. Другое несходство, кромѣ мелкихъ подробностей, заключается въ именахъ: Морольвъ, хитрый помощникъ Соломона, замѣняется безымяннымъ посланикомъ; Фараонъ и Принціанъ, соперники Соломона по Шменской повѣсти, оба замѣнены въ Русской повѣсти паремъ Пилатѣскимъ Поремъ; исполнитель казни у Пера названъ Пилатомъ — «онъ по явъ тебѣ въ немилостивому Пилату и велю съ тобой до полу спать», говоритъ Порь Соломону. Гриммъ думаетъ впрочемъ, что собственныя имена въ Шменскомъ сти-

хотвореніи явились случайно и потому неважны; кроме того и Гагенъ признають, что стихотвореніе или основа древняе той рукописи XV вѣка, гдѣ оно было найдено. Основка его вполнѣ рыцарская, напоминающая эпоху крестовыхъ походовъ: Соломонъ есть глава христіанства, какъ Римскій императоръ; герои его — Морольфа и храмовые рыцари, сражающіеся противъ неврннхъ; рассказы о странствіяхъ Соломона и сподвижниковъ указываютъ на извѣстность Средиземнаго моря, Wendelsee, во время походовъ крестовыхъ рыцарей.

Имена Морольфа, Соломона, Иерусалима, говоритъ Гриммъ не принадлежатъ собственно сагѣ и вставлены въ послѣдствіи совершенно отличнаго характера. Морольфа не позволяетъ ходить связь между двумя разными произведеніями этого имени. Восточное происхожденіе втораго Морольфа, которое приписываетъ Гагенъ, въ такой же степени несовмѣстно съ его содержаніемъ. Саги о хитрыхъ похищеніяхъ, предвѣщаніяхъ и избавленіяхъ перфидки въ древне-Шменской поэзіи, а стихотвореніе о Морольфѣ составлено изъ такихъ приключеній; если можно въ немъ видѣть замѣтваніе съ востока, это замѣтваніе должно быть отнесено къ до-историческому родству съ востокомъ, которое здѣсь конечно окажется неумѣстнымъ. Во всемъ стихотвореніи резко выдается противоположность христіанскаго міра съ неврнными, какъ основная черта содержанія, и ей трудно быль бытъ въ сюжетѣ, замѣтванномъ съ востока. Напротивъ многіе имена и предметы прямо относятся къ Германіи, какъ герцога Фридриха, deutsche harfen, deutsche fechten и т. п., а также упоминаютъ другія Шменскія поэмы, какковы Ротеръ, Отти и другія. Наконецъ въ Морольфѣ встрѣчаются общіе эпитеты, обороты древне-Шменской поэзіи и отдѣльныя выраженія, указывающія на эпитетскія представленія Нибелунговъ и вообще похожія на манеру придворныхъ поэтовъ. Морольфъ принадлежитъ именно къ тому ряду произведеній, который отвергаютъ они какъ простонародный. Изъ всего этого Гриммъ заключаетъ, что такъ называемая вторая часть Морольфа т. е. сходящая послѣдней половиной Русской повѣсти, состоитъ изъ очень древнихъ *Ильдекиль сагъ*, и несмотря на вставленные подлинныя имена, такъ же стара и національна, какъ саги въ Книгѣ геро-

Heidenbuch : въ цѣломъ, пѣсню Морольфа, стоитъ пожалуй нѣсколько ниже ихъ, но скорѣе по содержанию, нежели по представлению, которое всегда живо и полно интереса...

Наша повесть стоитъ следовательно въ связи съ древне-Нѣмецкими народными сказаньями. Въ ней самой элементы народно-поэтическіе видны гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, и это достаточно показываетъ, что она образовалась особымъ путемъ. Основанная сначала на чуждомъ преданіи, она развивалась и измѣнялась не только въ слѣдствіе книжныхъ редакцій, но болѣе произвольно устной передачей. Измѣнившись такимъ образомъ она была записана, и записанный видъ ея представляетъ по этому не первообычную форму преданья, а форму, уже испытавшую вліяніе народныхъ воззрѣній. Но какимъ образомъ объясняется въ этой повѣсти — мы опять говоримъ о второй половинѣ Румана, текста — имя Соломона? Такъ какъ оно и у насъ и въ Нѣмецкой повѣсти соединено съ одними приключеніями, то и не могло быть чисто случайностью, какъ думаетъ Як. Гриммъ. Независимо отъ содержания, оно могло появиться въ нашей повѣсти изъ Нѣмецкаго преданья, или обратно, такъ чтобы одно становилось источникомъ другому. Въ противномъ случаѣ, надобно предположить существованіе третьяго, болѣе первообычнаго преданья, которое служило источникомъ и Русскаго и Нѣмецкаго разсказа; тогда случайность имени Соломона унизителнаго очевиднымъ образомъ. Случайность могла равнѣ быть въ имени Морольфа, потому что это лицо, во первыхъ, не названо или названо иначе въ Русской повѣсти; во вторыхъ, въ Нѣмецкой повѣсти Морольфъ-придворный далеко не похожъ на поселянина Морольфа, грубаго и уродливаго соперника Соломона по мудрости.

Мнѣніе Гримма объясняетъ въ этомъ случаѣ только разнородность двухъ Нѣмецкихъ сказаній о Морольфѣ, но не доказываетъ Нѣмецкаго происхожденія втораго Морольфа. Сближенія Гатена дѣйствительно невѣрны; но путь соединенія этихъ преданій могъ быть другой, хотя въ законченномъ видѣ своемъ онѣ и не имѣютъ общаго между собою. Чисто-національныя эпическія формы втораго Морольфа Гриммъ объясняетъ Германскимъ происхожденіемъ поэмъ, а Германско-нѣмецкое начало привело

его къ мысли о случайности имени Соломона и Морольфовъ энической формы г. е. эническая видимость еще не отвергнута чуждого происхождения самого сюжета и въ такомъ случаѣ подобные сюжеты встрѣчаются въ самобытныхъ національных произведеніяхъ; такая обработка формы доказываетъ то, что преданіе рано перешло въ народную словесность. Такъ вѣроятно и съ Морольфовъ; вспомнимъ, что многія частіи стихотворенія указываютъ прямо на Германію времени близка и брестовыхъ походовъ. Противоположность міра эническаго съ элиическимъ, по словамъ Гримма, не могла имѣть въ преданіи не Германскомъ, а замѣтованномъ источника; замѣтимъ однако, что преданіе могло быть замѣтовано и не прямо съ востока, а въ посредственномъ, второстепенномъ источникѣ уже могло принять новый колоритъ. О нашемъ вѣстии можно сказать тоже самое: и въ ней Соломонъ съ своимъ «христіанскимъ» войскомъ овладѣваетъ «многими землями великими ордами»; христіанскій характеръ Соломона есть примѣненіе самой народной поэзіи, которая этимъ облекаетъ себя на сторону знаменитаго царя. Въ древней литературѣ можно указать примѣненія еще болѣе рѣзкія: въ сказаніи о Синаитишѣ мудрый министръ этого царя оказывается не только христіаниномъ, но и Русскимъ; въ другомъ замѣтательномъ произведеніи той же эпохи, защита христіанскимъ интересомъ отдается Александру Македонскому. Очевидно, что въ народномъ источникѣ этихъ сказаній не было и мысли о противоположности христіанства и эличества, и народная поэзія болѣе правомъ могла имѣть въ этомъ смыслѣ характеръ Соломона, нежели Александра. Повидно, что нарушая такіе существенныя черты своихъ героевъ, народная поэзія легко даетъ чуждому сказанію и черты національныхъ правовыхъ обычаевъ и понятий, какъ это и случилось съ Шменскимъ Морольфовъ.

Что преданіе не было чисто Шменскою сагой, въ какомъ случаѣ вѣтави и имя Соломона, подтверждается значительнымъ его распространеніемъ, котораго мы не можемъ точно определить съ точностью. Въ числѣ Сербскихъ сказокъ, и въ числѣ Караджичевыхъ, есть одна «Едина гобела у као а друкавала» тит. 42, изд. 1853, представляющая новый вариантъ

го же содержания т. е. Шменкаго стихотворенія о Моральѣ и второй половины Русской повѣсти. Сербская сказка снова подтверждаетъ, что въ Румлихъ текстъ объ половинѣ механически соединены именемъ Соломона, — въ ней первая половина Русской повѣсти опущена, какъ и въ Шменской повѣ. Сербская сказка приведена нами въ Пѣвст. 4, 346 — 347; наша повѣсть имѣетъ болѣе подробностей, сходныхъ иногда съ Шменскимъ Моральфомъ: въ ней вставленъ напр. эпизодъ о золотыхъ рукавицахъ, съ помощью которыхъ посланный царя Нора нашелъ средство проникнуть во дворецъ Соломоновъ. При томъ, по нашей повѣсти, это предпріятіе не было первой замышкой приключенія; поводъ къ нему поданъ былъ такимъ же образомъ со стороны Соломона. Посланный Нора говоритъ царю, жень Соломона: «Нашъ царь Нора пытаетъ себѣ царины, и мѣсто ей уготованно на вѣтренномъ обходѣ царствовать, и звѣзды на небѣ читать, и мѣсяць переводити въ нашемъ царствѣ». Предъшественная его убѣжденіями царя отвѣчаетъ: «Пошли тебѣ со мною по земль, и царь Соломонъ дотымъ звѣреть догонитъ, а подыметъ меня на пчелиные крылья, и царь Соломонъ лешымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ». Таже эпическая формула повторена въ разсказѣ, когда царь дѣйствительно начинаетъ свое преслѣдованіе. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія черезъ лазутчика, который проникъ во дворецъ Нора посредствомъ такихъ же золотыхъ рукавицъ, Соломонъ собралъ многочисленное войско... «И поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу близъ царства Норова, и рече царь Соломанъ своимъ царемъ и уданомъ и сильнымъ воеводамъ и княземъ и всей силѣ: «стойте тутъ съ силою, а меня, царя и уданы и сильнае-скрѣпкіе воеводы, отпустите ко царю Нору въ царство, и я увижду и услышу своимъ окомъ и ухомъ; а вы, сильные воеводы, стойте и ждите трояснныя трубы къ себѣ отъ меня: какъ «буду живъ въ царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борзо «сѣдлите свои добрыя кони; и въ другой часъ труба вострубитъ, и вы поспѣшите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третей «часъ труба вострубитъ, и какъ слышите, и вы шапунайте и «сѣдите и милости не давайте. А будетъ трояснато глазу вы «не услышите, и вы пойдите въ свою землю, въ мое царство, а

«меня неждате, и въ живогѣ меня не будетъ, и по мнѣ великѣ спаметь и по моему живогѣ держите и поминайте. А вы, цари и князи и сильные воеводы, простите и благословите». А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ каменскомъ платѣ и пришелъ въ свить Срачьинской».... Далѣе разсказъ идетъ сходно съ Сербскимъ вариантомъ, съ некоторыми отличіями. Исторія приближается къ концу: царица и въ третій разъ «вострубила рогнымъ голосомъ, и труба торжественно — что плачетъ: «спускайте и свите и тончите, живогѣ не давайте, а милости не кажите», и царь Соломанъ въ великой радости идетъ къ землѣ на третей пеходѣ съ перваго свѣта смерти (т. е. съ шибалины == висѣльни), и его цари и царицы и князи и крѣпкіе воеводы и все сильное войско падаютъ предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю и держатъ царя Пору и царицею во своихъ покаяхъ. И царь Поръ съ царицею падаютъ на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ, и рече къ Соломану: «царю Поре, царица глупая и неразумная погубила челоуѣка скорю: велѣла на меня три осила поставить, осилъ шелковой, а другою осиль серебряною, а третей сверхъ тѣлѣ «осилъ златой — перевиль бы осиль веревкою диченою, а «снотною, и въ томъ бы удавился, — такова же смерть». И царь Поръ повѣсилъ главу свою буйную и не могъ видѣть себя, и не пособить. И царь Соломанъ скоро велитъ съ обѣихъ головъ силъ вострымъ мечемъ и велитъ разсѣчь скоро: а Поръ выхъ людей, кои старыя и не могли битися, и велѣлъ похитити и съ собою вести, а то всѣхъ своимъ войскомъ приближи и перебили, а злато и серебро къ себѣ перевозили, и добрыхъ коней стадами погнали, а Пору царя и съ царицею злой смерти предавъ. И отъ того царю Соломану многіе цари и князи и царицы поды его руку поклонилися, слышавши его премудрость, а царица Соломанъ въ велицей чести и славы зѣло. И слышавъ то царица Давидъ сына своего премудрость царя Соломана, что оныя обидѣла многими землями и великими ордами и власть надъ нимъ взяла, радъ бысть тому».... За участіе народной фантазіи въ образованіи этой повѣсти достаточно говорить съѣзженъ языкъ и наивныя примѣненія: Соломанъ овладѣваетъ «ордами», его окружаютъ «цари и царицы» и сильные князи и царицы

воеводы», какъ въ былинахъ приближенными парей выставляются «мурзы и улановья». Ср. Р. Стих. 91, 93, 311, 312, 313 и др.; отдѣльныя подробности встрѣчаются и въ произведеніяхъ народной словесности, — такъ въ одной изъ нашихъ сказокъ очень сходно разсказывается упомянутое спасеніе отъ вѣщницы (Рус. Сказки, М. 1787, 103—129; наконецъ эпическая форма, конечно не вполне сохранныя въ записанномъ видѣ повѣсти, во всякомъ случаѣ обличаетъ присутствіе народнаго авторства.

Сюжетъ Русской повѣсти, Сербской народной сказки и Нѣмецкой поэмы о Морольфѣ, развивается и въ другомъ Русскомъ вариантѣ. Эта вторая повѣсть известна намъ изъ рукописи Толст. собранія 2. 140 Публ. Библ. XVII. Q. 22, скорописн. сборн. XVII—XVIII в., гдѣ повѣсть находится на об. л. 739—744 подъ заглавіемъ «притча царя Соломона о царѣ Китоврасѣ» нач. «бысть во Иерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лукюргѣ царствуя царь Китоврасъ» и пр.; но въ рукописи, въ сожальнію, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Содержаніе разсказа основано на томъ же мотивѣ похищенія; разница ограничивается второстепенными подробностями. Китоврасъ, чудесное существо, занимаетъ здѣсь мѣсто соперника Соломонова, Нора; царь Китоврасъ не только похожъ на другихъ людей — «собырай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ ночи обращается звѣрьемъ китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрьми». Этотъ поэтический образъ есть явленіе рѣдкое вообще въ народномъ сказочномъ эпосѣ; вспомнимъ героя одной Нѣмецкой сказки, который въ теченіе дня былъ львомъ, а вѣсѣмъ съ нимъ все го люди были львами, ночью же принимали они обыкновенный человѣчскій видъ (*Grimm, Kindermärchen* изд. 1850, 2, 9). Другой вариантъ притчи о Китоврасѣ сравнительно съ Румин. текстомъ, состоитъ въ томъ, что Китоврасъ является братомъ Соломона. Замѣтимъ то, быть можетъ не случайное, обстоятельство, что въ Нѣмецкомъ стихотвореніи, соответственномъ нашей повѣсти, Морольфъ изъ грубаго, но мудраго поселанина дѣлается хитроумнымъ какъ Одиссей помощникомъ и такъ же — братомъ Соломона. Правда, Морольфъ и Китоврасъ играютъ различныя, даже противоположныя роли, — одинакова въ нихъ только мудрость, — но вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ кругу

этих сказаний произошло странное смѣшеніе, указанное у Гримма въ Шмезской поэмѣ. Въ нашихъ повѣстяхъ смѣшеніе мнооувъ достигло еще большей степени. Отдѣльный фактъ преданья вносится въ другое, почему нибудь среднее ему преданіе, и новый рассказъ, забывая свое коренное начало и характеръ, представляетъ свою тему въ новыхъ краскахъ и подробностяхъ, между которыми трудно отличить первоначальное зерно мноа. — Какъ чудесное существо, Китоврасъ давно былъ извѣстенъ въ старинной литературѣ нашей, хотя върѣяно и не съ тѣми свойствами, какія даетъ ему предыдущая повѣсть. Въ Румянц. хронографѣ 1494 г., ч. 1^о 453, л. 320—321 помещена «повѣсть о Китоврасѣ» (нач. «Тогда же убо бысть потреба Соломону вопрошати о Китоврасѣ. Осочина же и гдѣ живеть въ пустыни даише» и пр.; въ сборникѣ Царскаго XVII вѣка, ч. 1^о 720, л. 236 находится статья «царство Соломона царя во Иерусалимѣ», о которой г. Строевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «исторія Соломона, откуда-то заимствована» (?), конечно апокрифическая (ср. Царск., ч. 1^о 286 л. 314—342). Въ рукописи Царскаго ч. 1^о 720 упоминается о Китоврасѣ и върѣяно такимъ же образомъ, какъ въ Румянц. хронографѣ по этому послѣднему тексту Китоврасъ былъ, какъ говоритъ Востоковъ, чудесное существо, исполненное мудрости и превдливій, или же родъ дикаго человека, подобнаго отчасти престолою и грубостью Шекспирову Калибану. При всей мудрости своей, онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые наполнили виною и медомъ тѣ колодцы, откуда Китоврасъ обыкновенно воду, и когда Китоврасъ ошаманѣлъ, они заключили его соннаго въ оковы: Соломонъ хотѣлъ спросить его совѣтъ, какъ тесать камни безъ помощи желѣза для строенія храма, проч. Этотъ апокрифъ, основанный на Ки. Цар. I, 6, 7., упоминается въ статьѣ о книгахъ песинныхъ и дозанныхъ — «о Соломонѣ царя и о Китоврасѣ» (Л. Экл. Боп., 210), — и былъ извѣстенъ также въ древней Германской литературѣ: въ одномъ Шмезкомъ стихотвореніи XI—XII вѣка, Китоврасъ въ описаніи этого приключенія названъ дракономъ *Diemer, D. Ged. des XI—XII Jh. Wien 1846, 107—114*. Какъ большая часть сочиненій апокрифическихъ, сказанье о Китоврасѣ занесено к

намя безъ сомнѣннхъ или Византийскаго источника, имя Китовраса составилось конечно по Греческому произношенію слова *κίτρος*. На основаніи этого имени могла образоваться и сказка о последовательныхъ превращеніяхъ его въ человека и въ звѣря. Если Китоврасъ похоть былъ оцарствилъ на ликѣ человека, отъ реннаго рѣдкою мудростію, то есть и некоторая возможность сравнивать его съ первоначальнымъ Маркодьвомъ, котораго въ редакціи описываютъ человекомъ въ высшей степени грубымъ, грязнымъ и уродливымъ; если можно было Маркодьву сдѣлаться братомъ Соломона, то была такая же возможность и для Китовраса. Что въ этомъ превращеніи они получили различный смыслъ, зависѣло отъ того, что перемены происходили подъ разными вліяніями и память основнаго преданія была затеряна.

Такимъ образомъ наша повесть о Соломонѣ не была въ средне-вѣковой литературѣ фактомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, и Шменская поэма о Морольвѣ, принятая Гриммомъ за чисто-Германскую сагу, въ которой случайно были приложены имена Соломона и Морольва, имѣла другой болѣе отдаленный источникъ, откуда получила начало и Русская повесть. Этимъ источникомъ и для Русскаго и для Шменскаго сказанія было конечно Византийское происхожденіе, распространившееся ранѣе XV вѣка: и въ Морольвѣ и въ нашей повѣсти не трудно найди общія черты, составляющія принадлежность средне-вѣковаго Византийскаго романа. Новѣйшіе Шменские ученые принимаютъ уже въ отношеніи къ Морольву Византийское вліяніе, но все еще дѣлятъ ему мало мѣста, менше чѣмъ въ другихъ памфлетахъ той же эпохи, какъ въ Ротерѣ, и чѣмъ бы следовало по сущности дѣла.

Ср. *Gervinus, Gesch. d. deutsch. Dichtung*, изд. 1853, 1, 204; — *Cholovius, Gesch. 1*, 156—158. — Детали о Соломонѣ, съ картинками, въ рукописи XVII в. находится также въ сборникѣ с. Заблшва, 1, 72, но мы не имѣли случая пересматривать этой рукописи.

Что касается до первой половины Румани, текста, то она не была свободна отъ вліянія народной поэзіи и по мысли и по вѣщности, хотя, можетъ быть, и въ меньшей степени. Имя Соломона не разъ встрѣчается въ народной словесности Словацкаго пов.

скихъ племенъ; отмѣченная нами Сербская сказка служить достаточноымъ свидѣтельствомъ того, что народная поэзія въ этомъ случаѣ пользовалась чужими мифами и обрабатывала ихъ по своимъ требованіямъ. Въ другой Сербской сказкѣ, у Вука н. 43 «Соломону проклела мати», завязка разсказа сходна съ началомъ нашей повѣсти, которая передаетъ, какъ Соломонъ странствовалъ съ «гостями-заморянами» и какъ онъ спасъ ихъ отъ смерти, отгадавши загадки, предложенныя имъ царемъ (Давидомъ). Вотъ одна изъ этихъ загадокъ: «по конецъ моего царства стоить древо златовѣтвѣе, у того древа самоцѣнное камѣнѣе, сверхъ того древа мѣсяць съяеть, и около того древа корени вокругъ шеница бѣлояра, вокругъ же той шеницы шеноржекая силная». Соломонъ даетъ на нее слѣдующій отвѣтъ: «по конецъ твоего царства стоить древо златое sic, то твоё царство и царствіе; у того древа самоцѣнное камѣнѣе, то твои государевы ближкіе прѣтели и столицѣ многіе цари и король и князи и *ушныи* и *мурлы*; сверхъ того древа мѣсяць съяеть то ты государь царь; а около того древа по земли вокругъ шеница бѣлояра, то твои ближкіе *боаре* и *околицѣ* и *думиле дворяне*; и вокругъ же шеницы шеноржекая силная, то твои православные христіане» . . .

Обращаемся къ другимъ сказаніямъ о Соломонѣ, какія представляетъ старинная наша письменность. Одно изъ любопытнѣйшихъ между ними, повѣсть Румани, повѣсти, есть «сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской царинѣ и о философахъ» нач. «царствуюшу Давиду царю во Иерусалимѣ и родися ему сынъ Соломанъ» въ томъ же Голетовскомъ сборникѣ 2, 140 л. 734—739. Статья въ сборникѣ не дописана и въ срединахъ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, такъ что мы снова не имѣемъ возможности вполне опредѣлить ея содержание; кажется однако, что повѣсть о Южской царинѣ и загадкахъ составляла только эпизодическую часть сказанія. «Малу ка времени шинушу — начинается зотѣе эпизодъ — приде къ нему нѣкая царина отъ юга съ философы своими, хоташе царя Соломана искусити, и принесе ему дары многіе, злато сусанно и на црѣе словые. Во единъ же день призва ея царь Соломанъ къ себѣ, хотя слышати реченіа отъ нея премудрости, царинѣ

жь придет къ Соломану съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: повѣдай ми, царина, которыхъ звѣрей, или скота, или птицъ мяса хочешь ясти, да поведаю ти досѣдти?— Царина жь рече: отъ тѣхъ звѣрей досѣдти ми потребу, что пави летаютъ межъ неба и земли, когтиныи крыльи имѣють, на небо не взирають, глаза не имѣють. Соломанъ же поразумѣвъ, что царина хочетъ *остриши* ясти, тогда Соломанъ повелѣ поваромъ своимъ оостриши досѣдти». Въ томъ же тонѣ продолжается бесѣда ихъ и далѣе; загадки идутъ за загадками и мудрость Соломона всегда одерживаетъ верхъ. Восточное происхожденіе повѣсти ясно обнаруживается въ ея складѣ: споры о мудрости, выражаемые загадкою; пари, окруженныя мудрыми совѣтниками, составляютъ очень извѣстную принадлежность Восточной поэзіи; особенная форма загадки, доводимой постоянно *ad absurdum*, какъ увидимъ далѣе, уже знакома намъ изъ Восточнаго сказанія о Синагришѣ. Некоторые загадки Южской царины имѣють много вариантовъ въ сказочномъ эпосѣ разныхъ народовъ. Когда первое испытаніе было сдѣлано — «царина жь вѣла повелѣ породити молодны, и дѣвцы красныя остриши и въ мужескіи порты обѣдши, и постави ихъ предъ царемъ Соломаномъ, и рече: повѣдай ми, Соломане, которы *полю* молодны, а которые дѣвцы? — Тогда Соломанъ повелѣ слугамъ своимъ принести орѣховъ и предъ ними поспѣвать, и повелѣ имъ грабити. И начана молодны по своему чину орѣхи грабити и въ корзаны (= *ворух*, карзаны своя кладуца; дѣвцы же начана грабити и въ рукавы снѣгать. Тогда Соломанъ разумѣ, кое молодны и кое дѣвцы, и все царинѣ расуди». Не собирая многихъ аналогическихъ примѣровъ, укажемъ только Волошскую сказку (Schott, 125 — 135), основанную на подобномъ различіи загадокъ, и разсказъ изъ Тибетскаго Двангуна, въ которомъ мудрая дѣвушка отгадываетъ загадки, предлагаемыя однимъ царемъ другому: она отгадываетъ изъ двухъ одинаковыхъ лошадей мать и жеребенка, изъ двухъ одинаковыхъ амбій отгадываетъ самца и самку, въ совершенно ровной палкѣ указываетъ верхній и коренной концы. Dsanglun o. der Weise und der Thor, aus d. Tibet. üb. v. Schmidt. St.-Pet. 1843. 2. 190. Ботле простой вариантъ нашего разсказа внесенъ въ сборникъ Михаила Глики; здѣсь онъ

переданы такимъ образомъ: Εὐπίστου παῖδας Ἀρρένης τε καὶ
λαίας ὁμοτρόφῳ σπουλῇ καὶ κούρῃ τῇ αὐτῇ κ' Ἀλλοπίσασα, παρέ-
σεν αὐτῷ, ζήτουσα ἑκατέρου γένους αὐτῶν διακρίσιν ποιήσασα.
Ὁ δὲ νόησται τούτους προστάξας τὸ πρόσωπον, ἑκατέρων
εὐσίην διέγνωκε. Τῶν μὲν Ἀρρένων ἀνδρικῶς τὰς ὄψεις καταψά-
των δὲ Τηλειῶν ἀπαλῶς. Ἡ δὲ ἐκπλαγείσα εἶπεν, ὅτι πλείονα
ρακα ὑπὲρ ὀφθαλμοῦ Fabricii, Cod. pseudepigr. V. T. I. 1031—
Царина не удовлетворялась такими доказательствами Соло-
моной мудрости—

..... Она же отиде во свою землю и пошлешь велии премуд-
сти Соломоновѣ; пришедши же еи во свое царство, и нача мнѣ-
сь философы своими, кого послати къ Соломану и что глагола
посла царина слугу своего, рекше: прииди, Соломане, бленаго а-
пымъ, а умного съ умнымъ! — Соломанъ же той разумѣвъ, пос-
виша съ скоморохомъ, а философа съ книжани. Она же пошлешь
мудрости его. Царина ю Соломанъ въ себѣ, и приде тогда на
и возва ю за областъ, отиешу же обѣду царь Соломанъ съдши-
лары своими и философы, царина же противъ съдшу со своимъ
досады, и хотяше искусити Соломана, и рече: что есть че-
статы—сухо, горечѣ, мокро, студено, ими же весь мѣръ состоитъ.
Отвѣщавъ Соломанъ: сухо — весна, гориче — лѣто, мокро —
студено — зима.

• И рече царина: аще соль ишиеть, то чѣмъ ея пособить,
не ишиша? — Соломанъ же рече: рогомъ коневымъ. — Она же
а коли у коня рогъ ишееть. — Соломанъ рече: а коли соль ише-

• Царина же рече: а коли мертвецъ восплачеться, чѣмъ его
ишиши, дабы не плакати. — Соломанъ рече: мланое вино дати е-
Она же рече: како можеть во млѣ вино здѣлати. — Соломанъ
а коли мертвецъ ишееть.

• Царина рече: а коли шива поростеть ножи, чѣмъ ю пожа.
Соломанъ рече: со всего свѣта собрать росу, и въ темъ сшити
шива, тѣмъ ю пожати. — Она же рече: како можеть въ роуѣ рукъ
ишиши? — Соломанъ же рече: а коли вырослетъ шива ножи.

• Царина рече: аще наполниши море воды, куда потекутъ.
— Соломанъ рече: на небо теци. — Она же рече: какъ можеть
на небо теци? — Соломанъ рече: а коли наполниши море мож-

• Царина рече: что ~~есть~~ не гниющее на земли. — Соломанъ
душа человеческая. — Царина рече: что думе всего на семь свѣт.
Соломанъ рече: правда. — Царина рече: кому подобна видость бо-

Соломанъ рече: солниу, солни себѣ на змѣхъ и на блѣти, таково и Божь милуеть праведныи и грѣшныи.

- Царина рече: естъ въ земли нашей клдець велии чюдескъ, самороденъ, и далече отъ града нашего стоятъ — чѣмъ своприближати — Соломанъ рече: *уживедемъ песчанымъ* привести его ко граду. — Фило сова жь царинныи рече:на: госпоже царине, не жонци вамъ противъ Соломана и его мудрецовъ. — И тако царина отонде съ мудреци своими, двияся Соломану

Загѣмъ сказаніе переходитъ къ другому предмету: Соломонъ желаетъ показать свою премудрость передъ великими царями и идетъ въ дальнюю страну, къ царю Индійскому; въ рассказѣ упоминается далѣе Фараонъ и царь «сизъ Перенды», но какого рода описываются здѣсь приключенія, понять трудно, потому что списокъ не доконченъ и далеко не полонъ. Въ замѣчательномъ Румянц. хронографѣ 1494 г. находится другая редакція сказанія о Южеской царинѣ, на об. л. 329—332 («о оукии кон прию» (нач. «и бы прца южеская иноплеменнина мменю" малкатышка. си прей" нексен' соломона загадка"»). Румянц. статья должна быть особенно любопытна какъ свидѣтельство о древности этихъ сказаній, которая безъ сомнѣнія относится къ старому періоду Русской письменности, когда преданія, образовавшіяся на почвѣ полу-восточной, переходили къ намъ посредствомъ литературы Византийской и южно-Славянской.

Столько же давне въ письменности нашей другое произведение, основанное на преданіяхъ о мудрости Соломона. Это такъ называемыя «судово Соломони», которые одинаково распространились въ западныхъ литературахъ среднихъ вѣковъ: отдѣльныя эпизоды ихъ встрѣчаются и во Французскихъ фэбляхъ и въ Итальянскихъ повѣстяхъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Въ нашихъ рукописяхъ, сколько извѣстно теперь по печатнымъ каталогамъ, суды Соломона восходятъ до XV столѣтія, но начало ихъ еще древнѣе; въ позднѣйшихъ сборникахъ они были перѣданы.

Вотъ нѣкоторые списки — Румянц. хроногр. 1494 г. л. 332—336 «судово соломони», выше на л. 328—329 помѣщенъ такъ же одинъ «судъ соломонъ», нач. «се нави идона 3 мужа на путь свои мунце череса со златомъ. — второи по нашему

изложении: — Румши, хроногр. № 454 гл. 36, 4 — о Соломоне и друг.

— Толст. 2, 53 Публ. 4-ки XVII, Q, 23 сборн. XVI обр. л. 134—137 «судов премудраго царя Соломона в цѣхъ, начнхъ, бысть царь Соломанъ премудры премудрости притчами и гадами» и пр. — Толст. 2, 110, сборникъ упомянутый выше, на л. 541—543 отрывокъ, заключающій только два «суда» и начало третьего.

— Царск., I* 286 Палея начала XVI в. л. 335—342 «еврейскаго царя Соломона, сына Давидова», нач. «бысть Соломонъ, мужъ мудръ, притчами и гадами».

— Заблшн., въ сборн. XVIII в., I* 82 «повѣсть о мудрости Соломона царя о мужескомъ полу и женскомъ вкромѣно питый, по нашему изложению, судъ Соломона».

— Ундольскаго, въ названномъ прежде сборникѣ XV в. находится повѣсть «о судѣ царя Соломана», нач. «когда Соломану прииде».....

Въ Судахъ Соломона излагаются разныя мудрыя рѣшенія его въ самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ; характеръ рѣшеній совершенно соответствуетъ требованиямъ восточнаго мысла. Въ Толстовской рукописи 2, 53 суды переданы слѣдующимъ образомъ:

л. 134 *Судъ первый* нач. «Во дни Соломона царя бысть мужъ имѣя три сына; умираиъ мужъ той и призва къ себѣ три сына своя» — онъ сказалъ имъ, что у него зарыто въ землю сокровище, «три *суда*, сирѣчь кушныи»; верхнее должно достаться старшій сынъ, второму достанется среднее, а меньшій последнее. Сыновья, по смерти отца, отрыли сокровище и нашли, что верхнее было полно золота, второе — костей, третье перети; братья заспорили и пошли наконецъ къ Соломону, бы онъ разсудилъ и разделить ихъ. Соломонъ отдать старшій сыну золото, среднему скоть и челядь, меньшому вино, рывы и жито.

л. 135 *Второй судъ* нач. «Идоша три мужа и бѣша еврейи на путь и муши на себѣ чресы (= посола) своя полны ала; остановившии на почлеи, они согласились зарыть ихъ въ землю, чтобы сберечь отъ разбойниковъ; по ошнѣ изъ пути всталъ почло и, вынувши чресы, зарыть ихъ въ другое мѣ-

На утро все были равно опечалены прощанием золота, так что ни в комь из них не было подозрѣвать обманника: но такъ какъ кромѣ нихъ никто не зналъ, гдѣ золото было спрятано, они отправились за рѣшеніемъ къ Соломону. Когда они явились царю свое дѣло, Соломонъ разсказалъ имъ повесть: «одинъ отрокъ, обручившись съ дѣвшею тайно отъ ее родителей, бросить потомъ ее, уѣхать въ другую землю и тамъ женился; родители дѣшны, не зная, что она обручена другому, выдаютъ ее за мужа, — однако она открываетъ супругу тайну, которой не смѣетъ сказать ему передъ родителями. Новый мужъ не хотѣлъ нарушать чуждаго права и отпрѣдился съ супругой къ ее первому обрученнику — спросить, соглашается ли онъ уступить ее: тотъ изъявить согласие и супруги предприняли обратный путь. На дорогѣ на нихъ напали разбойники, но дѣвица разсказала начавшику ихъ свою исторію и тронутый разбойникъ отпустилъ ихъ не взявъ имъ имущества». Окончивъ повесть, Соломонъ спросилъ путниковъ, кто изъ этихъ лицъ больше правится имъ. Двое сказали, что лучше всѣхъ безкорыстный и правдивый отрокъ, не захотѣвшій взять чуждую невесту; но украшій деньги возразилъ, что разбойникъ по его мнѣнію лучше, потому что возвратилъ имущество, которое ему нужно было бы удержать. Соломонъ укорилъ его, говоря, что онъ охотникъ до чуждаго имѣнія, и путникъ сознался въ своемъ обманѣ.

д. 138 *Судъ третій* нач. «Во дни Соломана царь бысть мужъ богатъ въ Вавилонѣ и не имѣаше дѣтей; явившу же ему половину днаго свинца, и постави себѣ раба въ сына мѣсто». Онъ послать его торговать, и рабъ, работавши въ Иерусалимѣ, стать наконемъ считается «в боларехъ». У хозяина его родился между тѣмъ сынъ и вскорѣ поствъ того отецъ умеръ; сынъ выросъ и услышавъ отъ матери о работавшемъ рабѣ она, отправилася въ Иерусалимъ. Тамъ онъ увидѣлъ прѣзвѣнаго раба сидѣщаго да обѣдомъ у Соломона; отрокъ спросилъ, тотъ ли это богатъ, что бысть прѣжде рабомъ, и подомешии, ударить его по лицу: всѣ наумились и отрокъ обтѣвлять, что ударилъ раба она своего. Чтобъ повѣрить слова его, Соломонъ велѣть привести имя Вавилоня и точную цѣсть его отца, и потомъ пустити

кровь сыну и рабу, кровь поспешно не пристала къ кости; кровь сына напротивъ остается на ней.

объ. д. 139 *Судъ четвертый* нач. «Во дни Соломана царь бысть мужъ имѣй шесть сыновъ, а седмую дщерь». Умирая, отецъ отказать дочери тысячу золота, а все имѣніе отдать старшему сыну; остальные начали спорить противъ этого распоряженія и пришли на судъ къ Соломону. Чтобы разрѣшить имъ дѣло, царь велѣлъ братьямъ принести правую руку отца ихъ, а между тѣмъ послать отроковъ своихъ посмотреть, какъ они это сдѣлають. Отроки рассказали ему, что пятеро сыновей хотѣли взять руку мертвато отца, но старшій обхватилъ гробъ руками и не допустилъ ихъ до этого. Соломонъ призвалъ братьевъ и присудилъ все имѣніе старшему, потому что остальные не были истинными дѣтьми этого человека; когда была призвана и мать ихъ, она признала справедливость рѣшенія. — Во Французскомъ фабльо *Le jugement de Salomon* находится подобный рассказъ; братья спорили о наследствѣ, и Соломонъ велѣлъ имъ стрѣлять въ мертвое тѣло отца — кто попадетъ, тотъ получитъ имѣніе; когда старшій выстрѣлилъ, Соломонъ отказалъ ему въ наследствѣ и отдалъ имѣніе другому брату *Barbazan et Meon, Fabliaux ou Contes des poetes fr. de XI — XV siecles, Paris 1808, 2, 440—442*. Исторія передана также въ 45-й главѣ ивлетнаго сказочнаго и детскаго сборника среднихъ вѣковъ — *Gesta Romanorum*, — и отсюда перешла и въ Русскій переводъ этого произведенія.

д. 141 *Судъ пятый* нач. «Посемь же Соломанъ царь помысли, испытать хотя, что есть смелость мужески и что есть женски, и призва болярина своего, отъ своихъ ему предстательныи ему Декаръ, и рече наединѣ ему» и т. д. Соломонъ обѣщать раздѣлить съ нимъ царство, если онъ отсѣчетъ голову своей женой; Декаръ не рѣшился исполнить царскаго повелѣнія и скорѣе хотѣлъ подвергнуться тѣлу Соломона, нежели сдѣлаться убійцею матери своихъ дѣтей. Тоже испытаніе повторено было и съ женой, которая за царскую милость тотчасъ готова была погубить мужа. «Соломанъ же царь слышавъ повесть вписать въ соборникъ повесть сію и сказа ведемъ своимъ о томъ, яко дивитися имъ, и рече царь, обрѣтохъ въ плещи му-

же мудрыя многи, а жены не обрѣтохъ во мѣ ни единой мудрыя, — во всемъ свѣтѣ». Эта повесть, какъ увидимъ далѣе, занесена такъ же въ старинное Русское «сочиненіе отца къ сыну о женской злобѣ», — потому что очень идетъ къ основной мысли сочиненія.

д. 146 — 147 *Судъ шестой* нач. «И въ то время сотвори Соломанъ царь ширь великъ бо царемъ своимъ и ведомкамъ и всемъ оуракомъ своимъ» и т. д. Извѣстный рассказъ о спорѣ двухъ женщинъ за ребенка, находящійся и въ древней редакціи Маркольфа, откуда перешелъ въ Итальянскую исторію Бертольдо и въ другія произведенія популярной литературы.

Намъ не встрѣчался болѣе полные списки «судовъ», другія повѣсти также извѣстны не многи, но уже изъ примѣра перваго сказанія можно видѣть, что эти рассказы находили въ старину большое сочувствіе въ читателяхъ и до некоторой степени стали принадлежностью чисто-народной словесности. Интересныя прикрасы, сказочныя подробности, неопредѣленность лицъ и событій, безпрестанныя загадки и мудрыя рѣшенія, прамель фантастическаго начала, все это напоминало отчасти эпические мотивы народной поэзіи и придавало этимъ сказаньямъ особенную завлекательность. Сербскія сказки, изданныя Караджичемъ, представляютъ любопытные факты въ этомъ отношеніи и отчасти дополняютъ тѣ данныя объ исторіи этихъ мифовъ, какія находятся въ старой нашей письменности. Въ одной изъ сказокъ, нг. 42, повторилось преданіе о Соломонѣ, соответственное Германской повѣсти о Морольфѣ и весьма близкое къ старинной Русской повѣсти: отсюда обнаруживается соотношеніе народной сказки съ памятниками письменной литературы. Другая сказка, у Караджича нг. 41 «Февојка, удовина и пушеница», предполагаетъ такое же книжное начало. Одинъ человекъ задумалъ жениться; ему предлагали въ жены одни — двушку, другіе — вдову, третьи — жену, разведенную съ мужемъ; въ три правились ему одинаково и онъ совершенно недоумѣвалъ, которую изъ нихъ выбрать, — наконецъ одинъ старикъ посоветовалъ ему идти къ «премудрому». Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидѣлъ ребенка, развязавшаго верхомъ на палочкѣ, и спросилъ его о своемъ дѣлѣ; Соломонъ — это былъ

именно онъ — отвѣчать ему: «ако узмени везојку, ти знаш; ако узмени удовицу, она зна; ако ли узмени пуштенницу, чувај се мога коња!» — и съ этими словами ударить его слетка по носу. Человека удивилъ страшному отвѣту, но тотъ же старикъ объяснилъ ему значеніе этихъ словъ: если онъ женится на девушкѣ, то будетъ главой въ семействѣ; если женится на вдовѣ, то жена будетъ управлять имъ; если же возьметъ разведенную жену, то долженъ спасаться, чтобы и съ ними она не сдѣлала того же, что съ первымъ мужемъ. — Следовательно, это также одинъ изъ «судовъ», по своему загадочному рѣшенію сходный съ повелію Боккаччо, *giorn. IX. nov. 9*. Источникомъ сказки была древній сборникъ «судовъ», который былъ извѣстенъ въ древней Сербской литературѣ, какъ и въ нашей письменности. Въ третьей Сербской сказкѣ, у Вука нр. 43, къ Соломону отнесено испытаніе морской глубины и небесной вышины, которое въ баснословномъ повѣствованіи псевдо-Каллисоена приписывается Александру Македонскому; детали на птицахъ описано отчасти такъ же, какъ въ Арабской сказкѣ о Синагриѣ или въ Пландовой биографіи Езона, но болѣе сходно съ псевдо-Каллисоеномъ. Воздушные полеты на птицахъ или на змѣхъ могли принадлежать и національному преданію, потому что упоминаются и въ Славянскихъ мифахъ; но въ этихъ послѣднихъ неизвѣстно, какъ жется, испытаніе морской глубины, какое сдѣлано было Александромъ и Соломономъ, и потому скорѣе должно видѣть въ Сербской сказкѣ чужое преданіе, самимъ народомъ привязанное къ имени лица, мудрость котораго была уже знаменита по другимъ сказаніямъ. Вообще наши повѣсти и Сербскія сказки о Соломонѣ представляютъ разрозненныя части цѣлаго цикла сказаній объ этомъ лицѣ, сроднившись и съ многими чисто-народными; возстановить и объяснить этотъ циклъ теперь тѣмъ труднѣе, что повѣствовательный и сказочный отдѣлы Славянской народной литературы до сихъ поръ извѣстенъ очень мало.

Отмѣтимъ наконецъ статьи, относящіяся къ преданіямъ о Соломонѣ и которыхъ намъ не случится просматривать. — *Толков.* 1. 306 скорон. сборн. XVII в. д. 325—326 повѣсть дивна о царѣ Соломонѣ. — *ibid.* 2. 195 Публ. Бѣли XVII. Q. 67 скорон. сборн. XVII в. д. 134—135 повѣсть того же назва-

тия — Б-ки *Моск. Общ.*, № 213 сборн. нач. XVIII в-ка, л. 135—138 повесть о премудрости Соломона царя, о правоучении человеческого житія и о спасеніи души христіанскихъ.

Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ встрѣчается и много другихъ полу-апокрифическихъ исторій, которыя съ теченіемъ времени перерождались въ обыкновенныя сказочныя повѣсти. Таково, напримеръ, «Сказаніе о золотомъ древѣ и о царѣ Девтасарѣ» (нач. «Сазь семь царь Михаилъ благочестивъ зало» въ небольшомъ Погодинскомъ сборникѣ П. Б-ки, № 1776, л. 9—14, гдѣ къ разсказу о золотомъ древѣ, на которомъ были «цѣныны золатыя и серебряныя, а цюють различными класами», — странно присоединена передѣланная исторія Валтасара. Другой вариантъ разсказа «о царѣ Валтасарѣ Вавилонскомъ» находится въ Толст. сборникѣ 2, 53 на об. л. 147—149 (нач. «Валтасаръ, царь Вавилонскій, взять сосуды церковныя» и проч.). Впрочемъ разборъ подобнаго рода произведеній не относится къ нашей задачѣ, хотя и могъ бы доставить не мало любопытныхъ фактовъ для объясненія старинной популярной словесности; многія повѣсти этого разряда, иногда принадлежанія глубокой древности, продолжаютъ свое существованіе и теперь въ извѣстномъ классѣ читателей.

Упомянемъ наконецъ повѣсть «о двѣнадцати снахъ Мамери царя», о началѣ и содержаніи которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, потому что не находимъ ея въ рукописяхъ Толстовскихъ и Румашневскихъ. Въ другихъ собраніяхъ списки ея перѣлки, и сколько можно судить по описаніямъ въ каталогахъ, она должна относиться къ тому же апокрифическому отдѣлу и имѣеть несколько различныхъ между собою редакцій.

Списки Б-ки Моск. Общ., № 211 сборн. начала XVIII в-ка, л. 186—193 Слово о снахъ Мамери царя: бѣль конна, нач. «Бысть въ нѣкоихъ странахъ древиныхъ градь, именемъ Дириний», — № 213 сборн. нач. XVIII в. л. 130—133 Слово о послѣднихъ снахъ видѣніе царя Пришея, именемъ Митеру зало пречуно и узасно — конечно то же самое — № 217 сборн. XVII в. л. 80—103 Сказаніе о 12 снахъ Мамери царя, нач. «Въ нѣкоихъ странахъ древиныхъ градь, именемъ При

ней; въ этомъ сборникѣ помѣщены болѣею частью статьи истиннаго характера, къ которымъ принадлежитъ и это сказаніе. — № 223 сборн. новин. об. д. 796—805 «Сказаніе о дѣхнадесяти снахъ и коему царю богомудрому».

— Црк. № 389 сборн. XVII в. д. 415—438 «Сказаніе о снахъ Мамера царя». — № 407 сборн. XVII в. д. 425—433 «Сказаніе о 12 снахъ, иже провидѣни будутъ на послѣдніе времена», ич. «Градъ Аршенскъ, а въ немъ царь Шаханцъ?», видѣлъ 12 сновъ и бысть о нихъ велии печаленъ».

— Угрюмоваго, тотъ же сборникъ XVII вѣка заключаетъ и «повѣсть како видѣхъ? царь Мамерь единой ноци 12 сновъ», ич. «66 не въ сонъ страхъ» и проч.

IV.

Исторія Варлаама и Иосафата. — Причи нравственно-религіознаго содержанія. — Старинныя сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ.

Западно-Европейскія литературы имѣли свои, довольно тѣсныя связи съ Визанціею: много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ нихъ съ востока путемъ Византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обрабатывалось ими болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ Византійскаго источника или устнымъ преданіемъ или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась между прочимъ и знаменитая исторія Варлаама и Иосафата: на западъ, основаніемъ ея извѣстности была Латинскій переводъ съ Греческаго; у насъ переводъ старо-Славянскій

Исторія Варлаама и Иосафата, или Иосафа, — духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратилъ въ христіанство Индійскаго царевича Иосафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авишира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ кушца, продионаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Иосафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная

графора XVII столѣтїи, сдѣланная Симономъ Лавковымъ и приложенная къ Московскому изданію этой исторїи. Авторомъ этого произведенія инокоторыя старыя рукописи и рукоябулы называютъ Иоанна Дамаскина, другїя просто Иоанна; въ нѣкихъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Иоаннъ Синайскїи или Иоаннъ Аствотчикъ. Въ заглавіи влданнаго Греческаго текста поставлено имя Иоанна, монаха или монашара св. Саввы: *Ἱστορία ψυχολογικὴ ἐκ τῆς ἐνδοξοῦρας τῶν Ἀγίων ἁγίας τῆς Ἰωδῶν λειτουργίας πρὸς τὴν ἁγίαν πόλιν μετανεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου πρὸς καὶ ἐναγέτου μόνου τοῦ ἁγίου Σάββα ἐν ἣ ἔβίω Βασιλῆα καὶ Ἰωασάφ τῶν ἀσίδίων καὶ ραχαρίων.* Смысленіе имени могло произойти тѣмъ легче, что Дамаскинъ жилъ такъ же въ этомъ монастырѣ. Большая часть новейшихъ ученыхъ не рѣшаются приписать исторію Варлаама Дамаскину и вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ; иные считаютъ ее сочиненіемъ какого нибудь восточнаго, быть можетъ Эфиопскаго или Абиссинскаго христианина, сочиненіемъ, перешедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынный Варлаамъ былъ лично историческое, видно изъ свидѣтельствъ Василїя Великаго и Иоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III — IV столѣтїи по Р. X., въ землѣ Синаварь, въ Азїи. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Иосафата были Греческїи тексты, переданный въ Латинскомъ переводѣ Георгїя Трапезунтскаго Georgius Trapezuntius; легенда принесена была въ 1220—33 г. изъ Константинополя въ Германїю аббатомъ Гуго и разошлась очень быстро. Исторїи получила сперва нѣсколько Нѣмецкихъ и Французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; но сѣверно-Французскія переложенья сдѣланы были въ началѣ XIV вѣка переводомъ Итальянскїи; изъ Нѣмецкой литературы произошла Шведская народная книга *Varlaam och Josaphat* и Нидерландская *Varlaams-saga*; но Латинскому подлиннику составилась Испанская редакція. Въ Чешской литературѣ переводъ Варлаама и Иосафата появился еще въ концѣ XV столѣтїа Jungmann (113); Польскїи переводъ Куликовскаго сдѣланъ по Латинскому Як. Буллия и напечатанъ въ Краковѣ 1688 гр. Bentkowski 2, 396. Печатаемыя изданїя Варлаама очень давно: *editio princeps* одного Латинскаго перевода — *Incipit liber gestoru bar-*

laam et iosaphat servoru dei greco sermone editus a iohane dama-sceno viro sancto et erudito — вышедшее s. l. et a., относясь къ 1370 — 80 годамъ (Argent.), следовательно къ числу самыхъ рѣдкихъ книжнабуздъ; очень стары такъ же Шмецкое и Чешское изданія; объ Англійскомъ см. *Hatt. Bibl. Britannica* 282 x. Наконецъ исторія Варлаама извѣстна и въ некоторыхъ восточныхъ литературахъ: Еврейская передѣлка ея подъ названіемъ «царевичъ и дервишъ», составленная по Арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой Еврейской литературы; издана и досель она печатается перѣлко и переведена теперь на Шмецкій языкъ *Meisel, Prinz u. Derwisch. Stutt.* 1847; объ Армянской передѣлкѣ — roman d'Iovasaph et Baragham — упоминаетъ ак. Броссе въ своемъ отчетѣ объ археологическомъ путешествіи въ Грузію *Rapports sur un voyage etc. St.-Pet.* 1849. 1 livr. p. 59. Некоторые замѣчательные факты въ литературной исторіи Варлаама и Иосафа объяснены или открыты только въ последнее время и потому до сихъ поръ итъ общаго обзора ея, въ которомъ бы вполне представлены были начало и судьбы этого произведенія; такъ, недавно только определена ак. Дорномъ Арабская редакція Варлаама, найденная въ рукописи, принадлежащей Его Высочеству. А. С. Порофу.

Библиографическія и литературныя замѣчанія у *Grässe, Sagenkreise* 460—463, *Lehrbuch* 2. 1. 351 ff.; — *Fabrizii, Bibl. gr. ed.* Harless 9. 737, 12. 73; — *Val. Schmidt* въ *Wiener Jahrb.* Bd. 26. S. 33 ff. и др. Грецкій текстъ изданъ *Βυζαντινάκιον* въ его *Ἀνέκδοτα*, *Anecd. graeca*, Paris. 1832. t. 4. 1—363; — *Schubert* въ *Wien, Jahrb.* Bd. 63. 74—83, Bd. 72. 274—288, Bd. 73. 176—202. Скандинавская ред. *Varlaams ok Josaphats saga*, Christ. 1851. Норманнскія замѣчанія *Steinschneider* въ *Zeitschr. d. d. morg. Ges.* 1851. 5 Bd. 1-es Heft. ак. *Le-pu* и Минтловъ въ *Bulletin hist.-philolog.* t. 9. 1° 20—21. Характеристику содержания см. у Дюлоа 27—32, *Холевіуса ib.* 164—166.

Русскій или впріемъ старо-Славянскій переводъ Варлаама давно уже приключилъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV — XV столѣтіямъ. Варлаамъ и Иосафъ, въ старо-Славянскомъ переводѣ, принадлежалъ и южно-Славянской письменности въ той же, если не въ боль-

ней, степеней, какъ и Русской: онъ принадлежитъ, безъ сомнѣнiя, той эпохѣ, когда между ними поддерживалось длительное общенiе въ памятникахъ литературы. Миклошевицъ упоминаетъ Сербскую рукопись Варлаама, принадлежавшую XVI вѣку (Vergleich. Gram. d. slav. Spr. I, xiv). Какъ на западѣ, такъ и у насъ, исторiя пользовалась большимъ увлеченiемъ: почти въ каждой изъ старинныхъ нашихъ описей книгъ упоминается одна или нѣсколько экземпляровъ Варлаама и Юсафа. Укажемъ для примѣра переписанную книгу домовою казною цар. Николая, описъ книгамъ митроп. Павла, Саркато и Подонскаго, описъ степенныхъ монастырей, составленную въ XVIII столѣтiи (Времен. кн. 15, Чтенiя 1848 : въ послѣдней «книга Юсафа или Асафа царевича» упоминается безпрестанно, — подл. 1° 20 1/2 означена «книга Юсафа царевича, въ доскахъ, писменная, въ десть л. е. in-folio, *сетла, на ларити*». Объ успехахъ Варлаама, кромѣ значительнаго числа списковъ его, напечатанныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVIII-мъ столѣтiи вышло два изданiя этой книги: одно для Бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ. Первое, въ четверку, съ слѣдующимъ заглавiемъ, помѣщеннымъ среди грубыхъ изображенiй Варлаама, Юсафа, Ю. Дамаскина, царя Авенира и пр.: *Исторiя або Присловие свитцевъ с. св. Юдѣина Дамаскинѣ о житiи свтѣ Прѣ: бжѣ Варлаама Исидора и о пасрѣнiю Иудѣинѣ*. Старшеца и контогъ Инокъвъ Общежитнаго Монастыра Куцеснекого, ново Греческого и Словенского на Рускiй языкъ предложена. въ Типографiи тоей обители. Року 1744 июля 16 днѣ; затѣмъ на 4 л. предмова, на 4 л. оглавленiе, въ книгѣ 363 листа. Въ предисловiи издатели объясняютъ, почему они издали «ново простымъ языкомъ Рускимъ для свадѣннато т. е. легчайшаго» понятiя и науки» эту книгу, которая вмѣстѣ съ другими сочиненiями Дамаскина «на семомъ Вселенскомъ соборѣ апробована, а за часомъ въ Крещеного на Латинскiй и Словенскiй языкъ предложена»; на послѣднемъ листѣ «въ свѣтъ святого Юсафа, когда вышло на пустыню» и затѣмъ «пересторога до ласкаваго чителника», котората просить о исправленiи ошибокъ. Московское изданiе folio; на заглавномъ листѣ, прекрасно выравнованнымъ Симономъ Ушаковымъ изображенiя мира и брани; заглавiе: «Во славу Святыи Троицы,

Огня и Сына и Святаго Духа: Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, и великаго князя *Геодеора Алексѣевича*, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержана: Благословеніемъ же въ духовномъ чину огня его и богомолца, великаго господина святѣйшаго Курь *Юасима*, Патріарха Московскаго, и всея россіи. Нададеса книга сія содержаная Історію, или повѣсть святаго и преподобнаго огня нашего Юанна, иже отъ дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножителіи: и о Юасафѣ царѣ Индійстемъ... Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхній: Въ дѣло отъ сотворенія мира, зрѣю: Отъ рождества же по плоти Бога Слова, аѣи: Индікта, дѣ: Мѣсяца септевіа». На л. 1—4 «предисловіе къ читателю», въ стихахъ, и оглавленіе, на л. 5—13 служба святымъ (поибри 19); затѣмъ, по новому счету, л. 1—4 «стихи красогласіи въ похвалу преподобнаго огня нашего Юасафа царя индійскаго», за которыми слѣдуетъ табличка изъ буквъ, въ известномъ порядкѣ составляющихъ фразу, — роль шарльда, — потомъ другая уже упомянутая нами картинка Симона Ушакова, и текеть на л. 1—215. Последніе два листа заняты новыми стихами, въ которыхъ заключается «молитва святаго Юасафа въ пустыню входяща», отличная отъ помѣщенной въ первомъ изданіи. Въ описаніи старопечатныхъ книгъ гр. Толстаго оба изданія отмѣчены подъ № 87 и 164, Царскаго № 108 и 213. Укажемъ теперь нѣкоторые списки:

— Толст. 2. 89 Публ. Б. ки. I. Q. 315 рукопись XV вѣка на 200 л. «Сіе писаніе діеполезно бѣ воустремъ іерусалѣмскихъ страны гдѣмыа индіа въ градѣ чѣныи пренесено ꙗко юанноу мншоу иже чѣныи и добродѣтелии монастыря сего савы внейже житіе варлама ꙗсафа ꙗрнѣмаꙗвою и бжѣвеноу, гдѣ бдѣви. нач. селни оубо дхомъ бжѣимъ вошши сѣ, си сѣтъ сѣве бжѣи и пр.» — Толст. 1. 255 представляетъ другой списокъ XV-го вѣка. Рукопись XIV в. указывается въ пред. къ Лавр. дѣт., изд. А. Кож.

— Царск. № 679 рук. XVI в. 273 л. съ тѣмъ же заглавіемъ. — № 90 рук. XVII в. «Повѣсть подана житія святыхъ и преподобныхъ отецъ, пустынножитель и постникъ Индіискихъ, Варлаама пустынника и ученика его Юасафа

царевича, сына Авербра царя Пидѣйскаго. — списано Иваномъ минхомъ обители св. Саввы, пже въ Иерусалимѣ. — ся, также № 91; — отрывки изъ Варлаама находятя въ рсехъ XVI в. № 384 и 388, въ сборникахъ XVII в. , 1' 401 и 425, и въ рукописяхъ болѣе новыхъ № 477, 492 и 370.

— Б-ки Моск. Общ. № 157, Патерикъ Печ. нач. XVI в., гдѣ на л. 182—194 находится неполная исторія Варлаама: «Ся книга пришеена изъ внутрення Египція, глаголемыя Пидѣйскія страны, во святый градъ Иерусалимъ, Иоаномъ минхомъ, мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ, сущаго монастыря св. Саввы, изображение душеполезно. — ся книга царя Асафа дѣланіе, ему же показатель авва пустышникъ Варлаамъ. — по мнѣнію г. Строева *протографъ* поддѣланныхъ исторіи о Варлаамѣ ?); странность и несправильность этого выраженія была уже замѣчена г. Ундольскимъ (Москва, 1843. 3, 168; — , 1' 72 рук. конца XVII в. на 384 л., заглавіе почти такъ же, какъ въ Царск. № 90; — № 57 сборн. житіи, XVIII вѣка, стр. 627—681 сокращенное изложеніе исторіи. — отъ св. Иоана Дамаскина вкратцѣ собранное; — № 302 рук. XVII в. на 139 л. кажется такъ же сокращеніе. Рукопись М. Общ. № 73 есть списокъ съ Московскаго печатнаго изданія.

Время старо-Славянскаго перевода трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку положительныхъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ несомнѣнна большая его древность. Сколько можно судить по чертамъ языка въ болѣе древнихъ рукописяхъ, исторія Варлаама могла перейти къ намъ изъ литературы южно-Славянскихъ въ XIV, а можетъ быть въ XIII вѣкѣ, или даже раньше. Старо-Славянскій характеръ языка съ значительной силой выдерживается и въ позднихъ спискахъ. Что касается до подлинника, по которому сдѣланъ былъ нашъ переводъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ Греческій, хотя нѣкогда думали, что прототипомъ нашей редакціи былъ Латинскій переводъ Георгія Трапезунтскаго; самое заглавіе нашихъ древнихъ списковъ представляетъ буквальный переводъ Греческаго заглавія; сравненіе текстовъ окончательно говоритъ за оригиналъ Византійскій. Оба печатныя изданія составлены по тексту рукописей, а не по новому переводу, но конечно не безъ перемѣнъ. — Греческій подлинникъ могъ быть взятъ только для

справокъ. Трудъ первыхъ издателей состоялъ главнымъ образомъ въ переводѣ Славянскаго языка на «Русскій», т. е. на Бѣлорусское или Польско-Русское нарѣчіе, какое господствовало у всѣхъ писателей нашихъ того времени, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ западной Руси; Московское же изданіе осталось болѣе вѣрно старому чтенію, но подновляло языкъ подъ уровень тогдашняго книжнаго языка. Единство перевода не трудно замѣтить, сличая этотъ печатный текстъ наиримѣрь съ Толст. спискомъ 2. 89.

Но справедливому замѣчанію Довлатова, исторія Варлаама и Иосафа особенно интересовала читателей апологами и притчами вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался ими для ублаженія царевича. Большая часть ихъ, по своему характеру вымысла, принадлежитъ очевидно восточной фантазіи; за каждымъ разсказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; переводки и подражанія имъ перѣлки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, повѣсть и сказки. У насъ эти статьи давно уже выбраны были изъ исторіи Варлаама и безпрестанно переносились въ сборники; независимо отъ главнаго сюжета, притчи Варлаама ходили отдѣльными разсказами и неслѣдствіи приписывались даже другимъ лицамъ и писателямъ христіанскимъ. Такова напр. «притча о шнорогѣ», какъ названа она въ Толст. рукописи 2. 89, находящаяся въ 12-й главѣ подлинной исторіи: одинъ путникъ, встрѣтивши въ полѣ «шнорога», побѣждалъ отъ него чрезвычайно испуганный, и пошелъ въ пропасть, успѣвъ однако схватиться за дерево и удержаться на воздухѣ; путникъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подрывали корень дерева, на которомъ онъ держался; на днѣ пропасти яростно изпадала страшный дымъ, дышавшій огнемъ, — и хотѣлъ пожрать путника; въ стѣнѣ входили четыре томы аспидовы. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда, и забывъ окружающіе его ужасы, «устремился къ сладости малаго меда». Притча изображаетъ жизнь человѣческую: шнорогъ, преслѣдующій человека, есть неминуемая смерть; дерево, подрываемое мышами, — время

уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; земля огненная — адова утроба, которая стремится пожрать человека; аспидовы главы — «преlestныхъ стихій составъ» т. е. его физическая слабость; капля меду — краткая притяности жизни, заставляющая человека забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источники этой притчи указываютъ въ Арабской передѣлкѣ Гитопадезы, известной подъ именемъ Каллиа-ва-Димна (*Lois.-Des-longchamps, Essai sur les fables indiennes* р. 64); отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 168 главѣ *Gesta Romanorum* (ѣд. у. *Grässe*, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на Нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, у насъ она известна въ изданной передѣлкѣ Жуковскаго, «изъ Талмуда». Въ старинныхъ сборникахъ «антій» «притча о богатыхъ», изд. *Болгарскимъ княземъ* встрѣчается очень часто, иногда съ именемъ, иногда безъ имени Варлаама; въ Румян. сборникѣ XVII вѣка, № 363, на л. 157 — «выписано изъ пролога и изъ иныхъ различныхъ книгъ о душевной ползѣ», — статьи нравственно-религіознаго содержанія, отмѣченныя по главамъ, между которыми 27-й главой помѣщена притча наша подъ заглавіемъ «слова св. преподобнаго отца нашего *Еорима* (sic) о житіи семь, благослови отче» (нач. «словакъ итѣи хождаше на полѣ чистѣ и не бѣ въ поле томѣ ни добри ни дѣбу» и пр.); имя Еѳрема поставлено по ошибкѣ или по другому поводу. У насъ бытъ известенъ впрочемъ и другой рассказъ этого содержанія, нѣсколько отличный отъ притчи Варлаама и составленный по какой нибудь особенной редакціи анолога.

Укажемъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ списковъ этой притчи — Румян. въ новомъ сборникѣ, № 374 — *Царское*, въ сборникѣ и въ Пажарнцахъ XVI вѣка, № 373, 412, 691. — въ сборн. XVII в., № 389, 410, 721. — *Толст.* въ рпсн XV вѣка 1, 214, въ сборникахъ XVII вѣка 2, 67, 375 и друг. Статья называется такъ же притчей Варлаама со ждѣ, вогѣ и смерти, притчей Варлаама со богатыхъ и т. п.

Другая притча «о трехъ друзьяхъ», въ 13 главѣ исторіи, рассказываетъ, какимъ образомъ одинъ человекъ, по повелѣнію царя, оставленъ бытъ двумя друзьями своими, которыхъ очень любилъ, и несклонно получить помощь отъ третьяго, кото-

рымя прежде приобрегалъ. Мораль притчи состоитъ въ томъ, что первые два друга т. е. богатство и сродники, не принесутъ человѣку спасенія, хоть онъ и заботится о нихъ, а третій другъ т. е. врагъ, надежда, любовь и прочія добродѣтели, хотя и не столько уважаемыи человекомъ, всегда бывають для него благодѣтельны. Притча, также извѣстная въ средне-вѣковыхъ западныхъ литературахъ, въ сборникѣ Царск. XIV вѣка, № 361, л. 81 — 82 названа «притча св. Варлаама о печали житійстей, и о суетнѣхъ богатствѣхъ, и о милостыняхъ» (знач. «человѣкъ имѣяше три друзья, двою же люблѣше и члѣше» и пр.); такъ же она означена въ Макар. Минскупъ, подл. 16 апреля, и въ другихъ полныхъ спискахъ. Въ Патерикѣ Печ. XVI вѣка, Б-ки Моск. Общ., № 157, об. л. 166 — 168 статья названа «притча шестая Варлаама о печали житійстей и о суетнѣхъ богатствѣхъ и о жннѣ и о дѣлнхъ и о бѣзлнхъ милостыняхъ» (знач. «человѣкъ имѣя три друзья» и пр.); въ сборникѣ Царскаго, XVII-го вѣка, № 440 л. 266 — 268, притча озаглавлена «повѣсть великаго Василия», какъ предыдущая приписана была Ефрему.

Другіе списки: — Царск., въ Измараудъ XVI в. № 142 и 691, въ сборникѣ XVII в. № 389; — Толст., въ сборникѣ XV в. I, 214; — Б-ки Моск. Общ., въ сборникѣ XVII в. № 222. — Румянц. сборн., № 363 въ указанныхъ прежде выпискахъ изъ пролога, глава 45 я. и проч.

Но менѣе любопытны другія притчи, разбавившия въ исторіи Варлаама, или по своему оригинальному содержанию, или по обширной извѣстности. Одна изъ нихъ, названная въ Толстовскомъ спискѣ XV вѣка «притча о земствованнѣхъ црѣхъ» и пользующая людей «милостынею богатства въ небо пресылающе», рассказываетъ, что жители одного города имѣли обыкновеніе выбирать себѣ въ цари какого нибудь чужеземца, который бы не зналъ ихъ правотъ и обычаевъ: онъ получалъ все права и наслаждался всеми удовольствіями, какія даетъ власть, но черезъ годъ его лишали царскаго достоинства и отсылали на далекій островъ, гдѣ онъ долженъ былъ вести самую бѣдственную жизнь. На его мѣсто выбирали другого царя, которого черезъ годъ постигла таже участь. Многіе пострадали такимъ

образом; но один мудрый иноземец, будучи выбран на время, постарался узнать законы и обычаи жителей, устроил себя на острове спокойное жилище, отослать туда своих слуг и богатства, и, заточенный на острове по истечении срока, мог вести жизнь покойную и роскошную. Правдивый вывод состоит в том, что люди так же должны приготовить себе мирную жизнь в будущем веке и заботиться о ней во время земного существования. Этому рассказу ученые приписывают чисто-восточное происхождение, потому что на востоке он извѣстен не меньше, чѣмъ на западѣ: онъ вошелъ отчасти въ 74-ю главу *Gesta Rom. Grässe I, 137—140*, находящуюся и въ Русскомъ сокращенномъ переводѣ этого произведенія, и повторяется въ 40-й главѣ знаменитаго Испанскаго романа, или сказочнаго сборника, XIV вѣка, *El conde Lucanor (Daukop 462)*. Другая притча Варлаама, въ 6 главѣ исторіи, научающая «яко не по вѣликимъ одеждамъ подобаетъ человека почитать», кромѣ *Gesta* и другихъ Латинскихъ и не Латинскихъ сборниковъ, встрѣчается также у Итальянскихъ повѣствователей и между прочимъ въ Декамеронѣ *giorn. X, nov. 1*, и въ *Confessio Amantis* Гоуара, I, 5. Шекспиръ, который такъ часто заимствовалъ сюжеты изъ средневѣковыхъ повѣстей и преданій, воспользовался въ Венеціанскомъ купцѣ и этимъ рассказомъ. Притча «о слани» или о трехъ совѣтахъ, данныхъ соломеннымъ мавиавшему его человеку, основывается на одной баснѣ Бидная (*Lois.-Deslongchamps, Essai p. 71*); находится потомъ въ извѣстномъ Латинскомъ сборникѣ среднихъ вѣковъ *Disciplina clericalis c. 23*, въ 167-й главѣ *Gesta Rom.*, въ старинной Французской передл. *lai d'oiselet (Barbazan 3, 114)*, въ разныхъ Нѣмецкихъ пересказахъ *Gödeke, D. Dichtung im Mitt. Hannover 1854, 640, 650, 671* и проч. Изъ остальныхъ притчъ упоминаемъ наконецъ о той гл. 29 исторіи, которую такъ ловко воспользовался Боккаччо въ предисловіи къ четвертому дню Декамерона (ср. *Daukop 230*).

Большая извѣстность этой исторіи сообщила имя царевича Юасафа и народной словесности: отсюда объясняется фразеологъ царевича Юасафа «Осава въ пустыню», напечатанный Курьевскимъ въ числѣ духовныхъ стиховъ (Чтенія 1848, 9, 181).

«Шель» Иосава паревига находится и в старых рукописях, напр. Толст. 2, 442, Царск., № 492, 570, ср. Оп. Румянц. Муз. 623 — 624.

Укажем и несколько других притч, встречающихся в старинных сборниках и по характеру довольно сходных с притчами пустынноца Варлаама. В притч. «о составѣ тѣла человека», иногда приписываемой Иоанну Златоусту, в форме загадки и толкованія изображается смерть человека и переход души от тѣла; в иных списках статья называется «слово притчею сведено, о составѣ тѣла человека и о души» или — «о тѣлѣ человека и о души» и т. п. Она принадлежит къ числу тѣхъ статей, какія всего больше обихаживены в старыхъ сборникахъ. Вотъ некоторые изъ ея списковъ: в *Толст.* сборникѣ XV вѣка 1, 214, на л. 135 и 136, и в сборникѣ XVII вѣка 2, 442; — в *Румянц.* сборн. XVII в., № 363; — *Б-ка Моск. Общ.*, в сборн. XVII в., № 208; — в *Царск.* рукописяхъ XVI вѣка, № 442, 343, 691 и друг.

Къ тому же предмету относится другая притча, по заглавію отчасти сходная съ первой: «слово о притчи, сказанной о тѣлѣ человека и о души и о воскресеніи мертвыхъ» в сборникѣ Царскаго XVII вѣка, № 401 л. 103 — 105 нач. «слова о вѣкто добра рода насѣи виноградѣ и о плотомъ оградѣ» и пр.: ср. в словѣ Кирилла Туров. «о хромци и о слѣпци», и Толст. сборникѣ XVII вѣка 2, 482, л. 204 — 206.

Третья притча озаглаивается просто — «сказано съ толкомъ» — съ толкованіемъ о узкомъ пути, ведущимъ въ жизнь вѣчную, и о широкомъ пути, ведущимъ въ муку вѣчную» и «слово св. отцы, съ толкованіемъ» и проч. Списки ея перѣдки: — *Царскит.*, в рукописи XVI стол. № 343, и в сборникахъ XVII в., № 390, 394, 399, 420; — *Моск. Общ.* в сборникѣ XVII в., № 208 и др.

Сюда же принадлежит «повѣсть житія душеполезнаго, что есть житіе се настоящее по чину, притча о дворѣ и о змѣи», означаемая именемъ Златоуста, в Толст. сборникѣ XVI вѣка 2, 299 л. 109 — 116; в сборникѣ Моск. Общ., XVII столѣтія, № 193 л. 562 — 569 повѣсть названа «притча душеполезна о змѣи, бесѣдуема о мірѣ терзателехъ и владычѣ власти настоящаго

сего житія Слово 52-е отъ Златоусту». Притча эта, скорее принадлежащая к области апокрифов, встречается также во многих рукописях и напечатана въ «Сборникѣ», изданномъ при Петрѣ В. въ 1700 г., стр. 388.

Та же повесть пересказана была въ журналѣ 1770 г. Парасекій Цветильникъ, стр. 257—261.

Охота къ притчѣ распространилась до такой степени, что старшіе читатели наши съ любопытствомъ списывали и вносили въ сборники и такія притчи, которыя не имѣли никакого повѣствовательнаго или поучительнаго интереса и порождены были одной сухой схоластикой. Такимъ образомъ между повестью и рассказомъ вставилось «исчисленіе вѣратцъ сведено притчею о *годѣ* и о прочихъ предстоящихъ въ немъ» или по другому заглавію «скажется притчею о году солнечномъ, что есть годъ» Парск. № 301, Толст. 2, 181 и мн. др., гдѣ преимущественно представляется раздѣленіе времени и разные хронологическіе счеты, и больше ничего; настоящее мѣсто этого сказа было при свѣцахъ и календаряхъ. Притчами описываются такъ же четыре *времена года*, объясняемыя разными сравненіями и удобствіями; а въ одной изъ Румановъ рукописей встречается даже изображеніе семи свободныхъ *художествъ* въ видѣ притчи. Само собою разумѣется, что эти риторическія упражненія могли быть интересны только для отчаянныхъ трагистовъ стараго времени.

Въ рукописяхъ XVI столѣтія встречается и притча или иносказательная повесть Русскаго сочиненія, изображающая борьбу смерти съ жизнью: смерть ушла въ полѣ убогаго богатыря, отвѣчала на похвалу его описаніемъ своего могущества, и наконецъ двинула его жизнь. Это «рѣшіе смерти съ животомъ» находится въ сборникѣ Парск. XVII вѣка № 410 л. 272 — 278 подъ заглавіемъ «человѣкъ воинъ удалый, бѣжалъ по полю чистому, и по раздолью широкому, избѣжалъ поля многаго», въ сборн. XVIII стол. № 449 л. 33 — 36; въ Толст. сборникѣ XVII в. 2, 442 л. 4 — 8 и въ другихъ рукописяхъ; въ Погодинскомъ сборникѣ XVII — XVIII в. № 1773, эта статья помѣщена на л. 86 — 84 подъ заглавіемъ «повѣсть о

бодрости человеческой» (нач. «человѣкъ и кѣи Владше по полю чистому, по роздолью широкому, конь подь собою имѣи крѣпостию обложенъ, зѣбровиденъ» и пр.). Въ этомъ послѣднемъ спискѣ, смерть убиваетъ богатыря въ своей силѣ между прочимъ такими примѣрами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противу мене стояти не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: аще (бы) было колно въ землю вдѣлано..., азъ бы и всѣмъ свѣгомъ поворотилъ, — да и тутъ не смѣлъ со мною драться; да еще каковъ былъ Акиръ премудрый, и тотъ спиратися не смѣлъ, да и тѣхъ азъ семь всѣхъ взяла, яко единого отъ сиротъ убогихъ». Любопытно, что этотъ рассказъ о борьбѣ смерти съ богатыремъ повторяется въ преданіи объ ужасномъ разбойникѣ Анискѣ, жившемъ когда-то въ Анкишномъ лѣсу, верстахъ въ десяти отъ Вологды (см. замѣтки г. Погодина, Москв. 1843. II, стр. 245—246 въ смѣси). Какъ и другой народный богатырь, Аниска имѣетъ свою былинку: встрѣча его со смертью представлена въ извѣстной дубочной картинкѣ «Аника воинъ и смерть».

Всѣ эти произведенія не лишены историко-литературнаго интереса въ томъ отношеніи, что были очень распространены, какъ чтеніе доступное для массы. Въ содержаніи старинныхъ сборниковъ часто можно замѣчать намѣреніе составителя собирать статьи подобнаго рода т. е. имѣющія и занимательность разсказа и правоучительныя примѣненія. Небольшіе разсказы были при этомъ тѣмъ больше желаны, что скоро могли быть и прочитаны и списаны; такъ отрывки и притчи изъ Варлаама попадаются чаще, чѣмъ весь Варлаамъ. Изъ каждой прочитанной книги составитель сборника выбирать, что ему особенно нравилось, къ любимымъ и общезвѣстнымъ статьямъ, каковы были притчи Варлаама, прибавлялъ небольшія повѣсти и выписки изъ другихъ книгъ и собраній, перемеживая или вовсе не означая имена авторовъ, — такъ что непривычному трудно ориентироваться въ этомъ случайномъ соединеніи статей разнаго содержанія, происхожденія, иногда и разнаго вѣка. Въ среднюю эпоху, отъ XIV до XVI столѣтія включительно, въ сборникахъ нѣтъ еще явныхъ попытокъ specialности, или эта специаль-

ность ограничивалась духовно-правственными повестями, заимствованными из житий, отечниковъ, «Старчества» и тому подобныхъ источниковъ. Сборники, посвященные только повестямъ и сказкамъ, мы находимъ уже въ XVII столѣтїи, когда ихъ и появилось всего болѣе. Но и прежняя, на половину духовная повесть, имѣла своихъ любителей: нѣкоторыя изъ ея произведеній до того сроднились съ понятїями народа, что вошли даже въ его собственную словесность: въ этомъ знакомствѣ съ письменной литературой лежатъ зародышъ многихъ поэтическихъ фантазїй, каковы напр. такъ называемые «стихи»; иные духовные рассказы уже въ старыхъ рукописяхъ получаютъ отбѣлки народнаго изложенія.

Иногда и вышней видъ книжныхъ произведеній ставилъ ихъ въ нѣкоторую связь съ произведениями народными. Такимъ образомъ притча «о составѣ тѣла человека» кромѣ аллегорическаго смысла представляетъ и форму *загадки*. Загадка, какъ и пословица, принадлежитъ къ числу любимыхъ приемовъ всякой народной поэзіи: ея хотѣли выразить пылкость и въ тоже время оборотливость человеческого ума; содержаніе коренныхъ загадокъ всегда относится къ предметамъ, наиболѣе занимавшимъ народную фантазію. Если теперь, съ упадкомъ старинныхъ понятїй, загадка низшла на степенъ обыкновенной забавы отъ нечего-дѣлать, то древнѣйшее значеніе ея соединялось съ основными народными вѣрованьями; потому загадываніе и разрѣшеніе загадокъ принадлежало болѣею частью личностямъ мнѣстескимъ, для которыхъ однихъ доступны были гайственныя вопросы. Какъ Греческій свивекъ предлагаетъ загадки Эдипу, такъ въ Скандинавскомъ преданїи богъ Одинъ спорить о мудрости съ великаномъ Вафгрудниромъ посредствомъ загадокъ: Сербскія вѣлы и наши русалки губить тѣхъ, кто не умѣетъ отвѣчать на загадки ихъ. Въ дальнѣйшей судьбѣ своей, загадка теряла первобытнїй смыслъ вмѣстѣ съ исчезаніемъ старинны въ повѣрьяхъ и преданїяхъ; изображая въ загадкѣ подъ разными картинами и образами солнце, мѣсяць, ночь и т. п., народъ понимаетъ теперь ее только какъ поэтическое угоденіе, между тѣмъ какъ прежде въ этихъ образахъ рисовались живыя мнѣстескія представленія. Но и послѣ этого перерожденіа

ния, загадка сохранила свою прелесть для народной поэзии, хотя и в содержании ее в последствии появилось много нового. Как только из этических мотивов, загадка смешивалась иногда с другими формами народной поэзии: формой загадки облекалась общеизвестная поговорка, загадка служила зерном, из которого развивались и целыми произведениями: так, в свадебной пьесе жених предлагает невесте загадки — «что у насъ краше свѣту, гуще дѣву, что у насъ безъ умолку, безъ коренья» и пр., — а невеста отгадываетъ ихъ. Въ названной притчи сказаніе соединено съ формою загадки, такъ что произведение книжное сближается здѣсь съ мотивомъ народнымъ. Въ Румянцовскомъ сборникѣ XVII вѣка, № 363, она читается такимъ образомъ:

«Иже рече Писаніе, что есть — егда земля опустѣеть, а царь изнеможеть и силнѣи его разыдутся, тогда разрушатся каменнѣи гради, источницы изсякнутъ, и вѣтри не возвѣють, пути великіи зачуютъ, престануть жерновы мелюція, и море великое умертвится, многолиственное древо падеть, затворятся двери и врата плодовиата, скоти разыдутся, рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, тогда царина изыдетъ отъ престола своего, излетитъ аки твердоокладанная голубица отъ гнѣзда своего!»

Такъ. Слышите сказаніе притчи сей — се же, егда опустѣеть земля, рекше не здраво будетъ тѣло; и царь изнеможеть, рекше умъ отыметъ; а силнѣи его разыдутся, рекше мысли погибнуть; тогда разрушатся каменнѣи гради, рекше раступятся кости человѣчскія; источницы изсякнутъ, рекше слезы отъ очей не потекутъ; вѣтри не возвѣють, рекше дыханіе отыметъ; пути великіе зачуютъ, рекше гортань . . . ; престануть жерновы мелюція, рекше зубы; затворятся двери и врата, рекше уши и уста; море великое умертвится, рекше утроба человѣческая, многолиственное древо падеть, рекше многоглаголивый языкъ; плодовиата врата заградятся, рекше многословесныя уста, скоти разыдутся, рекше лукавыя помыслы погибнуть, рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, рекше руки и ноги прожогутся; тогда царина изыдетъ отъ престола своего и отлетитъ яко твердоокладанная голубица отъ гнѣзда своего, рекше душа человѣческая изыдетъ отъ тѣла

Мы видимъ, что всеобщее распространеніе загадки замѣтно и на древнѣйшихъ новеллахъ Русской письменности: сказаніе

о Соломоне все построено главным образом на спорѣ двухъ царей о мудрости посредствомъ загадокъ, — въ чемъ оно родственно съ преданіемъ о Соломонѣ, записаннымъ у Иосифа Флавія; мы видѣли, что и въ нашемъ сказаніи о Соломонѣ загадка играетъ не маловажную роль. Другія переводимыя повѣсти такъ же употребляютъ загадку пружиной разсказа, и Русское «слово о кунцѣ Басаргѣ» основано на разрѣшеніи семилѣтнимъ отрокомъ мудреныхъ задачъ, предложенныхъ несчастнымъ царемъ. Не мудрено поэтому, что форма загадки была отнесена и къ другимъ предметамъ, которые занимали старинныхъ грамотѣевъ и требовали искуснаго объясненія. Въ сборникахъ XVII вѣка находятя статьи подобнаго рода, означаемая неопредѣленнымъ названіемъ «беседа святыхъ отцевъ», чѣмъ хотѣли выразить ихъ назидательное значеніе. Въ диалогической формѣ загадки здѣсь излагаются различныя свѣдѣнія, отчасти извлеченныя изъ духовной исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводится многое изъ круга народныхъ знаній и преданій. Такимъ образомъ и космогоническія свѣдѣнія, выраженные въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной книгѣ, находятъ себѣ подтвержденіе въ подобныхъ письменныхъ памятникахъ; сличенія, сдѣланныя г. Буслевымъ, показываютъ, что народная поэзія тѣсно сближалась въ этомъ случаѣ съ литературой письменной, и что каждая изъ нихъ имѣла долю свою во взаимномъ вліяніи (ср. Архивъ, Калачова, I, 20 — 23).

Диалогической формой стихъ о Голубиной книгѣ одинаково соответствовалъ и книжнымъ памятникамъ этой категоріи, и произведеніямъ народной словесности. По содержанию, онъ очевидно находится въ связи съ преданіями, заходившими къ намъ путемъ литературы: сильно передѣланныя на Русскій языкъ имена чудныхъ существъ повторяются одинаково и въ стихѣ и въ старинныхъ азбуковникахъ, бравшихъ свои свѣдѣнія изъ другихъ древнѣйшихъ источниковъ. *Стратимъ* или *итрофиль*-птица *ἡ στρεφύτης*, *звѣрь-индриль* (*ἰνδρῖλ*) очевидно того же происхожденія, какъ *звѣрь-витовраль*, *птица-сиринь* или *алконостъ*, и прочія чудныя птицы и звѣри, описанныя въ азбуковникахъ. Действующія лица, къ которымъ отнесены въ стихѣ вопросы и отвѣты, составлены по тому же поводу, какъ

въ иныхъ случаяхъ народная поэзія отдасть рѣшеніе трудныхъ вопросовъ существованью, высшимъ челоука и по природѣ и по мудрости. Самую сущность вопросовъ можно прослѣдить теперь по памятникамъ весьма различнаго времени и мѣста. Отсылая читателя къ болѣе подробнымъ сравненіямъ г. Булаева, остановимся на одномъ мотивѣ стиха, гдѣ объясняется, что «помыслы наши идуць огь облакъ небесныхъ, кости крѣпкіи отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ *черна моря*» (стих. 66—70). Въ сборникѣ Болгарскаго шенма, XV вѣка, принадлежащемъ г. Григоровичу и заключающемъ собраніе преданій и суевѣрій, та же мысль передается слѣдующимъ образомъ въ формѣ вопроса: «что сътвори Богъ Адама? отвѣтъ: 8 чести: 1 честь тѣло его отъ земли. 2 честь отъ моря. 3 честь отъ камня. 4 честь отъ вѣтра. 5 честь отъ облакъ. 6 честь отъ слнща и отъ роси. 7 честь отъ помысла отъ брѣзбости ангельскихъ. 8 честь отъ Святаго Духа» и пр. Въ сборникѣ XVI вѣка Троицкой Лавры, въ статьѣ подъ названіемъ «слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, I. Златоуста, вопросъ и отвѣтъ» — вопросъ: «отъ колѣка частей созданъ бысть Адамъ?» разрѣшается такъ: «отъ 8 частей — сердце отъ камня, отъ земля тѣло и перети и кости и волосы (sic), отъ облака мысли, отъ вѣтра дыханіе, отъ чернаго моря кровь, отъ огня тепло, отъ солнца очи, самъ Господь дхнулъ въ челоука душа» (Извѣст. 4, 134). Въ третьемъ старинномъ сборникѣ, на вопросъ: «отъ колѣкихъ частей Адамъ сотворень бысть?» дается еще полнѣйшее толкованіе: «отъ осми частей — первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ облакъ, пятое отъ камня, шестое отъ вѣтра, седмое отъ огня, осмое отъ духа; *толкъ*: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облакъ мысли, отъ камня кости, отъ вѣтра дыханіе, отъ огня плоть, а самъ Господь душу вдохнулъ». Болгарская рукопись XV вѣка не была, конечно, первымъ памятникомъ, гдѣ записано было это преданіе; но древнѣйшіе слѣды его у насъ еще не были до сихъ поръ указаны. Что преданіе имѣло большую извѣстность, доказывается тѣмъ, что у насъ постоянно обращали вниманіе на его недостоверность. Въ Руманц. рукописи церковнаго устава 1608 г., № 449 л. 107 въ челѣ бого-

ответных книг названы упомянутые «вопросы и ответы»; в книге Кирилловой, напечатанной в Москве 1633 года, между «отреченными» (*interdictis*) книгами поставлено: «ино глаголю о Василии Кесарійстѣмъ, о Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ — вопросы и отвѣты, что *отъ колика частей сотворены бысть Адамъ*, и что Провъ царь другомъ Христа названъ, и то поць Іереміа Болгарскій солдаты» (ер. Псалт. 4, 134). Названная нами Болгарская рукопись и вообще исторія апокрифовъ, въ которой ссылались у насъ на цюа Іеремію, обозначаютъ тотъ путь, которымъ занло въ насъ преданіе, несомнѣнно принадлежащее далекой старинѣ; оно распространилось давно и въ западной Европѣ, вѣроятно при томъ же Византійскомъ посредничествѣ. Сѣверный мифъ изображаетъ преданіе въ обратномъ порядкѣ, — составныя части міра образовались изъ огромнаго великана: изъ крови Нмира произошло море и вода, изъ тѣла земли, изъ костей горы, изъ зубовъ скалы, изъ черепа небо, изъ мозгу облака, наконецъ — прибавляетъ другая сага — изъ волосъ его родились деревья (*Grimm, Mythologie* 1844. 525 — 527). Но другіе варианты, напримеръ Фризская редакція этой космогоніи, XIV—XV столѣтія, и Немецкое стихотвореніе XII вѣка, повторяютъ преданіе почти буквально сходно съ той формой, въ какой оно приводится въ нашихъ письменныхъ памятникахъ (*Grimm ib.* 531 — 532).

Такимъ же образомъ представленія о первенствѣ пшлѣтнхъ предметовъ природы надъ другими однородными предметами одинаково выдержаны и въ народномъ стихѣ и въ старыхъ сборникахъ. Въ рукописи Царск. № 492 приведены тѣ же вопросы: «которое езеро езеръ мати? — кое море всѣмъ морямъ мати? — какъ рыба рыбамъ мати? — какъ птица птицамъ мати?» и пр. (*Будласовъ*, въ *Арх. Калач.* 2, 2, 51—52), которые дали содержание и стиху. Народная поэзія основывалась конечно не прямо на книжныхъ произведеніяхъ и приняла эти преданія только тогда, когда они уже для всѣхъ стали знакомой вещью. Мы имѣемъ любопытныя свидѣтельства, указывающія, какъ занимательны были въ свое время апокрифическія исторіи и подобныя рассказы. Въ Белорусскомъ переводѣ Іоанна Дамаскина, по Румянц. рукописи XVII вѣка, въ за-

ключении статьи «о ересехъ» (об. л. 219—242) прибавлено, переводчиком или переписчиком, небольшое разуждение, где сказано между прочимъ: «у насъ ани десятиа части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведенно лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо шашенство въку мнѣишея учителя—грѣхъ ради нашихъ—болшеи въ *болгарскіе бѣсти*, або наче въ бабѣкіе бредни уиражаються,—прочитаютъ и похваляютъ ихъ,—нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются» (Оп. Р. Муз. 242). Русскій сочинитель сказанія о самозванцѣ замѣчаетъ: «они невегласи туне душа своя погубиють, еже держатся *книжъ отъ реченныхъ* святыми отцы седми вселенскихъ соборовъ, и зановѣдавшихъ намъ въ нихъ не вишати, и почитаюши ничтоже пользу ими приобрѣтають, точию душевнѣи свой корабль отъ глубинѣ грѣхоней погружаютъ» (Временникъ, кн. 16, 37—38).

Сборники загадокъ пользовались и этимъ содержаниемъ, наследуя его изъ письменныхъ памятниковъ, и съ другой стороны заключали представленія, принадлежавшія чисто-народной мысли. Они вообще перѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ, но въ разными заглавіями: въ упомянутой рукописи Троицкой Лавры, XVI-го столѣтія, статья называется «слово св. Григорія Богослова и Василя Кесарійскаго, Іоанна Златоуста, въпросъ и отвѣтъ»; въ Толст. сборникѣ XVII-го вѣка 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 она озаглавлена «книга, глаголемая отъ бесѣдъ святыхъ отецъ» л. 226—237; въ новомъ Толст. сборникѣ 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 19—22 опять «бесѣда тріехъ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго». Довольно любопытные «вопросы и отвѣты» въ Толст. сборникѣ 2. 140 л. 958—962 представляютъ особенный разрядъ загадокъ.

Для примѣра приводимъ нѣсколько загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ изъ Толст. рукописи 2. 181; они касаются предметовъ библейской исторіи, какъ и вышески г. Буслая въ Архивѣ Калачова 1. 47—48.

л. 226. *«Вопросъ. Когда четвертая часть міра умретъ? Тогда. Книжа брата своего убѣ Авеля. — В. Когда весь міръ обратится? Т. Ной изъ ковчега вышетъ. — В. Кто не роженъ и кто не умре? Т. Адамъ не роженъ. Ной не умре. — В. Кто*

дважды роженъ или кто дважды умре? *Т.* Иона два на роженъ, Лазарь дважды умре. — *об.* д. 231 *В.* Что есть, сѣкера у корени древа лежитъ? *Т.* Корень есть въра, древо человѣка, сѣкера (sic) всему кончина. — *В.* Какъ имья воухомъ? *Т.* Первому имя Мелхвонъ (чит.: Мелхiorъ), второму имя Аспаръ, третьему имя Валтасаръ. — *об.* д. 233 *В.* Что есть высота небная, широта земная, глубина морская? *Т.* Троица Святая: Отець, Сынъ и Духъ Святый».

На д. 234 помѣщенъ и приведенный нами по другимъ спискамъ *вопросъ*: «отъ какихъ частей сотворенъ Адамъ»? Ответъ почти буквально повторяетъ предыдущіе: «отъ 7 частей сотворенъ — 1-е отъ земли глѣю, 2-е отъ моря кровь, 3-е отъ солнца очи, 4-е отъ камня кость, 5-е отъ облака мысль, 6-е отъ огня теплота, 7-е отъ въра дыханіе, духъ бо Самъ вдохнулъ въ него».

Подобныя загадки не были впрочемъ принадлежностью одной нашей литературы: снѣ извѣстны были и на западѣ, имѣя и тамъ, какъ у насъ, происхожденіе или своеобразное, или книжное, литературное (*Wackernagel, Gesch. d. d. Liter.* 1853, 269 — 270), и по содержанию иногда очень близки съ нашими. Нѣмецкія загадки назывались въ старину или *rath-räthsel*, который отличается стихотворнымъ складомъ, или *frag*, обыкновенно менѣе поэтичный. Въ одномъ Нѣмецкомъ сборникѣ загадокъ, XVI столѣтія, находится любопытные примѣры, напоминающіе приведенные выше *вопросы*; тамъ предлагается между прочимъ такія загадки:

F. Wer gestorben vnd nit geboren sey? — A. Adam vnd Eva.

F. Wer geboren sey ce dann sein vatter vnd mutter? — A. Adams kinder.

F. Welcher mensch hat ain gantz viertail der welt getödt oder vmb bracht? — A. Chayn erschlug seinen bruder Abel darvor lebt niemandt dann sy zwen vnd ir eltern adam vnd eua и пр. (*Haupt's Zeitschr. f. d. Alterth.* 3, 33.)

Въ числѣ Французскихъ народныхъ книгъ Пизаръ упоминаетъ одну, которая была издана нѣсколько разъ еще въ концѣ XV-го столѣтія и съ тѣхъ поръ пользовалась большимъ авторитетомъ въ кругу своихъ читателей: *L'enfant saige à trois aus*,

interrogué par Adrian, empereur, lequel luy tend response de chascune chose qu'il luy demande. — тѣ вопросы Адриана и отвѣты трехлѣтняго дитяти представляютъ тѣ же общіе предметы, на которыхъ останавливаются и наши «бесѣды» и указанные Шмемкеи загадки (*Nisard, Hist. des livres pop.* 2, 16—19).

Чрезвычайно любопытна такъ же и «Евангелистѣя пѣснь» въ собраніи Курлевскаго, изложенная въ формѣ загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы основываются на таинственномъ значеніи чиселъ: «повѣдайте, что есть единь?» — «повѣдайте, что есть два?» и т. д. до двѣнадцати; при каждомъ новомъ отвѣтѣ повторяются прежніе, такъ что послѣдній отвѣтъ, въ концѣ пѣсни, есть полное разрѣшеніе вопросовъ. Вотъ это опредѣленіе чиселъ до двѣнадцати:

Дванадесять апостолю;
 Единьдесятъ праотечъ;
 Десять Божныхъ заповѣдей.
 Девять въ году радостей.
 Восемь круговъ солнечныхъ.
 Семь чиновъ ангельскихъ.
 Шесть крылъ херувимскихъ.
 Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ,
 Четыре листа евангельски;
 Три патріарха на землѣ;
 Два тавля (= скрижали, таблицы, Моисеевыя).
 Единь Сынъ Маринъ.
 Царствуетъ и лкуетъ
 Господь Богъ надъ нами.

И по мотиву, т. е. объясненію чиселъ до двѣнадцати, и по вѣншей оригинальной формѣ, наше стихотвореніе невольно напоминаетъ ту прекрасную пѣсню о друидѣ и мальчикѣ, которую Виллемарке считаетъ древнѣйшею въ своемъ собраніи (*Villemarqué, Barzaz-Breiz, 4-e éd. 1, 1—15*). Въ этомъ послѣднемъ діалогѣ, теперь непонятномъ иногда и для ученаго изследователя, сохранились любопытныя слѣды древняго друидическаго ученія. Мальчикъ предлагаетъ друиду тѣ же вопросы о значеніи чиселъ до двѣнадцати, какіе выставлены въ нашей пѣснѣ; друидъ передаетъ ему основныя данныя своей мноо-

логии и космогонических вѣрованій, за каждымъ отвѣтомъ повторая прежнія слова свои. Несомнительная древность этой формы, достаточно известной и въ Славянской народной словесности, намекаетъ, что наше стихотвореніе могло имѣть древнѣйшаго предшественника, съ другимъ содержаніемъ, — какъ, въ обратномъ порядкѣ, для древней Бретонской пѣсни составилось поддѣльное переюженіе: на томъ же мотивѣ основанъ быль памятникъ Латинскій, но все содержаніе его вѣсто было изъ свѣдѣній христіанской исторіи и ученія, — средство, которымъ, по мнѣнію Виттмарке, хотѣли сильно дѣйствовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, стояло привязанномъ къ своей національности. При той же народно-поэтической обстановкѣ, во всѣхъ ея подробностяхъ, какъ-то положеніе языческихъ вѣрованій дѣйствено было истиной и въ новата ученія, и она тѣмъ лучше могла удерживаться въ памяти, что облечена была въ знакомую и любимую внѣшность. Латинская пѣсня открывается тѣми же вопросами: *dic mihi quid unus? — dic mihi quid duo?* и пр. и сходна съ нашимъ стихотвореніемъ по самому единству предмета. Объясненіе числаъ приводится къ такому заключенію:

Duodecim apostoli,
Undecim stellae
A Josepho visae,
Decem mandata Dei
Novem angelorum chori
Octo bestitudines,
Septem sacramenta
Sex sunt hydrae
Postea
In terra Galilaeae,
Quatuor libri Moysis
Quatuor evangelistae,
Tres sunt patriarchae,
Duo sunt testamenta,
Unus est Deus
Qui regat in caelis. (L'Essai, 270, 1—27—27)

Наша пѣсня, какъ и урнѣе, имѣетъ похвалительныя на двѣ стороны: въ ней, какъ и въ латинской, похвала Богу, и въ славянской, похвала Богу.

мръ приводитъ г. Буелавъ изъ рукописи XVI столѣтій, гдѣ находится разсказъ, развивающій поговорку и соединенный съ причею и загадкою. Одинъ юноша, пришедши въ храмону, увидѣлъ дѣвушку, которая ему сказала по этому случаю: «шестно есть быти дому безъ ушю и храму безъ очю»; не понявши словъ ея, юноша спросилъ дѣвушку о холзехахъ, и она отвѣчала загадкой: «отець и мати моя видоша *внѣмъ плакати*; братъ же мой пошелъ чрезъ ноги *снѣмъ зрѣти*». Юноша не понялъ и этого и просилъ дѣвушку выразиться лучше, и объясненіе загадокъ составляетъ окончаніе разсказа. «Она же (т. е. дѣвушка) глагола ему: сего ли не разумѣши? Прїиде въ домъ мой, въ храмону мою внѣсе, и видѣ мя седящу въ простотѣ. Аще бы бытъ въ дому нашѣмъ *нессъ*, и чють ти къ дому приходилъ и даялъ бы на ти, — се бо есть *дому уши*; и аще бы было въ храмонѣ моеи *отроча*, и видѣвъ ти къ храмонѣ приходяща, сказать бы ми, — се бо ми *храму очь*. А еже сказахъ ти про огня и матери и про брата, яко отець мой и мати мой видоша *внѣмъ плакати* шла бо суть на *погребеніе жертваго* и тамо и плачють; егда же по нихъ смерть прїидеть, ино и по нихъ ушють плакати, — се есть заповѣданный плачь. Про брата же ми сказахъ, яко отець мой и братъ древолазна суть, въ дѣбъ бо медь огнь древи въемлютъ; братъ же мой шашъ на таково дѣло иде, и якоже *лѣтитъ на древо* въ высоту — чрезъ ноги *снѣмъ зрѣти* къ землѣ, мьсли збы съ высоты не уречеша, аще ли кто уречеша, то живота гониметь, — сего ради рѣхъ, яко иде чрезъ ноги шашъ зрѣти». (Энцич. пом. 1, стр. 42—43). Но объясненіе г. Буелава, народное начало дѣль уже много потеряло отъ лишней изложенья, какъ потеряло въ Словѣ Данила Заточника и Ивлинъ Игоревой: мѣсто о заповѣданномъ плачѣ можетъ быть привнесено христіанскими повѣтіями, но выраженіе «внѣмъ зрѣти», стоящее въ связи со старинной поговоркой «кто съ дереву убѣсѣ — бортишкъ», г. Буелавъ относитъ къ временамъ историческимъ. Мы встрѣтимся далѣе съ литературными образцами подобнаго происхожденія, т. е. основанными на чисто народномъ политическомъ и тѣл., но болѣе совершенными до исполненію и отдѣлкѣ. Эти произведенія составляютъ переходъ отъ обще-народнаго творчества къ литературе отъ дѣльнаго грамотнаго

сочинителя, и имѣеть много любопытнаго въ томъ отношеши, что ими прекрасно опредѣляется образованіе литературныхъ памятниконъ, во сколько не подверженныхъ книжному и школьному вліанію и развивавшихся органически изъ самобитной національной поэзіи.

Въ стихѣ о Годубиной книгѣ князь Владиміръ проситъ Давида объяснить вѣдѣнныи имъ сонъ: Давидъ разгадываетъ, что два лютые звѣря, которые собѣгашеи и промежду собой дрались-билися, означаютъ правду и кривду стих. 189—227, или, какъ это вкратцѣ передано въ старинной рукошеси Царскаго, —

не два звѣря съходилися,
не бѣлъ заць и не сѣръ заць
съходился правда съ кривою,
правда кривою переспорила, —
кривда осталась на сырой землѣ,
а правда пошла на небо (Бул. ib. 30).

Эта загадка (или сонъ) о двухъ лютыхъ звѣряхъ, подробно объясненная у Курбевскаго, или о бѣломъ и сѣромъ зацьхъ по рукошеси Царскаго, служить мотивомъ разсказа, помѣщеннаго въ Толст. сборникѣ 2, 130 на об. д. 732—733 подъ названіемъ «загадка Перскаго царя Дарія къ Соломану царю». Приводимъ загадку, какъ вариантъ къ «спричьѣ» Дарія царя Персидскаго, напечатанной г. Сахаровымъ (Сказ. Русск. нар. 1831. 1, 2, 103):

«Д. царь Перскій послать къ С. мудрому царю, написать загадку: стоять шить, а на шить земли, прилетѣлъ сокоць, вить заць, и тутъ сяде сова, — и отгадася загадку, дамы ти три кати сребра. С. же, не умѣи что рещи, пошу и сяде стить въ полатѣ, пошедомъ главу свою пошнать, и распусти вѣса, стова тоду. И по матъ же времени С. царь мудро повелѣ, соважи мнози бѣли и рече имъ: кто можетъ ли отъ васъ отгадати, дамы ему треть сребра. — И рече бѣли объ одномъ оцѣ шить, царю, земля твоа, а на немъ земля. — . . . правда стоять, а прилетѣлъ сокоць, вить заць, то стить шить. Госю день, вить правду на небо, и тутъ сяде сова, то стить кривда, а вить челоуѣческая пачаше ученіе. — С. же царь посла къ Д. царю загадку отгаду, а ты прини сребро. — Не по мнѣи, времени и

привелона сребро отъ Д. царя къ С. царю: С. же повелѣтъ обрати
къ вверхъ дномъ и насыпати бисеру и тати кривоу бѣсу, и рече
бѣсъ: чему, царь, се криво имѣешь, а правда, царю, не имѣешь? —
И рече царь: кривъ еси бѣсъ, самъ себѣ криво судить, — правда
вѣята на небо, а на земни къ насъ крипта остадесть.

Въ этой послѣдней редакціи удержалась, быть можетъ, бо-
лье коренная форма претанія, чѣмъ въ редакціи г. Сахарова.
Можно думать, что и имя Соломона здѣсь не было простою слу-
чайностью.

V.

Басни Бадная или Стефанить и Ишклатъ. — Еюль въ Русскихъ переводахъ
XVII вѣка. — «Зрѣлище житіи чюдотворскаго». — Переводы Гюлестана и Востана.
Саади, и басень Локмана.

Стефанить и Ишклатъ — еще знаменитое произведеніе,
перешедшее въ старую Русскую письменность или Византию.
Извѣстъ созданин восточной фантази, сдѣлавшихся въ средніе
вѣка достоиніемъ литературы Европейскихъ, басни Бадная при-
надлежать къ числу самыхъ любопытныхъ и по содержанию и
по длиннѣ литературной исторіи. Не пересказывая извѣстныя по-
дробностей ея, замѣтимъ только главные факты. Начато это
произведеніе, однакоже знаменитое и въ Европѣ и въ Азіи
среднихъ вѣковъ, относится къ древнему животному эпосу Ин-
дійской литературы, Панча-тантра. Въ предисловіи книги раз-
сказывается, что мудрецъ Вишну-Сарма, избранный наставни-
комъ для сыновей одного Индійскаго царя, долго умилъ ихъ
правдивностию и пошностию, и изъ бесѣды его составилось про-
изведеніе, названное Панча-тантра т. е. пять отдѣлений, пяти-
книжкіе. Въ разсказахъ Панча-тантры было столько завлекательна-
го, что давно уже появились подражанія или передѣлки ея въ
самомъ Сانسритѣ: извѣстнѣйшее между ними — Гитопаледа
или «Спасительное наставленіе» означаетъ именемъ того же
мудреца Вишну-Сармы, но въ ней находятся также извлеченія
изъ другихъ книгъ, такъ что по содержанию Гитопаледа не все-
гда соответствуетъ своему прототипу. И то и другое собраніе
извѣстно въ разныхъ Индостанскихъ нарѣчіяхъ; лучшіе изъ

Европейскому санскритологов посвящен свои труды издавatio или переводам Индйейскаго животнаго эпоса, какъ Дюсонесъ, Вильямеъ, Колюбукъ, Штетель, Лассель и другіе. Добудъ перевелъ Панча-тантру на Французскій языкъ, хотя и не выложилъ *Le Pancha-Tantara ou les cinq tuses, fables du Brahme Vishnou-Sarma etc. trad. par Dubois, Paris 1826*; повѣщаніе перевода Гитоваделья принести къ Мазеу Моллеру — Шмецкій Leipzig 1844, Лассеръ Лонсеттан — Французскій Paris 1855. Особенная вѣднотность литературныхъ судьбъ Гитоваделья пишется съ той эпохи, когда это произведение начало свой переходъ на Европейскую почву. Содержаніе Индйейскаго эпоса представляетъ, впрочемъ, большую аналогію съ древней Египетскою басней, по ученію до сихъ поръ различно понимаютъ ихъ взаимныя отношенія; большимъ авторитетомъ пользуется, если не ошибаемся, то мнѣніе, которое принимаетъ Индйейскій эпосъ за явленіе коренное и первоначальное, а Грецескую басню за явленіе второстепенное, по разсужденію подлѣ восточныхъ вліаніемъ еще далеко до блестящаго періода Грецеской литературы *Wagner, Rapports entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce, in Mem. couron. etc. publiés par l'Acad. R. de Belgique, t. 25. 1854*. Ноциде совершился другой переходъ Индйейскаго эпоса въ Европу, переходъ, засвидѣтельствованный историческими фактами и памятниками литературными. Черезъ четыре вѣка послѣ предло каземаго составленія Панча-тантры (Ив. по Р.Х., царь Персидскій Хоарой Нуширванъ, услатакъ о садныхъ наставленіяхъ Индйейскихъ мудрецовъ, послать въ Индію своего врача Баруде или Баравіе, съ тѣмъ чтобы онъ привезъ къ нему эти сокровища ума и науки. Барудіе исполнить порученіе и приготовить переводъ знаменитой книги на Пелдальскій языкъ, подлѣ названіемъ: *Калила-ва-Димна* т. е. «спрадушный и лукавый» или книга мудреца Биднаа; въ возни раздѣленіе за это трудъ, шивирь Хоарой до бланъ быль составить описаніе жизни и страстей Барудіе, которое дѣйствительно находится въ разныхъ редакціяхъ *Калила-ва-Димна*. Отсюда началось постоянно возрастающее распространеніе этой книги, и здѣсь же оидн изъ главныхъ причинъ, произведшихъ варіированіе ея, потому что восточный переводъ обыкновенно измѣняетъ форму подлинника,

передвѣшаетъ, дополняетъ или сокращаетъ его. Заглавіе новой редакціи указываетъ два главныхъ лица исторіи, по которымъ она была названа. Сюжетъ разсказа составляетъ прежде всего исторія царя-льва, довереннаго друга его, быка, и двухъ придворныхъ шакаловъ, въ Санскритской редакціи Каратака и Даманака; одинъ изъ шакаловъ, коварный и завистливый, убѣждаетъ царя, чтобы онъ умертвилъ своего друга, будто бы злоумышляющаго на жизнь льва; — а быка въ тоже время убѣждаетъ возстать противъ царя, будто бы имѣвшаго нѣкую дружбу. Лукавый придворный достигаетъ своей цѣли: быкъ погибъ жертвою ярости льва, но и шакалы не избежали справедливой кары, когда клевета его была обнаружена. Разговаривающіе шакалы приводятъ много другихъ апологовъ, по обыкновенной манерѣ восточнаго разсказа, такъ что образуется цѣль исторій, связанныхъ одна съ другою. Надо вѣрнѣе господствуетъ нравственная идея, потому что и всѣ апологи приводятся какъ доказательство или объясненіе какой нибудь нравственной истины. Продолженіе составлено подобнымъ способомъ изъ другихъ апологовъ, вставленныхъ одинъ въ другой, безпрестанно начинающихся и прерывающихся, какъ разсказы Тысячи и Одной ночи. Обыкновенная противоположность восточнаго вымысла и восточныхъ образовъ съ Европейскими, выражается и здѣсь: восточныя собранія апологовъ представляютъ нѣчто совершенно отличное отъ Европейской басни. Въ древней Греческой, Езоповой баснѣ, и еще болѣе въ Германскомъ извѣстномъ эпосѣ среднихъ вѣковъ; видно совершенное преобладаніе эпического начала; здѣсь же господствуетъ чистая дидактика: не только мудрецъ, разсказывающій всю исторію, но и самые звѣри пускаются въ умозрѣнія и нравственные выводы. Разговоръ состоитъ изъ многочисленныхъ изреченій, сравненій и поговорокъ, которымъ басня служитъ только подтвержденіемъ, естественно поэтому, что Восточная басня далеко не даетъ звѣрямъ той личной определенности, какая требуется истиннымъ эпосомъ. Далѣе мы будемъ имѣть случай еще говорить объ ея отличительныхъ чертахъ.

Знаменитость книги и мудрость ея наставленій постоянно привлекали восточныхъ читателей. Одинъ Персидскій переводъ

чить ее рассказываетъ въ предисловіи къ своему труду: одного изъ Индійскихъ браминовъ спросили однажды такимъ образомъ: «говорятъ, что въ Индіи есть горы, гдѣ растутъ волшебныя травы, возвращающія жизнь умершимъ, — какимъ способомъ можно достать этихъ травъ?» Браминъ отвѣчалъ (спрашивавшему): «ты поминишь только одну часть разсказа; другая его половина изчезла изъ твоей памяти. То, о чемъ говорите вы, есть одна изъ эмблемъ и загадокъ древнихъ: подъ этими горами они хотѣли представить ученыхъ; волшебныя травы — слова ихъ; мертвые — невѣжды, которые внимаютъ этимъ словамъ окаяно и наукой достигаютъ вѣчной жизни. Есть собраніе этихъ словъ, подъ названіемъ Калила-ва-Димма, которое находится въ сокровищницахъ Индійскихъ царей. Если вы можете достать его, то найдете, чего выдете». По этому фигуральному отзыву восточнаго писателя легко составить понятіе о томъ впечатлѣніи, которое книга производила: легко и повѣрить этотъ отзывъ, потому что, освоившись нѣсколько съ оригинальной манерой этого произведенія, нельзя не найти въ немъ и особенной прелести вымысла, и вѣрнаго рисунка восточной жизни. — Въ VIII столѣтіи, при халифѣ Альмансорѣ, подошедшій до насъ Персидскій текстъ переведенъ былъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, на Арабскій языкъ Персомъ Альмокафромъ: этотъ переводъ сохранился и теперь съ подлиннымъ предисловіемъ, гдѣ объявляется происхожденіе книги отъ мудреца Башиа, жившаго при царѣ Дабаселімѣ (*S. de Sacy, Calila et Dimma ou Fables de Bidpai, Paris 1816; — Hoff, Die Fabeln Bidpai's, Stuttgart, 1837, и др.*). Здѣсь книга состоитъ изъ 18 главъ, изъ которыхъ нѣтъ, какъ думаютъ, заимствованы изъ посторонняго источника. Редакція Альмокафры дала поводъ къ другимъ переложкамъ этого сюжета въ прозѣ и въ стихахъ, но онъ не дошелъ до нашего времени: затерянъ такъ же и обратный переводъ Калила ва-Диммы, съ Арабскаго на Персидскій, въ стихахъ, сдѣланный въ IX — X столѣтіи поэтомъ Рудки; свидѣніе объ этомъ переводѣ сохранилось въ поэмѣ Ферхаузи см. *Историческія*, въ Уч. Зап. Каз. Ун. 1849, 3, 67 — 68. Въ XI — XII вѣкѣ, въ правленіе Батрама-шаха Галевидекаго, другой невѣстный писатель составилъ новыя Персидскія переводы Калила-ва-Диммы, въ

проза; за тѣмъ въ концѣ XV столѣтія появилась еще редакція этой книги Гозанин-вазы-Кашеми, названная въ честь визиря, покровительствовавшаго поэту, Анвари-Согейли т. е. «Свѣтло Каюна»; въ половинѣ XVII столѣтія часть этой книги переведена была на Французскій языкъ — *Liste des Lumieres ou la Conduite des roys, composé par le sage Pilray, indien; trad. par David Sahid d'Israhim (Gaulmin). Paris 1644*, откуда были взяты два изданія 1698 г. съ другими заглавіями. Гозанин хотѣлъ исправить трудъ своего предшественника, который вставилъ много Арабскихъ словъ и выраженій; но и его переводъ въ концѣ XVI-го вѣка подвергся въ Индіи, при великомъ моголѣ Акбарѣ, новой редакціи. Исправленная редакція принадлежитъ визирю Акбара, Абуль-Фазлу, и называется Эйари-Дашинъ или «Образецъ знаній»; есть кроме того Персидскій переводъ Гитонадезы, неизвѣстнаго времени, составленный Тади-аддиномъ. Обѣ послѣднія редакціи переведены были на Индустанское нарѣчіе и пользуются въ Индіи большою извѣстностію. Персидскій переводъ Гозанин послужилъ образцомъ для Турецкой редакціи — Гумаюнъ-наме т. е. «Царственная книга», которая посвящена была султану Селиману I и оттого получила свое названіе; но этой редакціи составленъ былъ Галланомъ переводъ Бишвал и Локмана, продолженный впоследствии Кардониемъ (*Contes et fables ind. de Bidpai etc. Paris 1724. 1778*). Извѣстны и другіе восточные переводы — Арабскій, Монгольскій, Малайскій. Въ 1783 вышелъ въ Вѣнѣ Новогреческій переводъ — *Μηθελουζιόν ἠθικο-πολιτικόν τοῦ Πύλαιδος Ἰνδοῦ φιλοσόφου κ. τ. λ.*, — подходившій къ Французскому изданію: *Les fables politiques et morales de Pilray, philosophe Indien etc. par Ch. Mouton (Hambourg 1750)*, гдѣ передѣланъ упомянутый переводъ Галлана; отсюда же взяли вѣроятно и Русскій переводъ Бориса Волкова — «Политическія и правоучительныя басни Пильвая, философа Индійскаго» (Спб. 1762); по одному изъ новыхъ переводовъ Гитонадезы составлены «Басни и сказки Индійскія, сочиненныя Вишну-Сармою» (Спб. 1807).

Другаго рода была извѣстность Камелин-ва-Димны въ средніе вѣка. Если въѣхъ новѣйшія изданія, отчасти нами перечисленные, обязаны своимъ появленіемъ интересу ученому, то никакой

мысли о нем не было въ старинныхъ обработкахъ Калиды-ва-Димны. Тогда искали въ ней ближайшаго смысла ея, и съезъ дальнѣйшихъ сомнѣній, привѣяли ея содержаніе къ своимъ нравственнымъ понятіямъ. Общее стремленіе къ дидактизму, развившееся особенно въ послѣднемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, находило здѣсь обильную пищу: когда и собственно-Германскій животный эпосъ утрачивалъ свою первобытную простоту, подчинялся вліянію классической басни, когда каждый поэтичекій разсказъ снабжали приличной морализаціей, какъ въ *Gesta Romanorum* и другихъ памятникахъ, — Калиды-ва-Димна могла рассчитывать на вѣрный успѣхъ по тому самому, что вся, съ начала до конца, была проникнута подобнымъ направле-ніемъ. Факты убѣждаютъ, что дѣйствительно, для средне-вѣковыхъ читателей и передѣлывателей, умоизрядная мораль Калиды-ва-Димны была интересна не менѣе эпической стороны ея.

Во Европейскія литературы Калиды-ва-Димна проникла прежде всего посредствомъ Греческаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи Симеономъ Сиономъ, о которомъ мы упоминали уже, какъ о предполагаемомъ авторѣ псевдо-Каллисоеповой Алексантріи. Симеонъ Сионъ составилъ свой переводъ въ концѣ XI столѣтія, именно около 1081 года, по воли императоровъ Михаила Дуки, Никифора Вотаниата и Алексея Комнена, и далъ ему названіе *Στεφανίτης καὶ Ἰουλιάνης* т. е. «Увѣщан-ный и Слѣдній», подъ которыми надобно понимать «прямо-душнаго» и «лукаваго» шакаловъ Арабской Калиды-ва-Димны. Принявъ за основаніе Арабскую редакцію, Сионъ ближе держался первоначальной формы исторіи, отъ которой значительно отклонились другіе Европейскіе переводчики: кажется, впро-чемъ, что они выпускали нѣкоторыя непонятныя для него мѣста и въ замѣнъ этого, сдѣлать кое-гдѣ прибавки, напримеръ — вставить нѣсколько стиховъ Гомера; иногда же передавали смыслъ подлинника не совсемъ вѣрно. Стефанитъ нашелъ себѣ усердныхъ читателей: «ритчи Пхиллата» τοῦ Ἰουλιάνου παρα-βέλι καὶ упоминаются у Византійца Пахимера какъ прекрасная и общезнаемая книга. Въ ученномъ мірѣ познакомилъ съ нимъ еще въ XVII столѣтіи: прежде всего издавъ былъ Латинскій переводъ Стефанита, составленный ученымъ Поссиномъ Pos-

sinus, Poussines) по рукописи, принадлежавшей Абу Алию; переводъ, подъ заглавіемъ Specimen sapientiae Indorum veterum, напечатанъ былъ въ приложеніи къ изданію Георгія Пахисера (Romae 1666. 1, app. p. 545 sq.). Греческій текстъ былъ потомъ изданъ Штаркомъ по Голштинской рукописи, которая и теперь хранится въ Гамбургѣ. Штаркъ сдѣлать новый Латинскій переводъ, напечатанный en regard съ Греческимъ подлинникомъ; изданіе называется — Specimen sapientiae Indorum veterum, id est libet ethico-politicus pervetustus ... graece *Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης*, nunc primum ex mss. cod. Holst. prodit etc. opera Seb. Gottofi. Starckii, Berol. 1697. 8 (30 + 508 + 35). Голштинскій кодексъ не полный: въ немъ недостаетъ много введенія, переведеннаго Полециемъ, гдѣ расказывается, по Арабской редакціи, упоминаемая исторія Барзуйе. Имя мудраго врача только названо въ слѣдующемъ заглавіи Голштинскаго списка, определяющемъ и подлинникъ Греческой редакціи: Βιβλίον φυσιολογικόν, μετακομιστὸν ἐκ τῆς Ἰνδίας καὶ δοτὸν τῷ βασιλεὶ Χασρέη ἐν Περσίῃ παρὰ τινος Περζωῆ, σοφοῦ καὶ ἱατροῦ τῆν τέχνην, καὶ μετενεχτὸν εἰς τὴν Ἀρβίβων γλῶσσαν, — ὑπὸ δὲ Συμεῶν μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σῆς εἰς τὴν Ἑλλήνων διάλεκτον μεταβλήτῃν, — καλούμενον ἀραβιστὶ μὲν Κυλλίε καὶ Δίμνε, ἑλληνιστὶ δὲ Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης. — ἐλεγχῆσαν δὲ παρὰ τινος φιλοσόφου τῷ βασιλεὶ Ἰνδῶν Ἀβессαλῶν (= Дабемелумъ, по вѣрному объясненію Штарка). Недостающее у Штарка введеніе къ Стефаниту, издано было въ концѣ прошлаго столѣтія Ауришиллемъ, по посредственному списку, найденному въ Мисальской библіотекѣ между рукописями Спарвенфельда; къ этимъ предположеніямъ Ауришилліи приложили и нѣкоторые варианты Мисальской рукописи съ изданіемъ Штарка въ остальномъ текстѣ (Petrus Fab. Aurivillius, Prolegomena ad librum: *Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης* e cod. mscr. bibl. ac. Upsal. ed. et lat. versa etc. Upsalae. 1780. 52 p.). Въ Маттеевомъ каталогѣ Синодальной библіотеки оимѣненъ подъ № 285 cod. chartae, sec. XV, гдѣ на л. 353—440 такъ же находится списокъ Стефанита, *μερικὴ διήγησις περὶ στεφανίτου καὶ ἰχνηλάτου*.

Греческій Стефанитъ перешелъ, кажется, только въ Славянскій литературу: гораздо болѣе распространяетъ Капилава-

Демна посредством Еврейскаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи раввиномъ Толдемъ, который однако, какъ можно думать, замѣтновалъ кое-что и изъ древней Персидской редакціи, потому что переводъ его не всегда соответствуетъ Арабскому тексту. Въ заглавіи его, вмѣсто имени Бишпа, поставлено по ошибкѣ Sendebar, что намекало на другое сказочное произведение Востока. Но Еврейскому переводу, известному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262—1278 г. составлена была вѣроятно Іоанномъ Кануанскимъ, крещенымъ Евреемъ, знаменитая Латинская редакція *Calila wa-Dumna*, подъ названіемъ *Directorium humanae vitae, alias parabola antiquorum sapientum, nuncupata s. l. et a.* около 1170—80 г. fol. Отсюда взята была Шемская редакція, принята редакція Обергарту, Герцогу Вартенбургскому † 1325; Шемскія изданія выходили съ разнообразными заглавіями: *Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit* (Ulm, 1482) или *Der alten Weisen Exempelsprüche* и т. п. Изъ того же источника замѣтнованъ Испанскій переводъ, *Exemplario contra los engaños y peligros del mundo*, напечатанный въ Бургоа 1498 и др. Въ 1528 г. изданъ въ Парижѣ Чешскій переводъ, сдѣланный также по Латинской редакціи Коначемъ: *Prawidlo lidského žiwota, jinak podobenství starých mudrcůw... kteréžto také Dymnowy a keltowry knihy slowni Jungmann, 1651.*

Независимо отъ Іоанна Кануанскаго образовался болѣе древній Испанскій переводъ, который черезъ другую Латинскую обработку происходитъ прямо отъ Арабскаго подлинника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переводомъ воспользовался Раймондъ де-Безье (*Raymond de Beziere, Raimundus de Biterris*, трудъ котораго — *Incipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idioma Hispanico in Latinum, anno Domini m. ccc. xiiij.*, — хранится въ Парижской библиотекѣ. Раймундова передѣлка *Calila wa-Dumna* очень любопытна какъ свидѣтельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это произведение, и какія превращенія составляли его испытывать, чтобы чудной вымысломъ съ чудными красками приурочить къ повѣстямъ другаго времени и мѣста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Крестовому, при одномъ торжественномъ случаѣ, или по его распоряженію, *presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus filiate regie majestati*, какъ книга, достойная быть читанной королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и отчасти Юаннъ Кануанскій, хотя послѣдній онъ нигдѣ не называетъ: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Юанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находившаяся въ Арабской Камаль-ва-Димнѣ, въ предѣлахъ Раймунда составила цѣлый философскій трактатъ: врачъ Хоаро представленъ христіанскимъ монахомъ (Berozias, Berzeluy) и въ этомъ видѣ нарисованъ на миниатюрахъ рукошеи: въ уста его Раймундъ вкладаетъ пререченія отцовъ церкви, и, далье, посвящаетъ цѣлыя три главы или параграфы разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, особенно о послѣдней, въ слѣдствіе которой Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и обѣщать употребить на то все свои силы и способности. Прі этомъ случаѣ объясняется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намѣревался служить бѣднымъ *de intellectu, de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu*, словомъ всеми душевными и тѣлесными силами. Затѣмъ послѣ молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во снѣ христіанскій рай, ангеловъ и проч., и потомъ разсказываетъ о видѣніи длинными гекзаметрами. Но тому же способу Раймундъ предѣлалъ и исторію шакала Димны. Когда все улыки были на лицо, Димна признается въ своемъ обманѣ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія прѣпія, спрашиваетъ, какіе бывають смертные грѣхи? — и потомъ сознается въ прегрѣшеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежѣ, ростѣ, симоніи, дѣланіи фальшивой монеты и другихъ невольнительныхъ вѣщахъ. Здѣсь ксати прибавлены дошнискіе стихи, описывающіе семь смертныхъ грѣховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала идушаго на смерть. — *Directorium humanae vitae* было законченъ источникомъ Итальянской редакціи: *Discorsi degli animali*, 1548 принадлежащей поведиству Анджоло Фиренцуола, другой Итальянскій переводъ: *La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori*

Думна посредством Еврейского перевода, сделанного по Арабской редакции раввином Толдемь, который однако, как можно думать, заимствовал кое-что и из древней Персидской редакции, потому что переводъ его не всегда соответствует Арабскому тексту. Въ заглавіи его, вместо имени Бидная, поставлено по ошибкѣ Sendebai, что намекало на другое сказочное произведение Востока. По Еврейскому переводу, известному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262—1278 г. составлена была иррегулярно Иоанном Кануанскимъ, крещенымъ Евреемъ, знаменитая Латинская редакция Калины-ва-Думны, подъ названіемъ Directorium humanae vitae, alias parabola antiquorum sapientum, impressata anno s. l. et a. около 1470—80 г. fol. Отсюда взята была Шемская редакция, принята вѣданаю Эбергарту, Герарду Вартебуртскому (* 1325; Шемский текстъ выходилъ съ разнообразными заглавіями: Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit Ulm, 1482 или Der alten Weisen Exempelsprüche и т. п. Изъ того же источника заимствованъ Испанскій переводъ, Exemplatio contra los engaños y peligros del mundo, напечатанная въ Бургошъ 1498 и др. Въ 1528 г. издана въ Прагѣ Чешскій переводъ, сдѣланный также по Латинской редакціи Коначемъ: Prawidlo lidského žiwota, jinak podobenstwi starých mudreuw... kteréžto také *Dumnowy* a *kelbowy* knihy slowu *Juggmann*, 1651).

Независимо отъ Иоанна Кануанскаго образовался болѣе древній Испанскій переводъ, который черезъ другую Латинскую обработку происходитъ прямо отъ Арабскаго подлинника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переложеніемъ пользовался Раймондъ де-Безье (Raymond de Beziens, Raimundus de Biterris, трудъ котораго — Incipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idiomate Hispanico in Latinum, anno Domini m°. ccc°. xiiij°, — хранится въ Парижской библиотекѣ. Раймундова передѣлка Калины-ва-Думны очень любопытна какъ свидѣтельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это произведение, и какія превращенія доставляли его пытливцамъ, чтобы чудной вымысломъ съ чудными красками приурочить къ понятіямъ другаго времени и мѣста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Красивому, при одномъ торжественномъ случаѣ, или по его выраженію, *presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus filiate regie majestati*, какъ книга, достойная быть читанной королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и отчасти Іоаннъ Кануанскій, хотя послѣдній онъ видѣ не называетъ: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Іоанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находящаяся въ Арабской Камаль-ва-Димнѣ, въ предѣлкѣ Раймунда составила цѣлый философскій трактатъ: врачъ Хозро представленъ христіанскимъ монахомъ (*Berozias, Beizebiu*) и въ этомъ видѣ нарисованъ на миниатюрахъ рукописи; въ уста его Раймундъ вкладаетъ преченія отцовъ церкви, и, далѣе, посвящаетъ цѣлыя три главы или параграфа разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, особенно о послѣдней, въ слѣдствіе которой Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и обѣщать употребить на то все свои силы и способности. При этомъ случаѣ объясняется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намѣревался служить бѣднымъ *de intellectu de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu*, словомъ всеми душевными и тѣлесными силами. Затѣмъ послѣ молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во снѣ христіанскій рай, ангеловъ и проч., и потомъ разсказываетъ о видѣнн дѣлшмихъ гекзаграммъ. По тому же способу Раймундъ предѣлалъ и исторію шакала Димны. Когда все уличы были налицо, Димна признается въ своемъ обманѣ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія прѣнія, спрашиваетъ, какіе бываютъ смертныя грѣхи? — и потомъ сознается въ прегрѣшеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежѣ, ростѣ, симоніи, дѣланіи фальшивой монеты и другихъ невольнительныхъ вѣщахъ. Здѣсь ксати прибавлены доминикскіе стихи, описывающіе семь смертныхъ грѣховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала идушаго на смерть. — *Directorium humane vite* было законченъ источникомъ Итальянской редакціи: *Discorsi degli animali*, 1548 принадлежащей повѣднику Антонио Фиренцуола, другою Итальянскію переводъ: *La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori*

1552, составленный Дони, служить основанием Английского перевода Томаса Норта: *Moral Philosophy of Doni*, 1570, 1601, и Французских изданий — *Cottier, Plaisant et facétieux discours sur les animaux*, 1556, и *P. de la Rivoy, Deux livres de philosophie fabuleuse*, 1579. Наконец третий Итальянский переводчик (*Del governo de' Regni sotto morali esempj di animali ragionanti trà loro etc.*, Ferrara 1583) принеся Арабскую редакцию книги Саранну Lelio Demno, переведшему будто бы книгу съ Индйского на Агарянский языкъ, а своимъ подлинникомъ называетъ Греческий переводъ Антиохйна Симеона Сиоа Simon Seto). Если указание переводчика справедливо, то книгу его надобно считать единственною Западною редакціей, имѣющей одно начало съ переводомъ Русскимъ; С. де-Саси сомнѣвается однако въ достоверности его словъ.

Вообще, о Камль-ва-Димль см. *Grässe, Lit. Gesch.* 2, 1, 445—454; — *Diez, Ueber Inhalt und Vortrag, Entsteh. u. Schicksale d. königl. Buches.* Berlin, 1811. — *Loiseleur Deslongchamps, Essai sur les fables Indiennes etc. pour servir d'introd. aux Fables des XIIe, XIIIe et XIVe siècles.* publ. p. Robert. Paris, 1828; — наконецъ, рядъ статей *S. de-Casari* о различныхъ восточныхъ редакціяхъ Камль-ва-Димль, и книгъ Раймунда де-Безье, сохранившихся въ рукописяхъ Парижской б-ки, — см. *Notices et extraits* t. IX, 1, 397 sq. t. X, 1, 94 sq. 197 sq. 226 sq. 2, 3—65; — *Schoell, Gesch. d. griech. Litter. übers.* v. Pinder, Berl. 1830, 3, 433—435.

До сихъ поръ остается несколько ненапечатанныхъ переводовъ Камль-ва-Димль, напр. Еврейскій, Испанскій, Итальянскій, изданіе которыхъ много облегчило бы и пути и степень распространенія этой знаменитой книги. Она давно пользовалась любовью читателей и на Востоке и на Западе, и въ литературахъ Европейскихъ разсѣла много басенъ и разсказовъ: въ *Gesta Romanorum* и другихъ подобныхъ сборникахъ, во Французскихъ фабль, у Итальянскихъ повѣствованій, видно хорошее знакомство съ ея сюжетами. Такъ какъ происхождение Европейскихъ редакцій было не одинаково и притомъ каждая испытывала особенныя измѣненія со стороны перелазителей, то и не мудрено, что между ними находится много измѣ-

очевидная разница и въ содержаніи и въ раздѣленіи книги. Греческій текстъ начинается прямо исторіей макалона, предыдущій рассказъ о Бардуіе служитъ введеніемъ и иногда быть опускаемъ въ рукописяхъ; въ *Directorium humanae vitae* первая глава de Berozia princeps medicinae есть какъ бы начало самой исторіи. И въ Греческой редакціи и въ Латинскомъ переводѣ Іоанна Кануанскаго главы въ серединѣ книги поставлены въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ древнемъ Персидскомъ текстѣ; сравнительная таблица главъ по текстамъ Персидскому, Еврейскому, Латинскому и Греческому, представлена въ одной изъ упомянутыхъ статей С.-де-Саси, *Not. et extr.* t. X 1, 124. Само содержаніе было интерпретировано христіанскими вставками, какъ въ Латинской редакціи Раймунда и въ Греческомъ Стефанитѣ.

Русскій переводъ Стефанита долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя давно перешли къ намъ изъ литературы южно-Славянскихъ, хотя по Русскимъ извѣстнымъ спискамъ онъ восходитъ не далѣе XVII-го столѣтія. Заглавія нашихъ рукописей приписываютъ сочиненіе Стефанита не только Симеону Сноу, но такъ же Іоанну Дамаскину, и это недоразумѣніе можетъ быть объяснено тѣмъ, что тому же лицу приписывалось, или действительно принадлежало, другое восточное собраніе притчей, «Варлаамъ и Іоасафъ». Такъ же легко отстраняется имя «*Евронъ Индѣйшій*», какъ автора Стефанита стоящее на одномъ изъ Толстовскихъ списковъ: оно испорчено отъ переписки изъ имени Сноа. Этотъ послѣдній называется у насъ в *Antiochodis*, потому что Сноа былъ протопостригійемъ Антиохійскаго двора въ Константинополѣ и отъ того именовался *magister Antiochiae*, откуда и явилось ложное мнѣніе о происхожденіи его изъ города этого имени (*Gasse, ib.* 2, 1, 564). По свѣдѣтельству Демитровской рукописи Стефанита, эта книга принесена была въ Россію изъ Афонской горы Максимомъ Грекомъ: если здѣсь говорится о Славянской, а не о Греческой рукописи, то эпохи Максима Грека нельзя считать временемъ перевода, потому что Шварцъ упоминаетъ о горлаго древнѣйшемъ спискѣ Славянскаго Стефанита, именно о Сербской редакціи XIV—XV столѣтій (*Wiener Jahrb.* Bd. 53. Anz. Bl.

29. № 79); вероятно и то, что Русские познакомились с южно-Славянским Стефанитом гораздо ранее Максима. Списки нашей редакции хотя и многочисленны, но и не слишком редки в наших собраниях.

— Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 393—445. Писание философа Есеона Индїанца, вопрошеи царевы притча первая, нач. царь Индїскїи вопрошае философа Есеона: «ісхоу да притчею покажеш ми, како дестви мужь и лукавъ, себе примесивъ, вражду прилагаетъ и пр.» — 3. 43 Публ. Б-ки XV. Q. 2 сборн. XVII в. л. 76—207. О притчахъ, сущесїе Сива Антиоха, дружи же ѡубна Іоанна Дамаскина, зело пшенотворца, иже о зѡбрехъ, нарицаемыхъ стезанита и ихнцата. Вопросъ царевъ, нач. царь Индїскїи вопрошае икогото отъ философовъ своихъ, глаголя: «хоу яко да притчею покажеш, како дествивъ мужь и лукавий есе посреди составленую в ѡбихъ любовь же и дружбу, влагаетъ имъ дождь». Обѣ рукописи съ заглавіемъ Каландовина и Строева неправильно означены имъ именемъ философа Есеона.

— Погодина, сборн. XVII в. по описи. 1. 1964 л. 127—227. О притчахъ, сущесїе Сива Антиоха, дружи же рѣчи яко суть Іоанна Дамаскина, зело пшенотворца, еже о зѡбрехъ, нарицаемыхъ стезанита — ихнцата... нач. царь Индїскїи вопрошае икогото отъ философовъ своихъ и т. д. какъ въ предыдущемъ списке.

— Царск. № 389 сборн. XVII в. л. 449—552 заглавіе почти такъ же какъ въ двухъ последнихъ спискѣ — , F. 451 сборн. нач. XVIII в. л. 1—88. Книга, глаголемая Ихнцата сложена отъ древнихъ философовъ бесѣды о зѡбрехъ, глаголемыхъ ихнцата же и стезанита, и шїии мнози приточенїя притчи и приклады *отъ шїицкыи книгъ*, подобная къ житїю и правомъ лукавыхъ и пренростыхъ человекъ, да отъ снхъ ступици уразумѣеть, противу снхъ приклады, како отъ лукавыхъ и дествословенныхъ человекъ опаснымъ быти, дабы въ сѣть ихъ не власти, глаголетъ же шїици о томъ, яко бы сѣя притчи и бесѣды написа Іоаннь Дамаскинъ, егда бѣ въ наученїи риторики. — притчей здѣсь 25.

— Демидова описание бывшей его б-ки см. въ Чтенияхъ М. Общ. 1846, кн. 2 (сѣб.), рукоп. , F. 669. Книга глаголемая Ихнцата, содержитъ вопросы царя Индїанскаго и отвѣты

Сноа, философа Иудѣина, сочинена Иоанномъ Дамаскинымъ, изъ Греціи принесена Максимомъ Грекомъ, свѣтлы горы инокомъ, — въ листъ.

— Въ каталогѣ рукописей Баузе, проф. Моск. унив., подъ № 85 отмѣчено (о каталогѣ см. Всеобщ. Библи. Россіи, Черткова, М. 1838—1843, 2. 443—444). «Ихидатъ или собраніе разныхъ притчей 1672 года, м. ф.» Годъ означаетъ, конечно, время написанія рукописи.

— Забѣлина, въ рукописи XVII в. № 76, заключающей Еноповы басни въ переводѣ Гоавинскаго, находится также Стефанитъ и Ихидатъ, безъ заглавія.

Издатель Греческаго введенія къ Стефаниту жаловался, что писецъ выкинулъ самыя разсужденія подлиннаго текста и удержалъ одни голые разсказы; Русскаго переводчика скорѣе можно обвинить въ противномъ. Если судить по просмотрѣннымъ нами двумя Толст. и Погодинскому спискамъ, или нашъ переводъ не полонъ, или переводчикъ пользовался сокращеннымъ и неоконченнымъ спискомъ Греческаго подлинника. Изъ пятнадцати отдѣленій (τριῖαζα Греческаго Стефанита, у насъ переведены только семь, правда, самыя большія; но и въ серединѣ текста пропущены многіе разсказы: передавая рѣчь того или другаго зѣвря, нашъ переводчикъ болѣе заботился о сохраненіи нравственныхъ сентенцій, чѣмъ самыя сказки и апологовъ, которыми онѣ подтверждаются. Представимъ обзоръ нашего перевода по Толстовской рукописи 3. 45; отличія другихъ списковъ не важны. Замѣчательно, что всѣ три рукописи, которыми пользовались мы, представляютъ тотъ же самый подборъ апологовъ, и всѣ одинаково оканчиваются на серединѣ разсказа «о снѣхъ Иудѣйскаго царя»: можно думать по этому, что и прототипъ нашихъ списковъ, другъ отъ друга независимыхъ, страдалъ той же неполнотой и отрывочностью.

— Предисловіе Греческаго подлинника, переведенное Поссинномъ и изданное Ауривиллиемъ, въ этихъ рукописяхъ не существуетъ. Разсказъ прямо открывается изложеніемъ исторіи Стефанита и Ихидата, какъ и въ спискѣ Штарка: *ἡ τῶν Ἰουδαίων βασιλεὺς Ἀρμεσσαλῶν ἤρξατο πάλιν πάλιν ἀπὸν φιλοσόφου, λέγοντι Βούλεται σε ὑπεδερματίσαι με, τῷ τριπῶ ἡ δειλὸς καὶ ποιητὸς*

ἀνὴρ μεσελαβήσας, εἰς ἕλκτραν μεταβάλλει τὴν μεταξὺ τῶν συστάσαν φίλιαν. Начало нашихъ списковъ приведено выше. Затѣмъ слѣдуетъ въ нашемъ переводѣ первая глава «сказаніе о кунцахъ» (Толст. 3, 45, л. 76, начин. «слаголетца, яко кунцы и кѣи многославенъ сый» и пр. Starck. p. 4 λέγεται, ὡς ἔμπερός τις πελύεβος ὦν. Посторонній разсказъ, служащій для того, чтобы вывести на сцену быка или вола, котораго левъ принимаетъ въ лучшие друзья свои; затѣмъ исторія переходитъ къ шкаламъ (ὁ ζωὴ) Стефаниту и Пхиллату, имена которыхъ въ другой Толст. рукописи объявлены на полѣ: «медвѣцъ» и «горностай», а въ Погодинской: «стеванитъ — соболю, пхиллатъ — горностаю»: и то и другое, разумѣется, неправильно. На поляхъ Погодинск. списка подлиннымъ почеркомъ присписаны arguments: «сначала телца особаго пребыванію» — «страшится левъ телца» — «начинается злословіе пхиллатово» — «стеванитъ же въдаи его злокозньство велко его отъ того отрѣааетъ многими бесѣдами» и т. д. въ томъ же родѣ.

— Вторая «притча о шонцѣ» л. 81, разсказанная Стефанитомъ, нач. «слаголетбоя, яко шонкъ и кѣи видѣ и кѣосто древодѣлю» и пр. Starck. p. 12 λέγεται γάρ, ὡς πύτχρός τις ἰδὼν τέχτονα. Обезьяна, т. е. шонкъ, подражая дровосѣку, хотѣла расколоть бревно и вмѣсто того ущемила часть собственнаго тѣла; затѣмъ она еще пострадала отъ возмраживающаго дровосѣка. Такъ наказывается «влагали себѣ въ неподобіи» словеса и дѣла». Замѣтимъ, что вмѣсто ἑ ἱεραῖς въ нашемъ текстѣ стоитъ «птицы, нарицаемыи алоаконь», въ др. св. «алтконь».

— Третій разсказъ, Пхиллата, о лисенѣ и тимпанѣ л. 92, нач. «слаголетбоя, яко лисенца алчиони, пшну пшуну, приключися сѣи вещь и кѣую обрѣсти, тимпанѣ, зовомыи ὀυβήτις Ног.» — Starck. p. 36 λέγεται γάρ, ὡς ἀλόπηξ τις περιώσα καὶ προσφῆν ἐπιζητούσα etc. Въ Погод. списокѣ разсказъ отмѣченъ 4 мѣ, потому что за 3-ю главу л. 134 об., принята коротенькая притча объ отроукѣ, приобрѣвшемъ скромностью дружбу царя; въ слѣдующихъ главахъ счетъ Погод. списка такъ же идетъ вперед.

— Четвертая «притча о вранѣ и о змѣи» л. 97, разсказанная Пхиллатомъ, нач. «слаголетбоя, яко вранѣ и кѣи зво-

τιβλιδιησες εν ηκκοεμъ древѣ εν горѣ. — Starck, p. 60 λέγεται γάρ, ὡς κέραι τις ἐμφωλευσάν τινὲ τῶν ὄρεων δένδρων. Перелетать пронупиеть длинный разсказъ о пустынникѣ и о ворѣ, укравшемъ платье. Starck, p. 50.

— Пятая притча «о журавле и о сарѣ» (л. 98), разсказанная аврема, другомъ короля, нач. «слаголетбоса, яко журавль ηκκιν при βλατѣ пребывая, непомену рыбѣ», — Starck, p. 62 λέγεται γάρ, ὡς κούνας τις παρὰ τινὲ ἰχθύων πλῆρει λάρυγ, οὐκῶν.

— Шестая «притча о левѣ и о зайцѣ» (л. 101), разсказанная Ихиламомъ, о томъ, какъ зайце съумѣлъ обмануть голодного льва и даже лишити его жизни; этой притчей Ихиламель убѣждаетъ Стефанита, что можетъ достигнети своей ηκκιν, т. е. поссорити льва съ быкомъ. Нач. «слаголетбоса, яко левъ ηκκιν обитоваше травопосно поле и водно», — Starck, p. 70. λέων (γάρ) τις ὄξει χλιερέρων καὶ ὕδατῶδες πεδίον.

— Седьмая «притча о трехъ рыбахъ» Ихиламата къ царю (л. 107), нач. «слаголетбоса, яко въ ηκκοεμъ βλατѣ, близъ рѣки суне, три пребываху рыбы», — Starck, p. 82 λέγεται γάρ ὡς ἐν τινὲ λιμνηδίῳ πρὸς ποταμὸν συνάπτουσι τρεῖς διητῶντο ἰχθύες. Рыбы уезышали однажды, что рыбаки хотягъ выловити ихъ изъ болота: одна изъ нихъ, мудрая, тогчасъ же ушла въ рѣку; другая, поглупше, осталасъ, но когда рыбаки пришли и заторозили проходить въ рѣку, притвориласъ мертвою, — рыбаки взяли ее руками и спокойно положили на берегу рѣчки, тогда рыба ветренуласъ и прыгнула въ рѣку; третья рыба была советель слупа, увидѣвши рыбаководы, начала метаться въ разныя стороны и скоро была поймана: «словолити бо мудростію чловѣцы всякимъ образомъ тнатя еске не выидути въ злая паденія; а меншии разумомъ и странливии, выидаютъ убо когда, и промышляють еске своего избавленія; а иже до конца не полезни мудростію, аще выидаютъ, и никогда же избавленіе могутъ обрѣсти».

— Восьмая «притча о коридѣ и о блохѣ» (л. 111), также разсказанная лаву Ихиламомъ, нач. «слаголетбоса, яко корида ηκκкал въ βλατѣ др. еп. *ὡς πορτατὴ* — одеждатъ велиможка ηκκкого кривнесса не мало время», — Starck, p. 90. φρεῖς γάρ τις δερμαίος πρὸς τῶν μεριστάνων ἐπὶ μακρῷ ἐνακέρηπτε χρόνῳ.

— Девятая «притча о волкѣ и о лисицѣ и о гавранѣ и о лѣвѣ и о волбудѣ» (гл. 117, приведенная теломомъ, нач. «ελαφοειβόσα, яко левъ и λικίη пребываше въ илκωμъ μετѣ гл. б. *λεων*»), — Starck, p. 102 λέγεται γάρ, ὡς λέων τις παρὰ τινι δευτέρω ὄλη. Далее пропущена притча о итнѣ аκίονѣ (Starck, p. 114), въ которой по Греческому подлиннику относится слѣдующая притча, въ Русскомъ переводѣ приписанная прямо Ихиляту.

— Десятая «притча о дву порнахъ и о желвѣ» (= черепашкѣ), гл. 123, нач. «ελαφοειβόσα, яко въ илκωμъ источникъ пребываху два порна и желва съ нимъ», — Starck, p. 116 λέγεται γάρ, ὡς ἐν τινι πηγῇ γίνονται ἐδιαπύοντε δύο καὶ μία χελώνη. Здѣсь слова τὰ τῶν νεκτερόδων ἔρματα переведены «слѣдковыи очю», др. си. «следковыи очю».

— Одиннадцатая «притча о дву друзьяхъ» (гл. 129, Стефанита, нач. «ελαφοειβόσα, яко въ илκωμѣ горѣ пребываху два шюнка, иμβλху дружбѣ между собою», — Starck, p. 130 λέγεται γάρ, ὡς ποτηρός τις ἀνὴρ σὺν ἄλλῳ σχολαστικῶ τινὶ, κοινωσίαν πρὸς ἀλλήλους ποιησόμενοι. Разница въ начальныхъ словахъ происходитъ отъ того, что въ Русскомъ текстѣ пропущена предыдущая притча о иионкахъ и воронѣ (Starck, p. 128 λέγ. γάρ, ὡς τινὲς πύσχησι etc.), но начало ея отнесено къ слѣдующему разсказу, въ которомъ дѣйствуютъ вовсе не шюнки, а люди. То же смѣшеніе и въ двухъ другихъ рукописяхъ.

— Двѣнадцатая «притча о куницѣ» гл. 132, Стефанита къ Ихиляту, нач. «ελαφοειβόσα, яко иτκίη куница хοίѣ ποτι на куницю», — Starck, p. 140 λέγεται γάρ, ὡς ἔμπροσθς τις μελλόν ἀπεδχεῖν. Передъ тѣмъ пропущена притча Греческаго Стефанита о журавлѣ и амбѣ, р. 134.

— Тринадцатая «притча по убѣненіи телмо» гл. 135), т. е. разсказъ о томъ, что случилось по смерти телма, погубленнаго коварствомъ Ихилята; здѣсь опять является царь, бесѣдующій съ философомъ, какъ въ началѣ книги. «Царь же рече философу: паисети ми, по убѣненіи телма како быти Ихилять? — Философъ же воспріемъ рече: по убѣненіи телма илγде вопъ леоптонардею и пр. Въ Греческомъ текстѣ здѣсь начинается отдаленіе второе, Starck, p. 146 ἐ δὲ βασιλεὺς τῷ φιλοσόφῳ ἔφα, ἀνάρημενον σὺν ρεи etc

— Четырнадцатая «спритча о неумѣльномъ врачѣ», сказанная Пхиллатомъ въ судѣ (л. 136, нач. «ελαοετῆβοει, ικο ηβκίη врачъ придетъ въ ηβκίη градѣ», — Starek. p. 168 λέγ. γάρ, ὡς ἰατρὸς τις τοιοῦτος ἐπεδήμησε πῶλεϊ τινί. Въ городѣ, куда пришелъ врачъ, была опасно больна царская дочь, и ему поручили приготовить лекарство, которое нужно было ей дать; по незнанію своему, врачъ дать ей другаго бѣлія и она умерла; тогда родители принудили его вынуть того же вреднаго лекарства и врачъ потерѣлъ смертныя муки. Этимъ доказывается, что «аще кто невѣсть ничтоже, да джу не глаголетъ; глаголя бо джу, подобно постракетъ неумѣльнаго врачя».

— Пятнадцатая «спритча о женахъ» (л. 138), приведенная опять Пхиллатомъ на протоматера, нач. «ελαοετῆβοει, ικο ηβκίη двѣ съ мужемъ отъ ηβκίη избѣгши», — Starek. p. 172 λέγ. γάρ, ὡς δύο γυναῖκες μετ' ἀνδρὸς ἐκ τινος διαδράντες αἰχμαλωσίᾳς. Протоматерь, πρωτομάτρις, въ Ногод. рукописи истолкованъ: «коть».

— Шестнадцатая «спритча о лжесвидѣтелѣ» (л. 151, сказанная Пхиллатомъ въ судѣ, нач. «ελαοετῆβοει, ικο ηβκίη крагуарь воедетъ жену господина своего», — Starek. p. 178 λέγ. γάρ, ὡς ἰσραηλῖὸς τις ἤρᾶσται τῆς γυναῖκος τοῦ κυρίου αὐτοῦ. Когда поползованіе крагуара не удалось, онъ поймалъ двухъ сой и вынулъ ихъ говорить по-Персидски, одну — «свидѣлъ госпожу свою со вратаремъ наднуся», а другую — «не глаго по ничтоже». Господинъ, услышавъ разговоръ ихъ, пришелъ въ великій гнѣвъ; но жена убѣдила его, что птицы не умѣютъ говорить ничего другаго, и открыла ему поступки крагуара; тогда «нарасно воскочи господинъ... ко крагуару и извертъ ему очю», чѣмъ и доказывается опасность лжесвидѣтельства, въ которомъ Пхиллатъ упрекаетъ своихъ обвинителей.

— Семнадцатая «спритча о любовныхъ дружехъ» (л. 154), т. е. о гавранѣ, змѣи, серпѣ и желвѣ, нач. «ελαοετῆβοει, ικο въ ηβκѣемъ градѣ мѣсто бѣше угодно на ловѣ», — Starek. p. 184 ... λέγ. γάρ, ὡς ἐν τινι χώρῳ τόπος ἴν πρὸς ἑῆραν ἐπιτήδειος. Здѣсь оканчивается исторія льва, быка и двухъ шакаловъ, и въ Греческомъ Стефанѣ начинается третье отдѣленіе, въ которомъ разсуждается «о дружехъ, ικοε любовна и въ любви

присно пребываютъ». Далѣе, въ нашей рукописи принято за особенную (18-ю притчу «о мыши и о гавранѣ» л. 157), продолженіе того же разсказа, и следовательно счетъ главъ перемѣшивается; въ Погодинской рукописи этого дѣленія нѣтъ, и счетъ сравнивается съ Толстовскимъ. Въ разговорѣ монаховъ, у одного изъ которыхъ жила мышь, Русскій переводъ пропускаетъ притчу о волкѣ (Starck, p. 206).

— Осьмнадцатая, по рукоп. 19-я, «притча о гавранѣхъ и о вышкѣхъ» (л. 172, разсказанная философомъ царю, нач. «стало-летѣбоя, яко въ шкосоі горѣ баше древо шкосо», — Starck, p. 236—238 ... λέγει γάρ, ὡς ἐν τῷ ἔρει. ἐν ὑπερμεγέτεσι δένδρῳ. Въ Греческомъ текстѣ отдѣленіе четвертое: «како подобаетъ блюстися врага, иже лицемѣрїемъ искушенъ прїятель явлетца». Начальная слова царя и философа въ нашемъ переводѣ шкосо-сколькѣ длиннѣе; въ притчѣ, Греч. *πρωτος ἄβουλος* переведено «первыи советникъ», а въ другомъ случаѣ поставлено «схоло-етникъ»: «и поиде царь съ схолоетникомъ, сирѣчь со уединенемъ (= уединеннымъ) особѣ» (л. 176, Starck, p. 252), въ Погодинской же рукописи забавная ошибка: «с холетникомъ, сирѣчь со уединеннымъ». Далѣе пропущены почти все сказки, вставленныя въ это отдѣленіе, именно: о безтождѣ и слюнахъ Starck, p. 254, о зайцѣ и скіурѣ — какъ они потеряли отъ кошки p. 262, о монахѣ, котораго обманули воры, украшнїе у него кола p. 270, о старомъ мужѣ, молодой женѣ и о ворѣ p. 278, о монахѣ, которому строили колни воры и дьяволы p. 282, о мастеровомъ, котораго обманываетъ жена p. 286, наконецъ о пустыиннѣ, обратившемъ мышь въ дѣвушку p. 296.

— Девятнадцатая, по рукоп. 20-я, «притча о змїи, како поидохися жабѣ» л. 186, разсказанная гавраномъ, нач. «стало-летѣбоя, яко змїи шкїи заматорѣвъ, состарѣвся, и не возможе ничгоже ловити на пицу», — Starck, p. 306 λέγει γάρ, ὡς ἔρει τις παραβεβηχῶς καὶ γαργαχῶς πρὸς τὴν τήραν ὑπόχρησι.

— Двадцатая, по рукоп. 21-я, «притча о шомпѣхъ» л. 188, разсказанная философомъ царю, нач. «стало-летѣбоя, яко шомпы и шпыи царя у себе имуше», — Starck, p. 314 λέγεται, ὡς εἰ πικηχοὶ τῶν σοφῶν βασιλεία. Въ Греческомъ текстѣ начинается здѣсь отдѣленіе пятое, о томъ, «како кто когда достигъ желанїя

своего и не могли добре содержать его, и абие наки погубить ея; въ изложеніи этого отдѣла у насъ недостаетъ басно о львѣ и лисицѣ (Starck, p. 326). Замѣтимъ, что слово *συζυγός* переведено у насъ «подруга».

— Двадцать первая, по рукоп. 22-я, «притча о мужи и о жещѣ, иже наединѣ жившемъ *кромя* людей» (л. 194), разсказанная философомъ въ шестомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «слаголетбоси, яко мужь ибкѣи вкуиѣ (сѣ, своєю женою наединѣ жившиє *кромя* людей», — Starck, p. 334 . . . λέγεσαι, ὡς ἀνδρὸς πρὸς τὴν ἄρσιν τῆ ἰδίᾳ γυναικὶ κατὰ μένας συζῶν.

— Двадцать вторая, по рукоп. 23-я, «притча о проливавшемъ медь и масломъ» (л. 194), нач. «слаголетбоси, яко мужь ибкѣи ото убогихъ имѣшиє у себе въ ибкѣихъ сосудехъ медь и масломъ», — Starck, p. 336 λέγει γάρ, ὡς πέντης τὴς μέλι τε καὶ βούτυρον ἐν τινι ἀγγείῳ, ἔντα ἐκάτερον εἶχε. Известный анекдотъ: посредствомъ пролаки меду и масла бѣдный мечтатель думать пріобрѣсть огромныя богатства; воображать, какъ онъ тогда женится, будетъ имѣть сына, какъ станетъ учить его жезломъ послушанію; онъ вьлѣтъ жезлъ, размахнулся и — разбилъ сосудъ съ медомъ и масломъ. Первоначальный разсказъ находится въ 5-й гл. Папча-тантры; онъ повторяется, *кромя* другихъ редакцій Гамлы-ва-Димы, въ Conde Lucanor (nr. 29), отчасти въ Шьменкой народной сказкѣ der faule Heinz (Grimm, Kinderm. 2, 360 ff. и во многихъ позднѣйшихъ басняхъ (Dunlop, 502). Здѣсь онъ соединенъ съ предыдущимъ разсказомъ, подобнаго же рода: мужь мечталь о томъ, какъ у него родится «мужескии поть отроца»; жена возразила на это притчей «о проливавшемъ медь и масломъ». Потомъ, — приводимъ разсказъ по рукописи, — «роди отрока жена его, и по ибкѣихъ днехъ рече жена къ мужу своему: прієди мало здѣ у отрока своего, дождеке медие возвращуся, — и отвиде жена его. И позванъ же бысть отъ вьстелина муаъ ея, и поиде, и остави дѣтнице едино; и приаключиє абие пресмыкатися змию на дѣтница, и видѣвши жена брата его, невѣстка, змию, и скочившиє и зубы изелче змию, и уби ю, и рукама своима растерза ю, и окровавившиє змииною кровію. Приидеть же наки мужь онъ, и видѣвъ невѣстку окровавлену змииною кровію, и мнаше, яко отрока се его убила естъ,

и не стерѣ, доидеже видѣти отрока, и удари сѣю по главѣ немилостивно, и умре отъ того. Вшеди во храмъ и обрѣте отрока пѣла, и змѣя содробенна, и злю раскаяся и плакася горко». На такой же ошибкѣ основанъ, какъ увидимъ, одинъ разсказъ въ Семи Мудрѣнахъ. Притча о пролившемъ мастю и медь кубетъ своего двойника въ нашей дубочной картинкѣ: «смысли върѣныя мужика, пѣснаго въ торгъ жицы» (*Sicureson*, въ Вал. Сборникѣ, стр. 210).

— Двадцать третья, по рукоп. 24-я «притча о снѣхъ Индѣйсково царя» (л. 197), разсказанная философомъ царю въ седьмомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «слагодѣтѣоса ситие (sic), яко тои царь Индѣйскій во едену отъ пошеи видѣ осмь сновъ страшныхъ и ужасныхъ». — *Starek*, p. 340—342 λέγει γὰρ, ὡς βρασιλεὺς οὗτος ὄκτω πότε θναίρους ἐν τῷ κατεύδειν φεβερὸς ἰδών. Философы, призванные царемъ для разъясненія сновъ, хотѣли устроить его гибель, и совѣтовали ему избѣить всѣхъ близкихъ своихъ: царь былъ въ жестокомъ недоумѣніи; но царица, не вѣря лживымъ философамъ, просила мужа искать объясненія сновъ у постника старца, *управляющаго христианами*. Постникъ растолковалъ всѣ сны совершенно иначе, представляя царю получение многихъ даровъ, и пр. Этотъ послѣдній разсказъ Русскаго текста, намъ извѣстнаго, оканчивается по срединѣ исторіи словами: «... во единъ же убо отъ днѣи, яко вѣнецъ вземни» — *Starek*, p. 358.

Въ заключеніи нашего Стефанита помѣщены другія статьи, къ нему не принадлежащія, но вѣроятно находившіяся въ той Греческой рукописи, которую пользовался переводчикъ. Самый текстъ оканчивается въ То гет. снискѣ 3. 45 слѣдующими словами: «судростъ же сѣя и притчи къ некоторымъ писателемъ (sic), но *недочисати суть*, но уже время, возлюбленій. — мнѣхъ убо сладкую бесѣду отеческихъ словесъ сократити; Богъ же челоувѣколюбивши да покроетъ насъ своею благодатию и молитвами всѣхъ святыхъ, аминь» л. 205. Вмѣсто того въ Погод. св. сказано, по окончаніи прибавленныхъ статей: «добрѣ внимаи кто притчамъ, имать прилагати разумъ къ дѣлательнымъ вѣсемъ, — егда же совершатся вѣщи, и разумѣемъ силу приложеннаго разума, — еда ли же сему достойно быти прилогу разума естествен-

наго къ вешемъ» (?). Не осталось ли и здѣсь что нибудь изъ заключенія Греческой рукописи?

Къ Стефаниту прибавлена, во первыхъ, «притча илькая о составленіи человеческого сущаго естества» (Толст. 205—207, Погод. об. 220—221, или весьма извѣстная басня о спорѣ частей человеческого тѣла, нач. «человѣкъ бо илькин рече притчу сію сине: илькогда прилучися, совокупистася утроба со всеми уди тѣлесными» и пр. Во вторыхъ, слѣдующія гномическія изреченія:

•Блаженъ бо есть той градъ, иже отъ древшихъ и благочестивыхъ царей царствуемъ, — и корабль отъ искусныхъ кормильцъ окормляемъ (= направляемъ, Погод.), — и монастырь отъ воздержанныхъ шюкъ строишь....

•А тому граду горе есть велико, иже отъ юныхъ и нечестивыхъ царей царствуемъ, — и кораблю отъ неискусныхъ кормильцъ окормляемъ, — и монастырю отъ неискусныхъ шюкъ строишь.

•Градъ убо скоро ильмень бываетъ, — а корабль разбѣсца векоръ же, — монастырь же занустьеть, и сія вся свершатся отъ нерадунія человеческого.

Въ третьихъ, въ Погод. сп. об. л. 221 — 227 находится «притча о илькомъ велможѣ», съ которою встрѣтимся еще далѣе, когда будемъ говорить о «Римскихъ Дѣяніяхъ» г. е. Русскомъ переводѣ *Gesta Romanorum*. Легко можно допустить, что уже оригиналъ нашего перевода имѣлъ тотъ неполный и неправильный составъ, какой мы означили; потому что и списки, извѣстныя по изданиямъ, далеко не удовлетворительны: список Успенскій не имѣетъ многого, что есть въ переводѣ Поссина; Голштейнскій не имѣетъ цѣлаго введенія. Или и наши списки дѣлились на два разряда — полные и неполные? Но и Русскій текстъ въ свою очередь представляетъ илькоторыя мѣста, не находившіяся въ изданіи Штарка, напр. обращеніе къ шюку въ первой притчѣ (Толст. л. 78.), упоминаніе Омировой притчи (Толст. л. 123, Погод. л. 164 об.) и друг. Книга должна была пользоваться уваженіемъ, если ее приписывали Іоанну Дамаскину; и дѣйствительно, въ сборникѣ нравственныхъ и благочестивыхъ изреченій, въ родѣ Пчелы, находящемся въ Толстовской рукописи 2. 181, л. 446 — 460, выписки изъ «Шхизматѣ»

поставлены рядом съ изреченіями самыхъ знаменитыхъ и почитаемыхъ у насъ гномистовъ.

Другой характеръ аполлога и другой видъ животного эпоса является въ Езоповой баснѣ; съ переводами ея снова вступаемъ въ XVII столѣтіе. Не распространяясь о значеніи Езона въ классическихъ и средне-вѣковыхъ литературахъ, обозначимъ только составъ рукописей, заключающихъ наши переводы его басенъ. Езопъ едва ли былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XVII вѣка; первый переводъ сдѣланъ былъ Феодоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ 1608 году. Тому же Гозвинскому принадлежатъ переводы «Трошика» Пинокентія паны Римскаго, находящійся въ Румянц. сборникѣ № 367, Толстов. рукописяхъ 2. 140, 2. 286 и ин. др. Личность переводчика определяется въ заключеніи этой послѣдней книги такимъ образомъ: «Лѣта 7117-го (= 1609) мѣсяца іюля въ 11 день перевелъ сію книгу съ Польскаго языка на Рускій языкъ Феодоръ Касьяновъ сынъ Гозвинскій, *Греческииъ словъ и Польскииъ переводчикъ*, въ царствующемъ градѣ Москви» (Румянц. л. 450). Въ описаніи Толстовскаго собранія имя его неправильно означено *Кассіанъ* Гозвинскій стр. 445, ср. *Медведева*, оглавл. книгъ 85). Польскій переводъ Гозвинскаго, кромѣ басенъ, представляетъ Пландову біографію Езона, уже знакомую намъ по сказкѣ о Синагрии. Въ такомъ составѣ трудъ Гозвинскаго находится въ рукописи конца XVIII в., изъ собранія гр. Сухтелена, Публ. Б-ки XIV. F. 5; другіе, видѣнные нами списки заключаютъ или одну біографію или только басни. Вообще рукописи Езона перѣдки:

— Погодинскій сборн. Публ. Б-ки, по описи № 1964, XVII-го вѣка, на л. 61—123 Езоповы басни, безъ заглавія. Сначала силлабическіе стихи или вирши на Езона, начин.

Басносластатель Езопъ не украшенъ образомъ,
Прочитая же сего обрященъ съ разумомъ,
Плоть его сосудецъ, аще не абло чества,
Но душа, въ ней живуща, абло илжнаа . . .

Въ концѣ . . .

. . . . Правоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ
И въ притчахъ потешая къ житію даруетъ.

Яже отъ Еллинскаго преведена суть мною,
Прочитай, любимче, утѣкися со мною,
Вирши сїи по часту прочитовай,
И въ книгѣ сей на стихи истолкованїя не забывай.

Затѣмъ притчи, на л. 125 «надписаніе Автонїа мудреца», нач. «баснь или притча отъ творцевъ изыде» и пр., опредѣленіе басни, наконецъ об. л. 125 «исторїя книги сєя — притчи или баснословїе Есона Фрига, философа Греческаго и баснотворца, преведены быша з Греческаго діалекта на Словенскїи языкъ Феодорожь Касьяновымъ сыномъ Говзинскимъ, въ царствующемъ градѣ, отъ созданїа міру 7116 г. (= 1608, октябрь въ 19 день», а на полѣ прибавлено: «и по сей годъ 156 лѣтъ», слѣд. было читано еще въ 1764 году.

— Фроловская рукоп. Публ. Б-ки XVIII. Q. 3. XVII го столѣтія, на 37 л. «Житїе естественнѣ острѣйшаго Есона Фригїискаго» т. е. Пандуова біографїи, нач. «естество вешей, еже есть въ человекѣхъ, испытаху и шїи мнози, и предаша тоє послѣдороднымъ своимъ, но якоже ми видится, Есонъ сїю премудрость не имѣаше естественнаго разума, заєе достиже въ мѣры древнихъ учителей. — яко онымъ, яже глагола, ниже отъ учителя изучися, ниже отъ древнихъ исторїи взяше, но разумомъ и баснею, влече человека къ себѣ, толкно, яко и учителя онаго вренєне не возмогоша глаголати противу его» и проч.

— Б-ки Моск. Общ. № 115 въ космографїи XVIII вѣка, л. 379—444 прибавлена статья «книга, глаголемая по Рускїи, а по Греческїи стихїесловъ и Еллинскїи вирши сіє», въ ней же писасашася повѣсти о небесныхъ птицахъ, и о земныхъ сло- тѣхъ, и о звѣрехъ, и о гадѣхъ, и приводится ко всякому чело- вѣчьескому разуму и праву, притчами скажутся и о дружбѣ и о недружбѣ и о лести», — гдѣ находится, по Строеву, 139 притчъ.

— По указанїю, сообщенному намъ г. Буслевымъ, въ скороп. сборникѣ конца XVII в., Арх. Мин. Ин. Д. № 250, откуда напечатаны г. Буслевымъ поговорцы, на л. 383—418 находится «житїе Есона баснослова, и о хожденїи его, и о его мудрости, како стязався съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, списано отъ Максима Клавдія, безъ сомнѣнїя такъ же біографїя Максима Пандуа. Затѣмъ, л. 419, предисловіе къ баснямъ и вирши на пре-

мудраго баснослователя Езона; даде об. л. 449—469 басни, конечно въ переводѣ Гозвинскаго.

— Заблѣна, рукоп. XVII в. № 76, уже нами упомянутая, заключаетъ притчи или баснословіе Езона Фрига, философа Греческаго и баснотворца, приведены быша съ Греческаго діалекта на Словенскій языкъ переводникомъ Федоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ 1160 отъ созданія міру 7116, октября въ 19 день.

Новый списокъ гр. Сухтелена представляетъ всѣ эти статьи, хотя написаны съ большими ошибками. Заглавіе біографіи, какъ въ Архивной рукописи: «житіе Езона баснословоа, и о хожденіи его и его мудрости, како стязався съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, — списано отъ Максима Пандіа», sic, нач. «спецей чловѣческихъ естество преслѣдована и прочіи, и наслѣдованномъ подала; Езонъ же вѣшь мнителъ не кромѣ божіаго дуновения, понеже благопрашнаго ученія коснуся» и пр. Переводъ, какъ можно видѣть и по этому началу, если не другой, чѣмъ въ списокѣ Фролова, то очень сильно переламанный. За біографіей, на л. 25 другое заглавіе: «книга, глаголемая Езонъ по Руски, а по Гречески стихословъ, а Еллински вирши» и т. д. сходно со спискомъ Моск. Общ.; даде «предисловіе», заключающее указанные силлабическіе стихи, которые здѣсь во многомъ переименованы, потомъ «надписаніе Авдонія мудреца», наконецъ л. 25 обор. начинаются басни, которыя оканчиваются на л. 60 исторіей перевода, гдѣ вмѣсто имени Гозвинскаго неправильно переписано изъ старой рукописи: «Томвижскій». Басни и въ Погодинскомъ и въ Сухтеленскомъ спискахъ идутъ въ томъ же порядкѣ: 1) о орлѣ и о лисницѣ, 2) о соловьѣ и ястребѣ, 3) о лисницѣ и о козлѣ, 4) о лвѣ и о лисницѣ, 5) о котѣ и алексіонѣ (=алекторѣ, Погод.), 6) о лисницѣ, и т. д.; но число ихъ въ разныхъ спискахъ неодинаково: въ списокѣ Моск. Общ. басень 139, въ Погодинскомъ 142, въ рукописи гр. Сухтелена 148 (здѣсь число ихъ доведено до 150, но въ счетѣ есть ошибка). Для примѣра выписываемъ изъ этой редакціи Езона первую басню:

Орель съ лисницею содружившися близъ себе пачаша жити, и утверженіе права, любве и дружбѣ сотворише, орель убо на высотѣ

и бѣтъ гнѣздо изви, лисица же въ ближнихъ кустѣхъ чадо пороши. На частѣ икогда лисицѣ ишедшей, орелъ же пиши и брашна не имѣя и селѣ въ кустъ, лисицына чада восхитивъ, со своимъ младымъ итецыи вкушѣ поже. Лисицѣ пришедши и содѣланое увидѣвши, не только о смерти своихъ чады скорбяше, елико отмстити ору не може, земля бо бѣ лисица, итицу летающую гонити не возможе. тѣмъ же издаале лисица ставъ, еже и немощнымъ есть удобно, су противника своего и врага безчестуя, проклинаше. Не по мнозѣхъ же днехъ послѣмъ, илции челоуцы козу на жертвеникѣхъ принесше бо гоу жроша: селѣвъ же орелъ и часть иккую сея жертвы со углѣмъ горячимъ возити и ко итецемъ въ гнѣздо принесе, — вѣтру же люто дышащу сишеву, яко и пламени разгорѣвшися, орличина же, еще суще безъ крылъ ни улетѣти не могуще, спекшеся на землю низпадоша *въ рукоп.* -дше¹: лисица же видѣвши радуяся притече, предъ лицемъ орлимъ ругающися всѣхъ сиѣде.

-Толкованіе: притча сія знаменуеть, яко иже дружбу разоривше, аще убо отъ обидимыхъ убѣгнуть отмщенія, неможенія ради, по Божіа отмщенія праведнаго не убѣгнуть.

Совершенно другаго состава второй переводъ Езоповыхъ басенъ, принадлежащій второй половинѣ XVII вѣка. Единственная, известная намъ, рукопись этого перевода находится въ Толет. собраніи 2. 492. Публ. Б-ки XV. Q. 16. Этотъ неполный списокъ, со многими вырванными листами, не имѣетъ и заглавнаго листа; начальныя притчи: 3) о крестьянинѣ и о ужю, 4) о вепрѣ дикомъ и о ослѣ, 5) о мыши деревенской и градской, 6) о орлѣ и воронѣ и т. д. Книга состоитъ изъ трехъ частей: во второй идутъ притчи: 1) о двухъ жабахъ, 2) о вѣтру сономъ, 3) о ужю, 4) о лву и о медвѣдѣ и пр.: въ третьей: 1) о мыши (съ) сундукомъ, 2) о крестьянинѣ и о хлѣбѣ, 3) о ястребѣ з голубемъ, 4) о челоуку бродящемъ черезъ воду и т. д. Число басенъ въ каждой части — 142, 44 и 74. Нашъ переводчикъ составилъ свой трудъ по Польскому изданію одной изъ новѣйшихъ редакцій басенъ Езона, вмѣсто «фригійскій» онъ постоянно именуеть «франкій», даже «французскій». Подлинникъ его виденъ изъ слѣдующихъ заглавій второго и третьяго отдѣленія: «вторыхъ книгъ вторыя притчи Гавриѣла грека, къ первымъ притчамъ подобныя зъ Греческаго языка на *Польскій* переведены»: «третьихъ книгъ третія притча

Лаврентія римлянина с Латинскаго на *Польскій* языкъ переведенъ»; въ концѣ первой книги находится извѣстiе о времени перевода и самомъ переводчикѣ: «183 (= 1675, мая въ ..., переведена сія книга Езонъ Француской сіе) въ Сибирску, а переводить сибирской рохмистръ *Иотръ Кашинской*; а въ семь Езонъ трои книги—Езонъ французкой, другой Гаврила Грета, третей Лаврентіа Римлянина». Следовательно прямымъ оригиналомъ нашего перевода было старинное Польское изданіе, неизвѣстнаго впрочемъ года, описанное Юхеромъ: *Fabuly Aezorowe abo przyrowieści...* (до стр. 182, потомъ), *Przyrowieści Gabryela greka, temi czasy na polskie wyłożone* (до стр. 205, наконецъ), *Przyrowieści Laurentego Abstemiusza z lacińskiego na polskie przelozone* (*Obraz bibliogr.-histor. literatury i nauk w Polsce*, Wilno, 1840, 1. 107. ср. *Maciejowski*, *Pism.* 3, 179). Та же притча о лисицѣ съ орломъ передана здѣсь такимъ образомъ:

Захотѣлъ орелъ съ лисицею близко себе жити, чтобъ лучшее межъ ими товариство было; также орелъ поселился на деревѣ, а лисица подъ нимъ выкопала яму; а орелъ, когда времени одного лисица дѣтемъ своимъ пошла добывать корму, слетѣвши на землю дѣти *сво* похватали и дати своимъ орлятамъ. Пришотни лисица, когда не нашла своихъ дѣтей велии кручинилася и плакала, видячи, что надъ орломъ, которой бытъ высоко, не могла поместиться, побѣжала въ деревню и принесла огненную головню и положила подъ деревомъ, а когда вѣтръ раздымалъ головню, она еще сухова дерева приблизилася, такъ что гнѣздо орлово зажгла. А дѣти, хотячи отъ огня уйти, а летать еще не умѣли, на землю попадали, которыхъ лисица похватавши переть орломъ раздрала и погла.

Токъ хто крестное цѣлованіе дамлетъ, либо отъ людей отомщенія не будетъ, токмо отъ Бога вѣчное наказаніе приметь.

Вліяніе Польскаго оригинала въ этомъ переводѣ очень замѣтно; нѣкоторыя Польскія слова, напр. *nieśceta* = *niewiasta*, поставлены безъ толкованія, хотя по Русски имѣютъ другой смыслъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, Езонъ на Русскомъ языкѣ появился еще два раза. Первое изданіе, одна изъ любовитѣльнѣйшихъ книгъ Петровскаго времени, имѣетъ такое заглавіе: *Притчи Эсоновы, на латинскомъ и рускомъ языкѣ, ихъ же*

Латинскими стихами изобразил, — совокупно же Бранш якобы и мифической, Гомером¹ древле описана со парадными в обоих книгах² лицами и с³ толкованием. В Амстеродеме напечатана оу Ивана Андреева Теснига. Лета 1700. Къ баснямъ принадлежитъ сорокъ гравюръ, и шесть къ Батрахоміомахіи; сличеніе перевода Коцевица съ переводомъ Говвинскаго сдѣлано было Полевымъ въ Русск. Вѣстникѣ (1842, т. 5, 174—179). Другое изданіе называется: «Есоновы притчи, повелѣніемъ Царскаго величества, напечатаны въ Санктъпетербургѣ, дѣла Господня, 1717 апрѣля въ 5 день». Здѣсь помѣщено и «житіе по природѣ остроумнаго Есона», которое должно сличить съ указанными выше Фроловскимъ и Суздальен. списками Пландовой біографіи.

Въ литературахъ западныхъ знакомство съ Есоновой басней, въ томъ видѣ какъ она была собрана Пландомъ, распространилось впервые въ концѣ XV-го вѣка. До тѣхъ поръ Есонову басню гораздо болѣе знали по Бабрию, Федуру и позднимъ имъ послѣдователямъ, Авіену, Тиціану и другимъ. Самый Федръ уже рано былъ замѣляемъ другими обработками этихъ сюжетовъ, болѣе и болѣе вытѣснявшими подлинную басню: такимъ образомъ Федру предпочитали собраніе Ромула, откуда извѣстный Винцентій Бовесскій помѣстилъ 29 басенъ въ своемъ *Speculum doctrinale*. Въ новыхъ передѣлкахъ классическая басня получила однако другой характеръ: такъ Нѣмецкіе фабулисты, соединяя подъ словомъ *bispel* и тѣ апологи, какіе брали изъ классическаго или восточнаго источника, и тѣ, какіе доставляли національный животный эпосъ, — развивали преимущественно моральную сторону сюжета и дали правоученію такіе обширные размѣры, какихъ оно не достигало прежде. У одного изъ замѣчательнѣйшихъ фабулистовъ Нѣмецкихъ, Бопера, котораго относятъ къ XIV столѣтію, правоучительное направленіе распространило свою область на счетъ самаго разсказа, морализация басни подкрѣпляется пословицами, подобіями и другими объясненіями, для того, чтобы читатель легче усвоивалъ сущность поученія. Упадокъ эпическаго начала выразился особенно въ томъ, что мораль не сдѣлала строго за содержаніемъ разсказа и дѣлаются такія частныя примѣненія, которыя вовсе не вытекаютъ

изъ басни. Такъ въ баснѣ о обезьянѣ, не можешь раскусить орѣха, Бонертъ не довольствуется ближайшемъ смысломъ разсказа, но выводитъ такое заключеніе: кто посвящаетъ себя Богу, тотъ долженъ вынести много страданій, какъ не долженъ бояться дыму тотъ, кто хочетъ раздуть огонь и т. п. Произволь въ выборѣ наставленій, прибавляемыхъ къ баснѣ, позволять фабулистамъ обращаться въ нухъ именно къ тѣмъ явленіямъ дѣйствительности, которыя были важнѣе по ихъ понятіямъ и требовали исправленія. Въ самомъ дѣлѣ средневѣковая басня, съ одной стороны, была очень близка къ чистой проповѣди и поученію, съ другой выражала стремленія сатирическія; поученіе и сатира въ свою очередь пользовались басней, какъ пригоднымъ матеріаломъ. Въ то время, когда это правоучительное и правоопредѣляющее примѣненіе аполога достигло крайняго развитія, обнаружился и совершенный упадокъ первобытнаго эпического сюжета: не довольствуясь моральными выводами и разсужденіями, фабулисты стали присоединять къ баснѣ и примѣры историческія, которыми бы подтверждалась правдивая идея. Такого рода произведеніе переведено было у насъ, съ Нѣмецкаго, въ 1674 году. Рукопись перевода, XVII вѣка, находится въ Толст. сборникѣ 2. 451, Публ. Б-ки XVII. Q. 7, л. 1 — 95: *«Зрѣлище житія человеческого, шемже изъявлены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому предличными повѣстми въ наученіе всякаго чина и сана человекомъ; нынѣ новопреведено изъ Нѣмецкаго языка въсѣмъ во общую пользу, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ дѣло отъ воплощенія Бога слова 1674»*. Намъ не встрѣчался Нѣмецкій подлинникъ этой книги, но его не должно смѣшивать съ другою книгою того же названія: *Das buch genandt der spiegel menschlichen lebens, übers. v. H. Steinhöwel* около 1175 г., переведенной изъ *Roderici Zamorensis, Speculum vitae humanae*, первое изданіе котораго полагаютъ до 1172 г. Въ переведенномъ у насъ Нѣмецкомъ предисловіи сказано, что прежде тѣ же притчи изданы были не такъ вредно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложили, «совершенноліишаго ради разумнѣя, въ кѣйждо притчи отъ древнихъ лѣтописцевъ согласующуюся предстоищей притчи повѣсть». Выставляя пользу книги, составитель

говорить, что она необходима, особенно для молодых людей, как прекрасное наставление: «кому же — продолжает онъ, — зѣло дивно размышляти, како всемогущи Господь Богъ не точию кѣждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторыя отъ нихъ изрядныя обычаи и правы насадилъ есть, которые безсловесныя не точию чловѣкомъ въ иину, но и во многіе потребы годствуютъ: еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя достоятъ намъ житіе свое и правы злобныя исправляти, — пже не многіе ли видимъ свирѣбѣше лвовъ, и гнѣвливѣ медвѣдей, иныя же нечестливѣ свиней, овыхъ же неблагодаривѣше псовъ, иныхъ же гордѣше павлинъ и т. д. Всѣхъ басенъ въ рукописи 124, по счету ихъ странно перемѣшанъ въ концѣ; быть можетъ, писецъ Толст. списка сдѣлалъ только выборку изъ болѣе полного текста. Сюжеты ашологовъ болѣею частью общензвѣтныя; кромѣ правоученій, при басняхъ, какъ мы сказали, находятся и историческія свидѣтельства, взятыя изъ классическихъ писателей, напр. Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, или изъ *Gesta Romanorum* и средне-вѣковыхъ историковъ и летописцевъ. Чтобы познакомить читателя съ этой оригинальной манерой, приводимъ нѣсколько басенъ съ ихъ морализаціями.

(л. 3, гл. 1. - *О конь и о возницѣ.* Нѣкоему коню впрежешу бывшу въ тяжкій возъ, и хотя минути болотину, ввалися въ ню; возница же нача коня зѣло бити, конь же много трудился, воза своего не извлече, и возницѣ своему рече: како ты неможествовъ сын, видиши мя труждающа о извлеченіи воза твоего, ты же не престаши бити мя. — Онъ же, сіе слышавъ, лютише нача бити его.

•Сія повѣсть являетъ, яко горе рабомъ, надъ ними же мучитель господствуетъ, зане люди своя къ тяжкой работѣ выну побуждасть, еще же и бьетъ. Сиде сотвори Тиверіи кесарь Римскій надъ единѣмъ отъ рабовъ своихъ, зане нѣкогда прилучившуся сему въ пути предъ кесаремъ ѣхати, въ блатину увале. Кесарь же разгнѣвася рече ему: изыди скоро отсюда, аще ли не изыдеши, люти бити тя повелю и въ блатинѣ оставити. — О семъ пишетъ Светонія. (sic).

(л. 3 об., гл. 2. - *О левъ и о лисицѣ.* Нѣкогда левъ, отъ глада велика, сотвори быти себе недужна, и повелѣ съ великимъ запрещеніемъ, да приваудъ въ дови его вси звѣри, софѣта ради дѣла великихъ.

Заври жь, боящися зановѣи ево презрѣти, во дворь ево стекошася. Лицеца жь, пришедъ близъ двора двова, видѣ сѣдѣ многихъ заврени, во дворь двовъ пришедшихъ, но ни одного изшедшихъ, и рече къ себѣ: во истину сѣи безумни суть вси, яко собращася тако ко дву: мною, яко вси погибоша. — Левъ же оныхъ вѣррей велѣхъ растераа и пицу себѣ на долго время готова.

Тѣмъ являя, яко мудрии человекъ во время потребно сѣти сильныхъ можетъ убѣднати, въ нуже простыя люди себе предають. Тако сотвори Рудольфъ цесарь Римскій, зане егда вопрошенъ бысть оъ князь своихъ, чего ради не приде воинно во Италию, яко же и прочїи цесари и королїи прежи ево, — отвѣща и рече къ нимъ: многахъ цесарей и королей стопы виждо вшедшихъ во Италию, ни одного же виждо съ радостію возвращающа, — и сказа имъ притчу вышесказанную. — Куспиніанъ.

(л. 43 об., гл. 54. *О лисицѣ безхвостыи*). Некогда яна лисицу и отсѣкоша сѣи хвостъ и отпустиша ю. Она же, видя себе тако обругану, недоумѣваше, что *клевретои* своимъ речесть. Пришедъ же послѣди къ нимъ и рече: се уразумѣла есмь, яко роду нашему не потребно имѣти хвосты, зане хвосты всю красоту нашу отсымають: того ради азъ хвостъ свои отсѣци повелѣла есмь, тако сотвориши и вамъ со вѣщаю. — Они же, видѣвши лукавство ея, и отвѣщаща сѣи: аще нави отрастетъ хвостъ твой, и тогда еще отсѣчиши, намъ зрѣющимъ, и мы такожде тогда сотворимъ.

Тѣмъ являя, яко мнози иже лишинася добраго своего имени, таковїи ищуть и клеветовъ своихъ въ томже видѣти: ибо злымъ есть обычай, егда приключится имъ зло, тогда и ближнему своему злое же желають. Такая лисица быше воевода Адальгерай, иже за некое преступленіе ить бысть и къ Северію цесарю приведенъ, иже въ поруганіе власы главы ево и бразу отстриши повелѣ и отпустиши. Егда же приде во страну свою, рече велѣмъ людемъ рода своего, яко при дворѣ цесарскомъ обычай новши есть — велѣмъ власы и бразу остригати, и тако велѣхъ предети, ибо вси такоже мало не сотвориша-....

Переводъ, какъ можно видѣти изъ этого примѣра, хорошъ для того времени: въ немъ ильть германшмовъ и фраза почти всегда соответствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка.

Концу XVII столѣтія принадлежатъ также переводъ тухуа произведенїи Саади и басня Ломана, сѣлѣнныи съ Шмел-

каго. Оба перевода находятся въ рукописяхъ Публ. Б-ки. Въ одной изъ нихъ, писанной скорописью XVII в. на 636 л., XVII. F. 4 изъ собранія Фролова, помещено — Юрій Андерсена описаніе восточныхъ Ізды и завоеванія Китая Татарами и Формозы Китайскими разбойниками, и даже *Крпной доль* Саади и басни Локмана. Другая рукопись конца XVII вѣка на 309 л., Толст. 1. 111 Публ. Б-ки XV. F. 12, заключаетъ только переводъ Саади и Локмана, но, судя по перемѣл листковъ и тетрадей, составляетъ только часть обширнаго тома, гдѣ находилось вѣроятно названное путешествіе и другія статьи. Первый листъ рукописи отлеченъ 1421, послѣдній — 1728. Заглавіе указываетъ вылетъ и на происхожденіе перевода: «Персидской крпной доль (т. е. знаменитый Гюлистанъ), въ которой много веселыхъ и пріятныхъ исторій, остроумные рѣчи, прибыльные ученія, основательные статьи и притчи (такъ же притомъ Персидского благоученнаго и славнаго Локмана склады и примѣры такожъ обрѣтается); и описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшихасадія, по Персидски описалось и для ево избранства и досторинства высоко почитаетца и волюблетца, и тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ переведена въ Швецкой языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія». Следовательно примѣръ подлиннаго нашего перевода было изданіе знаменитаго путешественника Олеарія (*Grässe, Liter.-Gesch.* 2, 3, 1004). Гюлистанъ написанъ въ 1258 г.; онъ состоитъ изъ восьми книгъ, раздѣленныхъ на главы, въ каждой находятся рассказы и анекдоты съ правдоучительными выводами и изреченіями, заимствованные или изъ исторій, или изъ собственной жизни поэта. Такое же соединеніе рассказовъ и морали представляетъ Бостанъ, написанный въ 1266 г. и переведенный у насъ изъ того же источника. Онъ помѣщенъ въ рукописи на л. 1643 — 1728 «Персидской *Дервшой садъ* . . . описано во Персидскомъ языкѣ отъ Шох-Мусладія Саадія Ширасского, и для ево изрядства изъ Персидского на Галанской языкъ переведенъ, и изъ того въ выской цесарской языкъ (т. е. hochdeutsch) переведено». Въ нашемъ переводчикѣ можно замѣтить неумѣнье совладѣть съ Швецкой фразой; для передачи мудреныхъ Шв-

мецкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большою частью не весьма удачныя.

Изъ того же сборника Олеарія взяты и *басни Локмана*, въ Толст. спискѣ на л. 1623—1643 подъ заглавіемъ «Премудрого Лохмона удивительныя (въ рук. изд...) склады и примѣры». При большомъ сходствѣ съ Езопомъ, басни Локмана имѣють и самостоятельныя сюжеты, такъ что опредѣлить ихъ взаимное отношеніе очень трудно. Ученые выражали по поводу ихъ совершенно различныя мнѣнія: одни хотѣли видѣть въ басняхъ Локмана заимствование Арабовъ, другіе подчиняли имъ басню Езопа. Имени Локмана, какъ и имени Греческаго баснописца, даютъ такъ же собирательное значеніе, считая приписанное ему собраніе не произведеніемъ одного лица, а сборникомъ, составленнымъ мало по малу, изъ стараго и новаго матеріала, и въ послѣдствіи утвердившимъ за собою знаменитое мудростью имя. Впрочемъ не сомнѣваются въ дѣйствительномъ существованіи Локмана, который упоминается въ 31-й сурѣ Корана; но преданья объ этомъ лицѣ очень разнообразны. — между прочимъ къ нему относятъ и нѣкоторыя приключенія, разсказанныя въ Шанудовой біографіи о Езопѣ. Число басенъ Локмана простирается теперь до 41, но въ старинныхъ переводахъ, между прочимъ въ нашемъ, извѣстны были только 37. Въ приглаголь, или, какъ говорить иногда нашъ переводчикъ, «причинахъ», по большей части повторяются сюжеты самыя общезнаменныя, напр. о львѣ и лисинѣ; о курицѣ, несшей золотыя яйца; о человѣкѣ, призывающемъ смерть; о конкѣ и тернугѣ и т. д., — сюжеты, съ которыми мы знакомы и по баснѣ Крылова.

Съ апологомъ мы встрѣтимся еще въ «Римскихъ дѣяніяхъ»; теперь упомянемъ одинъ разсказъ подобнаго рода, помѣщенный, безъ заглавія, въ Погод. сборникѣ, № 1964 л. 228—230 (нач. «нѣкому человеку творящу шествіе по пустыни, видѣ нѣкоего зѣлю превелика змѣя, з горы ползуша в подгоріе»). Въ апологѣ, можетъ быть переведенномъ съ Греческаго, разсказывается, какимъ образомъ человекъ едва не погибъ отъ коварнаго змѣя и спасенъ былъ заступничествомъ лисины.

О Локманѣ см. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 1, 454—456; — *Roth*, въ журналѣ *Philologus* 1853, 1-er Heft. 130—142 и мн. др.

VI.

Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльные рассказы того же сборника, въ другой редакціи: повѣсть о царѣ Агелѣ, притча о пастыряхъ и др. — «Зерцало Великое», историческіе рассказы правоучительнаго содержанія. Дидактическая сказанія: о царствѣхъ, о высокоумномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ.

«Римскія Дѣянія» или *Gesta Romanorum* были однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, откуда расходились по средне-вѣковой Европѣ чудесныя легенды и повѣсти самаго разнообразнаго содержанія. Дюлонгъ и другіе изслѣдователи романтической литературы справедливо называютъ *Gesta* главнѣйшимъ запасомъ, изъ котораго Итальянскіе новеллисты брали свои занимательные и живые сюжеты; потому что въ *Gesta* собрано множество рассказовъ, принадлежащихъ и классическому міру, и восточной поэзіи, и западно-Европейской литературѣ среднихъ вѣковъ. Происхожденіе этого замѣчательнаго сборника до сихъ поръ не объяснено положительно: одни, какъ Вартонъ, извѣстный авторъ Исторіи Англійской поэзіи, приписываютъ «Римскія Дѣянія» ученому бенедиктинцу Берхорію (*Berchorius, Bercheur, † 1362*); другіе, какъ Грессе и Моше, считаютъ авторомъ ихъ монаха Элианда (*Helinandus, † 1227*) и вообще относятъ составленіе сборника къ XIII—XIV столѣтію. Вѣрнѣйшимъ выводомъ изъ всѣхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ можно считать положеніе, что хотя какой нибудь монахъ и составилъ подобный сборникъ повѣстей и легендъ, но въ послѣдствіи онъ чрезвычайно измѣнился отъ вставокъ, сокращеній и интерполяцій: не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся другъ отъ друга, и притомъ не одними вариантами текста, но и выборомъ статей, такъ что древнюю Англійскую редакцію «Дѣяній» нѣмѣе принимаютъ за совершенно особенное произведеніе. Средне-вѣковая латынь «Дѣяній» легко бы могла указать своими варваризмами отечество составителя, но и здѣсь представляется много затрудненій, такъ-какъ въ позднѣйшихъ, извѣстныхъ теперь, текстахъ, кромѣ общихъ ошибокъ противъ языка, одинаково встрѣчаются и

германизмы и англицизмы и галлицизмы. Очевидно, что все эти признаки могли явиться только от последовательного влияния каждой национальности; основной текст мог раздробиться на несколько несходных редакцій от того, что въ одно и то же время переходить къ разнымъ читателямъ и подъ перомъ новыхъ передѣльвателей получалъ особенную форму.

Содержаніе сборника не точно опредѣляется его именемъ, потому что, кромѣ исторій, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ Римлянамъ, здѣсь вставлено очень много или сочиненныхъ разсказовъ, которымъ иногда приданы Римскія имена, или тогдашнихъ легендъ, анекдотовъ и народныхъ сказокъ. Причина заглавія находится, по видимому, только въ желаніи заинтересовать читателя именемъ славнаго народа, и подъ этой уважаемой эгидой удобнѣе передать извѣстные понятія и нравственныя убѣжденія. Компилятивный характеръ «Дѣяній» легко видѣть изъ цитатъ и ссылокъ этого сборника на другія книги; кромѣ древнихъ Римскихъ писателей здѣсь указываются и писатели средневѣковые; встрѣчаются даже ссылки на самыя *Gesta: legitur in Gestis Romanorum*, — подъ которыми понимаютъ впрочемъ не другое произведеніе этого имени, но вообще Римскую или древнюю исторію. Далѣе, въ «Дѣяніи» вошло много восточныхъ сказокъ и апологовъ изъ болѣе древняго сборника Петра Альфонза, изъ Латинской редакціи Каллима-па-Димны и другихъ источниковъ; составитель ихъ воспользовался и Латинскими хрониками, оставилъ притчи Варлаама, легенды, разсказы и анекдоты своего времени. Во всемъ этомъ отражаются однако понятія и нравы средне-вѣковой эпохи, которая видна и черезъ классическую обстановку; Латинская одежда не скрываетъ в тогѣ оригинальнаго смѣшенія восточной фантазіи съ полнѣею Европейской, какое произошло въ иныхъ повѣстяхъ «Дѣяній Римскихъ». Соединяя въ себѣ столь разнохарактерныя начала, этотъ сборникъ сдѣлалъ богатымъ хранилищемъ преданій, повѣстей и сказокъ, и составляетъ весьма замѣчательное звѣно въ исторіи «странствующихъ» разсказовъ, которое занимаетъ такое важное мѣсто въ литературѣ среднихъ вѣковъ.

Разнообразіе интересныхъ приключеній и анекдотовъ сдѣлало «Дѣяніи» одной изъ любимыхъ книгъ тогдашней Латин-

ской литературы; Итальянскіе и другіе рассказчики и повелители брали полную горсть изъ этого источника. «Дѣянія» имѣли в другое значеніе въ католическомъ обществѣ. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства проповѣдь и поученіе употребляли вспомогательнымъ средствомъ притчу, аллегорію и рассказы. Съ теченіемъ времени этотъ обычай усиливался болѣе и болѣе приложенію нравственныхъ началъ къ жизни въ примѣрахъ и сравненіяхъ и объясненіе ихъ въ притчахъ и постороннихъ разсказахъ стали почти необходимымъ элементомъ поученія, такъ что наконецъ въ проповѣди сдѣлались возможны и рассказы нѣсколько тривіальныя. Такъ Латинскіе проповѣдники пользовались при этомъ случаемъ Эзоповыми баснями; въ нашей литературѣ аналогическій примѣръ можно указать въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго. Когда въ эпоху крестовыхъ походовъ Европейскія литературы наполнились множествомъ произведеній восточнаго вымысла, западные проповѣдники воспользовались для своихъ цѣлей и ими; въ XV — XVI столѣтіяхъ появлялись даже особенныя сборники примѣровъ, сравненій и похвалъ, гдѣ проповѣдникъ могъ найти обильный запасъ матеріала. Другіе сборники не имѣли такого спеціального назначенія, служили назидательнымъ развлеченіемъ для монаховъ читались въ ректоріяхъ. Изъ многочисленныхъ произведеній этого рода, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи романтизма назовемъ болѣе извѣстныя: *Reductorium morale* Берхоріа, которому приписываются и «Примекія Дѣяній»; *Dialogus creaturarum*; *Moralisationes historiarum*; *Legenda aurea*; *Disciplina clericali* Петра Альфонза; сюда принадлежатъ наконецъ и *Gesta Romanorum*. Какъ чтеніе людей благочестивыхъ, рассказы «Дѣяній» получили особенныя нравственныя толкованія, такъ называемыя «морализаціи»: каждому апологу, каждой повѣсти, хотя бы даже чисто-историческаго содержанія, даваемо было мистическое объясненіе; аллегорію примѣняли даже къ анекдотамъ тривіальнымъ и обесценнымъ. Такимъ же образомъ упомянутый *Dialogus creaturarum* называется *optime moralizatus, jucundis fabulis plenus et omni materiae morali applicabilis*. Первое изданіе «Дѣяній» вышло 1472 г. въ Кельнѣ, безъ означенія времени мѣста изданія; оно называется — *Ex gestis romanorum* h

storie notabiles: de vitijs virtutibusque tractantes; cum applicati-
onibus moralizatis et mysticis. Incipiunt feliciter. Книга имела
огромный успехъ; до половины XVI вѣка Грецее насчитываетъ
почти пятьдесятъ изданій Латинскаго текста. Давно явились
изданія ея и на другихъ языкахъ, — Французское: *Le violier
des histoires Romaines*. — Нѣмецкое: *Das buch Gesta Romano-
rum der römer von den geschichten*, или: *Die alten Römer, Sittli-
che Historien vund Zuchtgleichnißen der alten Römer*, и др.

Вобщемъ о Gesta см. *Dunlop* 198—202; — Англійскій переводъ
Свана съ обширнымъ введениемъ: *Gesta Roman. etc. transl. by
the Rev. Ch. Swan, London 1824*. 2 voll.; — *Keller Ad.* *Gesta
Romanorum. Das ist der Römer Tat. Quell. u. Leipzig 1844*
подлинникъ изданъ Келлеромъ Stuttg. 1842; — *Grässe*, *Das
ält. Mährchen- und Legendenbuch d. christl. Mittelalters oder
die Gesta Romanorum* (новый Нѣмецкій переводъ «Даніи» по
разнымъ Латинскимъ редакціямъ), 3-te Ausg. Leipz. 1850.

Русскій переводъ относится, судя по языку и другимъ об-
стоятельствамъ, уже ко второй половинѣ XVII столѣтія, и сде-
ланъ съ Польскаго перевода, до сихъ поръ неизданаго из-
следователями «Римскихъ Даній». Переводъ нашъ называетъ
обыкновенно *Дни Римскіи* (т. е. *Dzieje Rzymskie*) или *Повѣсти
изъ Римскихъ Даній*, чѣмъ вѣрнѣе определяется содержаніе
нашей редакціи, заключающей въ самомъ дѣлѣ только часть
Латинскаго сборника. Въ большей части изданій Латинскаго
текста число главъ доходить до 181; въ нашемъ переводѣ
около сорока разсказовъ; морализаціи подлинника сохранены
потому что и у насъ подходили ко вкусамъ читателей. Руко-
писи перевода нашего довольно многочисленны.

— *Толст.* 1. 419 Публ. Б-ки XVII. F. 24 полуст. сборникъ
XVII—XVIII в. л. 826—875 исторія изъ Римскихъ Даній
повторяется и списана съ книжки *печатной* Польскаго
языка на Русскій; — 2. 15 Публ. Б-ки XV. Q. 8 рукоп. XVII в.
на 92 л. исторія изъ Римскихъ Даній, переведена ново и
списана съ *друкованной* с Польскою книжкою и языка на Ру-
скою. (sic.) — 35 повѣстей, неправильно перечислены. —
2. 442 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 238—248.

— *Инок.* Дубл. Б. кн. № 1713 рукоп. XVII в. из 173 л. -история с Римских дѣяній (sic) и т. д.; въ заглавіи написано названіе первой главы: — № 1714 «Дѣя Римскіа въ спискѣ XVII в.» — № 1775 рукоп. XVII в. из 194 л. Римскія дѣянія безъ начала, въ 39 главахъ; на л. 190—194 прибавлена «повѣсть о Удовѣ епископѣ Магдебургскомъ... трепетная и удивительная».

— *Румянец.* № 371 сборн. XVII в. л. 367—347 «Приклады дивнаго повѣсти къ человеческому житію устроено и къ душевному пристрою отъ исторіи Римскихъ дѣяній, нач. «повѣсть дивнаго устроения и къ екто благотворца и праведнаго судіи» и т. д., 6 повѣстей, изъ которыхъ одна не принадлежитъ Латинскому сборнику; въ четырехъ послѣднихъ есть морализаціи. Рукопись написана прекраснымъ уставомъ; заглавіе въ гравированной заставкѣ.

— Въ упомянутой прежде *Армянской* рукописи, по указанію г. Буслева, находится л. 1—71 собраніе разсказовъ, въ 37 главахъ, нач. «повѣсть дивнаго устроения и къ екто благотворца и праведнаго судіи»: далѣе гл. 2-я «о хитрости дьяволовъ и яко судьбы Божія неиспытаны и скрыты суть» и т. д., то есть опять Римскія Дѣянія.

— *Царск.* № 313 рукоп. 1691 г. на 196 л. Римскія Дѣянія, безъ начала и заглавія; на л. 126 написано почеркомъ XVIII в.: «сіи книга въ скукѣ отрата, когда Василій Федоровичъ въ судѣ, нескимъ время раздѣлить, — конечно замѣтка читательницы»; главъ 37; — № 310 по указателю должны имѣть Римскія повѣсти; — № 340 замѣчательный сборн. XVII в., составленный изъ нѣсколькихъ рукописей скалочнаго содержанія; 8-я изъ нихъ называется «Исторіи романтия, сирѣчь повѣсти избранныя, съ толкованіемъ надсказаніемъ, вышсано изъ *Римскихъ* и изъ иныхъ книгъ, яке нынѣ обрѣтаются въ сей вышереченной книгѣ, кратко собраныя и людемъ въ наученіе и къ покаянію издаваныя. Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи наша Вайтха Секелювича, типографа его королевского величества Польского, въ лѣто отъ Христова рожденія 1663 году. Нынѣ же милостію великаго Бога съ Польскаго языка на Словенскій преведены въ лѣто 7199 (=1691) году», — но мы думаемъ, что если переводъ сдѣланъ былъ въ это время, то это былъ переводъ вторичный, или передѣлка стараго повѣстей семь: — № 711 рукоп. конца

XVII в. на 247 л. «исторія изъ Римскихъ Дѣлій», переведена ново и списана съ друкованой съ Подольской книжныи и языка на Словенскій языкъ въ 37 главахъ; въ концѣ послѣдней повѣсти объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ, приписано: «у сей исторіи о Аполлонѣ начала не обрѣдохъ, с чего ишла, понеже бо яногіе листы *поставили и полюбили*, и того ради списать было нечего, а поставлена сія повѣсть в началѣ книги, а не на концѣ, а послѣ во другихъ поставлена повѣсть о пустышникѣ, сіи же начало прикладъ о хитрости дьяволетей, яко судьбы Божія неценитани и скрыты суть».

Въ разныхъ спискахъ «Римскихъ Дѣлій» счетъ главъ различенъ, по главному порядку, въ которомъ идутъ повѣсти, одинъ и тотъ же. Нѣкоторые «приклады» (= applicatio) встречаются въ сборникахъ и отдельными статьями, напр. исторія Аполлона короля Тирскаго и другіе. Отметимъ теперь повѣсти, вошедшія въ составъ Русскаго перевода «Дѣлій», въ томъ порядкѣ, какъ онѣ помѣщены въ Толст. рукописи 2. 15: указанія источниковъ повѣстей и ихъ распространенія сдѣланы отчасти по изданію Грессе и Лонгону, отчасти по нашимъ замѣткамъ.

— Первой главой въ упомянутомъ спискѣ поставленъ «прикладъ о гордомъ цесарѣ Евинянѣ и о его паденіи и яко Господь Богъ многожды гордымъ противится, а смиренныхъ возноситъ», нач. «Евинянь цесарь (sic) зѣло мохънъ въ Римѣ наповалъ» и пр., — *Gesta Romanorum* с. 59. Гордый цесарь Ювиніанъ былъ наказанъ тѣмъ, что лишился бытъ чудесною силою и царства и наружнаго вида своего: онъ превратился въ нищаго, никто не уважалъ въ немъ царя, и только искреннее покаяніе возвратило ему милость божію. Этотъ разсказъ былъ нѣсколько разъ переделанъ, напр. въ Англійскомъ стихотворномъ романѣ XIII столѣтія: *King Robert of Sicily*, въ старинномъ Нѣмецкомъ стихотвореніи: *der künig im bade* (с. d. *Hugen*, *Gesammtabenteuer*. Stuttgart u. Tüb. 1850. 3, сxx. 413 ff. ; во Французской *moralite* удержалось имя Ювиніана: *L'orgueil et présomption de l'empereur Jovinien* (Lyon 1581), но въ Испанской пьесѣ того же содержанія, принадлежащей XVII вѣку, выводится король Сициліи, Фридрихъ: въ другихъ даже Навуходоносоръ. Въ старой Чешской литературѣ такъ же былъ

известна kronika o Jowinianowi, cisaři Rímském (у *Иоанна*, стр. 66 — 67). В Румянц. № 371 л. 377 заглавіе повѣсти приведено такъ: «прикладъ повѣстію о горделивыхъ, глаголется о Евіанѣ ко всльнъ отъ Евы родившимся» и т. д.; это объясненіе имени Ювиніана повторено и въ «выкладѣ» т. е. морализации: «цесарь той можетъ нарещися всякъ свіанъ отъ Евы, человекъ сему свѣту подавившися, иже ради богатствъ, ради чести возносится гордостію». В Царск. № 440 цесарь названъ Октоліяномъ (л. 488); в Царск. № 711 и другихъ свискахъ, эта повѣсть составляетъ 2-ю главу.

— «Прикладъ о досконалости», нач. «Титусъ цесарь зѣло можныи» и пр., — Gesta с. 57.

— «Прикладъ о памяти смертѣи, чтобы человекъ не согрѣшалъ», нач. «былъ иѣкоторый князь, который охочь былъ ѣздить на ловъ», — Gesta с. 56. Страшная мстительность, о которой здѣсь идетъ дѣло, разсказана у Павла Діакона о Розамундѣ и Альбинѣ; то же передается въ 32-й повѣсти королевы Наваррской и другихъ повѣстяхъ и разсказахъ (*Dunlop 201. Grässe. Lit.-Gesch. 2, 2, 1120 — 23*).

— «Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляющихъ душу», нач. «король Титусъ можныи въ Римѣ королевствовалъ», — Gesta с. 102. Въ этомъ разсказѣ выражается средневѣковое вѣрованье въ силу волшебнаго зеркала и посковыхъ фигуръ, посредствомъ которыхъ можно будто бы умертвить человека отсутствующаго (ср. *Dunlop. 201. 486*). В Румянц. № 371, л. 401 «прикладъ о преступленіи души и о ранахъ ю, глаголетжеся о воинѣ, ходившемъ видѣти святую землю», переводъ этой рукописи отличается вообще многими и значительными вариантами. Повѣсть повторена между прочимъ въ знаменитомъ въ свое время сборникѣ Іоанна Паули: Schimpff vnd Ernst würrth das Buch genant. Wolchs durchlaufft der welt händel mit vilen schönen vnd kurtzweiligen Gleichniüssen etc. изд. 1535 (1-е изд. 1522), fol. xliij: wie ein Eeman durch zauberlist solt erschossen sein worden, — здѣсь измѣнены только собственныя имена.

— «Прикладъ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышленіемъ творили», нач. «цесарь Домоніянъ можныи и

зѣло мудрыи, паче же велии сираведливии». — *Gesta* с. 103. Купецъ продастъ Домиціану, какъ великое сокровище, три мудрыя присловья, и онѣ возвращаютъ свою цѣну, потому что три раза спасаютъ цезаря отъ несчастій. Сходные рассказы находятся въ 93 гл. *Dialogi creaturarum*, nr. 46 въ *Conde Lucanor*, Французскомъ старинномъ фавлье *du grand chemin* въ собраніи Леррана д'Осси, въ рассказѣ Нѣмецкаго фабулиста Бонера (*respice linem*, *Gödeke* 675), даже въ народной Кориналійской сказкѣ, упомянутой у Гримма (*Kinderu.* 2 Ausg. 3, 392—394). Та же повѣсть находится въ 591 главѣ другаго нашего сборника XVII в. «Зерцало Великое» Румянц. № 180: «царь купи премудрость у философа и тако прелести и смерти убѣжа» (нач. «юноша вѣкій благородный и зѣло искусный по царѣ взыте на престоль»), — и въ «Похожденіяхъ Ивана гостиняго сына», Ивана Новикова, Спб. 1785. 1, 194.

— «Прикладъ о хитрости женской и о застѣвленіи прелестившихся», нач. «Даріи король велии мудръ», — *Gesta* с. 120. Рассказъ о похожденіяхъ царскаго сына, получившаго въ наследство отъ отца золотой перстень — доставлявшій все, чего ни пожелаеъ бы его владѣлецъ, дорогія застежки — имѣвшій такую силу, что носящій ихъ на груди могъ исполнить все желанія своего сердца, и сукно многоцѣнное, на которомъ можно было летать, какъ на коврь-самолетѣ. Повѣсть, сходная съ знаменитой сказкой о Фортунагѣ и его волшебной шапочкѣ (*Grässe, Sagenkr.* 191—195). Въ Румянц. сборн. XVII в. № 363 она помѣщена на л. 543—553 подъ особымъ заглавіемъ: «о полатѣ шютетѣй» и пр., и въ нѣсколько исправленномъ переводѣ.

— «Прикладъ о несвячности (= неблагоприятности) человѣчестѣй» и пр., нач. «король нѣкоторый имѣеъ урядника надо веѣмъ панствомъ своимъ», — *Gesta* с. 119. Однажды этотъ урядникъ упалъ случайно въ ровъ, куда свалились также левъ, обезьяна и змѣя; когда одинъ поселенинъ освободилъ веѣхъ ихъ изъ пропасти, то зѣбри изъявили ему свою благодарность, а урядникъ забылъ оказанное ему благодареніе и даже оскорбилъ поселениша; цезарь или король, узнавши объ этомъ, напалъ урядника и отдалъ его мѣсто поселенину. Первообразъ

повѣсти находятъ въ Панча-тантрѣ, откуда она повторилась въ Арабской Калиль-ва-Димнѣ и въ Греческомъ Стефанитѣ; съ востока привезъ ее будто-бы Ричардъ Лышное-Сердце.

— «Прикладъ яко не имѣти вѣрити женамъ, ниже таинъ имъ объявляти», нач. «быль пѣкоторый рыцарь», — *Gesta* с. 124. Жена рыцаря открываетъ вѣренную ей тайну при первомъ неудовольствіи на мужа, который предвидѣлъ это и обмануль ее, сказавши, что онъ убилъ одного путника. Это произошло по слѣдующему случаю: король разгнѣвался однажды на рыцаря и обѣщалъ простить его только тогда, когда рыцарь придетъ къ нему ни пѣшкомъ ни верхомъ, и приведетъ вѣрнаго пріятеля и утѣшника и невѣрнаго друга. Рыцарь исполнилъ первую задачу тѣмъ, что, входя на царскій дворъ, онъ сталъ одной ногой на свою собаку, а другой шель; на вопросъ короля о вѣрномъ его другѣ, рыцарь указалъ на собаку: онъ нанесъ ей жестокою рану мечемъ, но, несмотря на то, отбѣжавшая собака снова вернулась по его призыву: утѣшникомъ своимъ рыцарь назвалъ сына, котораго держалъ на рукахъ; невѣрнымъ другомъ выставилъ жену, которая оскорбившись его словами, тотчасъ же обвинила мужа передъ королемъ въ мнимомъ убійствѣ путника. Когда слова жены оказались несправедливыми, рыцарь объяснилъ, почему онъ считаетъ жену невѣрнымъ другомъ, и почему обмануль ее такимъ образомъ. — Тотъ же рассказъ находится въ *Cento novelle antiche*, с. 100; и другихъ сборникахъ (*Dunlop* 214). Замѣчательно, что точно такія же загадки и такое же разрѣшеніе ихъ упоминаются въ Русской народной сказкѣ: не зная ближе этой послѣдней, мы не можемъ однако опредѣлить, было ли здѣсь доисторическое родство мифовъ или позднѣйшее заимствование (см. *Пушкинъ*, изд. Аппенг. 1, 122 прим.). Гриммъ указываетъ много сходныхъ Германскихъ преданій, но все онѣ имѣютъ довольно далекое отношеніе къ рассказу «Римскихъ Дѣлій» (*Kinderm.* 2 Ausg. 3, 175—177). Въ упомянутой Румянц. рукописи, F° 363 эта повѣсть помѣщена опять съ другимъ заглавіемъ, л. 553—557 «о невѣрности и вѣрности тѣла» и пр., и въ другомъ изложеніи.

— Другіи прикладъ, яко не подобаетъ женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити», нач. «Дакробіусъ (sic), славнымъ дѣлїемъ си-

сатель, пишет», — *Gesta* с. 126. Известный рассказ о Римском юнине Папирин или Макробий (*Satur.* II, 6); он встречается намъ въ старинныхъ сборникахъ и въ другомъ переводѣ; третья редакция находится въ сборникъ шуточныхъ анекдотовъ, XVII вѣка, подъ названіемъ «Смѣхотворныя повѣсти».

— «Прикладъ о неправдѣ и о лакометѣ, ко обличенію таковыхъ», нач. «Максиміанусъ, король мажыи, королевство-нагъ», — *Gesta* с. 128.

— «Прикладъ о сталости въ добрыхъ учинкахъ» и пр., нач. «былъ и некоторый король въ земли английской», — *Gesta* с. 172. Это — исторія «о двухъ рыцаряхъ о Гвидонѣ и о Тирусѣ», записанная г. Сахаровымъ въ списокъ Русскихъ сказокъ (Р. Нар. Сказки 1841, стр. 111).

— «Прикладъ, что правда избавляетъ отъ смерти», нач. «былъ единый цесарь мажыи, а въ его государствѣ было два рыцаря», — *Gesta* с. 171. Повѣсть перешла въ *Дѣянія* или Петра Альфонза *Disciplina clericalis* с. 3; въ значительной передѣлкѣ повторяется она въ Декамеронѣ X, 8., и другихъ сборникахъ; подобный рассказъ находятъ наиримѣрь въ Тысячъ и Одной ночи (*Dunlop*, 251).

— «Прикладъ о правдѣ Божіи, яко суды Божіи скрыты», нач. «былъ и кѣи король лютой», — *Gesta* с. 127.

— «Прикладъ о пожитку во всѣхъ существъ вѣсехъ», нач. «король и некоторой былъ велики силенъ», — *Gesta* с. 74. Рассказъ, который мы уже видѣли въ притчѣ Варлаама «о земствованіи прѣ»; въ редакціи «Дѣяній» къ нему прибавлено только другое начало. Царск. I, 711, гл. 15.

— «Прикладъ, яко всякій пастырь попечение имать о оупахъ», нач. «стать и некоторый шель былъ въ домѣ и некоторого богатаго, въ ночь», — *Gesta* с. 136. Хозяинъ дома употребилъ хитрость и воръ попался къ нему въ руки: первообразную редакцію указываютъ въ Камилл-ва-Думиѣ, откуда исторія, черезъ Латинскій переводъ Юанна Кануанскаго, явилась въ *Disciplina clericalis*, с. 25; она известна и по Французскому *fabliau du voleur, qui voulut descendre sur un rayon de lune* (*Dunlop* 195), и находится такъ же въ предисловіи или введеніи къ Греческому Стефану и Нихилату (*Abrivillius, Prolegomena* p. 33—36).

— «Прикладъ о странномъ судѣ», нач. «былъ и некоторый король велемогущий», — *Gesta* с. 143. Заимствованъ изъ «Варлаама и Иоасафа», и по мнѣнію Грессе составляетъ предѣльную исторію о Дамоклѣ, у Цицерона, *Tuscul. V. 21*.

— «Прикладъ о дву лъкаряхъ», нач. «были въ некоторомъ градѣ два лъкаря, свидѣтельствованы въ наукѣ докторской», — *Gesta* с. 76.

— «Прикладъ о лести дьяволстей», нач. «шли и некогда три товарища, и прилучися имъ и въ некоторое время, что не имѣли что поѣсть», — *Gesta* с. 106. Они рѣшили отдать оставшіеся у нихъ кусокъ хлѣба тому, кто увидитъ лучшій сонъ: двое изъ нихъ тотчасъ легли спать, а третій между тѣмъ съѣлъ весь хлѣбъ. Проснувшись, первый рассказывалъ, что видѣлъ себя на небѣ; второй, что видѣлъ обитателей ада; третій сказалъ имъ, что ангель показывалъ ихъ ему, одного на небѣ, а другого въ аду, и что такъ какъ имъ уже не было нужень кусокъ хлѣба на землѣ, то онъ и рѣшился съѣсть его одинъ. Этотъ апологъ, которому приписываютъ восточное происхожденіе, имѣлъ чрезвычайно обширную извѣстность въ средне-вѣковой поэтической литературѣ. Онъ помѣщенъ въ с. 20 *Discipl. clericali*, въ предѣланномъ изъ нея Французскомъ *Castoïemen (Barb. et Meon, Fabliaux 2, 127—130)*; отсюда въ позднѣйшихъ сборникахъ: *Facét. journ. p. 152. Nouv. contes à lire p. 273*, гдѣ дѣйствующими лицами выведены Испанецъ и Гасконецъ; далѣе въ Итальянской повелѣ Джіованни Чинтіо (*Dunlop 280*), въ Нѣмецкомъ разсказѣ Бонера (*Gödeke 667*), наконецъ во многихъ другихъ литературныхъ памятникахъ и доселѣ повторяемыхъ народомъ анекдотахъ.

— «Прикладъ, что въ правду не повѣдати», нач. «былъ и некоторый король, именованъ Асмедусъ», — *Gesta* с. 58. Исторія о томъ, какъ преступникъ спасается отъ смерти, сказанная судьямъ своимъ три непреложныя истины; Гриммъ указываетъ Англійское народное преданіе того же рода: Артуръ, заблудившись, пошелъ въ пещеру великановъ и спасся отъ смерти только тѣмъ, что сказалъ такія три истины, противъ которыхъ нельзя было возражать (*Kinderim. 3, 373—374*).

— «Прикладъ, чтобы бракъ соблюдало», нач. «Дамусъ (т. е.

Gallus' король велики мудрыи», — Gesta с. 69. Рассказ о волшебной рубашкѣ, которой нельзя было наноситься и не нужно было мыть, если только супруги были верны другъ другу: этой повѣсти приписываютъ восточное начало.

— «Прикладъ, како жертву приносить Богу», нач. «король и некоторыи дананской имѣль совершеную любовь ко тремъ королямъ», — Gesta с. 47. Эпизодъ изъ легенды о трехъ царяхъ восточныхъ, приходившихъ въ Визюемъ. Легенда и прежде имѣла обширную известность и теперь занимаетъ не последнее мѣсто въ народной Швецкой литературѣ (см. въ *Simrock's D. Volksb.* 4, 419—474). Изъ «Римскихъ Дѣлій» повѣсть перешла въ другіе сборники и *Specula*, и появилась въ другой разъ на Русскомъ языкѣ въ переводѣ «Великаго Зерцала», Румянн. № 180, т. 1. 835 «три царя имѣющаго къ нимъ въру дунскаго царя злаго и яридными даими обогатиша».

— «... что праведнии выидуть въ царство», нач. «некоторый король быль мудрои, велики богаты», — Gesta с. 45. Передѣлка рассказа о судѣ Соломоновомъ, находящагося и въ упомянутомъ предѣ фэбльо *le jugement de Salomon Barb. et Meon*, *Fabl.* 2, 440—442', но вмѣсто спора объ имѣнь, здѣсь дѣло идетъ о правѣ на престолъ трехъ сыновей одного короля.

— «... яко суетно есть вѣселие мірское», нач. «Веспегіанусъ можныи королествовалъ», — Gesta с. 63. Довѣльно далекая передѣлка исторіи Тезей и Ариадны, съ присочиненнымъ началомъ.

— «Прикладъ къ добрымъ дѣламъ», нач. «король и некоторый имѣль красную дѣвку (т. е. дочь), которую велики любилъ», — Gesta с. 66

— «... яко въ правду неповѣдати подобастъ», нач. «король Гдіанусъ (т. е. Gordianus...) справедливыи королествовалъ», — Gesta с. 68.

— «... къ сокрушенію сердца», нач. «быль король велеможныи, имѣль едину дѣвку (== дочь, красну и мудроу», — Gesta с. 70. Исторія въ родѣ сказокъ съ загадками: воинъ женится на царекѣи дочери, когда стужеть разрѣшить три загадки ей.

— «Чтобы неблагодарство не творили», нач. «некоторый король быль велеможныи и имѣль единого сына», — Gesta с. 72.

Сынъ, получивши наследство при жизни отца, сталъ притѣвлять его и былъ за то наказанъ.

— «Яко лакомство многихъ ослѣпляетъ», нач. «въ Римѣ былъ король, а заповѣдь у него была такова», — *Gesta* с. 73. Царск. № 440 об. л. 314—316.

— «Яко всякіи грѣхъ бываетъ отпущенъ», нач. «рыцарь былъ въ Римѣ (Юліанъ) и выѣхалъ на поле и гналъ оленя и загналъ отъ дружины своей velmi далеко», — *Gesta* с. 18. Рыцарь, по невѣдѣнію, убилъ своихъ родителей и потомъ искупилъ грѣхъ раскаяніемъ и добрыми дѣлами; содержаніе повѣсти взято изъ западныхъ легендъ, но указываютъ такъ же подобный Индійскій разсказъ.

— «Чтобы памятвали добродѣйства всякаго», нач. «въ Римѣ жь былъ рыцарь и выѣхалъ на ловъ», — *Gesta* с. 104. Легкая передѣлка исторіи о львѣ Андрокла, изъ «Аттическихъ Повѣей» Авла Геллія V. 14.

— «Чтобы обѣты исполняли всякіе къ Богу и человѣкомъ», нач. «были нѣкогда два лотры (разбойницы)», — *Gesta* с. 108. Извѣстный разсказъ о дружбѣ Дамона и Пиноя, у Цицерона *Tuscul. V. 22, de Off. III. 10* и др., повторенный также въ *Dialog. creatur. с. 56*.

— «Чтобы лакомства остерегались», нач. «коваль нѣкто былъ velmi лакомъ и velmi богатъ», — *Gesta* с. 109. Довольно далекій варіантъ притчи Варлаама, поучающей, «яко не по вѣшнимъ одеждамъ подобаеъ челоуѣка почитати».

— «О важности и вѣрности», нач. «въ Римѣ при нѣкоторомъ королѣ повманъ нѣкоторой юноша отъ разбойниковъ», — *Gesta* с. 5. Заглавіе, недостающее въ Толст. 2. 15, прибавлено нами по другой рукописи: въ оглавленіи оно неправильно означено «прикладный живопись Алексѣя челоуѣка Божію». Разсказъ о томъ, какъ одинъ молодой челоуѣкъ попалъ къ морскимъ разбойникамъ, былъ освобожденъ дочерью предводителя ихъ, и потомъ женился на ней, — напоминающій 236-ю ночь съ Тысячи и одной ночи. Царск. № 440 л. 513—518, № 711 об. л. 197—202, Подол. № 1775 гл. 35-я.

— «Повѣсть о Апполонѣ королѣ Турекомъ, velmi полезна», нач. «Антиохъ король velmi силенъ», — *Gesta* с. 153. Объ этой исторіи скажемъ далѣе.

— «Прикладъ — прозрѣнію Божию никтоже можетъ противитися», нач. «цесарь Кондратъ велеможный въ некоторомъ градѣ господствовалъ», — *Gesta* с. 20. Эта повѣсть, рассказанная также въ Шмемской сагѣ объ имп. Генрихѣ *Grimm*, *D. Sagen* 2, nr. 480, въ другихъ сборникахъ, и именно въ «Золотыхъ легендахъ» Кветона и Якова de Voragine, относится къ папѣ Пелагію. Подобные мотивы представляетъ и Шмемская сказка о чортѣ съ тремя золотыми волосами (*Grimm*, *Kinderm.* nr. 29, 3, 58). Въ Толст. спискѣ это — послѣдній, 35-й, прикладъ: въ концѣ написано: «конецъ исторіе и дланію ижъ в Румѣ бысть», на оборотѣ: «сія книга, глаголемая божественная исторія....» Остальныя повѣсти приводимъ по другимъ спискамъ.

— «Прикладъ о хитрости дѣволетей и яко суды Божія неиспытаны и скрыты суть» въ Рум. .J^o 371 об. л. 370—377, нач. «бѣ ивѣи отецъ пустышникъ, иже живаше въ ивкоей пещерѣ»: въ Царск. .J^o 711 и др. первой главой сборника поставленъ тотъ же прикладъ «о хитрости дѣволетей, яко судбы Божія неиспытаны суть», — *Gesta* с. 80. Исторія объ отце пустышникѣ находится также въ фавльо de l'hermite qu'un ange conduisit dans le siècle *Legrand*, *Fabl. ou contes*, Paris 1779, 2, 1—13), въ старинномъ Французскомъ собраніи *Vies des peres*, въ *Sermones de tempore* Герольта, Шмемкаго доминиканца конца XV в., и пр. (*Dunlop*, 200, 309—312), наконецъ въ «Задигѣ» Вольтера (*ch. xx, Hermite*).

— «Прикладный животъ св. Евстаѳія и о превращеніи блудящаго», 34-я глава въ *Погод.* .J^o 1775, Царск. .J^o 711, — *Gesta* с. 110. Ср. Царск. .J^o 440 л. 300—314, .J^o 441 л. 32—70 и др. Содержаніе взято изъ легенды о Пласидѣ.

— «Прикладный животъ св. Алексѣя челоука Божія», въ разныхъ спискахъ «Дланій», въ *Погод.* .J^o 1775-й гл. 33-я, — *Gesta* с. 15. Такъ же взято изъ павлетной легенды (ср. *Haupt's Zeitschrift für deutsch Alterth.* 3, 534—576).

— «Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божіи и почитаніи св. Григорію», въ Погод. № 1775 гл. 39-я и последняя, нач. «король единъ именемъ Пашкуръ крадевалъ», — *Gesta* с. 81. Въ Царск. № 440 заглавіе передано такъ: «повѣсть о дивномъ смотрѣнію Божіимъ и о почитаніи св. Григорія папы Римского, и да никтоже да не отчаявается своего спасенія» л. 465—488. Ср. Царск. № 420, л. 1, подъ 12 марта; Руманц. № 370 л. 114—117 «повѣсть зѣло полезна о преподобіимъ отцѣ Григоріи папѣ Римскомъ и о житіи его», — по Востокову, житіе ажесоставленное; Толст. 2. 175 Публ. Б-ки XVIII. Q. 18, л. 287 нач. «сеи... Григорен... родися отъ королевскаго роду: дѣдь же его отиде отъ житія сего» и т. д. Въ этой исторіи повториется очень извѣстная средневѣковая легенда *Gregor auf dem Steine* (*Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 2, 953. *Cholevius*, 166 ff.), которая у насъ извѣстна была и въ другой редакціи, какъ напр. въ нѣкихъ изъ указанныхъ выше рукописей.

Сравнивая разные списки «Дяній», можно придти къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Варианты ихъ касаются не отдельныхъ фразъ и словъ, но цѣлаго характера изложенія, такъ что въ однихъ спискахъ болѣе замѣтно вліяніе Польскаго подлинника, въ другихъ господствуетъ обыкновенный книжный языкъ XVII столѣтія, соблюдаемый довольно правильно. Слово «переведенный», какъ называются постоянно повѣсти изъ Римскихъ Дяній, не показываетъ впрочемъ вторичности перевода, потому что сначала у старинныхъ грамотеевъ *переведенный*. Ни имя переводчика, ни время не определены, по обыкновенію, и здѣсь; сомнительность 1691-го года мы замѣтили прежде, — быть можетъ, къ этому времени относится передѣлка стараго перевода. Въ измѣненіи текста многое, конечно, должно отнести къ переписчикамъ, участіе которыхъ легко обнаруживается передѣлкой Ювianiана въ *Евѣаніи* и т. п.; но во всякомъ случаѣ нужно предположить очень длинный рядъ послѣдовательныхъ копій, чтобы достигнуть до такихъ обширныхъ вариантовъ. Первоначальный характеръ языка вообще должно держаться съ большей или меньшей силой, такъ что списки весьма поздніе сохраняютъ много Польскихъ словъ перваго подлинника: потому совершенное почти впаденіе ихъ

должно объяснять подлимым исправлением старого перевода. Наши «Цвѣтїя», какъ и другїя повѣсти, занесенїя къ намъ въ XVII столѣтїи, представляютъ мало національныхъ примѣненїй, но при всемъ томъ были читаны охотно, потому что удовлетворяли въ благочестивой настроенности нашихъ предковъ и любви къ занимательному чтенїю. «Римскїя Цвѣтїя» отличаются тою же непосредственной правдою, какая правится въ старинныхъ Французскихъ фавляхъ, и вмѣстѣ добродушнымъ желанїемъ «снучать», которое принадлежитъ и другимъ средне-вѣковымъ произведенїямъ этого рода. Некоторые рассказы напр. въ *Disciplina clericalis*, были бы на своемъ мѣстѣ только въ *Decamerone* или въ *Cent nouvelles nouvelles*; «Цвѣтїя» несколько строже въ этомъ отношенїи, но нельзя не согласиться, что и ихъ средства поученїя не всегда безукоризненны.

Некоторые повѣсти, занесенныя въ *Gesta Romanorum*, извѣстны были у насъ и по другимъ редакціямъ, и появились вѣроятно раньше Русскихъ «Цвѣтїй». Не говоря о жизнеописанїяхъ Евстафія, Алексѣя Божїя человека и даже Григорїя нашего Римскаго, которыя легко могли имѣть у насъ и Византїйское происхожденїе (потому что Греческая легендарная литература имѣла прелесть много общаго даже съ легендой чисто-латинскою), — есть некоторые признаки, подтверждающїе, что и другїе рассказы Римскихъ Цвѣтїй пришли къ намъ изъ Византїйскаго источника. Такова, по нашему мнѣнїю, *притча о великомъ велможа* (иначе «бѣгство въ Римской области, въ некоемъ графѣ, и вѣки царь» въ упомянутомъ Погод. сборникѣ, V 1964, гдѣ притча помѣщена тогдѣ послѣ Стефанита и Пхилата, об. л. 224 — 227. Содержанїе рассказа то же, что въ 119 главѣ *Gest. Rom.*, уже отмѣченной нами въ Русскомъ переводѣ, но изложенїе особенное, и едва ли не выказывающее Греческаго оригинала; по крайней мѣрѣ, складъ языка и книжничья форма его очень близки къ тѣмъ, какія представляетъ Стефанитъ. Въ этомъ послѣднемъ находится прелесть подобный рассказы, но они не вошли въ Русскїй переводъ Стефанита; кроме того «притча о великомъ велможа» указываетъ дѣйствию въ *Римской области*. Быть можетъ, повѣсть о велможа находится уже въ

той рукописи Греческой, которая служила подлинником для Славянского переводчика Стефанита, и рассказ «Царий» явился у нас прежде всего под редакциею Византийской.

Та же притча о вельможѣ встрѣчается под другимъ заглавіемъ: — *Царекано* (№ 440 сборн. XVII в. л. 371—380) притча о населникѣ и о дворцкомъ царевѣ, и како его избави от лютыя смерти, нач. бысть въ Римской области, въ искомъ градѣ, царь и кѣи, и больше близкаго человека: — , № 453 сборн. нач. XVIII в. л. 242—249, и *Иудомекано*, сборн. XVIII в. повесть о искомъ царевѣ дворцкомъ и о населникѣ, сиречь о крестьянинѣ. Врем. кн. 14.

Сюда принадлежит и очень известная въ старину *повѣсть о царѣ Агѣи*, како постради гордости ради. Царь Агѣи возгордился своимъ величіемъ и счастіемъ, и услышавъ однажды чтеніе Евангельскихъ словъ «богатіи обнищаша и нишии обогатѣша», назвалъ ихъ несправедливыми и велѣлъ вырвать листы Евангелія, гдѣ онѣ были написаны. Богъ наказалъ его. Однажды царь погнался на охотѣ за оленемъ, олень перенялъ зрѣнку, царь снялъ съ себя платье и помылъ туда же, а въ это время ангель надѣлъ его одежды, и принятый вѣлми за царя возвратился во дворецъ Агѣи. Между тѣмъ, когда настоящий царь перенялъ рѣку, олень исчезъ и Агѣи остался одинъ, безъ одежды: всѣ, кого ни встрѣчалъ онъ, не хотѣли признать его царемъ, говоря, что видѣли царя, схавнаго въ гороль. Долго блуждалъ Агѣи безъ приставина и безъ ниши, занимался въ работу, но его прогоняли, потому что онъ былъ не привыченъ къ труду. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ невѣрїи, каился и просилъ у Бога прощенія: онъ присталъ наконецъ къ нишиму, которые взялись кормить его съ тѣмъ, чтобы онъ несъ ихъ сумы; въ городѣ нишии были призваны къ царю, который велѣлъ угостить ихъ, по случаю праздника; здесь ангель, занявшій мѣсто царя, привелъ раскаявшагося Агѣи въ особенную комнату, возвратилъ ему престолъ и вѣлъ его, отдалъ корону и скипетръ, и скрылся, велѣвъ держать все происшедшее въ тайнѣ. Агѣи спочать царствовать по престолу и зѣло милостивъ бысть ко всякому человеку и благоумно жити». По

вѣсть эта представляет близкий вариантъ приклада о цесарѣ Юстиніанѣ и нѣсколько короче его; она была вѣроятно такъ же переводомъ Греческаго разсказа, явшагося изъ «Цяній» или одного съ ними источника.

Списки — Толст. 2. 342 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 460—462 повесть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Аггеѣ, како пострада гордостю ради.

— Царек. № 310 сборн. XVII в. л. 269—272 загл. такъ же, нач. «бысть во градѣ Филууѣ царь, именемъ Аггеи, славень зѣло, и стояше оу заустренѣ». № 392 сборн. новин л. 16—23.

— Погод. сборн. XVII—XVIII в. № 1773 об. л. 83—90 сия повесть преславная и душеполезная како царь Аггеи пострада отъ слова Божіа и гордостю ради, нач. «бысть во градѣ Филуменѣ царь, именемъ Аггеи, славень зѣло».

— Забѣлша, въ сборн. XVIII в. № 69, л. 33—35 повесть преславная и прд. нач. «бысть въ городѣ Филумени царь, именемъ Агги, зѣло славень бысть, и стоялъ въ перекѣ, когда пѣли обѣдню». — Замѣчательно, что въ другомъ Забѣл. спискѣ этой исторіи, XVIII в., № 82, поставлено «повесть о царѣ Аггеи — выписано изъ книги *Русскихъ дѣлъ*, т. е. *дѣл* или «Цяній».

Повесть о *пугачицкѣ*, въ 80 главѣ Латинскихъ «Цяній», едва ли не существовала въ подобной второй редакціи. Въ Маркаръевскихъ Мисеяхъ, подъ 21 Ноябрь, находится «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ» нач. «бже пѣкѣи отходникъ»; та же статья въ сборникѣ нач. XVIII в., Б-ки М. Общ. № 211, об. л. 196 «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ, молитву о нихъ пѣкому черноризцу, дабы испатать судьбу Божію» нач. «бже пѣкѣи черноризецъ, исполни всея добродѣтели». По видимому, здѣсь долженъ повториться разсказъ того же содержания.

Замѣтимъ наконецъ одну повесть, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Русскихъ «Цяній». Въ упомянутой Архивной рукописи и Румянц., № 370, об. л. 367 помѣщенъ этотъ *прикладъ дивнаго устройства никого благоговорца и праведнаго судии* (нач. «во градѣ *Римствѣ*, по случаю житія, наче же добрыхъ всѣхъ датели Бога промытомъ, иже возставлетъ отъ

гноша и посаждаетъ съ могущима» и пр. — о томъ, какъ одинъ вельможа, достигшій этого высокаго званія изъ простаго сословія и единственно своими заслугами, былъ обвиненъ предъ царемъ въ злодѣйскихъ умыслахъ и чародѣйствъ, которыми онъ занимается будто бы въ отдаленной и скрытой отъ другихъ комнатъ своего дворца. Царь повѣрилъ клеветъ и однажды печально засталъ вельможу въ его таинственномъ уединеніи. Въ этой комнатѣ царь увидѣлъ драгоцѣнный ящикъ, а въ немъ бѣдную отелду: вельможа объяснилъ ему, что приходится сюда вспоминать свою прекрасную судьбу, учиться смиренію и не гордиться настоящей славой. Царь тронутъ былъ его скромной добродѣтелью и поручилъ вельможѣ правленіе велѣмъ государствомъ. По характеру своему повѣсть шонинъ соответствуетъ разсказамъ изъ «Цыгній», рядомъ съ которыми поставлена въ рукописяхъ, но мы не встрѣтили ея въ Латинскомъ сборникѣ. Во всякомъ случаѣ она имѣетъ какое нибудь отношеніе къ «Цыгнѣмъ», тѣмъ болѣе, что и по мѣсту дѣйствія принадлежитъ къ *Рискииз* повѣстямъ.

Зажѣтныя здѣсь и некоторые другіе разсказы, не встрѣтившіяся даже въ рукописяхъ Румши и Тожд.: В кн М.Общ., I 223, л. 770, 829 и пр., которае могутъ относиться сюда по значительному содержанию.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ «Цыгнѣхъ», выразилось назидательное направленіе въ другомъ сборникѣ повѣстей, переведенномъ на Русскій языкъ въ XVII столѣтіи. Это — въ буквальный смыслъ *Великое Зерцало*, списки котораго, полные или чаще въ извлеченіи, по нѣскольку находятся въ каждомъ значительномъ собраніи. Названіе сборника вполне оправдывается его величиною: число повѣстей, въ немъ помѣщенныхъ, простирается почти до девяти-сотъ и книга въ нѣбомъ видѣ своемъ представляетъ огромный фолиантъ. По свидѣтельству Калайдовича, въ Синодальной б-кѣ находится три списка этого произведенія, отчасти несходные: въ первомъ изъ нихъ, заключающемся 781 притчу, упоминаютъ переводъ книги съ Польскаго; во второмъ, принадлежавшемъ патр. Мртіану и раздѣленномъ на 652 главы, сказано, что Великое Зерцало притчей или при-

логовъ отъ многихъ исторій и отъ перешныхъ многихъ учителей собранное неизветнымъ, сперва было написано на Латинскомъ, потомъ Румяншиномъ Уніатомъ Герономахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на Польскій, а наконецъ по желанію и повелѣнію царя Алексея Михайловича переведено на Словенно-Россійскій языкъ въ 1667 году; третій списокъ «Зерцала» имѣетъ 821 главу. См. Рум. Муз. 226. Еще обширнѣе «Зерцало» Румяншевскаго Музея, № 180, писанное въ двѣхъ полууставахъ XVII вѣка, и заключающее 862 главы или повѣсти; одно оглавленіе его занимаетъ 27 л. Книга эта — одно изъ тѣхъ Зерцалъ, которыя были такъ многочисленны и такъ любимы въ западно-Европейскихъ литературахъ среднихъ вѣковъ (ср. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 2, 272, 711 ff.). У насъ Зерцала такъ же появились особенно въ XVII столѣтіи, и переводились съ Латинскаго и Польскаго, или съ Греческаго; кромѣ «Великаго» были: Зерцало міроразительное, богословское, естественнорительное, Зерцало человека христіанскаго, и другія. «Великое Зерцало» было переведено съ Польскаго, — первое Польское изданіе вышло, какъ кажется, въ 1621 г. въ Краковѣ; въ другомъ оно имѣетъ слѣдующее длинное заглавіе, въ которомъ объясняется и исторія самой книги: *Wielkie Zwierciadło przykładowe, więcey niżli z osmiudziesiąt pisarzow, pobożności, nauka i starowieczności przeznaczonych: także z rozmaitych historyy i traktatow kościelnych wyjęte przez iednego niemianowanego który żył okolo roku 1480, potym przez x. Jana Maima S. J. dowodem sąmych autorow objaśnione: tudzież więcey niżli dwiema tysiącami przykładow rozmaitych szeroko rozwiedzione, potym przez x. Antoniego Damasciusa S. J. który wiele znamenitą siegę Flores Exemplarum wydal?, szerzey napisane; a na ostatek przez x. Szymona Hyspockiego S. J. na polskie znouw przelożone, a teraz świeżo po trzeci raz przez x. Jana Lesiowskiego S. J. z przyczynieniem wielu przykładow y poprawą wielu omylek sporządzone. W Krakowie 1633 f. 1467 стр. (См. *Jochera, Obraz* 2, 348; о Baconовомъ *Maciejowski, Polska pod względem obyczajow etc.* 1, 403. *Pisania* 3, 30. 310).*

Списки — Румянц., № 180 полное Зерцало, XVII в., № 1363 сборн. XVII в., № 1 — 157 выборъ главъ Зерцала 87 стр., полн. на-

званіем «духовные приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя отъ Великаго Зерцала, въ честь и во славу Богу и челоуѣкомъ въ душевную пользу»: въ переводѣ есть варианты противъ другихъ списковъ.

— Б-ки Моск. Общ., только выборки № 213 сборн. 1681 г., № 62 сборн. XVIII в.; № 209 сборн. нач. XVIII в. л. 100—231 «духовные приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя (отъ Великаго Зерцала съ Польскаго языка на Словенскій языкъ и пр., — въ другомъ мѣстѣ г. Строевъ считаетъ Зерцало переведеннымъ съ Латинскаго, неизвѣстно почему. — см. также № 200, 323 и др.

— Царск. № 139, рук. XVII в., въ листъ, на 633 л. полный списокъ Зерцала, но въ гравированной заставкѣ на л. 32 позифе написано «духовные приклады» и пр., заглавіе, принадлежющее извлеченіямъ изъ Зерцала; главы 858; — въ прочихъ рукописныхъ выборки № 140, 163, 168, 182, 184, 192.

— Толст., также извлеченія 2, 257, 383, 402; 3, 3, 21, 4, 48 и др.

Содержаніе сборника достаточно опредѣляется его происхожденіемъ: онъ заключаетъ въ себѣ повѣсти назидательнаго характера, короткіе рассказы о разныхъ случаяхъ челоуѣческой жизни, гдѣ проявляется сила вѣры, доказывается опасность грѣха, польза покаянія. Существенное отличие Зерцала отъ Римскихъ Деяній состоитъ въ томъ, что оно исключительно держится фактовъ, заимствованныхъ изъ духовно-исторической и легендарной литературы, между тѣмъ какъ Деянія несравненно болѣе разнообразны и богаты чисто поэтическими народными преданіями. Къ повѣстямъ «Зерцала» прибавляются даже и догматическія толкованія. Обыкновенно нѣсколько главъ соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ и называются «прилогами» т. е. объяснительными примѣрами; рубрики касаются разныхъ челоуѣческихъ пороковъ и добродѣтей, или указываютъ, къ чему должны быть направлены поступки и стремленія благочестиваго челоуѣка, напр. «о еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ, зѣло узасно» (Рум. № 180, гл. 56), «о піянствѣ и о осужденіи піяницы по смерти ниши огнь и жунель» (гл. 58), «сестъ обычай премѣнеть» (гл. 155), «о лукавствѣ» (гл. 391), «о плотьскомъ искушеніи»

шенно соответствуют запрещенным, положенным в старину на писаніе, скоморошество, игру въ зернь, въ карты и тавлетъ. Не мудрено по этому, что «Зерцало», Латинское по своему происхожденію, уважалось у насъ на ряду съ другими душе-спасительными книгами. Правдивыя попятія, въ немъ выраженные, были очень сходны съ самообытною Русскою моралью, какъ излагалась она во многихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторыя повѣсти «Зеркала», мимо значенія назидательнаго, основывались на одномъ анекдотическомъ интересѣ, и тѣмъ отчасти противорѣчатъ общему направленію сборника. Въ одной главѣ «Зеркала» (гл. 514) собраны необыкновенные случаи плодородія женщинъ, и разсказывается, какъ «*девяти дѣтицъ во единѣ часѣ мати роди*» или «*дванадесить во единое время рождени*» одной матерью, или какъ наконецъ «*дщи Генрика князя Брабанскаго, брата бѣгъ жена краля Шменскаго*» родила вдругъ 364 человека дѣтей (?). Эти разсказы взяты изъ шуточныхъ и анекдотическихъ сборниковъ, распространенныхъ особенно въ XV — XVI-мъ столѣтіяхъ, подъ названіемъ *faciend*, *Facetiae*, и въ «Зеркалѣ» не совсѣмъ умѣстны, какъ и помѣщенный тамъ же (гл. 845) разсказъ о томъ, что «*снѣтъ гнѣва паче гнѣва жепьскаго, ни жестосердіи и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго*», гдѣ такимъ образомъ передается Французскій старинный анекдотъ, фавьно du pre tondu, извѣстный и въ нашей народной словесности:

«Мужъ съ женою единою иде чрезъ нову, рече: изрядно злѣю естъ сія земля *покошена*. Жена же противнымъ образомъ рече: *нѣтъ се покошена, но пострижена*. — сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко *покошена*, а жена глагола: *подстрижена*. Мужъ же, на гнѣвъ подвижися, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ внише не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе *пожницъ*, являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти».

Многія повѣсти относятся къ лицамъ историческимъ; нѣтъ изъ нихъ, напр. о Понелѣ королѣ Польскомъ, прибавлены вѣроятно Польскимъ передѣльвателемъ книги. Разсказы изъ «Ведлакаго Зеркала» существовали въ рукописяхъ и отдѣльными

статьями и такимъ образомъ расходились еще болѣе; въ примѣръ укажемъ исторію «о епископѣ предъ Богомъ и челоуки нечеловѣчнѣмъ быти епископомъ и попомъ, и како Удонъ епископъ страшно осужденъ бысть», гдѣ передается странная судьба епископа Магдебургскаго Удона, который пренебрегъ своими обязанностями, предается порокамъ и за то потерпѣлъ жестокое осужденіе (гл. 106.)

Ср. *Historia Udonis* въ *Rad. Zamorensis, Speculum human. vitae* (sr. conversionis peccatorum), Wisnini 1588, Синоск. Толст. 2. 160, 181. — Царск. № 396, 440, 468. — Б-ки М. Общ. № 200. — Погод. I. 1775 и мн. др.

Едва ли не сюда же должно отнести повѣсти разныя, не полныя страха и ужаса, о правосудіи Божіемъ како осуждаются грѣшники здѣ и непокаявшіеся на вѣчное мученіе по члѣмъ своимъ въ сборн. XVII в., Царск. № 427. гл. 167—207, въ 35 главахъ по содержанию оныя должны имѣть сходство съ Зерцаломъ. — г. Сиревъ считаетъ ихъ переведенными съ Латискаго или Польскаго.

Душеспасительное чтеніе въ старину гораздо болѣе поддерживалось другими памятниками, которые могутъ быть только упомянуты въ настоящемъ случаѣ, потому что принадлежатъ литературѣ вѣры и церкви. Многочисленные патерики, мниен, прологи, сочиненія духовныхъ писателей, представляютъ множество повѣстей, исключительно посвященныхъ дѣлу душевнаго спасенія и служившихъ для развлеченія благочестиваго читателя. Существеннымъ источникомъ произведеній этого рода, какъ и вообще старинной духовной словесности, была литература Византійская, съ древнѣйшихъ временъ надѣлавшая часть своими богатствами. Въ сборникахъ и хронографахъ XVI—XVII столѣтій продолжали жить и эти старинныя повѣсти, перемежающіяся одиѣ съ другими и соединенныя только сходствомъ содержания, и вносились новыя, жившіеся изъ другихъ источниковъ. Оны имѣють много общаго съ поумсторическими повѣстями «Зерцала», потому что проникнуты однимъ настроеніемъ. Не перешедши этихъ предѣловъ исторій, упоминаемъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. повѣсть «о архіепископѣ Венславѣ», что въ Краковѣ (Рум. № 459 и др.), гдѣ налагается повѣстная

исторія о Польскихъ холопяхъ и передѣльвается легенда о Станиславѣ; «о пустышникѣ Иванѣ королевичѣ Корванскомъ» (Оп. Р. Муз. стр. 778); «о царѣ Козаринѣ и о его царицѣ» (въ сборн. Дубровскаго, Публ. Б-ки IV, F. 238, XVI в., л. 527—528; Рум. Л^т 249, Б-ки М. Общ. Л^т 286.)

Въ старинныхъ сборникахъ замѣтимъ наконецъ полудидактическія повѣсти, любопытныя для исторіи правовъ: отчасти ихъ можно считать сочиненіями Русскими, отчасти онѣ основывались и на чужихъ преданіяхъ. Не лишена интереса повѣсть о *чародѣйствѣ*, сочиненная будто бы для царя Ивана Васильевича Грознаго и напечатанная по рукописи г. Погодина (Москв. 1845 г., 246—249). Содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: Одинъ благочестивый царь совратился съ пути вѣры и поддается влиянію злаго «сниклита»; этого «чародѣи и губитель-мужъ» увлекъ его въ занятія волшебствомъ, и смутить и царя и народъ. Окрестные города возстали на неустроенную землю; многіе оставили царя и перешли на сторону враговъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ царь увидѣлъ Божіе наказаніе, покаялся въ своихъ заблужденіяхъ, и съ малочисленнымъ войскомъ успѣлъ прогнать враговъ, потому что милость Божія къ нему возвратилась; злобный сниклитъ и единомышленники его были преданы казни. Простота содержанія и отсутствіе всякой определенности въ разсказѣ позволяютъ думать, что повѣсть действительно была написана по случаю, какъ поученіе косвенное.

Мораль другихъ сказаній направлена была также противъ заблужденій эпохи, но болѣе общихъ и важныхъ. Въ Румянц. сборникѣ XVII-го вѣка, Л^т 363, на л. 410—412 находится повѣсть о происхожденіи винаго питія: «вышесано изъ книги изъ столѣвника о питіи, отчего суть устависи виное питіе». Не знаемъ, изъ какого источника взята была эта повѣсть: столѣвникомъ назывались и постановленія собора 1551 г. Рукон. Царск., стр. 438, но тамъ конечно не встрѣчается подобной статьи, какъ и въ Стословіи патріарха Геннадія; по замѣчанію Востокова, статья была взята изъ какого нибудь сборника, раздѣленная на сто главъ; «книга столѣвникъ» упоминается въ описи книгъ патріарха Филарета, уничтоженной въ 1630 г., вмѣстѣ съ сочиненіями душевнасительнаго содержанія *Иванова*,

Он. Арх. Стар. Дѣль. 290). Изобрѣшеніе винокуренія приписывается въ этой статьѣ завистливому бѣсу, который потомъ научилъ курить вино и человека; бѣсъ прельститъ его обѣщаніями, и они «сироточили себѣ мѣсто уготованно при рѣцѣ, у источника, и побѣже бѣсъ на оравитскія горы, и взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на уреченное мѣсто, на источникъ, и уготова кубы, и палива браги, и накинувъ горшки и потомъ замазана тѣстомъ, съ трубами, и сквозь кадеи пропустипа и палива кади полно воды и подложина подь кубы огня и пача на огнемъ варити, и поиде сквозь кадеи трубами аки хитрое земіе.» Послеъ того бѣсъ скрылся, а человекъ пошелъ въ ближній городъ, прельститъ и цари и всѣхъ людей его зловреднымъ землемъ. «Человекъ же той бысть пожалованъ отъ царя и нареченъ будетъ у царя великій вельможа и другъ царевъ. И отголѣ разнесеса то хитрое земіе, сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлка, по всѣмъ странамъ и градомъ, въ цри (вѣрнѣе \equiv въ Царьградъ) и въ Литву и въ Шмцы и во вся грады и къ намъ въ Святорускую землю». Губительное дѣйствіе рекомой горѣлки изображается въ *повѣсти о высокоумномъ землю* (тамъ же, л. 412 — 415), представляющей монологъ самого хмеля: «Тако глаголетъ хмель ко всякому человеку, ко царемъ и княземъ и ко шюкомъ и бояромъ и слугамъ и вкупѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ, и богатымъ и нищимъ, и женамъ, старымъ и младымъ: познайте и мя. Азь емь хмель силенъ и болѣ плодовъ земныхъ всѣхъ, отъ корени есмь силенъ и отъ племени велика» и пр. Полнѣйшій видъ разсказа находится въ *повѣсти о князѣхъ* по Толст. сборнику XVII — XVIII в. 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 34—38, гдѣ прибавленъ родъ введенія: «Бѣ искіи человекъ, живише (бо) въ дебрѣи и сотвори себѣ хижу и живише въ ней много дѣлъ, и въ нѣкое время не ста у него ниши, и иде той мужъ нескати себѣ на потребу сиѣди, и ходяще по лѣсу много и абіе обрѣде стоящу яблонь velmi добру. И взя отъ того древа единю яблочко и вкуси, и бысть сътъ velmi, и нача яблочки собирати съ яблони той, и узрѣ на яблони траву — обвилась около древа, и сорва травы той единю смовившу, и нача быти отъ той травы гласъ синевъ», — и далѣ приводится разсужденіе хмеля о своихъ качествахъ. Отсюда

замечено содержание дубочной картинки, представляющей сдѣлствіе «всеплауубной сласто» шельства: такова известная «беседа философов Анахарсиса и Кирилла» объ этомъ пороѣ, и выписка приведенная г. Снегиревымъ въ Вал. Сборникѣ, стр. 204. Тому же предмету посвящено «слово о высокоумномъ хмелю и о художныхъ пивнцахъ» въ монастырномъ Румян. сборникѣ XVII в. № 370 л. 11 — 18. Помѣщенная въ той же Толстовской рукописи 2. 280 на л. 46 — 49 «исторія о дву товарищахъ, имѣвшихъ между собою разговоры, изъ которыхъ одинъ любилъ пить вино, а другіи не любилъ», — передѣлана въ простонародной книжкѣ «Старичокъ-Весельчакъ» (Сиб. 1781) и повторяется такъ же въ дубочныхъ изображеніяхъ (*Снегир.* ib. 207), но принадлежитъ уже XVIII-му столѣтію.

Ср. сатирическое сказаніе о винѣ и о неистовствѣ его, хотящимъ отъ него удалиться», въ стихахъ, въ сборникѣ вѣд. XVIII в., Б-ки Моск. Общ. № 213, л. 326—329.

Остатки повѣстей XVII-го вѣка встрѣчаются и въ другихъ дубочныхъ картинкахъ. Иностранные образцы имѣли свою долю вліянія при появленіи нашихъ картинокъ: Нѣмецкіе печатные листы давно уже стали предметомъ торговли; они упоминаются въ приходо-расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты 1634 и 1637 годовъ, и патриархъ Іоакимъ замѣчаетъ, что на картинкахъ священныя изображенія представлялись «неистово и неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и въ одеждахъ Нѣмецкихъ». Были известны и *потилки* листы, соединявше поученіе съ забавою; они замечовали содержаніе или передѣлывали его изъ тѣхъ же Нѣмецкихъ листовъ или изъ собственной фантазіи народа. Переходя къ самостоятельнымъ попыткамъ, дубочныя картинки во многомъ воспользовались старыми рукописными сборниками; многія изъ повѣстей, перешедшихъ этимъ путемъ въ народныя изображенія, сохранились въ дубочныхъ картинкахъ и до нашего времени. Такого рода «спричка изъ *Зерцала* весьма страшная» т. е. изъ Великаго Зерцала, о которомъ мы говорили, — о дѣвицѣ, утаившей на исповѣди смертный грѣхъ; «спричка изъ *снотодика* весьма страшная» о благочестивомъ и развратномъ юношахъ, — послѣдняя убиваетъ

молнія, а первый остается невредимымъ: «видѣніе благоувер-
наго монаха» о наказаніи сребролюбія и лихоимства; выше мы
упомянули объ источникѣ картинки, изображающей Анну-вои-
на и смерть. Другія статьи заимствовались изъ патериковъ и
житій, рукописныхъ сочиненій духовныхъ писателей и т. п.
Сюда же примыкаютъ и чисто-нравоучительныя изображенія,
каковы напр. «сантека духовная, врачующая грѣхы», «трапеза
благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ», «изображеніе двухъ
путей жизни нашей», «душа чистая и душа грѣшная», «дѣт-
вица» и другія: для обзорній тѣхъ и другихъ отсылаемъ чи-
тателя къ статьѣ г. Снегирева въ Валуевскомъ Сборникѣ.

Дидактическую цѣль, какъ въ повѣсти о хмель, преслѣ-
дуетъ и особенное сказаніе о *бисовской травѣ-табакѣ*, излагаю-
щее длинную исторію появленія этой травы и ея ужаснаго
дѣйствія. Табакъ сдѣлался извѣстенъ у насъ вѣроятно не ранѣе
XVI-го столѣтія, а въ XVII-мъ вѣкѣ употребленіе его было уже
такъ сильно, что правительство сочло нужнымъ преслѣдовать
его, отчасти по общимъ неблагопріятнымъ мнѣніямъ о табакѣ,
отчасти по видамъ финансовымъ и хозяйственнымъ, находя
покупку его разорительною для народа. Суевѣрные толки о
новомъ зельѣ распространились уже во времена ц. Михаила Фе-
доровича: въ извѣстной тогда книгѣ, переведенной съ Грече-
скаго, подъ названіемъ «Миръ съ Богомъ», табакъ названъ
зельемъ проклятымъ и богомерзкимъ, и употребленіе его при-
знано за смертній грѣхъ. Послѣ проклятія табака патриархомъ
въ 1634 году государь указалъ: «на Москвѣ и въ городѣхъ о
табакѣ заказъ учинить крѣпкой подь смертною казню, чтобъ
нигдѣ Русскіе люди и иноземцы всякіе табакъ у себя не держали
и не пили и табакомъ не торговали». Въ послѣдствіи смертная
казнь была отменена, тѣмъ не менѣе наказанія были очень стро-
ги, потому что куреніе табаку, какъ и пивнство, считалось исто-
чникомъ другихъ пороковъ, даже причиною грабежей и разбоевъ.
Любопытно, что и въ самыхъ выраженіяхъ табакъ сравнивали
съ виномъ; въ актахъ встрѣчаются запрещенія, чтобы «зернию
и карты не играли, и не бразничали, и табакъ не пили»: тому
времени принадлежатъ пословица: «сени та баба табака, да нес-
сетъ, что отъ собаки» *Будя*; ср. *Снегир.*, Русск. въ Посл. 2.

49—50). Не взирая на то, что эти *титулы* и *проидицики*, принимавшіе «Нѣмецкой скверной обычай», по тогдашнему понятію представляли изъ себя діавола и подвергались сатанинскому искушенію, куреніемъ табаку занимался не олицъ только классъ народа, а «всякихъ чиновъ людей»: по свидетельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ котораго упиваются до обмороковъ (см. подробности въ Юрид. Сборн. Мейера, стр. 496 слѣд.). Суевѣрныя преданія о табакѣ до сихъ поръ живы между людьми старинныхъ понятій, особенно между явными староверами. Эти преданія развиваются и въ старой рукописной исторіи. Она встрѣчается въ сборникѣ Царскаго, XVIII в., № 469 л. 57—70, въ особой рукописи, подъ заглавіемъ: «сказаніе отъ книги, глаголемыя Пондокъ, о хранителномъ быліи, мерскомъ земли, еже есть травѣ тобаць, откуда бысть и како начатся и разѣлся по вселенскій». Мы читали ее въ сборникѣ г. Тихонравова, снѣтенномъ изъ разныхъ рукописей, гдѣ эта тетрадка старѣ другихъ и относится если не къ концу XVII-го, то къ началу XVIII-го вѣка. Повѣсть, на 8 листкахъ, носитъ заглавіе, почти буквально сходное съ предыдущимъ: «выписано изъ книги, глаголемыя Пондокъ, о хранителномъ быліи, мерскомъ земли, еже есть табакъ, откуда бысть и како зачась и разѣлся всюду по вселенскій». Исторія имѣетъ сходство съ повѣстью о хмельѣ, но гораздо длиннѣе и таинственнѣе, и открывается апокалиптическими текстами; появленіе табаку отъ дѣйствія бѣсовской силы произошло будто бы при Еллинскомъ царѣ Анексін, которому было прежде показано въ страшномъ видѣніи. Врачъ Треникуръ, отыскивая цѣлебныя растенія, нашеть и это земіе травное, «и вземъ Треникуръ и обоня ю (т. е. траву) позрими своими и обвеселися, и тогда оный врачъ Треникуръ ископа оную траву и принесе въ домъ свой и посади съ своими овощами и начать обшоховати траву ту и веселися ходитъ. И расплюдися у него множество того землія; соедѣи же его видѣша того врача умомъ премѣнненна и піяна суща, вопрошиша его: откуда піянство имать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ, коемуждо угодно, на серебро, и тѣ такожде въ садахъ своихъ

посланина, и расплывшися другъ отъ друга, и обонивающе позрамы своими и пѣннествовати начаша, а шивши на огнь то бѣдѣе полагающе и пѣвницами (т. е. чубуками) во уста свои дыхающе, и оттого ови начаша обмирати, и лица ихъ яко мертвыя, и умомъ разслаблени.... И тогда приидоша множество того народа предъ царскіе полаты, пѣвни веряхуся, и лица ихъ пѣвнѣяхуся, мнози трясунеша патаху, и ни же смертію внезаду умирающе». Царь Алексѣи распросилъ обо всемъ Треникура, и вспомянулъ свое видѣніе, бывшее за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ; послѣ новаго видѣнія, Еллинскій царь и народъ принимаютъ христіанскую вѣру и черное земле предано проклятію. «Благовѣрные же мужіе, новокрещеныя, изъ вертоградовъ и садовъ своихъ ее (траву) изведоша и искорениша, а которые останахся некрещены, оные то земле разведоша по дачнымъ странамъ поганымъ. И тако оны поганые Еллины расплывши, яко въ Шмцы, въ Турки и Татары и въ Черкаскія земли; мнози же и шивѣ отъ вѣрныхъ прикасаются ко оному смраду съ погаными Турки и Татары, и тако съ тѣми въ вѣчную муку ходатайствуютъ (sic). Бысть же въ то лѣто по многимъ странамъ великое трясеніе земли, яко и морю отъ предѣлъ своихъ изыти и земли расклатися, и многимъ невѣрнымъ прикасающимся оному смраду....» Такъ оканчивается повѣсть въ неполномъ спискѣ г. Тихонравова. Судя по характеру сказки, она могла имѣть Греческое происхожденіе; упоминаніе вельможи-каженника не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что ее нельзя считать выдумкой Русскаго сочинителя. Текстъ ея, кромѣ неполноты, очень непороченъ въ позднѣйшемъ спискѣ, которымъ мы по пользуемъ, — безъ сомнѣнія отъ частой переписки.

Ср. въ новомъ Румниц. сборникѣ, I, 371 об. л. 261—263 и новую выписку изъ Григорія Синаита. Оп. Р. Муз. 352.

VII.

Историческіе разсказы. — Повѣсти Русскія и шведскія. — Сказаніе о Дракулѣ Мутялнскомъ, о князи Параратѣ, повѣсть о князи Изверковѣ Дюдрѣ. — Сказаніе объ Атылѣ королѣ Угорскомъ; о Венцли, королевѣ платовскомъ Чешскія земли. — Повѣсть умилительная о Брунсонѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.

Но неразвитости литературныхъ началъ, старая письменность наша не могла имѣть того разряда произведеній, гдѣ

являлось бы поэтическое изображение действительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторiяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто-поэтической задачей и соответственнымъ ей исполненiемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ однако, что въ древней порѣ нашей словесности были богатые залюги поэтической дѣятельности. Темного позднѣйшiй памятникъ, XIV — XV вѣка, сказанiе о побѣдѣ в. к. Дмитрiя Юанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, известное во множествѣ списковъ и редакцiй, приводитъ, напротивъ, къ заключенiю, что дальнѣйшая судьба этого направленiя была далеко не такъ счастлива, какъ его началки. Въ сказанiи видно и сильное желанiе стать выше уровня обыкновенной исторической повѣсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы; авторъ сказанiя невозвратно уклонился отъ живаго настроенiя народнаго эпоса, и отданный собственнымъ средствамъ, способенъ былъ только на блѣдное подражанiе. Заимствуя и передѣлывая изъ Слова о полку Игоревѣ отдѣльныя описанiя, сочинитель не могъ уйти отъ обыкновенной рутинны, и ведѣвъ за хитросплетеннымъ описанiемъ битвы приводить толькiй списокъ именъ, годный только для лѣтописи. На всемъ изложенiи находится отпечатокъ схоластической манеры: перѣлокое употребленiе Греческихъ словъ и книжныя обороты показываютъ, что авторъ подчинился известному влiянiю литературныхъ памятниковъ своего времени. Вообще сравненiе этихъ двухъ произведенiй достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ периодомъ нашей литературы: съ теченiемъ времени труды нашихъ писателей болѣе и болѣе занимать историческiй разказъ, господствовавшiй и въ XVII-мъ столѣтiи. Древнѣйшiя попытки его выразились почти въ одно время лѣтописью и жизнеописанiемъ: рядомъ съ Несторомъ и сказанiями Кiевского патерика стоятъ жизнеописанiя князей, Володимира, Бориса и Глѣба и пр. Рядъ подобныхъ сказанiй безъ перерыва продолжается до послѣднихъ временъ древней нашей исторiи; каждое замѣчательное лицо или событiе становилось предметомъ описанiя. Появились удивительныя повѣсти и сказанiя — о нашествiи злочестиваго царя Батыя, о подвигахъ Александра Невскаго, о убiенiи Михаила, жизнеописанiе Донскаго, сказанiе о паденiи Новгорода,

взяты Казанскаго царства, осада Пскова Баторіемъ или Обатуромъ, и о множествѣ другихъ событій. Местныя историческія преданія и легенды также нашли себѣ выраженіе, и повторялись въ обширномъ собраніи повѣстей полуправдивыхъ, полувывдуманныхъ, которыя смѣшаннымъ характеромъ своимъ соответствовали незаблудимымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измѣнился и характеръ дѣлописи: къ своей хронологической нити она прибавляла цѣлыя сказанія отдѣльными и такимъ образомъ удалялась отъ прежней формы; въ послѣдствіи она множила замѣнена была дѣлописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгѣ.

Позднѣйшіе историческіе рассказы о древнихъ событіяхъ, у насъ, какъ и вездѣ, внесли много такого, что не извѣстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Иное могло быть вѣрно и принадлежало старымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, другое зависѣло болѣе или менѣе отъ вымысла, основывалось или на позднихъ представленіяхъ о старинѣ, или на народныхъ преданіяхъ. Присутствіе этого послѣдняго начала даетъ повѣстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цѣны въ качествѣ историческихъ матеріаловъ; къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрѣнія. Въ XVI—XVII-мъ столѣтіяхъ историческій рассказъ особенно страдалъ отъ позднѣйшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ Польскими историками и дѣлописцами. Еще Герберштейнъ, говоря о Рюрикѣ и его братьяхъ, замѣчаетъ: *hosce fratres originem a Romanis traxisse gloriantur Rutheni*; Новый Дѣлописецъ съчастъ нужнымъ повторилъ общезнаменную басню и говорилъ, что смертью Осодора Иоанновича «пресѣяся корень Августа Кесаря»; въ спискахъ самого Пестора, сдѣланныхъ въ то же время, находится иногда вставка о происхожденіи Рюрика изъ Пруссій. Происхожденіе Руси, сначала Москвы и «первоначальнаго Великаго Новгорода» и даже послѣдующія событія облечены были глубокою древностью, приписаны были или къ именамъ библейской исторіи, или другимъ знаменитымъ лицамъ древности. Извѣстная съио о «Древностяхъ Россійскаго государства» дѣлописца Камышевца

Рювскаго была не столько его выдумкой, сколько обширной компиляціей баснословныхъ повѣстей, прежде существовавшихъ въ литературѣ.

Другими представителями исторической повѣсти были многочисленные хронографы и папи. Въ старинной Русской библиотекѣ хронографъ занимаетъ первое мѣсто послѣ главныхъ душевнеспасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занимательнаго и наставительнаго; этимъ объясняется чрезвычайное распространеніе хронографовъ. Будучи книгою первой необходимости, хронографъ имѣлъ и большой авторитетъ для старинныхъ грамотѣевъ; составленіе хронографа было дѣломъ существенной важности и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію, въ которую попало даже много такого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ. Хронографы имѣли много различныхъ редакцій, — одиѣ основныя и болѣе извѣстныя, другія частныя, принадлежащія отдельнымъ собирателямъ и зависѣвшія только отъ ихъ выбора и матеріаловъ. Эти сборники играли важную роль во все продолженіе стараго періода литературы, начиная отъ Пестора, читавшаго лѣтоисчисленіе Греческое, и Волынскаго лѣтописца, совѣтовавшаго читателю, «да почитеть хронографъ», до послѣдняго Русскаго хронографа, составленнаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія для кашпера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библиотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаньями апокрифическими, рассказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особливо Римскаго и Греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ Славянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносились въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-Каллистова исторія Александра, Троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписывалъ толкованія отцовъ церкви, вставлялъ космографическія и географическія свѣдѣнія, рассказывалъ о Греческой мифологіи. Въ слѣдствіе этого составъ изложеніе болѣею частью носило отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители

не столько заботились о внутренней связи рассказа, сколько обращали внимание на отдельные факты. Летописцы наши уже давно начали пользоваться Византийскими хронографами; позднейшие летописные сборники, какъ Никоновскій, компилировали изъ нихъ еще болѣе: вообще до XVII вѣка хронографъ и папья оставались главнымъ источникомъ, гдѣ Русскіе авторы почерпали нужныя для нихъ историческія свѣдѣнія. — Изъ отдельныхъ повѣстей, внесенныхъ въ хронографы, мы замѣтимъ только немногія, болѣе любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повѣсть *о взятіи Царяграда* Турками распространилась вѣроятно еще въ XV вѣкѣ, вскорѣ послѣ самаго событія; въ хронографѣхъ ея заканчивается обыкновенно изложеніе иноземныхъ происшествій. Это событіе описано было и въ другихъ разсказахъ, какъ можно судить по несходству нашихъ летописныхъ повѣствованій (напр. *Сов. 2-я лѣт. въ II. Собр. 6, 180*; *Густин. въ II. Собр. 2, 356* съ подробной исторіей «о зачатіи и взятіи Царяграда», помѣщенной въ хронографѣхъ и переписанной въ Царственномъ летописи 1772 г., стр. 306 — 358 и Никоновской летописи 5, 222 — 277). Всего болѣе известна была эта послѣдняя исторія, очень перѣданая и въ хронографѣхъ. Содержаніе повѣсти касается сперва преданій объ основаніи Царяграда Константиномъ и переходитъ потомъ къ обстоятельному описанію осады и взятія города; въ заключеніе приводятся предсказанія о будущей гибели безбожныхъ завоевателей и возрожденіи Византіи. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разказомъ оригинальнымъ, который составленъ если не очевиднымъ, то безъ сомнѣній современникомъ событія: точность фактовъ и вѣрныя подробности даютъ Русскому сказанію ту же цѣну, какую имѣютъ для историка повѣсти Францы, Дуки, Хавкандиды и Леопарда Хюсскаго. По мнѣнію г. Срезневскаго, повѣсть стала известна у насъ при Иоаннѣ III, когда усилились особенно связи съ Греками; быть можетъ, она принесена и тогда съ взятіемъ Царяграда, когда Греки стали приходить въ Россію на милостыню и вспоможеніемъ. Палывая повѣсть Русскою, не слѣдуетъ однако принимать такое выраженіе буквально: если ли она мо-

гла быть сочинена по-Русски, или пересказана Русскимъ, потому что списки повѣсти сохраняютъ много признаковъ, которые могли принадлежать Греческому произведенію. При томъ, существованіе Сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было намъ доставлено уже въ готовомъ Славянскомъ переводѣ; тогда сказаніе можетъ быть названо Русскимъ только на томъ основаніи, что нигдѣ оно не было извѣстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературѣ. Почему она столько понравилась читателямъ, объясняется самымъ дѣломъ: «повѣсть о семь событій, говоритъ Полевой, была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ правдоученій на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостью видѣли Русскіе, что послѣ паденія Гречей осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчество, что Руси предоставлено некогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго» (Ист. Р. Нар. 5, 419). Новый пересказъ повѣсти находится въ прекрасномъ изданіи г. Срезневскаго (Повѣсть о Царградѣ. Сиб. 1855); въ своемъ изложеніи, сохранившемъ подробности и отчасти выраженія подлинника, авторъ пользовался однимъ спискомъ гр. Уварова, двумя Румянц. и двумя списками Михайловскаго; къ тексту приложены обширныя примѣчанія, гдѣ повѣсть наша сравнивается съ другими современными повѣстями византийскихъ, Латинскихъ и некоторыхъ восточныхъ, и объясняются замѣчательныя слова подлиннаго текста.

Кромѣ упомянутыхъ, замѣтимъ еще некоторые списки. — Б-ки М. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 1—141 — сказаніе о зачатіи и о мудрости и о вятіи царствующаго сельмеходянаго Константина, имануемаго Царяграда, шибѣ же Турки глаголють его Стаболъ, о семь пишутъ философи Греческіе и Латинскіе; — № 223 нов. сборн. л. 218—228, — № 76 нов. сборн. об. л. 62—97 помѣщена исторія о паденіи славнаго Царяграда (иже Константинополь и Новый Римъ нарицается), его же пѣли Махометь Вторый, султаны Турецкіи османн, въ лѣто по Христу 1453, — особенная повѣстная передѣлка, ср. *Сопикова*, Оп. Р. Библ. 3, 227.

— Царск. № 39½ сборн. 1672 г., л. 613—631 «сказаніе о взятіи Царяграда отъ безбожнаго саттана Махмета, Турскаго царя», нач. въ лѣта 6961-го, влательствующу Турки безбожнѣму Махмету, Амуратову сыну» (Средн. стр. 7); — № 401 сборн. XVII в. л. 183—218 «бытіе о Царьградѣ, како созданъ бысть царемъ Константинѣмъ и како вѣсть бысть отъ Турскаго царя Махмета, нач. въ лѣто 3808 с, царствующе въ Римѣ благосодѣльному Константину Флавіану», у Среднечк. 27; — № 402 сборн. XVII в. л. 55—63 «повѣсть о началѣ царствующаго града», об. л. 87—127 «взятіе»; — № 410 сборн. XVII в. л. 319—363 «сказаніе о взятіи»; — № 398 сборн. XVII в. л. 36—42 одна повѣсть «о созданіи Царяграда седмохотнаго отъ благовѣрнаго царя Константина». — Въ упомянутомъ № 39½ на об. л. 609—613 «слово о *замескии* Царяграда, о взятіи отъ Турковъ», нач. «бысть страшно видѣніе и ужаса исполнено» и пр., такъ же въ № 498, л. 318—321. — Въ № 403 сборн. XVII в. л. 1—53 «сказаніе кратце о Царьградѣ, откуда прежде именовася Византія и како преименовася Царьградъ и пр., нач. «бысть вѣжій царь во Египтѣ, именемъ Нелтошавъ, отъ роду сущи Феликса царя», — особенная рѣзкая сказанія о Царьградѣ, гдѣ нашли мѣсто и тѣ преданія о началѣ его, которыя упоминали мы, говоря о псевдо-Балдисонѣ. — Повѣсти о Царьградѣ см. также въ Царск. № 238, 446, 587, Дозел. рукописяхъ и хронографяхъ, и друг.

Той же эпохѣ принадлежатъ *сказаніе о Дракулѣ*, воеводѣ Муньянской земли. Дракула былъ побочный сынъ Волошскаго воеводы Мильцы, служилъ сверха Греческому императору, но, по смерти Мильцы, отсѣкъ голову наследнику его Дану и удался правителемъ Валахій, въ первой половинѣ XV-го столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростью и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венріей и уже сильными въ Европѣ Турками. Наша повѣсть рисуетъ самымъ темнымъ красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать по Русски дьявола: онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостью, немилосердіемъ и предельно. Повѣсть наполнена анекдотами о безчело-

вѣчныхъ поступкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошелъ до такой степени, что въ его землѣ никто не осмѣливался брать чужого. За всѣ преступленія Дракула наказывала смертью; онъ не прощалъ даже легкія вины, если открывали ихъ. Однажды увидѣлъ онъ на какомъ-то бѣднякѣ худое платье, и спросилъ бѣдняка, есть ли у него жена? Когда тотъ отвѣчалъ, что есть, Дракула велѣлъ вести себя въ домъ его, и увидѣвъ молодую и здоровую жену, снова спросилъ мужа: есть ли у тебя лень? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Дракула обратился къ женѣ и сказалъ: отчего ты дѣлешься заниматься дѣломъ? Мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахъ; въ этомъ ты виновата, а не онъ, — и затѣмъ Дракула велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникъ драгоцѣнную чару, и никто не осмѣлился взять ее, «еслико онъ (т. е. Дракула) пребысть». Подобные рассказы составляютъ и дальнѣйшее содержаніе повѣсти; иные изъ нихъ могутъ принадлежать и не именно Дракулѣ, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и рассказовъ. Подробныя историческія извѣстія о Дракулѣ, его отношеніяхъ къ Іоанну Гунаду и султану Амурату можно найти у современныхъ Венгерскихъ писателей, и у Византійцевъ Халкокондилы (ed. Bonn. 259, 282, 307, 337, 338 и особенно Дуки (ed. Bonn. 201 — 210, 218), у котораго встрѣчается и объясненіе его имени, какъ въ Русской повѣсти: *ὅτι γὰρ ἐκαλεῖτο παροδρῆτος τοῖς πρόποις ὄντι καὶ γὰρ τὸ Δρακοῦλος ἄνερα ποικίλως ἐρμηνεύεται*—его звали *Дракулой*, такъ какъ онъ былъ коварнаго и злобнаго нрава, потому что имя Дракула значить злой. *Drakula Wajda* (т. е. *wajwoda*?) упоминается въ Швецкой народной книгѣ о Фортунатѣ *Sinrock* 3, 118; Мутьянская земля означать Молдавію, — *Μυττιανίται* собственно называютъ Молдаванъ Волохи, и это названіе было у насъ въ общемъ употребленіи: старинный списокъ 1578 г. говорить, что «Волоскою землею да Мутьянскойю владеть Турекой царь» (Пам. Д. Снош. 1, 761); въ Малорусскихъ отношеніяхъ Молдавія называется Мутьянской землей, даже до Конисскаго. Что касается до происхожденія по-

вѣсти, Востокови, основываясь на словахъ Румянц. текста, что писатель повѣсти, когда находился въ Будинѣ, въ Венгріи, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, привезенныхъ королемъ Матосемъ вмѣстѣ съ матерью ихъ, и приурочивая къ этому посольство дьяка Федора Куриньина, который ѣздилъ въ 1482 г. къ королю Матосю для утвержденія мирнаго договора, — думаетъ, что повѣсть могла быть написана или Куриньинымъ или кѣмъ нибудь изъ его свиты, слышавшимъ рассказы о Дракулѣ отъ очевидцевъ или современниковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что эта прибавка находится не во всѣхъ спискахъ и можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повѣсти; притомъ и некоторыя особенности языка въ Румянц. спискѣ, древнѣйшемъ всѣхъ другихъ, скорѣе указываютъ не на Русское, а на южно-Славянское начало повѣсти. Но всей вѣроятности, она явилась у насъ такимъ же литературнымъ преданьемъ, какихъ много мы видѣли прежде. Въ послѣдствіи она очень измѣнилась во вѣднѣмъ изложеніи, и если Румянц. текстъ сохраняетъ некоторыя черты подлиннаго сочиненія относительно формъ языка, то позднѣйшіе списки XVII-го вѣка не отдаются отъ обыкновенныхъ книжныхъ пріемовъ своего времени. Сказаніе о Дракулѣ вставлялось иногда въ хронографы, но теперь болѣе извѣстно въ отдѣльныхъ спискахъ.

Рукописи: — древнѣйшій списокъ сказанія о Дракулѣ находится въ Румянц. сборникѣ XV—XVI вв. Л^т 338, об. л. 356—363 «въ Мутьянской волости».

— Б-ки М. Общ., Л^т 286 хроногр. конца XVII в. л. 645—654 «сказаніе о Дракулѣ, Мутьянской земли воеводѣ, Греческія вѣры, — а Влажискиимъ языкомъ звася Дракула, а Русскимъ языкомъ именовася Дяволъ, — житіе его зломурыхъ людей, а дѣлъ къ заглавію примѣцано и начало повѣсти».

— Ундольскаго, въ упомянутомъ сборн. XVII в. слово о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянской, пач. «бысть въ Мутьянской землѣ».

— Толст. спискомъ, вѣроятно XVII в. повѣствованіе Карамзинъ и приводитъ изъ него выписку 7, 230—231, стр. 411

— Сахарова, спис. XVII в. сказаніе о великомъ *царѣ* Дракулѣ Мутьянской земли, см. Русск. Сказан., стр. *ср.*, редакція подлинная и чуть ли не сокращенная

— Тихонова, въ сборникѣ XVII в., небольшого формата, повесть о великомъ царѣ Дракулѣ Мытъяскіе земли на 12 листкахъ, нач. какъ въ предыдущемъ спискѣ: «былъ вѣкія (sic) царь, именемъ Дракулъ, и житіемъ злосердъ велии. Нькогда приидоша къ нему вѣкіи человекъ, посоль иноземецъ, и посоль приде къ нему, а з главы шапки не сняше, поклонившася ему. Онъ же его вопросилъ што ты такъ чинишь? къ великому государю пришелъ еси поклонитися, а з главы шапки не сняши? Онъ же рече: наши государи такъ любятъ. Дракула жь рече ему: азъ не люблю того, а хочю обычая вшего подтвердити, и вы того тверде (sic?) будете. — велѣ Дракулъ къ главамъ прибавити шапки з гвоздемъ желѣзнымъ, и отпущи ихъ и рекъ: скажите государю своему, — онъ навъкъ такую срамоту терѣти отъ васъ, а мы не навъкохомъ. — да не посылаеть своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотятъ имѣти такового обычая» и т. д.

— Макаровъ, въ Пробныхъ Листкахъ Телеграфъ 1833, 24, 502—503, приводитъ отрывокъ сказки, выписанной имъ изъ старинной рукописи, если не просто выдуманной, по обстоятельствамъ содержания она сходна съ исторіей Дракулы, но дѣйствіе происходитъ во Псковѣ и Дракуду представляетъ посадникъ.

Къ числу любимыхъ повѣстей принадлежало и «Слово о дѣвнѣ, Иверскаго царя дщери, *Динаръ царицы*», которое также включено иногда въ хронографы; списокъ его издавъ недавно ак. Броссе, съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ Грузинскихъ дѣтислесахъ: около половины X-го вѣка, царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію т. е. къ неовладію Халкидонскаго собора; дѣтъ его снуети Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и «овладѣлъ царицкою Динарою». Русская повесть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара нашего сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блестящую побѣду надъ Персами, завоевавшая Тавриазъ и Шамаху, есть Грузинская царица Тамара, дочь Гіоргія III, вступившая въ пре-

стоить въ 1184 году (въроятно до 1212 г.). Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ нашемъ сказаніи. о рѣчи царицы, ободрившей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побѣдина, и при томъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. *Hist. de la Georgie, trad. du géorg. par Brosset. St.-Pét. 1, 439—447*. По нашему сказанію Динара осталась пятнадцати лѣтъ послѣдней «Иверскаго владетельна» Александра Мелеха и мудро управляла народомъ; Перекій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣть всеми вельможами юной царицы: «какъ можемъ стоять противъ многого воинства и такового Перекскаго ополченія?» говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: «ускоримъ противъ варваръ, говорила она, яко же и аль иду длѣнна, и восприму мужскую храбрость, и отложю женскую немощь, и облечуся въ мужскую крѣпость и препояшу чресла своя оружіемъ, и возложю брѣня и шлемъ на женскую главу, и восприму коніе въ двѣици длани, и воступлю въ стремя воинскаго ополченія; но не хочу слышати враговъ своихъ плѣчующихъ зрѣбій Богоматери и данныя намъ отъ нея державы, и та бо Царина подаетъ намъ храбрость и помощь о своемъ достоинствѣ». Принесши молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда пришла «и сына и необувенными ногами, по острому камешу и жестокому пути», Динара выступила противъ враговъ, и взявши конь, устремилась на Перекіе полки и поразила одного Перекса. Враги ужаснулись съ голоса и побѣжали. Динара «отняла» голову Перекскаго царя и на коньѣ принесла ее въ Тавризъ: города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея, «бѣно то лалное, и камешіе драгое, и бисерь, и злато, и вся царскіе потреба, еже взя отъ Перекъ», все это роздано было въ дома Божіе. Потомъ, она правитъ народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: «даже и до днесь, заключаетъ повѣсть, пералѣнно державство Иверское пребываетъ, а царяется отъ рода Давида, царя Еврейскаго, отъ царскаго кодына». Таково содержаніе повѣстей. Какимъ же образомъ

Грузинское событіе XII — XIII-го вѣка могло быть предметомъ Русскаго сказанія, и откуда нашъ авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіею существовали у насъ еще въ XII-мъ столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, женатъ былъ на княжнѣ Грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ послѣдствіи и Русскіе заходили иногда въ Грузію, и Грузинскія посольства не разъ пріѣзжали въ Россію; наконецъ съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По мнѣнію ак. Броссе свѣдѣнія о царнѣ Динарѣ принесены были къ намъ полуучеными Грузинами, пріѣзжавшими въ Россію послѣ посольства къ Іоанну III, или даже Греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III Отд. Акад. 1, 489—490); любопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной къ воинамъ при осадѣ Казани въ 1552 г., и приведенной въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» (стр. 221 по изданію Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о «спремудрой и мужеумной царнѣ Иверской» и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Г. Устряловъ думаетъ напротивъ, что сказаніе наше не отличается большою стариною и есть басня, которую рассказывали у насъ Грузины, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе повѣсти въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея давности. Текстъ ея паданъ ак. Броссе въ Bulletin hist.-philologique t. IX, № 19 по Воскресенской рукописи (л. 574—580), откуда напечатанъ былъ Сибирскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ 1, 483—487 по другой рукописи, именно по хронографу XVI—XVII в., въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад. Наукъ, № 4, гдѣ сказаніе называется «слово и дивна повѣсть, зѣло полезна, о дѣвнѣ Иверскаго царя дщери, Динари царнѣ» (иач. «умерину Иверскому влестодержцу Александру Мелеку и не имѣюще дѣтина мужеска полу» и пр.). Некоторые списки повѣсти указаны были при этомъ Бердниковымъ; мы приводимъ и другіе, неупомянутые имъ.

— Толст. 2, 442 сборн. XVII в. л. 369—376 повѣсть душеполезна зѣло- и пр.

— Публ. Б-ки XV. Q. 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 «повѣсть дивна о дваницѣ и великого царя Александра дщери Динарии нарицы».

— Погод. сборн. повѣстей и сказокъ. XVII в. № 1772, об. л. 96—100 «слово и дивная повѣсть о дваницѣ Сивирского (sic) и Пверскаго царя о дщери Динары нарицы».

— Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 «слово и дивная повѣсть и пр.»; — № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 тоже; — № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 «мужество и храбрость Динары нарицы, Пверскаго царя (Александра Медека дщери»; — № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 «повѣсть зело полезна о дваницѣ, дщери царя Пверскаго, нарицаемыи *Адинари* нарицы».

— Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—641 «писание о Динари царевнѣ, дщери царя Александра Медека Пверскаго, како власть Пверскую правяше и како побѣди Перскаго царя и пріять власть его».

— Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 «повѣсть Динары нарицы» и пр.; — № 457 хроногр. XVII в. л. 712—713 «слово и дивна повѣсть Динары нарицы Пверскаго властодержца Александра, како побѣди Перскаго царя Абрамедеха», — последнее неправильно понято и переписано изъ «Абра Медеха».

— Въ сборн. XVII в. Дрезденской 6 кн л. 145—148. *C. Strövel. Op. Nam. стр. 67.*

— Сахарова, спис. XVII в., «повѣсть нарицы Динары, дщи царя Александра Пверскаго» и т. д., см. Русск. Ск. стр. *схѣтїѣ — схѣтїѣ*. Назвавши сказку Грузинскою, г. Сахаровъ замѣчаетъ: «есть очевидные признаки, что некоторыя переводныя сказки перешли къ намъ отъ другихъ *Славянскихъ* племенъ». — таковы сказки: о царѣ Дракулѣ и о Динари нарицы. Само собою разумѣется, что въ последнемъ случаѣ этой очевидности вовсе нѣтъ: такъ же ошибочно г. Сметиревъ поставилъ повѣсть о Динари въ шедло сказокъ, переведенныхъ съ Чешскаго или Сербскаго, Вал. Сборн. 213.

Мы выбрали эти повѣсти потому, что въ нихъ старинные читатели находятъ гораздо болѣе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послѣднихъ, къ которымъ въ самомъ дѣлѣ можно было прилагать такіи требованія. Уча-

стие преданья устного, какъ мы видѣли, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менѣе въ повѣсти о взятіи Цариграда; происхожденіе другихъ сказаній не столько ясно и скорѣе допускаетъ возможность простаго пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примѣры подобнаго происхожденія повѣстей: мѣтонисъ наша не разъ приводитъ преданья, ходившія въ народныхъ разказахъ, даже цѣлыя повѣсти, какова напр. повѣсть о «железномъ хромѣ» Темиръ-Аксакъ и другія. Иные разказы имѣли и западное происхожденіе; трудности путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи и конечно раньше (Кошх., стр. 41, была причиною, что проводниками чужихъ разказовъ очень перѣло были именно оффиціальныя послы, записывавшіе слышанное ими во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замѣтка въ Румянц. списокѣ повѣсти о Мутьлинскомъ воеводѣ; въ одномъ статейномъ списокѣ упомянуто преданье о трехъ паряхъ-волхвахъ, слышанное послами нашими въ Кельнѣ (Ар. Р. Вивл., 2-е изд. 4, 319). Еще прежде посоль Евремей Трусовъ, изданный въ Римъ въ 1528 году, привезъ отсюда повѣсть о Лореттѣ, извѣстную теперь по рукописямъ (ср. *Totem.* сб. XVI в. 2. 68, л. 308; — *Царск.* I, 397, л. 144; I, 728, л. 604). Извѣстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свѣдѣнія о Россіи Павлу Ювию, вывелъ изъ Рима апокрифическую исторію о бляхѣ клубукѣ, чрезвычайно извѣстную въ свое время; она распространилась во множествѣ списковъ, и была отвергнута, какъ лживая, дѣяніемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. А. Нст. 5, 470, 472. 1., I, 173. Карам. 8, пр. 94). Такова же «выписка изъ Кивылобашскихъ отписокъ» Василя Коробина и дяка Остава Кувшинова, и другія повѣсти, болѣе или менѣе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредѣляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ нашу письменность чужія сказанія.

Повѣсти о Дракулѣ и царинѣ Динарѣ занимали среднюю между историческими сказаніями хронографовъ и глѣми повѣстейми, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. Западно-

— Публ. Б-ки XV. Q. 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 повесть дивна о дѣвницѣ и великого царя Александра дщери Динары царицы.

— Погод. сборн. повѣстей и сказокъ. XVII в., № 1772, об. л. 96—100 слово и дивная повесть о дѣвницѣ Сигирского 'зіс' и Шверскаго царя о дщери Динары царицы.

— Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 слово и дивная повесть и пр.; — № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 тоже; — № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 мужество и храбрость Динары царицы, Шверскаго царя (Александра Мелека дщери); — № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 повесть зѣло полезна о дѣвницѣ дщери царя Шверскаго, царица зыма *Адинара* царицы.

— Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—641 писаніе о Динарѣ царевнѣ, дщери царя Александра Мелека Шверскаго, како власть Шверскую правити и како побѣди Шверскаго царя и пріячь власть его.

— Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 повесть Динары царицы и пр.; — № 457 хроногр. XVII в. л. 712—715 слово и дивна повесть Динары царицы Шверскаго властодержца Александра, како побѣди Шверскаго царя Адрамелеха. — последнее неправильно понято и переписана изъ «Адра Мелеха».

— Въ сборн. XVII в. Дрезденской б-ки л. 145—148. С. *Строев*. Оп. Нам. стр. 67.

— Сахарова, спис. XVII в., повесть царицы Динары, дщи царя Александра Шверскаго и т. д., см. Русск. Ск. стр. *схггij*—*схггijj*. Назвавши сказку Грузинскою, г. Сахаровъ замѣчаетъ: есть очевидные признаки, что нѣкоторыя переводныя сказки перешли къ намъ отъ другихъ *Славянскихъ* племенъ. — таковы сказки о царѣ Дракулѣ и о Динарѣ царицѣ. Само собою разумѣется, что въ последнемъ случаѣ этой очевидности вовсе нѣтъ: такъ же ошибочно г. Смирновъ поставилъ повесть о Динарѣ въ число сказокъ, переведенныхъ съ Чешскаго или Сербскаго, Вал. Сборн. 213.

Мы выбрали эти повѣсти потому, что въ нихъ старинные читатели находили гораздо болѣе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послѣднихъ, къ которымъ въ самомъ дѣлѣ можно было прилагать такія требованія. Уча-

стие преданья устного, какъ мы видѣли, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менѣе въ повѣсти о взятіи Цариграда: происхожденіе другихъ сказаній не столько ясно и скорѣе допускаетъ возможность простато пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примѣры подобнаго происхожденія повѣстей: дѣлается наша не разъ приводитъ преданья, ходившія въ народныхъ разсказахъ, даже цѣлыя повѣсти, какова напр. повѣсть о «железномъ хромѣ» Темиръ-Аксакъ и другія. Иные разсказы имѣли и западное происхожденіе: трудность путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи и конечно раньше (Ковшихъ, стр. 41), была причиною, что проводниками чужихъ разсказовъ очень перѣло были именно оффиціальныя послы, записывавшіе слышанное ими во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замѣтка въ Румянц. спискѣ повѣсти о Мутьяискомъ воеводѣ; въ одномъ статейномъ спискѣ упомянуто преданье о трехъ наряхъ-волхвахъ, слышанное послами нашими въ Кельнѣ (Др. Р. Вивл., 2-е изд. 4, 319). Еще прежде посоль Ермей Трусовъ, ѣздившій въ Римъ въ 1528 году, привезъ оттуда повѣсть о Лореттѣ, известную теперь по рукописямъ (ср. *Толст.* сб. XVI в. 2. 68, л. 308; — *Царск.* № 397, л. 144; № 728, л. 604). Извѣстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свѣдѣнія о Россіи Павлу Ювію, вывелъ изъ Рима апокрифическую исторію о бѣломъ клубкѣ, чрезвычайно известную въ свое время; она распространилась во множествѣ списковъ, и была отвергнута, какъ ложная, дѣяніемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. А. Нет. 5, 470, 472. 1, № 173. Карам. 8, пр. 94). Такова же «сваниска изъ Кивылбашскихъ отисокъ» Василія Коробина и дьяка Остава Кувшина, и другія повѣсти, болѣе или менѣе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредѣляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ нашу письменность чужія сказанія.

Повѣсти о Дракулѣ и паринѣ Динарѣ занимали среднюю между историческими сказаніями хронографовъ и тѣми повѣстями, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. Западно-

Европейскіе рыцарскіе романы имѣли впрочемъ въ нашей письменности и въ которыхъ предшественниковъ между тѣми исторіями, въ которыхъ передавались героическіе подвиги и похождения. Не повторяя того, что можетъ относиться сюда изъ прежде названныхъ статей, отмѣтимъ и некоторые произведенія Чешской и Польской литературы, представляющія сюжеты подобнаго рода. По свидѣтельству г. Спепрева, въ старыхъ сборникахъ находится повесть 1) *о Василѣ королевичѣ литовскомъ Чешскія земли* и 2) *объ Атилѣ королѣ Угорскомъ*; не зная ихъ по рукописямъ, не можемъ однако въ точности опредѣлить ни содержанія, ни происхожденія ихъ. Первая изъ нихъ безъ сомнѣнія пришла къ намъ изъ Польской или прямо изъ Чешской литературы, и по сюжету принадлежитъ къ тому же разряду повестей, какъ романъ о Чешскомъ героѣ Брунцвикѣ. Вторая представляетъ по видимому одно изъ тѣхъ сказочныхъ преданій объ Атилѣ, которыя такъ извѣстны были въ средне-вѣковой Европѣ, — и къ намъ дошла черезъ какую нибудь Польскую передѣлку исторіи этого завоевателя. На такое содержаніе повести намекаетъ отчасти и названіе Атиллы королемъ Угорскимъ: нашествіе Венгровъ напомнило о древнемъ нашествіи Атиллы, такъ что и сами Венгры и другіе народы сочли Атиллу царемъ этого племени; Венгры, какъ прежде Авары, стали называться Гуннами, и наоборотъ Гунны — gens Hunnorum. На этомъ основались отчасти и сказочныя исторіи объ ужасномъ завоевателѣ.

Третья повесть чрезвычайно напоминаетъ рыцарскія и волшебныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ удивительные подвиги героевъ украшались множествомъ фантастическихъ подробностей, гдѣ герой на каждомъ шагу встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, сражался съ чудовищами и волшебными силами, и все побѣждалъ силою своихъ доблестей. Такія похождения разсказываетъ *повѣсть удивительная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли*, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходитъ въ поморскихъ отцахъ, и како храбростию своею выслужилъ себя звѣря льва и примирилъ себя *справитио: себѣ*, и како побѣдилъ страшнаго дракона, змѣя-василискаго Спепревъ, Вал. Сб. 213). Это произведеніе находится такъ же въ двухъ

сборниках Царскаго: № 46, конца XVII в., л. 184—222 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ, Ческія земли, и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцѣхъ», гдѣ исторія однако не кончена, — и въ № 451, начала прошлаго столѣтія, л. 384 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ, Ческія земли» и пр. Мы читали повѣсть въ Погодинскомъ сборникѣ XVIII в. № 1774, гдѣ повѣсть носитъ то же заглавіе, л. 20—54 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцехъ съ великимъ зѣремъ лвомъ» (нач. «бысть въ Чешской земли королевичъ именемъ Брунцвикъ, Штырларфа короля» и пр.). Оставшись по смерти отца королевемъ Чешскимъ, Брунцвикъ жаждаль прославиться рыцарскими дѣланіями, бросилъ свою молодую жену и пустился въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ жестокая буря постигла ихъ, и корабль увлеченъ былъ теченіемъ къ магнитной горѣ, притягивавшей къ себѣ всѣ корабли, которые приближались къ ней на пятнадцать миль. Путники успѣли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились, кругомъ были видны остатки разрушенныхъ кораблей и человѣческія кости; внутрь горы трудно было проникнуть, потому что островъ обитаемъ былъ чудными и страшными существами. Странники пробыли тамъ три года; наконецъ ихъ осталось только двое — Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядка. Но спасся одинъ королевичъ: мудрый дядка зашилъ его въ конскую кожу, обматывалъ ее кровью и положилъ на горѣ; черезъ десять дней прилетѣла птица *ночь*, которая въ извѣстное время появлялась на этомъ островѣ; она схватила зашитаго въ кожу Брунцвика и унесла его въ далекія страны, куда человѣкъ можетъ дойти только въ три года. Королевичъ убилъ птицею ногу, которымъ отдала его чудовищная птица, и отправился на новыя приключенія; ходя по горамъ и отыскивая какихъ нибудь признаковъ человѣческаго жилья, онъ услышалъ страшный «звукъ» — это левъ боролся съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ лву убить девятиглаваго василиска, и съ тѣхъ поръ благодарный левъ не оставлялъ королевича ни на минуту. Вместе они отправились черезъ море къ городу, который увидѣлъ Брунцвикъ

съ высокого дерева: на дороге попалась имъ карбункуловая гора и королевичъ отколоти себѣ бокашию самоцѣльный камень. Но прибавши въ завидѣльнѣе городѣ, Бруншвикъ ужаснулся, когда увидѣлъ царя Алимбруса, имѣвшаго глаза впередъ и назадъ, окруженнаго чудовищными львами. Алимбрусъ спросилъ его, своєю ли волею пришелъ онъ или нуждою, и обѣщала пропустить Бруншвика черезъ желѣзные врата въ царство его, если только онъ освободитъ дочь Алимбруса отъ укасаго василиска. Королевичъ сѣлъ въ корабль и отправился во вранское царство: у городскихъ вратъ встрѣтилъ онъ морскихъ шотворовъ, т. е. чудовища, и съ помощію льва убилъ ихъ; такимъ же образомъ прошелъ онъ вторыя и третьи врата, наконецъ проникъ въ городѣ, гдѣ увидѣлъ богатства изумительная. Во дворѣ встрѣтила его красавица Африка, находившаяся въ неволѣ у жестокаго василиска; вторѣмъ явился и владыка этой страны, окруженный пллою тучею геновъ, чудовищъ и «сиривѣднѣй» морскихъ. Долго длилась битва, наконецъ Бруншвикъ побѣдилъ, и влеченими раны кореньями, принесенными львомъ, отвезъ Африку къ отцу. Въ награду за ея освобожденіе, Бруншвикъ долженъ былъ жениться на ней и получить огромныя богатства, но ничто не могло заманить ему отечества и онъ съ потерпѣніемъ ждалъ случая вырваться изъ неволи. Счастье и здѣсь служило ему: королевичъ успѣлъ достать мечъ-кладенецъ, который тому служить, кого любить, и убиваетъ въ одинъ разъ столько, сколько его владѣтель захочетъ. Испытавъ его свойства надъ сильными дѣрами, Бруншвикъ истребилъ все царство Алимбруса и пожелалъ вылетѣть со львомъ на родину. На дороге ему представлялись новыя приключенія и опасности, но мечъ-кладенецъ всегда спасалъ его. Наконецъ Бруншвикъ прибылъ къ столичному городу Прагѣ въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, снова выходила замужъ, принуждаемая отцомъ своимъ. Она узнала, однако въ приближѣемъ рыцарѣ Бруншвика, и онъ вошелъ въ права свои, — звалъ великій ширь на вельможъ и бояръ и на рыцарей, и всѣхъ дарилъ своими богатствами. Повесть оканчивается такимъ образомъ: «Бруншвикъ же повесть во вѣдхъ странахъ преповѣдать побѣды свои, — о вѣдхъ вѣдхѣхъ крашешихъ она

писать со единыя страны, а съ другиѣ страны писать орла, на красной земли т. е. дѣло идетъ о гербѣ. И тако Брунsvикъ поживе во своемъ королевскомъ величествѣ тридцать пять лѣтъ, и приживъ съ Неомениєю едината сына и нарече имя ему Владиславъ, и въ доброй старости скончася и погребенъ бысть честно. Мечъ же тотъ по смерти Брунsvиковъ не имѣя силы и бысть яко протѣи; левъ же по смерти Брунsvиковъ velmi нача тужити и тосковати по Брунsvикѣ, и съ той . . . великія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струя слезы текуще, и приде левъ на гробъ Брунsvику и въ жалости velmi воскричашъ, и паде на землю мервъ, и тако скончася Брунsvикъ и левъ» . . .

Въ Чешской литературѣ романъ, передававшій исторію Брунsvика, Kronika o Brunsvikowí, извѣстенъ былъ очень давно и напечатанъ уже въ 1565 г. вмѣстѣ съ исторіей огна его Штильфрида и извѣстной амазонки Власты. Онъ напечатанъ былъ нѣсколько разъ и послѣ, наконецъ изданъ Гапкой по рукописи въ книжкѣ: *Stará powest o Stojmírowí a Brunsvikowí knížatech českých, w Praze 1827 Jungmann, Hist. 66*. Романъ этотъ не былъ самообытнымъ и національнымъ произведеніемъ Чешской литературы и относится уже къ тому времени, когда чисто-національный эпосъ уступилъ первенство романтическому влиянію западныхъ литературъ, особливо Шмецкой. Цѣлая постройка романа отзывается этимъ чуждымъ началомъ, которое впрочемъ сильно привилось въ литературѣ Чешской отъ обширнаго знакомства съ Германскими и Романскими поэмами и рыцарскими исторіями; повѣсть о Брунsvикѣ по характеру сюжета совершенно примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ. Въ ней повторюется даже многія подробности, наиболѣе извѣстныя въ романтическомъ эпосѣ: таковы эпизодъ о магнитной горѣ, пританувшей корабль Чешскаго авантюриста; повѣрье о магнитной горѣ среди моря вставлено во многихъ произведеніяхъ и восточныхъ, какъ въ Тысячѣ и Одной ночи, и въ западныхъ. Многіе герои испытывали то же приключеніе, какое случилось съ Брунsvикомъ, когда онъ очутился на волшебномъ островѣ; и самое освобожденіе его посредствомъ исполненной паны пога есть буквально повтореніе того, что разсказывается о гербѣ

Французскаго романа *Нон де Воудеанх*, который точно так же занесенъ былъ въ магическому острову и потомъ изъ-бавленъ былъ грифомъ. Славянское имя птицы, уже известное намъ изъ сказки о Синагрицѣ, равнозначительно съ грифомъ. Другія обстоятельства въ приключеніяхъ Брунцвика, напримеръ встреча съ вертящимися полами, принадлежать той же Французской исторіи, считающейся однимъ изъ лучшихъ и любопытнѣйшихъ романовъ рыцарскихъ. Чешскій сочинитель безъ сомнѣнія знаетъ и передѣлываетъ или самый этотъ романъ, или какую нибудь изъ Немецкихъ поэмъ, стоящихъ въ связи съ Гюономъ Бурдосскимъ. Наша повесть переведена впрямую съ Чешскаго подлинника, едва замѣтные слѣды котораго можно еще видѣть въ читаемомъ нами текстѣ: притомъ, сколько намъ известно, Польскій переводъ хроника о Брунцвикѣ и не упоминается. Повесть нравилась конечно Русскимъ читателямъ, потому что въ фантастическихъ похожденияхъ героя были общія черты съ вымыслами народныхъ нашихъ сказокъ и преданій. Любопытно въ отношеніи къ послѣднимъ, что въ повѣсти о Брунцвикѣ является на сцену мечь-кладенщикъ, необходимая принадлежность сказочныхъ богатырей. Едва ли эта подробность вставлена была Русскимъ переводникомъ; мы думаемъ скорѣе, что она перенята въ народные разсказы изъ рукописной повѣсти, тѣмъ болѣе, что богатыри былинны, болѣе незаменимы отъ произвола разсказчика, почти никогда не фигурируютъ съ мечомъ-кладенщикомъ, который предоставленъ сказкѣ. Замѣтимъ также, что въ нашихъ сказкахъ упоминается и *пашей-птица* (т. е. погѣ), выносившая сказочнаго паревича изъ подземнаго царства на святую Русь, и едва ли не замечовавшая некоторыя особенности своихъ изъ старинной рукописной повѣсти, гдѣ, какъ мы видѣли, она упоминается нерѣдко и притомъ съ одинаковыми свойствами. Сравни. народную сказку объ Пшавѣ паревичѣ и о Суворѣ невидимкѣ-мужикѣ въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы», Сиб. 1815. 34 стр.).

Сказаніе о Брунцвикѣ и повесть о Василѣ королевичѣ златошлемѣ Чешскія земли въ литературно-историческомъ отношеніи интересна особенно по своему Чешскому происхожде-

нию несомненно, но крайней мѣрѣ, въ первомъ случаѣ, потому что предполагаютъ существованіе некоторыхъ литературныхъ связей, и слѣдовательно расширять горизонтъ старой нашей письменности. Въ сказаніи о Брунвикѣ западный романъ перешелъ къ намъ въ Славянской передѣлкѣ; обращаемся теперь къ другимъ произведеніямъ этого рода, явившимся у насъ болѣе непосредственно, и отъ того, быть можетъ, принятымъ не съ такою охотой.

— Распространеніе повѣрья о магнитной горѣ, въ средне вѣковыхъ памятникахъ, указано у *Grässe, Sagenkreise* 339. — *Liebrecht's Dunlop* 128—129, 177.

VIII.

Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Меловицѣ. — Исторія Петра Златые Ключи. — Цезарь Октавіиъ. — Повѣсти оль древнихъ Агоницевъ. — Повѣсти о князѣ Адореской. — Аполлонъ, король Турекій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или *Buovo d'Antona*.

Потреба въ такомъ чтеніи, каковы были рыцарскіе романы, еще смутно проявлялась въ это время, но уже заронилась въ Русской письменности. Различныя сказанія, которыми наполнялись до того переводныя книги, имѣли съ ними общее, какъ произведенія фантазіи, удовлетворявшія любви къ чудесному, всегда сильной при невысокомъ развитіи литературныхъ понятій; эти повѣсти сохраняли свой авторитетъ до конца стараго періода, съ большимъ прилежаніемъ переписывались въ сборники, но уже даютъ мѣсто новымъ произведеніямъ, отличнымъ отъ нихъ по основному характеру. Рыцарскіе романы появились у насъ болѣею частью во второй половинѣ XVII столѣтія, и если судить по количеству списковъ, нашли сочувствіе въ тогдашней публикѣ. Въ западно-Европейскихъ литературахъ въ то время уже проходила для нихъ прелекая блестящая пора; семнадцатое столѣтіе было временемъ упадка рыцарскихъ романовъ и перехода ихъ въ составъ популярной литературы, которой они принадлежатъ теперь. Они были сначала общимъ достояніемъ всехъ читателей, но въ послѣдствіи, съ развитіемъ образованности, рѣше опредѣлилась и разница между отдель-

рицѣ... зла изыскать, а добра изыскать, а *Боже слава не мистца*, отныне и до века» (Толст. 2. 215, л. 404). Мы увидимъ, какъ подобныя взгляды оставили слѣды и на самой вѣщности романа. Быть можетъ, фантастическое въ описаніяхъ геройскихъ подвиговъ со временемъ перестало быть единственнымъ интересомъ, какой находили читатели въ рыцарскихъ исторіяхъ; могли выдѣлаться и другія стороны произведеній, пришедшихъ къ намъ изъ литературы западно-Европейскихъ, именно тѣ стороны, гдѣ событія прямо основываются на нравственномъ понятіи. Конечно и здѣсь наша точка зрѣнія имѣла нѣчто особенное....

Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи приобрѣли значеніе въ то время, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію; отсюда названіе ихъ «потѣшныя книги», оттого они перѣдко представлялись въ «спискахъ» или въ «списныхъ фигурахъ», съ которыми уцѣлѣли до сихъ поръ въ глубочайшихъ изданіяхъ. Г. Забѣлинъ упоминаетъ о потѣшныхъ книгахъ, служившихъ забавой царевичамъ. Отч. Зап. 1854. 12, 117 : книги эти богато перилегаются, картинки разрисовывались яркими красками съ золотомъ и серебромъ. Нѣкоторые сохранившіеся списки подобныхъ книгъ, какъ одна изъ Толстовскихъ рукописей Александрій, даютъ понятіе о роскошныхъ изданіяхъ того времени. Распространеніе переводныхъ романовъ определяется между прочимъ разнообразіемъ списковъ ихъ, которое иногда должно объяснять не вариантами одного текста, а существованіемъ разныхъ переводовъ.

Обращаясь къ перечисленію извѣстныхъ у насъ въ старину рыцарскихъ романовъ, замѣтимъ прежде всего исторію Мелюзина или *книгу о Мелюзинѣ*, какъ называется она въ первыхъ двухъ изданіяхъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ. Въ нашихъ рукописяхъ она встрѣчается гораздо рѣже другихъ романовъ, и до сихъ поръ попала намъ только въ одномъ экземплярѣ. По содержанию относится ее къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ, или къ числу сказокъ о феяхъ, потому что одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исторіи, Мелюзина, была дочь волшебницы Перевны, сама обладавшая сверхъестественными знаніями

и могуществом. За непочтение къ отцу Мелюзина была наказана тѣмъ, что каждую субботу должна была обращаться въ змѣю, или въ полу-человѣка, полу-змѣю; только найдши себѣ супруга, который бы согласился знать за ней этотъ недостатокъ, Мелюзина могла избавится отъ неприятныхъ превращеній. Въ Пуату она увидѣла графа Раймунда, который соответствовалъ ея искамъ; Раймундъ согласился на условіе не видѣть Мелюзину каждую субботу, когда она должна была совершать волшебныя омовенія, — и бракъ былъ заключенъ. Они жили счастливо; у Раймунда было уже нѣсколько сыновей, счастливо начинавшихъ рыцарскую карьеру; при помощи волшебства Мелюзина явилась у него крѣпкіе, неприступныя замки — Лузиань, Ла-Рошель и другіе; онъ приобрѣлъ большій богатства. Но потомъ братъ Раймунда посѣтилъ въ немъ разныя подозрѣнія; возбуждаемый ими, онъ нарушилъ обѣщаніе, — и какъ только Мелюзина замѣтила однажды присутствіе посторонняго лица, она исчезла съ громкимъ крикомъ печали и унесла съ собою спокойствіе и удачу Раймунда. Историки прибавляютъ, что въ постыдѣтвіи, когда графиня Лузиань, потомкамъ Раймунда, грозило какое нибудь бѣдствіе, Мелюзина каждый разъ являлась, за три дни, на башнѣ замка въ Пуату, построеннаго ея супругомъ; последнее появленіе ея относится къ тому времени, когда въ эпоху междоусобицъ вошелъ во Францію, замокъ послѣ храброй обороны вѣсть быть герцогу Монпелье, 1574 г.

Первоначальная основа романа лежитъ конечно въ мѣстномъ народномъ преданіи и связана съ повѣрью о феяхъ. Превращеніе женщины въ змѣю есть довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ варьируется и въ нашей сказкѣ о богатырѣ, который женится на отравительной лягушкѣ, но потомъ эта лягушка оказывается прекрасной женщиной и сильной волшебницей. Въ исторіи Мелюзины замѣчательна между прочимъ эпизодъ о томъ, какъ Раймундъ получилъ столько земли, сколько можетъ занять коза оденя (или быка); въ Нѣмецкихъ сагахъ этотъ расказъ относится къ родоначальнику графовъ Мансфельдъ (1113), у Англичанъ онъ привязанъ къ преданію о прибытіи въ Британію Генриета и Горга (*Dunlop* 514), и имъ же объясняется происхожденіе имени

Гайдъ-парка; у древнихъ тоже рассказывалось объ основательнице Кароатена, которая купивши у туземцевъ столько земли, сколько покроетъ кожа быка, разрѣзала кожу на тончайшія поюски и заняла такимъ образомъ гораздо больше земли, чѣмъ тѣ думали, — оттого самое мѣсто называлось въ послѣдствіи *Byrsa Justin. Hist. XVIII. 5*) Первая редакція романа появилась въ 1389 г., когда нѣкто Жанъ-д'Арра *Jean-d'Arras* по повелѣнію герцога Берри и короля Карла V собралъ преданія, касавшіяся феи Мелюзинь. Эта исторія прошла черезъ руки другаго переувѣльвателя, который придавъ героинѣ такой блескъ, что знаменитыя Французскія фамиліи Люксембургъ, Роганъ и другія дозволили подѣлать немногія свои родословныя деревья, чтобы проходить отъ славной феи. Отсюда ведетъ начало, вѣроятно переведенный съ Латинскаго, Французскій романъ въ прозѣ, напечатанный въ Женевѣ 1478 г.: *Cy finist le liure de Melusine en frâcoys imprimé par maistre Adam Steinschaber natif de Suinfurt en la noble cite de Geneve, lan de grace mil cccc lxxvij ou mois doust. (9° goth.)*, — за которымъ въ 1489 г. появилась редакція Непанская, въ 1500 г. Нидерландская. Въ Шпенской литературѣ изданіе «жени о Мелюзинь» вышло въ 1474 г., следовательно даже раньше Французскаго; у Шпенцевъ эта исторія печаталась очень часто и до сихъ поръ удержалась въ числѣ народныхъ книгъ (*Marbach's Volksb. Leipz. 1838. I. 3*). Отъ Шпенцевъ она перешла въ литературу Датскую и потомъ Шведскую; въ половинѣ XVI столѣтія, изъ Шпенскаго перевода явилась Чешская редакція: *Kronika kratochwilná o etné a tlechetné ranne Meluzine, w Prostejowe 1555*, печатавшаяся и послѣ, и потомъ изъ того же источника немногія поддѣлы произошли. Польскій переводъ (*Maciujowski, Piśm. 2, 898*), посредствомъ котораго исторія о Мелюзинь достигла наконецъ Русской старинной письменности.

Нашъ переводъ находится въ Толст. рукописи 2. 218 Публ. Б-ки XVII. Q. 8, скорѣи XVII-го вѣка. Рукопись, написанная чрезвычайно старательно, заключаетъ только двѣ статьи: описаніе Царскаго и султанацкаго двора, переведенное кажется изъ Старовольскаго и известное также по другимъ спискамъ, и катъкъ 1. 83 — 185 романъ о Мелюзинь, неизмѣняющій заглавія,

какъ и первая статья, и потому отмеченный въ печатномъ каталогѣ весьма неясно. Несколько страницъ въ началѣ занято оглавленіемъ романа т. е. перечетомъ главъ его: «о произведеніи и началѣ Лозаны града, и како народъ тѣхъ господъ во Францїи начася», «како графъ Емерикъ Потирскаго града на угощеніе жаль, и двоихъ дѣтей отъ него жеташе, что оны ему злю ради поводити», . . . «како Раимууду мѣсто вымѣрено, елико кожа еленя обляти можаше, и како ему правомъ подтверди» и т. п. Въ послѣдней главѣ романа изчислены переводы исторіи, «которая съ Французскаго языка на Латинскій переведена бысть лѣта отъ Рождества Христова 1400, съ Нѣмецкаго же на Польскій преведена лѣта Господня 1569, — нынѣ же съ Польскаго на Словено-Русскій языкъ преведена лѣта 7185 (= 1677) Января въ 12 день». Русскому переводчику принадлежатъ здѣсь конечно только послѣдніе извѣстія, а первыя находятся уже въ Польскомъ изданіи. Переводъ нашъ страдаетъ немногою погрѣзками; иногда приняты Польскія слова, иногда поставлены Русскія въ неправильной формѣ или значеніи, напр. «словаичикъ» значитъ Лозана, «ошаство», «сноровить» и др.

Свидѣнія объ этомъ романѣ у *Grässe*, Sagenkr. 382 ff. — *Dunlop* 405—406. 481. — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres, Brux. 1838, 2. 532. — *Junquillon*, Hist. 67 — *Grimm*, D. Sagen 1, J. 13. Въ новѣйшъ изданіи замѣчено: *Fr. Michel*, Mellusine, poëme relatif à cette fee poitevine, composée dans le XIV siècle, par Couldrette. Niort, Robin et Favre 1854.

Гораздо болѣе обратитъ у насъ вниманіе другой романъ, который въ подлинной передачѣ до сихъ поръ занимаетъ досуги читателей изъ простаго народа. Это — исторія о храбромъ князѣ *Петри Клителъ-Кловель* и о прекрасной королевѣ *Магеленѣ Неаполитанской*. Французскій романъ, бывшій первообразомъ нашей исторіи, также относится къ числу сказаний объ эпохѣ Карла Великаго; древнѣйшую редакцію его находятъ уже въ XII столѣтіи. Въ немъ разсказывается судьба двухъ вѣрныхъ любовниковъ, Петра, графа Прованскаго, и Магелены, у насъ называемой обыкновенно Магеленою, дочери

короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имея другъ о другѣ никакой вѣсти, наконецъ послѣ длинныхъ приключеній снова увидѣлись. Несмотря на разлуку, на бѣдствія, они не забывали другъ друга; наконецъ вѣрная любовь и благочестіе ихъ были награждены, и послѣ того Петръ Золотые-Ключи и прекрасная Магелона жили долго и счастливо. Сюжетъ романа — слишкомъ общій и развивается во множествѣ другихъ произведеній; можно впрочемъ замѣтить нѣсколько повѣстей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи Петра и Магелоны. Такова въ Тысячѣ и Одной ночи повѣсть о любви Камаральзамана, принца острова Халедана и Балуры, принцессы Китайской (*Habicht 2-te Ausg.* 5, 1 — 125), сходство которой могло быть и неслучайно, потому что Арабскій сборникъ имѣлъ несомнѣнную связь съ повѣстью и романомъ литературы западно-Европейскихъ; таковы и Турекія «приключенія Абдуль-Селяма и принцессы Шельшессы». Другой Французскій романъ, основанный на томъ же сюжетѣ, *roman de Paris et de Vienne*, имѣетъ большое сходство съ Петромъ Провансскимъ, но этотъ послѣдній, кромѣ общаго направленія рыцарскаго романа, отличается особенною чертою, именно отлѣкомъ тихой пубности, который отразился и на имени героя, избравшаго своимъ девизомъ золотые ключи св. Петра. Исторія Петра и Магелоны въ свое время находила себѣ множество читателей, даже у Шмюгеля, несмотря на нѣкоторое противорѣчіе ея католически-благочестиваго характера съ реформаторскимъ движеніемъ тогдашней Германіи; средне-Шмюгелъская литература имѣла даже самостоятельную обработку этого содержанія въ поэмѣ: *Daz ist der buzant* (Gesamtabent. 1, 331 — 366).

Первая извѣстная редакція романа относится уже ко второй половинѣ XV вѣка; до сихъ поръ остается однако не отыскана романская редакція въ стихахъ, и вообще южно-Французская, на которую указываетъ самая родина героя. Въ провансальской поэмѣ, приписываемой Бернару де-Триви (*Bernard de Trivies*), въ 1457 г. сдѣлано было сѣверно-Французское переложеніе въ прозѣ, напечатанное въ концѣ XV столѣтія. Однимъ изъ древнѣйшихъ изданій, по Брюне, было: *La belle Maguelonne*. Су

commence listoyre du vaillant cheualier pierre filz du conte de pro- uence et de la belle Maguelonne fille du roy de naples (imprime a lyon par maistre Guillaume le roy, безъ означенія времени; первое изданіе съ годомъ появилось въ 1490 г. Впрочемъ съ Французскаго исторія переведена была въ 1526 г. на Непанскій, а отсюда въ 1650 г. переложена была на Каталонское нарѣчіе; впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ *Донъ-Кихотъ* заключають, что еще прежде существовала Непанская поэма того же содержанія, болѣе самобытно составленная. По Французскому подлиннику въ 1521 г. сдѣланъ былъ и Нидерландскій переводъ, въ которомъ проза перемежалась со стихами; и только въ 1535 г. является Нѣмецкій переводъ Петра и Маделонны, магистра Витена Варбека. Изъ литературы Нѣмецкой романъ перешелъ въ 1662 г. въ Шведскую, но гораздо ранѣе въ Чешскую, гдѣ *Historie o krásné kněžně Magelone a udatném rytíři Petrowi* вышла еще въ 1565 г. Въ новѣйшее время исторія Петра и Маделонны явилась на ново-Греческомъ и Италіанскомъ языкѣ; въ народной литературѣ Французской и Нѣмецкой она до сихъ поръ печаталась множество разъ съ грубо гравированными картинками. Большое число Французскихъ изданій ведетъ начало съ XV столѣтія; исторія вносилась и въ разные сборники рыцарскихъ и другихъ романовъ, напр. *Bibliothèque des romans* 1779, *Bibliothèque bleue* 1769 и др., гдѣ исторія передана впрочемъ въ подновленномъ видѣ, какъ и въ изданіи графа де-Трессана *Corps d'extraits de romans de chevalerie*, Paris 1782, 1. 382 — 442. Одна изъ подобныхъ редакцій переведена была въ прошломъ столѣтіи на Русскій языкъ, подъ заглавіемъ «Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Маделоннѣ», М. 1780. Смол. 1796.

Полѣнная книга въ лицахъ «Петръ Золотые-Ключи», писанная уставомъ, добрымъ мастерствомъ, упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексія Петровича (*Забл. титл.*, въ *От. Зап.* 1854. 12, 117), но переводъ нашъ сдѣланъ былъ конечно еще ранѣе. Подлинникомъ его была Польская *historya o Magielonie królewnie Neapolitańskiej*, позднѣйшее изданіе которой, 1701 г., упомянуто въ библиографическомъ словарѣ Эберта *Allg. Bibl. Lexicon*, Leipz. 1821 — 30, . 17 12804; ср. *Mucujowski*,

Рiśm. 3, 170). Г. Строевъ предполагаетъ, что исторiя Петра Золотыхъ-Ключей переведена съ Латинскаго; но во первыхъ Латинская редакцiя этой книги совершенно нецѣлѣнна, во вторыхъ многiя слова Русскаго текста, какъ «шурмованье», «сродь», «шляхтичь» и т. п., не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ подлинникѣ. Впрочемъ языкъ перевода много лучше, чѣмъ въ книгѣ о Мелюзинѣ, и пощипы не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложенiи, доходящемъ перѣдко до чисто-народнаго склада. По нашему переводу XVII-го столѣтiя составилось и дубочное изданiе, сохраняющее досихъ поръ нѣкоторые слѣды стараго текста. Романъ передается здѣсь очень коротко, весь онъ помѣщается на восьми листахъ небольшого формата, украшенныхъ въ обыкновенiю приличными картинками. Дубочныя изданiя, подъ заглавiемъ «повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевѣ Магиленѣ» или «исторiя о храбрѣмъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной сунурѣ его княгинѣ Магиленѣ», довольно известны въ народномъ чтенiи и до нашего времени. Указываемъ далѣе и рукописи романа изъ XVII-го и XVIII-го столѣтiя.

Вообще объ этомъ произведенiи см. *Grässe, Sagenkr.* 386 ff.; — *V. d. Hagen, Gesamttabentener.* Stuttg. u. Tib. 1859, 1, cxxxv ff.; — *Brunet, Manuel* 3, 508—509; — *Jungmann, Hist.* 67; — *Nisard, Hist. des livres popul.* 2, 133—139; — *Marbach's Volksb. № 5*; — *Simrock's Volksb.* 1, 41—125 die schöne Magelone.

Списки — Забѣлина, въ сборн. сборн. XVII в., № 68, романъ занимаетъ л. 243—338, безъ заглавiя и начальнаго листовъ, нач. что я тебѣ во всемъ вѣра была — разговоря терпши съ ея мажой; — № 82, сборн. XVIII в., въ которомъ находится исторiя или повѣсть о славномъ и храбрѣмъ рыцарѣ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевѣ Магиленѣ Неополитанскомъ.

— Царскаго, № 438 сборн. XVII в., л. 177—219 исторiя Петра, безъ начала и заглавiя.

— Ногодина, № 1774 сборн. XVIII в., л. 55—126 исторiя о славномъ рыцарѣ Неополитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о прекрасной королевѣ Магиленѣ дѣвнѣ о житiи и о походенiи ихъ, въ 48 статьяхъ или главахъ.

— Дежидова, М. 511 история о храбромъ китецѣ Петрѣ Златыхъ Ключей и о королевѣ Матилдѣ Неопитанской .
Любимая наша сказка переведена изъ Шведскій въ Рус-
сiе Volksmährchen, v. A. Dittich, Leipzig 1831, 192—199.

Третій переводный романъ старинной нашей литературы, *повѣсть о престолюбѣ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ*, представляетъ новый отблескъ въ сравненіи съ двумя первыми и вмѣстѣ длинную литературную исторію, въ которой мѣлкость и плавание и действующій дѣла, сохраняя главныя обстоятельства содержания. Кесарь Оттонъ, или по другимъ западнымъ редакціямъ Октавіанъ, удалитъ отъ себя и оставитъ на произволъ судьбы супругу свою, которую клевета обвинила въ неверности. Несчастливая мать, съ двумя маленькими дѣтьми близнецами, должна была идти, куда глаза глядятъ, и заснувши въ дѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищенного обезьяной, а потомъ и другого, унесеннаго львицею. Впрочемъ ни тотъ, ни другой не погибъ: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ, и въ послѣдствіи, отличившись подвигами при нападении Египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Судьба второго сына была оригинальнѣе: когда львица унесла его, огромный грикъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія Египетскаго султана, Лионъ, — названный такъ отъ похищенія львицею, — успѣлъ освободить Флоренса и самого Октавіана, захваченныхъ непріятелемъ, и затѣмъ явилъ въ плѣнъ и Египетскаго султана. Слѣдуетъ общее свиданіе: Октавіанъ или Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Лионъ женится на дочери короля Пенанскаго и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленною Маркюбиллою, дочерью Египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ Англійскимъ.

Древнѣйшая повѣстная редакція этого сюжета есть Французская поэма, изъ которой въ послѣдствіи выведенъ прозаическій романъ, изданный въ Парижѣ 1560 г., в. а., подъ на-

знанієм *L'histoire de Florent et Lyon, enfants de l'empereur de Rome*. Но и Французская, и Английская обработка романа указывают на Латинскую редакцію, служившую для нихъ основаніемъ: она до сихъ поръ неизвѣстна. Кромѣ Английской существуетъ также Нѣмецкая передѣлка, XVI-го столѣтія, и затѣмъ Датская, Шведская и Нидерландская. Ближайшее отношеніе къ исторіи объ Оттонѣ имѣють другіе романы, напр. *histoire de Valentin et Orson*, переносящая дѣйствіе въ Константинополь, какъ и Французская народная книга подобнаго содержанія *histoire de la belle Helene de Constantinople*, гдѣ мѣсто жестокаго Октавіана занимаетъ Греческій императоръ Антоній. Исторія Валентина и Орсона составлена по той же канвѣ, какъ и нашъ романъ: одинъ изъ героевъ точно такъ же получаетъ имя отъ медвѣдицы (*ourse*), какъ тамъ Леоизъ отъ львицы; отличіе только въ развязкѣ, которая въ Валентинѣ и Орсонѣ не такъ блистательна для героевъ. Эта послѣдняя редакція до сихъ поръ удержалась въ числѣ популярныхъ Французскихъ книгъ; у Нѣмцевъ напротивъ осталась исторія Октавіана.

Русскій переводъ романа относится опять ко второй половинѣ XVII вѣка, и къ тому же 1677 году, какъ исторія Мелюзины. Въ рукописи Царск. начала XVIII-го вѣка, заключающей это произведеніе, отмѣчено, что исторія переведена съ Латинскаго, но въ просмотрѣнныхъ нами спискахъ Погодина и Забѣлина, XVII-го вѣка, одинаково указывается Польскій подлинникъ, что и справедливо. Текстъ нашего перевода представляетъ поэтому нѣкоторые полонизмы, напр. царь «обримскій» т. е. исполнскій (*olbrzym, obrzym* великанъ), «снобожное» житіе и т. п. Въ переводникѣ видно впрочемъ знаніе своего дѣла: передавая подлинникъ онъ старался иногда писать высокимъ слономъ и употребляетъ риторическіе и книжные обороты.

Подробности объ Октавіанѣ у *Grässe, Sagenkr.* 279 — 281. — *Nisard, Hist. des livres popul.* 2, 525—530, такъ же 459—469; — *Simcock's Volksb.* 2, 241—424 *Kaiser Octavianus*.

Списки — Погод. № 1771, ризъ XVII в. на 277 л. Первый листъ съ заглавіемъ писанъ поодѣлу повесть народная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римскѣмъ и о супругѣ его цесаревѣ Олуидѣ, уже со двѣма чадами своими въ

препустую и далечайшую пустыню игна, клеветы ради и наглаголанія язере своея, и како дивнымъ промысломъ и чуднымъ строеніемъ Божиимъ по многихъ дѣлахъ въ помянуіе и соединеніе приидоша, преведся сія чюстная повесть с *Полскаго* языка на Рускіи, дѣла 7185 году августа, а отъ Рождества Спасителя 1677 г., нач. во время господствованія во Франціи крали Дюоберта, въ Римѣ государствуя великоцилымъ и непероборимымъ Оттономъ, славнымъ цесаремъ и пр. На внутрешней сторонѣ перелета прииска — дѣла 7201 го = 1693, денвара въ ... день, сія кита *Дѣи Римскихъ* о славимъ цесаре Оттоне и о цесаревѣ его Маринъ сіе, и о цесаревичахъ ихъ о Флоренсе и Леоне, Чюдова мѣтра соборного старца Марка Щербакова, кетешная ... писана въ Нижнемъ Новѣградѣ, какъ было въ промышленикахъ: назаванія главь писаны киносарью: — , J' 1770, ризъ XVIII в. на 128 л. - исторія о Римскомъ цесари Оттонѣ, и о цесаревѣ Адуидѣ и о дѣтахъ ихъ Леонѣ и о Флоренсѣ, выписана изъ Римскихъ летописновъ, нач. во время государствованія во Франціи короли Дюоберта, а въ Римѣ государствуя великоцилымъ и непероборимымъ первы Оттономъ цесаремъ.

— Заблѣнна, въ сбори, XVII в., J' 68, л. 1—252 повесть парцанная, полемная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римствѣ и о супругѣ его цесаревѣ Одуидѣ и т. д. какъ въ Погодъ, съ тѣмъ же замѣчаніемъ: преведся сія чюдная повесть с *Полскаго* языка на Рускіи дѣла ... 85 г. с. 7185) году августа въ ... а отъ рождества Спасителя 1677 г. Первые два листа, по ветхости, склеены въ одинъ; переводъ тотъ же самый: — , J' 82, сбори, XVIII в. повесть - исторію о Оттонѣ цесарѣ Римскомъ и о супругѣ его цесаревѣ Одуидѣ.

— Царск., J' 448 сбори, 1718—32 г., - исторія парцанная, полемная и весьма дивная о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ и о супругѣ его цесаревѣ Адуидѣ и т. д. Въ одной изъ рукописей Казанск. университета, повѣшаного письма, на л. 162—231 находится такъ же романъ объ Оттонѣ, бѣль заглавія: см. Журн. М. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 40.

Въ сборникахъ XVII—XVIII-го столѣтій встрѣчается очень часто другая повесть, писанная на тотъ же сюжетъ; она короче Оттона и замѣчательна отсутствіемъ всякихъ собственныхъ именъ, всего дѣйствія такъ же остается въ неизвѣстности; отъ

того повѣсть выходить довольно блѣдна и безлична. Названіе ея — «повѣсть зѣло полезна, выписана отъ древнихъ дѣиъ Палестинскихъ, дѣтоисцевъ, изъ Римскихъ хроникъ», или «повѣсть зѣло душеполезна и умилению достойна о паритѣ и о дву сынохъ ея, и о львицѣ», — названіе, такъ же неопредѣленное. Кромѣ того повѣсть отличается отъ исторіи Оттона и роллю, которую играетъ львица, похитившая ребенка. Унесенный ею въ далекое отъ людей мѣсто, ребенокъ выросъ и возмужалъ тамъ, наконецъ найденъ мореплавателями и взятъ на корабль, но львица всюду слѣдовала за своимъ питомцемъ, не оставила его и тогда, когда онъ, привыкну къ человѣческому обществу, началъ свои воинственные дѣянія и вмѣстѣ съ братомъ сражался съ полчищами иноплеменниковъ: львица участвуетъ въ битвѣ и истребляетъ множество враговъ. Любопытно, что подобная черта находится и во Французской народной исторіи о Валентиѣ и Орсеѣ. Въ некоторыхъ спискахъ нашей повѣсти прибавленъ эпизодъ о видѣніи царя, имѣвшемъ аллегорическій смыслъ и предвѣщавшемъ описанныя приключенія. Не такъ давно, эта вторая редакція романа объ Оттонѣ, снова появилась въ литературѣ простаго народа между изданіями, какія называются исключительно для него. Она издана по рукописи 1720 г. подъ заглавіемъ «Повѣсть зѣло душеполезна, выписана отъ древнихъ дѣтоисцевъ, изъ Римскихъ хроникъ», М. 1847. 72 стр. Сколько извѣстно, до тѣхъ поръ повѣсть не была напечатана.

Укажемъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ ея. — Толст.

2. 140 сборн. XVII—XVIII в. л. 917—931 безъ начала; — 5. 31 л. 162—193; — 5. 103 л. 85—109 вѣроятно то же.

— Забѣлина, въ сборникахъ XVIII в., J' 67 и J' 82.

— Погодина, въ сборн. XVII—XVIII в. J' 1173 об. л. 4—32 повѣсть зѣло полезна выписана отъ древнихъ дѣтоисцевъ, изъ Римскихъ же хроникъ sic, кои — како царница моллася Пресвятыи Богородицѣ, нач. бысть въ Палестинскихъ странахъ.

— Царск., J' 510 сборн. XVII в. л. 512—513; — J' 521 сборн. XVII в. л. 130—177; — J' 536 сборн. XVII—XVIII в. л. 117—140. J' 540 сборн. XVII в. л. 336—371.

№ 443 сборн. нач. XVIII в. л. 184—223. — № 446 сборн. нач. XVIII в. л. 164—178 ср. Погод. списокъ.

— Б-ки Московск. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 218—232.

Въ рукописяхъ, заключающихъ исторію объ Оттонѣ и Алуидѣ, находится обыкновенно и *повѣсть правдивая о князю Альддорфской*, которая вѣроятно и въ подлинникѣ помѣщена была вмѣстѣ съ Оттономъ, потому что предисловіе ея упоминаетъ о «прежде писаннѣй повѣсти цесаря Оттона» и выводитъ изъ нея нравственныя заключенія. Повѣсть имѣетъ цѣлью объяснить происхожденіе герба известной фамиліи Гвельфовъ, «по предложеніи же *выжлецовъ*»: жена одного короля, осуждавшая свою очень плодотивую служанку, наказана была рожденіемъ вдругъ двенадцати сыновей, и рѣшилась погубить ихъ всѣхъ, кромѣ одного; намѣреніе это было бы исполнено, если бы король, или князь, возвращаясь домой не встрѣтилъ женщину, которая хотѣла утопить дѣтей въ рѣкѣ, наливая ихъ шенками *выжлецы*: отецъ узнавъ дѣтей по крику, вѣсть ихъ у женщины, отдать на воспитаніе, и когда они выросли, торжественно представить ихъ роднымъ своимъ и признать ихъ собственными дѣтьми. Мать ихъ являла раскаяніе и была прощена мужемъ. Переводъ принадлежитъ вѣроятно тому же перу; языкъ отличается книжностью. Затѣмъ слѣдуетъ другая повѣсть подобнаго содержанія и замѣтки, конечно Польскаго переводчика, о разныхъ необыкновенныхъ случаяхъ плодотивости женщинъ въ Польшѣ: анекдоты такого рода укаваны уже нами въ «Вѣникѣ Зерналѣ».

Преданія о происхожденіи Гвельфовъ см. у *Grässe, Sagenk.* 73—74. Списки этихъ повѣстей находятся въ указанныхъ прежде рукописяхъ — Погод. № 1771 об. л. 262 — повѣсть правдивая же и примѣчна ко предисловію въ о князю Альддорфской, иже, единымъ предисловіемъ двенадцать сыновъ породилъ, нач. сохранился въ предисловіи писанной повѣсти цесаря Оттона и въ цесареною его Алуидою и въ чадъ его ведико и дитое, суровое и жестокое мучительство и пр. на об. 263 т. е. самая повѣсть — дѣтѣ об. л. 272 — о вѣскожъ вельможъ иже икъ у себе придесть

двоу сыновъ и восемь дочерей, нач. «Фридерикъ оныи не сарь Римскій» — Л. 1770 об. л. 120 «исторія правдивая же и извѣстная о княгинѣ Алтыдорской» и пр., нач. «оказався въ прешедшей годѣ повѣсти, коидкое другое мужи телство» и пр., далее «повѣсть истинная о предивномъ цю дѣ», нач. «понеже есмы расположихомъ» и т. д.

— Забѣлина. № 68 л. 339—352 съ отдѣльнымъ счетомъ лист. 1—14 «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явствовашей о княгинѣ Алторской, иже единымъ чре во» поименомъ дванадесѣ сыновъ породилъ и проч.

— Въ упомянутой новой рукописи Казанск. унверс., на об. л. 231—235 «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явствовашей о княгинѣ Алтыдорской» и пр. Журн. М. Нар. Пр. 1854. Авг. стр. 41.

Въ числѣ любимыхъ средне-вѣковыхъ романовъ была исторія о *Аполлоніи королѣ Турскомъ*, принадлежащая къ циклу такъ называемыхъ «античныхъ» сказаній; у насъ эта повѣсть распространилась болѣе многихъ другихъ повѣстей. Она рассказываетъ любовь Аполлонія Турскаго къ Тарсѣ, дочери короля Антиоха Сирійскаго, и несчастныя приключенія Аполлонія, который женился потомъ на дочери другого короля, потерялъ жену и дочь, долго странствовалъ, отыскивая ихъ, наконецъ нашелъ и ту и другую здоровыми и невредимыми, и остатокъ своихъ дней провелъ благополучно. Въ прозаическомъ Греческомъ разсказѣ эта исторія была уже извѣстна въ XI столѣтіи; рукописи Латинскаго перевода, черезъ который она распространилась въ западныхъ литературахъ, восходятъ до XII вѣка. Отсюда ведутъ начало разныя редакціи этого произведенія: одинъ Латинскій переводъ напечатанъ былъ около 1470 года, следовательно между древнѣйшими рукописями; другой вошелъ въ «Римскія Дѣліи», гдѣ составляетъ 153-ю главу Латинскаго текста; третій, писанный левоническими стихами, принадлежитъ Готфриду Витербо. На другихъ Европейскихъ языкахъ Аполлоній Турскій появляется очень рано. Испанская обработка относится къ XIII столѣтію; еще древнѣе Англосаксонская, за которою слѣдуетъ нѣсколько Англійскихъ переводовъ различнаго состава. О Французскихъ переводахъ на-

мекають уже) Провансальскіе поэты; Голландская народная книга объ Аполлоніи Турецкой явилась въ концѣ XV вѣка, такъ же какъ Итальянскій прозаическій и стихотворный пересказъ романа. Нѣмецкая стихотворная передѣлка сдѣлана была въ XIII — XIV столѣтіи вѣроятно по «Римскимъ Дѣяніямъ», но и раньше этого времени Аполлонія Турецкій упоминается въ Нѣмецкой литературѣ какъ лично извѣстное; затѣмъ слѣдуетъ другой Нѣмецкій переводъ въ прозѣ, по Витербо, — котораго editio princeps относится учеными къ 1471 году. Исторія написана была въ XV столѣтіи нѣсколько разъ и теперь извѣстна какъ народная книга. После этихъ странствованій исторія Аполлонія опять возвратилась въ Греческую литературу, въ переводѣ, сдѣланномъ 1500 г. Гавріиломъ Контіаномъ и печатавшемся не разъ въ Венеціи. Черезъ Нѣмецкій переводъ романъ явился въ Датскую и Чешскую литературу; рукопись Чешской исторіи, *chronika o Apollonowi králi Turském*, Добровскій относитъ къ 1459 году (*Gesch. d. böhm. Spr.* 303), но печатныя изданія довольно поздні. По Нѣмецкой, а можетъ быть и Латинской, редакціи составленъ былъ предполагаемый нами Польскій переводъ, изъ котораго заимствована была старинная Русская «исторія».

Нашъ переводъ составляетъ обыкновенно послѣднюю главу въ «Римскихъ Дѣяніяхъ», но нерѣдко встрѣчается отдѣльною статью въ сборникахъ, какъ самая обширная между ними повесть. Большая часть рукописей, нами пересмотрѣнныхъ, представляютъ одинъ текстъ, съ незначительными вариантами; но этого нельзя сказать объ одномъ спискѣ Забѣлина, имѣющемъ обширныя разночтенія противъ другихъ списковъ, такъ что надобно предполагать или двойной переводъ Аполлонія Турецкаго, или же постоянное переписыванье и поновленіе текста, чѣмъ болѣе возможно, что рукопись Забѣлина принадлежитъ XVIII-вѣку. Въ этомъ послѣднемъ текстѣ исчезаютъ полонизмы стариннаго перевода, имя королевы Люцины (Lucina) передѣлано въ Русское «Лучица» и т. п.

Содержаніе романа точно разсказано у *Дюлона* 35 — 36

Библиограф. указанія у *Grässe, Sagenkr.* 457 — 460 — *Smycock* к

Volksw. 3, 209—269 Apollonius von Tugus, весьма сходный съ нашимъ; — *Jungmann*, Hist. 66.

Кромѣ названныхъ при Р. Давидхъ рукописей Толет. 2. 15, Погод. № 1713, 1714, 1773, Царск. № 313, 440, 711, — отдельные списки Аполлонія встрѣчаются въ слѣдующихъ сборникахъ — Толет. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 405—458 -исторія о Аполлонѣ, король Тирекомъ, и о Тарск, королевѣ, — прикладъ, что печаль превращается въ радость, нач. Антиохъ, король весьма сильна въ земли Греческой королевствоваль; — 2. 288 въ рукописи Домостроя XVII в. л. 180—20, вероятно то же.

— Публ. Б-ки XIV. Q. 27 сборникъ Фролова XVIII стол. л. 103—152 (шаг 54—99) -исторія о Аполлонѣ король Тирекомъ и о королевѣ Тарсѣ.

— Забѣлина, въ сборникѣ XVIII в. № 69 списокъ неполный.

— Царск. № 451 сборн. нач. XVIII в. л. 270—323 -прикладъ дивный: шому благъ Богъ и всеспильный, како предлагаетъ печаль на радость, повѣствуетъ о Аполлонѣ, король Тирекомъ и о Страсѣн зѣе крадевиѣ.

— Погодин., сборн. № 1773 л. 306—335 -повѣсть изрядная о Аполлонѣ, царь Кирекомъ зѣе и о случасехъ и бѣдахъ и печалехъ въ зѣрѣ семь, и яко человеколюбие Божіе николи же оставляетъ до конца погибнути, — начаса же Антиохомъ царемъ, нач. Антиохъ владѣтельный и великостильный и многословущій цесарь Греческій.

Самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ въ старину, можно назвать *исторію Бовы королевича*, которая, хотя и сдѣлалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго разбора. Это конечно древнѣйшій между извѣстными у насъ западными романами, и потому любопытнѣйшій для историка популярной литературы. Первобытное отечество его давно уже указано въ общихъ чертахъ, и Як. Гриммъ, въ первый разъ явѣ опредѣлившій его источникъ, сознается, что весьма трудно прослѣдить тотъ путь, какимъ достигло до старой письменности нашей средне-вѣковое произведение, бывшее протоиномъ сказки о Бовѣ королевичѣ. Имя героя указываетъ на извѣстный

рыцарскій романъ, относящійся къ диклу скаланій о Карлѣ Великомъ и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ, *Reali di Francia*, которую прежде считали произведеніемъ самого Алькуина. Новѣйшіе ученые относятъ сочиненіе ея къ первой половинѣ XIV вѣка или раньше, потому что въ это время она упоминается какъ вещь извѣстная. Содержаніе *Reali di Francia* (т. е. *Franciae Regales*, по-Русски какъ бы «Королевичи Франціи»), въ полномъ составѣ поэмы, обнимаетъ исторію Карла Великаго съ его потомствомъ и предками, въ числѣ которыхъ находится и Константинъ Великій (ср. генеалогическую таблицу этого королевскаго рода, составленную по *Reali di Francia* Вал. Шмидтомъ, при *Sagenkreise d. Mitt.*, v. Grässe; поэма раздѣляется на шесть книгъ, изъ нихъ четвертая посвящена нашему герою, Буово д'Антоня. По слѣдствію перваго изданія, вышедшаго 1491 г. въ Моденѣ, поэма печаталась множество разъ до послѣдняго времени, и заключаая въ себѣ богатый запасъ разсказовъ и преданій, сдѣлалась источникомъ для многихъ позднѣйшихъ поэтовъ и романистовъ. Исторія Буово д'Антоня такъ жешла передъ глазами довольно самостоятельнаго; эта новая поэма, стихотворная, явилась въ первый разъ еще 1480 г. въ Болоннѣ, и до XVII столѣтія библиографы насчитывають до двадцати пяти изданій ея, — успѣхъ, какимъ могутъ похвалиться немногія другія произведенія. Кромѣ редакціи Итальянской, гдѣ Буово является предкомъ Роланда, есть другая обработка этого содержанія, сѣверно-Французская: мѣсто подвига героя ясно указывается въ Анлію, гдѣ онъ завоевываетъ Гемитонширъ, хотя уже отецъ его Гиндонъ носитъ провансальское имя д'Антоня, что означаетъ, по мнѣнію некоторыхъ, Саутгемтонъ, около котораго есть гора, до сихъ поръ ильстская подъ названіемъ *Bevy-mout*. Отъ того Англическіе ученые признають Буово англосаксомъ и приурочивають его дѣянія къ фактамъ своей первоначальной исторіи. Изъ старо-Французской поэмы составленъ былъ Шеромъ дю-Ри (*Pierre-du-Ries*) стихотворный романъ: *Beuves d'Antone* или *d'Hamstone et de sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie*, и потомъ Англиское стихотвореніе *Sir Bevis of Hampton*. Изъ того же источника произошелъ Французскій романъ въ прозѣ: *Le livre de Beuves d'anthonne et*

de la belle Josienne sa mœur, напечатанный вѣроятно въ концѣ XV столѣтія, и давшій содержаніе Нидерландской народной книги XVI вѣка *Beuvyn und Susiame*, и Англійскому старинному роману *Syr Bevis of Hampton*.

Такова была судьба исторіи Буово д'Антоня въ литературахъ западныхъ; неизвѣстны дальнѣйшія ея странствованія, послѣ которыхъ она дошла до нашей письменности. Русская потѣшная книга, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексея Петровича (Забѣл. іѳ. 117), но по своему происхожденію несравненно старѣе. Опредѣляя начало ея, писатели наши доходили иногда до странныхъ предположеній, и Карамзинъ подсмѣивается надъ Миллеромъ, который въ академической рѣчи «о народахъ, въ Россіи обитавшихъ», сближалъ нашу сказку съ извѣстіями Саксона грамматика и сравнивалъ Боуса и Одина съ Бовой и Додономъ (И. Г. Р. 1, пр. 96. Макаровъ, въ Телеграфѣ 1830. 22, стр. 161, признавалъ сказку Итальяно-Французскою и объяснялъ имена дѣйствующихъ лицъ ея словами собственного изобрѣтенія, но потомъ, въ Телеграфѣ 1833. 21, стр. 114, называлъ Бову народнымъ произведеніемъ, и даже приводилъ извѣстіе, что въ честь Полкана, или по его передѣлкѣ Полехана, въ некоторыхъ губерніяхъ нашихъ совершается какое-то сельское торжество!

Но собственнымъ именамъ героевъ, скорѣе всего можно принять подлинникомъ нашей сказки Итальянскую редакцію, потому что хотя имена эти и сильно предѣланы на Русскій ладъ, но очевидно происходятъ отъ Итальянскихъ. Мы не можемъ однако рѣшить, была ли заимствована наша сказка изъ отдельной стихотворной поэмы *Viuvo d'Antona, libro chiamato Viuvo d'Antona*, или прямо изъ четвертой книги *Reali di Francia*; мы пользовались только этимъ послѣднимъ произведеніемъ, въ Венеціанскомъ изданіи 1667 г. Исторія Буово (въ 80 гл., р. 268—397) съ замѣчательною точностію передается въ нашей сказкѣ, впрочемъ довольно сокращенно; главныя обстоятельства соблюдены вѣрно, имена отчасти осмыслены Русскимъ произношеніемъ, отчасти же несходны съ Итальянскими, что зависѣло вѣроятно или отъ вариантовъ текста, или отъ того, что наши передѣлватели основывались на другой Итальянской

редакции. Бона, Buono d'Antona, есть сынъ короля Гвидона, il duca Guidone d'Antona; супруга короля называется necessarily съ нашей сказкой — Brandoria, figliuola del Re Ottone di Bordeus di Guascogna, дядька Симбада — Simbaldo: король Додонъ — Duodo di Maganza. Верный слуга Лодарда въ Итальянскомъ тексте замѣняется безыменнымъ посланикомъ: дѣвка чернявка называется просто la cameriera; градь Суммиъ — Rocca Sansimone: «младой Антиссей», какъ называлъ Бона въ Армянскомъ паретвѣ, — Agostino; конь его, cavallo chiamato Rondello, переводится просто «богатырскимъ» конемъ. Король Армянскій и дочь его Друзиевна — il Re Erminione di Erminia, и *Drusiana*; король Маркобрунь, который приходитъ «изъ града Данска» или изъ паретва Задонскаго, есть Macabrino, Re di Polonia. Когда родители Друзианы назначили турниръ, чтобы выбрать ей жениха, рѣшено было, che à questo tal torneamento non venisse alcuno, che non fosse christiano. При этомъ описывается, какимъ образомъ въѣхалъ Маркобрунь на этотъ турниръ: onde à questo torneamento vennero molti gentil signori d'Armenia magna, e d'Armenia minore, vennero molti signori Greci: frà gli altri vi venne Macabrino Re di Polonia, laqual Città è posta sul mar maggiore, et signoreggiava questa città insino al fiume del Danubio, et in Romania, di là da Costantinopoli verso il Danubio: Venne questo Re Macabrino per mare; et venne per lo stretto d'Esoponto con un gran nauillio, et passò per lo Arcipelago, et costeggiò Pelopes, l'Isola di Rhodi et l'Isola di Cipri (p. 287). Богатырь Дуконёръ, получивши такое Русское имя, называется *Luciferro* di Buldras; оное восточнаго происхожденія и потому въ нашей сказкѣ отецъ его — Салтанъ Салтановичъ. Оное также отправляется на турниръ, собравши большую дружину: il padre gli armo gran quantità de Cavalieri *Saracini*, et venne in Bolsinara, et quindi andò cercando delli migliori, è piu franchi Saracini del Mondo, et tanti valenti Turchi, quanti trouare vi pote (p. 291). Самъ Лодардеппо описывается какъ huomo di sua persona molto franco. Панаонень. Но канъ-богатырь изображается сѣдующимъ образомъ:... suo chiamato *Pulicane*, era costui mezo huomo et mezo cane, cane era dal mezo in giù, et huomo era dal mezo in su. Questo Pulicane correua tanto forte, che nessuno altro animale non lo poteva gion-

gere, e parlava molto bene, — era Pulicane figliuolo di vn cane, e di vna donna Christiana, laquale fu signora di vna Città di Armenia chiamata Caradocia (р. 302). Вообще все передвижки имени и обстоятельства говорят в пользу непосредственности перехода Итальянского романа в нашу популярную словесность; в содержании и внешности сказки нашей нет никаких следов другой посторонней обработки, что заметно во всех других повестях и романах, явившихся у нас из литературы западных. Существенное изменение первоисточника рассказа состоит только в том, что к нему в обширных размерах привнес обыкновенный тонъ и подробности Русскаго сказочнаго эпоса. Важное доказательство старинности нашей сказки представляют рукописи XVII в., излагающія ее в такой отбланистой формѣ, какую она могла получить только от сильного и продолжительнаго вліянія народности Русской. В старинныхъ спискахъ она отличается даже болѣе народнымъ складомъ, чѣмъ в послѣдующихъ изданіяхъ, печатныхъ и дубочныхъ. Имя Бовы в XVII столѣтіи было даже личнымъ именемъ.

Списки: — Толст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 365—404 — сказаніи про храбраго витязя про Бову королевича, нач. — вѣдомо было царствѣ, в великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антоновѣ и т. д. рукопись принадлежала подьячему Розряднаго приказа Ивану Федорову; — 2. 415 Публ. Б-ки XVII Q. 77 сборн. нач. XVIII в. л. 161—199 — сказаніе о храбромъ и прекрасномъ витязи Бовѣ королевичѣ и о прекрасной его королевѣ Дружескѣ.

— Погод. № 1773 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 238—274 — сказаніе о храбрости витязи Бовы королевича злато послушати дивно, нач. — бысть некий король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ юноша, велии и храбрь и абиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясахъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ гнѣшша съ соколы и истребы и съ выклеты и т. д. вообще съ прибавами, которыхъ обыкновенно не бываетъ. — См. такъ же списки Погод. № 1778—1780.

Переводы нашей сказки въ *Dietrich. Russ. Volksm* 68—118. — *Vogl. Die alt. Volksm. der Russen. Wien 1841*

Польской литературы знамениты повести и романы и передавали их на своем языке.

Литературные связи с Польшей обуславливались двумя благоприятными обстоятельствами: распространением Польского языка в западной и южной Руси, в следствие политического господства, и Польским устройством южно-Русских училищ. Оживленная полемика по поводу унии и выходы из южной и западной Руси, сделали знание Польского языка в самой Москве довольно обыкновенною вещью. Переводы с Польского не представляли больших затруднений, потому что переводчику нередко случалось оставлять самые выражения подлинника, давая только им Русскую фонетическую аппроприацию. При этом перевод мог совершаться мало-по-малу, почти самъ собой: Польская книга доставалась южно-Русским читателям и легко перекладывалась на их литературный язык, имевший много Польских оборотов и выражений, и потому, сглаживши отчасти свои Польскія черты, переходила къ Русским читателям, у которыхъ съ несколькими новыми поправками могла идти за Русскій переводъ. Что примѣры подобнаго рода были, можно заключать изъ некоторыхъ списковъ переводныхъ повѣстей, чрезвычайно отягощенныхъ полонизмами; несколько разныхъ списковъ даютъ возможность слѣдить за постепеннымъ преобразованиемъ языка отъ формы на половину Польскихъ до чисто-Русскаго склада. Воспитанники Киевской академіи могли способствовать этому ознакомленію съ Польской литературой: ихъ Польское образование прошло особенный книжный языкъ, представляющій странную смесь разныхъ началъ, такъ что и несколько искусственный или натянутый языкъ переводныхъ повѣстей не былъ слишкомъ тяжелъ для того времени: къ нему привыкли такъ же, какъ въ эпоху петровскую привыкли ко множеству словъ иностранныхъ или буквально переданныхъ съ иностраннаго.

Обращаясь опять къ фактамъ, замѣтимъ переводы повѣстей, появившіяся въ XVII столѣтіи. «Римскія Дѣянія» представляли большую частію только переводы этихъ произведеній; въ другихъ сборникахъ повѣста получила уже большее развитіе и сделалась самою типичною литературною принадлежностью. Такіе же

кіе и живые рассказы передавала знаменитая въ средніе вѣка *повѣсть о Семи Мудрецахъ*. Литературная судьба ея очень любопытна: почти все Европейскія и многія восточныя литературы имѣютъ или переводы или передѣлку ея, въ продолженіе долгихъ странствій своихъ, она измѣнила самое содержаніе, варьируя его на одну главную тему, — такъ что, сравнивъ два противоположные вида ея, образовавшіеся независимо другъ отъ друга, нелегко привести ихъ къ одному прототипу. Первобытную редакцію повѣсти, корень всѣхъ позднѣйшихъ обработокъ, относятъ къ Индійской литературѣ; впрочемъ до сихъ поръ эти «спрочки Сендабада» не были достаточно опредѣлены. Масуди, въ той главѣ «Золотыхъ Луговъ», гдѣ говорится о древнихъ царяхъ Индіи, упоминаетъ о философѣ Сендабадѣ, современникѣ царя Куру, написавшемъ книгу семи визирей, известную обыкновенно подъ названіемъ книги Сендабада. По свидѣтельству одного Персидскаго писателя, книга Сендабада написана была при диктатѣ Арзакановъ, 256—323 г. по Р.Х.; Арабскій и Персидскій переводы этого произведенія появились гораздо раньше Калиль-и-Димны, хотя и не дошли до нашего времени. По этимъ древнимъ переводамъ составилось нѣсколько восточныхъ подражаній: одно изъ нихъ, «исторія царя, его сына, любовницы и семи визирей» вошло въ Тисячу и Одну ночь; того же содержанія передѣланный съ Арабскаго Турекій романъ XV столѣтія, «исторія сорока визирей», въ сокращеніи переведенная г. Григорьевымъ (Москва, 1844. 1, 94—122), — и «исторія паревича Бактиара и десяти визирей», известная въ Арабской, Персидской и Турекской редакціяхъ. Въ Европѣ исторія Семи Мудрецовъ стала знакома посредствомъ Еврейскаго и Греческаго переводовъ. Еврейская редакція есть древнѣйшій извѣстный видъ повѣсти, и составлена по Персидскому или Арабскому переводу тѣмъ же раввиномъ Тодлемъ, которому принадлежитъ и Еврейская редакція Калиль-и-Димны. Эпоха Греческаго перевода, сдѣланнаго по Сирійскому или Персидскому подлиннику Мих. Андронидомъ, въ точности неизвестна (III—V ст.): съ этимъ переводомъ, носившимъ названіе Σεπτὰ πύλας, не должно смѣшивать другаго труда Андрониду, его перевода Персидскаго басня предполагаемаго мудреца Ситтиана

(*Syntipae phil. pers. fabulae* Ixij, издали проф. Маттеи в Лейпциге 1781). Наконецъ Латинскій переводъ, сдѣланный съ Еврейскаго монахомъ Dam Jehans, получилъ уже названіе *historia septem sapientum Romae* и ввелъ эту повесть въ среду литературы западныхъ. Ближайшей обработкой Латинскаго перевода было большое стихотвореніе трусера Hebers или Herberts, въ XIII столѣтіи, подъ названіемъ *les Sept sages de Rome*, или *Doloratos*; затѣмъ явился другой Французскій переводъ, къ которому примыкають Англійская стихотворная обработка и прозаическій Французскій *roman des sept Sages*. Впрочемъ, еще въ XII столѣтіи исторія о Семи Мудрецахъ извѣстна была во Французской литературѣ: та же повесть передавалась и подъ другимъ названіемъ: *Cassiodorius*. Главнымъ источникомъ, откуда расходилась эта повесть, были однако Латинскій: отсюда произошли такъ же Англійская редакция, Швецкая (*Sieben weisen Meister*, Голландская, Датская, даже вторичная Латинская, обратно переданная на Латинскій языкъ юристомъ Модиемъ, который не зналъ, кажется о первоначальномъ Латинскомъ текстѣ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія исторія Семи Мудрецовъ издавалась множество разъ и вошла въ число любимыхъ народныхъ книгъ, особенно у Французовъ и Швцевъ; но не смотря на такую извѣстность этого произведенія, новая Итальянская редакция повести: *Li compassionevoli avvenimenti d'Erasto*, явившаяся въ XVI вѣкѣ, опять имѣла большой успѣхъ и была переведена на Французскій, Англійскій и Испанскій. Съ умноженіемъ видовъ исторій, разнообразилось и содержаніе редакцій, въ готовую рамку повести вносились посторонніе рассказы, такъ что въ подлинномъ «Драствѣ» находится только одинъ рассказъ изъ тѣхъ, какіе помѣщены въ старинной Греческой редакціи. Имена дѣйствующихъ лицъ также измѣнились: въ Греческой редакціи царь называется Киромъ, а мудрецъ — Синтиа; въ стихотвореніи Герберта главное лицо, королевичъ, называется Луцианомъ, отецъ его — король Сицилійскій Долонать, а мудрецъ, которому поручено воспитаніе королевскаго сына — Виргилій, одна изъ любимѣйшихъ личностей классическаго міра, къ которой однесено было въ средніе вѣка много фантастическихъ сказаній. Въ другихъ ре-

дакнѣхъ царь носить имя Диоклитіана, а сынъ его — имя Флорентина, или же царь называется Понціаномъ, а имя Диоклитіана относится къ его сыну; въ числѣ семи мудрецовъ древняя Французская повѣсть, какъ и наша, упоминаетъ Катона, Лестула и проч. Исторія повѣстна была и въ Славянскихъ литературахъ: Чешская *kratochvilná kronika o sedmi mudreích* относится къ XVI столѣтію; нѣсколько разъ издавался Польскій переводъ подъ заглавіемъ: *Historya pięciu u pieszna o Poncyanie cesarzu rzymskim, iako syna swego jedynego Dyoclecjana dał w naukę y ku wychowaniu siedmiu mędroom, która w sobie wiele przykładow y powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu pożyteczna y potrzebna*. Въ Русскомъ переводѣ не встрѣчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ Польскій. Въ позднѣйшихъ спискахъ изложеніе имѣеть вообще свои достоинства, такъ что повѣсть о Семи Мудрецахъ по передачѣ на Русскомъ языкѣ стоитъ много выше другихъ переводныхъ произведеній. Языкъ перевода — довольно правильный Славянскій, бывшій въ книжномъ употребленіи XVI — XVII столѣтій. Текстъ представляетъ иногда весьма значительные варианты, что зависѣло если не отъ разныхъ переводовъ, то отъ позднѣйшихъ поправокъ стараго чтенія; на такія поправки ясно указываетъ одна Толстовская рукопись, гдѣ къ повѣсти замѣчено: «списанася и исправилася съ древнѣхъ переводовъ... въ 200 (т. е. 1692) году». Не имѣя теперь свидѣній объ источникахъ нашей редакціи, мы не можемъ такъ же указать и времени ея составленія; можно думать только, что она старѣе упомянутыхъ нами прежде повѣстей, переведенныхъ съ Польскаго. Списки ея довольно обыкновенны въ старыхъ сборникахъ.

Вообще о Семи Мудрецахъ — *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 4, 462 — 463. — *Dunlop, Gesch. d. Pros.* 196 — 198. — *Jungmann.* 143. — *Wiszniewski, Hist.* 7, 199. — *Maciejowski, Pism.* 2, 894. Греческій текстъ Андропула названъ Буассонадомъ *Συμπληρωμα*. De Syn tipa et Cyri filio Andreopuli narratio. Paris. 1828. Сремальныя изслѣдованія *Le Roux de Linay.* въ *Essai sur les fables ind.* par *Lois. Deslongchamps.* *Adalb. Keller, Li Romans des*

sept sages, Tüb. 1836. — Duoceltianus Leben. Quedlinb. 1834
къ сожалѣнію, мы не пользовались изданіями Келлера.

Списки: Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 л. 361—559
«повѣсть о семи мудрецахъ», нач. «Божіею помощію бысть
въ Римѣ король Елізаръ»: — 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27
сборн. XVII в. л. 299—365 «повѣсти Римскіе области о нѣ-
коемъ цесарѣ именемъ Есазарѣ и о жонѣ его и о
сынѣ его Диоклітіанѣ и о семи мудрецахъ», нач. «бысть
убо въ Римстѣи области цесарь именемъ Есазаръ, мудро-
стію же не совершенъ»: — 2. 370 Публ. Б-ки XV. Q. 28 ру-
кописк. по жиѣнію составителей Толст. каталога. *саммо со-
чинителя?*, потому что исторію Семи Мудрецовъ они при-
писывали папѣстному дьякону Каменешчу-Ровскому; его же
именемъ г. Стровъ означаетъ повѣсть и въ каталогѣ рук.
Царскаго: — 3. 45 Публ. Б-ки XV. Q. 2, сборн. XVII в.
л. 207—386 «сказаніе предивно, повѣсть о цесарѣ сіе и о
сынѣ его Диоклітіанѣ», нач. «повѣмъ убо вамъ вещь спсєву,
Бысть убо» и пр.

— Погод., сборн. XVII—XVIII в., I^o 1772 л. 101—187
«повѣсть о цесарѣ Елізарѣ и о сынѣ его Диоклітіанѣ», нач.
«повѣмъ убо вамъ вещь спсєву», какъ въ предыдущемъ
спискѣ: — № 1773 л. 90—196 «повѣсть сія написана
о семи мудрецахъ, о цесарѣ сіе Елізарѣ и о сынѣ его
Диоклітіанѣ, ала послушати дивно», нач. «бысть убо въ
Римстѣи области».

— Фролова, сборн. XVII в. Публ. Б-ки XV. Q. 31 л. 199—
308 «повѣсть о семи мудрецахъ и о Диоклітіанѣ, въ 2^х гла-
вахъ, безъ конца.

— Забѣлина, въ сборн. XVIII в. № 82 «Книга глаголе-
мая Семь Мудрецовъ, сказаніе предивныхъ повѣстен, о
Римскомъ цесарѣ Елізарѣ и о сынѣ его Диоклітіанѣ и о
презютой маичѣхъ его и о семи мудрецахъ. — повѣсть из-
рядная. — отрывокъ исторіи о цесарѣ Елізарѣ и сынѣ
Диоклітіанѣ и о семи мудрецахъ», въ другомъ сборн.
XVIII в. № 67.

— Цркск. № 389 сборн. XVII в. л. 132—210; —
№ 440 ід. л. 550—641; — № 693 сборн. XVIII в.
л. 156—203.

— Списокъ исторіи находится въ одномъ сборникѣ Казанск.
универс., XVIII вѣка, л. 1—49 «исторія о Диоклітѣ Рим

скомъ и о семи мудрецахъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 30).

Повесть о Семи Мудрецахъ представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ повестей, соединенныхъ однимъ обстоятельствомъ главнаго сюжета, какъ онѣ соединены въ Испанскомъ «Графѣ Лукадорѣ» и въ Итальянскомъ «Декамеронѣ»; манера, заимствованная изъ сказочныхъ сборниковъ востока. Въ большей части редакцій, между прочимъ и въ нашей, завязка и развязка повести переданы такимъ образомъ. Одинъ король отдать своего сына на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить его великой премудрости; они поселяются съ воспитанникомъ своимъ вдалекѣ отъ отца, который между тѣмъ, потерявъ первую супругу, женился въ другой разъ. Лукавая мачиха ищетъ средствъ погубить королевича, чтобы доставить престолъ своимъ дѣтямъ, и проситъ короля призвать ко двору сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знаній своихъ увидѣли, что королевичъ будетъ *царь* въ продолженіе первыхъ семи дней по прѣздѣ къ отцу, и что отъ того угрожаетъ ему большая опасность; но дѣлать было нечего, и они отправились. Король съ радостью встрѣтилъ сына, но королевичъ вдругъ сталъ *царь*, не отвѣтивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ, и, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія, рѣшилась отомстить и облеветала его передъ королемъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ рассказываетъ анологію, гдѣ доказывается, что не нужно падать дурнаго дерева, которое можетъ только повредить хорошему. Король въ гнѣвѣ велитъ казнить сына, — гибель его неизбежна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются Семь Мудрецовъ. Когда королевичъ былъ уже на мѣстѣ казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, и идетъ къ царю и рассказываетъ ему повесть или притчу, гдѣ обнаруживается весь вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ; услышанный рассказомъ, король отбавляетъ казнь. Тогда онѣ являться на сцену мачиха, и рассказываетъ новую повесть, съ той моралью, что не должно поддаваться живымъ словамъ при-

дворныхъ совѣтниковъ, которые часто бываютъ причиною всякаго зла и королямъ и государствамъ.... Такъ идетъ въ теченіе семи дней: каждый разъ матица приводитъ короля къ пагубному рѣшенію и каждый разъ мудренны отклоняютъ опасность. Наконецъ королевичъ снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ введенной на него клеветы и, напротивъ, выставляетъ наружу все пороки матицы, которая терпѣть должное наказаніе, — въ заключеніе королевичъ рассказываетъ еще одну повесть, имѣющую отношеніе къ его собственной судьбѣ. Такимъ образомъ въ цѣлой исторіи, кромѣ главнаго ея сюжета, включено семь рассказовъ королевы, повѣсти каждаго изъ семи мудреновъ и рассказъ королевича: впрочемъ, число вставныхъ повѣстей не во всехъ редакціяхъ одинаково. Что касается до характера ихъ, онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ повелами старой Итальянской и другихъ литературъ, какъ увидимъ изъ разбора повѣстей, находящихся въ нашемъ переводѣ. По словамъ Дюлопа, немногія произведенія среднихъ вѣковъ могутъ доставить такой прекрасный примѣръ для объясненія генеалогіи «странствующихъ» рассказовъ и непосредливо быстрого перехода ихъ изъ одной страны въ другую, какъ повесть о Семи Мудреныхъ. Они изъ ея рассказовъ принадлежатъ восточной фантазіи, другіе вставлены европейскими передѣлывателями, и все вмѣстѣ служило образцами и источниками позднѣйшихъ повѣстей и исторій. Наши рукописи представляютъ слѣдующія повѣсти, заглавія которыхъ приводимъ по Толстовскому списку 3.45.

— Первая притча королевы «о нѣкомъ деревѣ и о огорожникѣ» (л. 225): возле вѣтвистаго дерева выросло другое, маленькое, и господинъ, надвѣсь, что молодое будетъ еще лучше, велѣлъ приставнику подрубить старое; но послѣ того и новое дерево, питавшееся соками стараго, засохло.

— Притча перваго мудрена «о псѣ и о соколѣ» об. л. 230. Вѣрная собака вмѣстѣ съ соколомъ спасаетъ сына одного рыцаря, господина своего, отъ змѣи; рыцарь, повѣривъ словамъ глупой мамки и увидѣвъ на собакѣ кровь, подумавъ, что она загрызла ребенка и убила ее, и тогда только догадывается объ ошибкѣ, когда возитъ колыбели сына замѣнить мертвую змѣю

Повторение знаменитой Валлийской саги о Льюеллине и его собаке; подобный сюжет мы видели впрочем в Греческом и Русском Стефаниде; эта же повесть «о псе и узе» занесена и в наши печатные сборники сказок (Дедушк. Прогудки, М. 1819, на 6 стр.).

— Вторая притча королевы «о пскомъ вепрь и о пастухъ» (об. л. 235). В одномъ лѣсу появился страшный вепрь; многіе рыцари потибли, отважившись нападать на него. Наконецъ король объявилъ, что выдастъ свою дочь за того, кто успеетъ истребить свирѣпаго звѣря. Одинъ пастухъ, встрѣтивши въ лѣсу вепря, вѣлъ на виноградное дерево; вепрь бросился грызть корни, а пастухъ обрывалъ виноградныя вѣтви и кидалъ ему вепрь началъ жевать ягоды и наконецъ уснуть; пастухъ сошелъ съ дерева, убилъ вепря безъ всякой опасности для себя и получилъ обѣщанную награду. Пастухъ, который гладилъ вепря, чтобы усыпить его, изображаетъ пареня, который шепчетъ погибели огню и предънаеть его словами мудрецовъ. Этотъ рассказъ такъ же повторяется въ указанномъ сборникѣ сказокъ.

— Притча втораго мудрена «о молодой женѣ» (л. 240) есть известная новелла Боккаччо Decamer. VII. 4., которая встрѣчается у насъ и въ другой редакціи.

— Третья повесть королевы «о пскомъ рыцарѣ убогомъ и о дѣтхъ его» (об. л. 250), — вариантъ известнаго разсказа у Геродота о томъ, какъ одинъ архитекторъ съ сыномъ обокрали сокровищницу Рамсесиды; сюжетъ повторяется у некоторыхъ Итальянскихъ новеллистовъ, въ старинномъ Французскомъ романѣ: L'histoire du chevalier Berinus, и другихъ обработкахъ (Dunlop 264), и въ сказкѣ Чулкова о двухъ ворахъ, дядѣ и племянникѣ (Рус. Ск. М. 1780. 2, 32—53).

— Повесть третьяго мудрена «о пскомъ гостѣ, и о птицѣ, слагемой сорокѣ, и о женѣ» (л. 257), — о томъ, какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливости словъ несчастной птицы; подобная повесть находится въ Тысячѣ и Одной ночи, гдѣ сорока замѣнена только пошутасемъ, и такъ же въ исторіи сорока визирей (Москва. 1844. 1, 118—119).

— Четвертая притча королевы «о мудрецах, како ради корысти своя ослѣпиша цесаря» об. л. 265. Семь мудрецов отняли зрѣніе у короля, чтобы онъ не могъ видѣть ихъ своекорыстнаго правленія; цесарь терять зрѣніе, какъ только выходилъ изъ своей комнаты. Наконецъ онъ сталъ грозить мудрецамъ смертию, если они не излечатъ его болѣзни; мудрецы призывали чародеѣвъ, но бѣды поправить не могли. Тогда въ городъ нашелся мальчикъ, одаренный великою мудростью; приведенный къ цесарю, онъ открылъ ему вредоносныя чары, которыми его лишили зрѣнія, и цесарь, казнивши мудрецовъ, исцѣлился отъ болѣзни и самъ сталъ править государствомъ. Повѣсть приводится въ упомянутыхъ нашихъ сборникахъ подъ заглавіемъ сказки о семи мудрецахъ и о юности см. Дедушкины Прочудки, Москва 1849, на 12 стр.; *Сказарова*, Р. Сказк. стр. 269.

— Повѣсть четвертаго мудреца «о инокѣмъ рыцарѣ и о женѣ его, еже восхогѣ пона любви» л. 275. — разсказъ въ ротѣ Боккаччьевскихъ повѣстей. Преледе, чѣмъ жена измѣнила мужа, мать до трехъ разъ совѣдуетъ ей испытать характеръ мужа: для перваго раза она велѣла срубить любимое его дерево, и мужъ не сдѣлать ей ничего; она убила его любимую собаку, онъ опять ничего ей не сдѣлать; наконецъ жена предприняла третье испытаніе, и на большомъ шурѣ, который завѣлъ ей мужъ, она какъ бы неарочно станица со стола скатерть и уронила блюдо. Мужъ велѣлъ приготовить другой обѣдѣ, и ничего не сдѣлать женѣ; но когда гости разошлись, онъ повелѣлъ «срочно пускѣ» и велѣлъ пустить кровь женѣ изъ обѣихъ рукъ, до тѣхъ порѣ, пока она стала «обмирати». Съ того времени ей уже не приходило въ голову чѣмъ нибудь возбуждать негодованіе мужа и она оставила свои замыслы.

— Пятая повѣсть королевы «о инокѣмъ цесарю, любящемъ злато, ему же трагикане и гордо златомъ зашиша» л. 288.

— Повѣсть пятаго мудреца «о Подшрастѣ мудреци и о внуцѣ его Галианустѣ» об. л. 298.

— Шестая притча королевы «о инокѣмъ крѣпѣ и моржалкѣ, како злата ради приведе жену свою» л. 306.

— Притча шестаго мудреца «о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцарѣ и о женѣ его, что онъ убилъ трехъ рыцарей»

об. л. 312). Жена старого рыцаря славилась своей красотой: ею прельстились три рыцаря, она назначает им свидания и требует отъ каждого по тысящѣ златыхъ. Первый приходитъ въ первомъ часу ночи, другой въ полночь, третій «въ куролашеніе»; жена беретъ деньги, а мужъ потомъ убиваетъ рыцарей, — но поссорившись потомъ съ мужемъ, жена не сохранила тайны и укорила мужа смертью трехъ рыцарей; но императоръ велѣлъ казнить ихъ обѣихъ. Изъ многихъ разсказовъ, которые сравниваютъ съ повѣстью Семи Мудрецовъ замѣтимъ только повѣсти въ Римскихъ Даваніяхъ, Тысячѣ и Одной ночи, Французскомъ фавльо и Шменскомъ стихотвореніи *die drei münche von Kolhaete*, въ которыхъ есть ближайшее сходство съ нею (ср. *Gesammltabent.* 3, xxxv — lxi, 163 ff.).

— Седьмая притча королевы «о ивкомъ король, какъ у него увезе рыцарь крадеву, крадь же те отда ему самъ и шрова съ нею» об. л. 318, — повѣсть, основанная на забавной исторіи, которую рыцарь сумѣлъ поддержать своей ловкостью.

— Притча седьмого мудреца «о ивкомъ рыцарѣ и о женѣ его» л. 327, — известнѣйшій разсказъ объ Эссеской матронѣ у Петронія *Satir.* c. 111, 112, но въ повѣсти Семи Мудрецовъ легкомысліе женщины выставляется еще ярче. Отсюда и имя Французскаго фавльо *de la femme qui se fist putain sur la fosse de son mari*, повѣсть перешла въ *Cento nov. antiche* nr. 56, къ повѣдистамъ Кампелли, Мавфреди, затѣмъ повторилась у Лафонтена и Вольтера (*Zadig*, ch. 2 и пр. По словамъ патера Дюгайда, эта повѣсть такимъ же образомъ разсказывается и въ Китаѣ (*Dunlop*, 41).

— Повѣсть самого королевича Диокитіана «о двухъ слугахъ императорскихъ, и о Александрѣ и о Лодвикѣ» об. л. 338. Эта повѣсть, вѣроятно изъ рукописнаго источника, вошла въ печатный сказочный сборникъ XVIII столѣтія, подъ названіемъ: «сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александрѣ и братѣ его Лодвикѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга» (Историческія сказки, — первая о золотой горѣ и т. д. Въ Сиб., 1793 года, стр. 59—98).

Переводы съ Польскаго познакомили насъ и съ другою стороной детскою литературою среднихъ вѣковъ. Западныя сбор-

ники, въ родѣ «Римскихъ Дѣлій» или книги Петра Альфонза, соединяли въ себѣ разнообразныя разсказы: это были повѣсти изъ духовной или свѣтской исторіи, восточныя притчи и апо-логи, народныя басни и сказки, наконецъ даже мелкіе анекдоты, замѣчательныя слова, остроумныя отвѣты и поствки и т. п. Эти послѣдніе разсказы со временемъ вошли въ особенную моду; знакомство съ классическими писателями доставило много матеріала для подобныхъ сборниковъ, и писатели знаменитые въ латинскихъ средне-вѣковой литературы охотно посвящали свое время на составленіе этихъ полу-историческихъ, полу-анекдотическихъ компиляцій. Какъ въ древности расходились нареченія *сибаритовъ*, *ἄσπορος γέλοιος* или *ἀπασαρύματα*, такъ теперь приобрѣли болшую известность сборники въ родѣ *Retum memorandarum libri IV* Петрарки, или *De casibus virorum illustrium* и *De mulieribus claris* того же Боккаччо, который впервые возвысилъ повѣсть на степень художественнаго произведенія. Здѣсь представляется чистый фактъ, самое событіе, уже безъ тѣхъ правоумительныхъ выводовъ, съ которыми обращались къ читателю другія книги. Такимъ образомъ изъ прежнихъ литературныхъ памятниковъ возникло новое чтеніе, гдѣ интересъ дидактическій смѣнился простымъ историческимъ любопытствомъ. Появилось множество собраній анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, которая часто выводилась на сцену и въ другихъ случаяхъ, хотя и не вела къ стати, какъ въ Римскихъ Дѣліяхъ. Подобная литература имѣла нѣсколько подобныхъ сборниковъ, напр. «Анecdotes» писателя по Реланди Нанторанъ, издавшаго еще въ концѣ XVI столѣтія. Анecdotes Беккетто въ началѣ XVII столѣтія др. Въ нашихъ рукописахъ встрѣчается подобная *Les vies et les caractères* книгача, въ которыхъ перія событія въ реченіи знаменитыхъ философовъ, историковъ, словеса и рѣчи, короче, поэмы, пословицы, съмѣтели и другія старинныя, третья — издешія Дюдедунана, четвертая — статья о славянскихъ жанахъ и створеніяхъ 1711 въпротвѣтъ. Оубъ поименованъ у Гюльма въ 1719, а въ 1744 году бѣли напечатанъ въ Парижѣ. Крѣпко оубъ бѣли въпротвѣтъ, ачюмъ поименованъ въ 1719. Въ 1719 году бѣли въпротвѣтъ.

личные вопросы, и ответы, житія, и поступки, поговорныи, и бесѣдованія различныхъ философовъ древнихъ. Переведены съ польскаго на словенскій языкъ... Повѣстїемъ же Царскаго величества напечатаны въ Москвѣ дѣла господня 1711 въ мартѣ. Второе изданіе: «Апофегмата то есть краткихъ вѣтвенныхъ и правоучительныхъ рѣчей, книги три» и пр. М. 1716. 8^о (ср. Сопик. № 2001). Другія изданія Спб. 1723, 1745, 1765, 1781. Следовательно, въ печатномъ изданіи недостаетъ одной книги, противъ рукописныхъ текстовъ. Подлинникъ нашего перевода принадлежитъ Блвину Будному и изданъ въ началѣ XVII столѣтія и нѣсколько разъ послѣ, подъ названіемъ: *Krotkich a wezłowatych powieści, które po Grecku zową Apophtegmatata, ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego. Z rozmaitych przednieyszych authorow zebrane* и пр. (*Jochera, Obraz 1, 11, Maciejowski, Piśm. 3, 371*).

Рукописи. Публ. Б-ки XV. Q. 33 рук. XVII в. изъ собр. Каменскаго, вѣд. «Апофегматы, сіесть советенныхъ краткихъ повѣстей книга 1-я» и пр.; въ другой книгѣ повѣсти названы сокровенными, въ 3-й и 4-й удלותыми; на 196 л.

— Толст. 2, 63 Публ. Б-ки XV. Q. 12 рукоп. конца XVII в., гдѣ Краткія и везловатыя повѣсти написаны на Польскомъ языкѣ Русскими буквами, Русскія рук. нѣсколько помѣе.

— Царск. № 16 рук. конца XVII в. безъ начальныхъ листовъ. Рукописный нашъ переводъ въ началѣ отличается нѣсколько отъ печатнаго изданія Петровскаго, но въ концѣ очень близокъ. Слѣд. издатель пользовался готовымъ переводомъ, который нашелъ въ старыхъ рукописяхъ.

Особенное развитіе повѣсти и деткихъ, шуточныхъ разсказовъ дало другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ; веселая шутка получала въ нихъ болѣе и болѣе мѣста, и наконецъ въ сборники допускались и анекдоты весьма обшечнаго содержания. Нельзя сказать, чтобы это было чистымъ нововведеніемъ, потому что и прежде, подъ предлогомъ наставительности, приводились подобныя повѣсти; но въ послѣдствіи эти разсказы стали собираться безъ всякаго намѣренія поучать любознательнаго читателя. Впрочемъ, эта литература вовсе не оскорбляла вкуса читателей, называя вещи ихъ именами и давая много воли

выраженно: потому что понятия о литературных принципах были тогда вовсе не так строгими, как теперь. Съ течением времени образовался особенный разряд шуточных сборников, под названием *Facetiae* Тасетиае, которые долго держались въ западныхъ литературахъ, нахотя себѣ множество читателей. Надъ сборниками facetiarum т. е. смешныхъ и скандальныхъ расказовъ и анекдотовъ, остроумныхъ пререченій и шутокъ, трудилась иногда люди, очень известные серьезными заслугами и ученостью: назовемъ между ними знаменитого въ свое время Подакио Брещионини, которого ныне считаютъ даже основателемъ этого направления въ популярной литературѣ. Но крайней мѣрѣ современники выходили его Facetiae, одарены сильное соревнованіе и издано было много другихъ Facetiarum, собранныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Подакио упрекали, что книга его не можетъ быть ч ениемъ приличнымъ для человека скромнаго; въ своихъ *Invectiva* противъ Ларгентіа Вальты онъ защищаетъ такимъ образомъ: *quid mirum: facetias meas, ex quibus liber constat, non placere homini inhumano, vasto, stupido, agresti, dementi, barbaro, rusticano? At ab reliquis aliquanto quam tu doctioribus probantur: leguntur et in ore et manibus habentur, ut velis nolis: rumpantur licet tibi Codro illa: diffusa sint per universam Italiam; et ad Gallos usque, Hispanos, Germanos, Britannos, caeterasque nationes transmigrarint, qui sciant Latine loqui. Libet enim et mihi Valleam pectantium praeculis habenti paululum gloriae. Stoma ego биш соверенито супередуиши: Poggi Florentini Facetiarum liber, italicam первоначально s. l. et al. въ 1470г. въ Римѣ и въ Венеци, имѣлъ много изданій въ XV и XVI столѣтіяхъ; переводы Итальянскіи и Французскіи такъ же получили значительный успѣхъ. Примеръ Подакио имѣлъ множество подражателей; Латинскій языкъ не мѣшало конечно распространенію facetiarum, потому что былъ въ то время языкомъ образованнаго общества и доступенъ былъ для читающей публики. Надъ составленіемъ Подакио наиболее извѣстна была сборники Генриха Бебеля, Франциши, въ особенности *Joosetia Melandri* *Joosetia atque sciorum libri II. 1600*. Не скоро Facetiae появились и на другихъ языкахъ. Въ Итальянскіи литературѣ пользовалась большою любовью читателей *Modis**

facezie Арлотто, сборникъ Корнаццани, *Facetie et moti arguti* Дюженки; во Французской — знаменитѣйшая книга этого рода есть *Moyen de parvenir*, приписываемая обыкновенно Бероанду де-Вервиллю, но рѣзкость сатиры, сила выраженія, самобытность этого произведенія заставили некоторыхъ видѣть въ немъ трудъ Раблѣ. Менѣе замѣчательны другіе Французскіе сборники, напр. *le Parangon des nouvelles honnêtes et délectables*, *le Facétieux reveille-matin*, *Facétieuses journées*, *Contes à rire*. У Шмидца лучшія произведенія этого рода: *Scherz mit der Wahrheit*, и *Schimpf und Ernst* Югана Паули, составленные старательно и разборчиво. Любопытно, что въ старинной описи библиотеки нашихъ государей въ XVII столѣтіи упоминаются некоторые изъ этихъ юмористическихъ сборниковъ, напр. «Демокритусъ смѣющійся» т. е. *Democritus ridens*, одинъ изъ забавнѣйшихъ сборниковъ фанецій; сюда же относится безъ сомнѣнія «книжка на Шмецкомъ языкѣ о грубіяномъ мужикомъ невѣжествѣ» (см. Молоцкѣ 1844, стр. 147, 144). Содержаніемъ всѣхъ этихъ книгъ были по большей части какія нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, педагогичностью поселенъ; здѣсь выставлялись комическія стороны общественной жизни, забавные недостатки или призыванія разныхъ сословій и т. п., такъ что сборники фанецій примыкаютъ къ чисто-сатирической литературѣ; наконецъ здѣсь приводились остроумныя изреченія и фарсы. Всего менѣе была возможна при этомъ какая нибудь задуманная и вѣдь или точное распределеніе содержанія. Въ позднѣйшихъ собраніяхъ помѣщались и обширныя повѣсти, точно такъ же, какъ старинныя собранія повѣстей въ родѣ *Cento novelle antiche* или *Cent nouvelles nouvelles*, похожи иногда на фанеціи: въ послѣднемъ нѣрѣдко повторяются сюжеты, находящіеся въ книгѣ Поджіо; повѣсти Мордани такъ же близко подходятъ къ этой категоріи.

Фанеціи рѣдко напоминаютъ эпоху своего появленія особенными прихватами остроумія, которыми нельзя отказать ни въ плодѣтельности, ни въ забавности. Въ послѣдствіи шуточные сборники конца среднихъ вѣковъ удерживались только въ литературѣ популярной, потому что считались уже нарушающими принятые вкусы и приличія. Такъ и наши зубочныя кар-

тинки, шедая въ то же безперемѣнное остроуміе, сходится, напримеръ, съ Французскими народными книгами подобнаго направленія: Пизаръ, упоминая эти послѣднія, отказывается отъ ихъ разбора и отсылаетъ читателя къ специальнымъ изслѣдованіямъ (*Bibliotheca scatologica* въ *Journ. de l'amateur de livres*, t. 2, *Nisard*, Hist. 1, 436). Крайнюю степень развитія этой шуточной литературы можно видѣть въ чрезвычайно любопытной книжкѣ, изданной въ первые годы XVII-го столѣтія подъ названіемъ *Facetiae Facetiarum*: здѣсь обыкновенные сюжеты фанесій передаются въ ученой формѣ: это — собраніе ученыхъ диссертаций о самыхъ вздорныхъ и забавныхъ предметахъ, диссертаций, на которыя потрачена однако странная эрудиція, со множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и строгими приѣмами схоластической науки. Эта пародія хотя и годилась для однихъ занесенныхъ ученыхъ, но представляетъ немало шутокъ истинно курьезныхъ.

Въ старинной Польской литературѣ западные фанесіи приняты были съ большою охотой и даже затронули народную юмористическую струну. Къ тому времени и къ тѣмъ обстоятельствамъ можно относить происхожденіе некоторыхъ народныхъ анекдотовъ, которые хотя и имѣютъ у насъ большую извѣстность, но едва ли могутъ считаться произведеніями самобытнаго Русскаго юмора. Не имѣя достаточно фактовъ для точнѣйшаго опредѣленія вопроса, остановимся на одномъ шуточномъ сборникѣ, переведенномъ съ Польскаго во второй половинѣ XVII-го вѣка. Это — *Смѣлотоворная повѣсти, contes à rige*, которыя, какъ означено въ Толстовскомъ ихъ спискѣ, содѣръ съ Польска *испрѣквѣти* языка и читать поданы сто осмьдесятъ осмага 7188 = 1680, померія для осмага; преведнаго же имя отъ б начинаемо, въ числѣ аѣгъ ставлемо». Такимъ же образомъ этотъ Повгородъ-сѣверскій переводчикъ означилъ свое имя въ переводѣ книги Іоаннакія Гавиловскаго, по Толст. рукописи 2. 26. Подлинникъ нашихъ повѣстей есть, безъ сомнѣнія, книга, описанная Мантлевскимъ: *Facetiae polskie. Żartowne a trefne powiesci biesiadne, tak z rozmaitych authorow, iako tez y z powiesci ludzkiey zebrane* и пр. *Pism.* 3. 169), которой мы однако не имѣли подл. руками

Вообще о фанецяхъ *Grässe, Lit. Gesch.* 2, 3, 684—688. — *Cholevius*, 262 ff. — *Gervinus*, 4-te Ausg., 2, 301 ff. и др. Въ 1836 г. вышли двѣя изданія по этому предмету, принадлежащая Ивн. Губу 1) *Die deutsche komische und humoristische Dichtung seit Beginn des XVI-ten Jh. bis auf unsere Zeit. Von Ignaz Hub.* 2 Bde. 2) *Die komische und humoristische Literatur der deutschen Prosaisten.* его же.

Синьки — Толст. 2, 47 Губа, Б. кн. XVII, Q, 12 рукоп. XVII в., л. 4—63 — Франки сиречь пидьки *fanecia* или жары польски, пидьки смѣхотворны московски и т. д. на второмъ л. пидьки смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкостей обличительны, превезены съ Польскаго языка и пр. листы очень перемѣшаны, даже, л. 63 — исторія краткѣ о Вохожѣ, еже есть о землѣ Чешской, краткая Чешская исторія, совершенно не кстати принятая г. Сахаровымъ за Русскую народную сказку Р. С. к. Сиб. 1844, стр. xx).

— Забѣлка, рук. кажется XVII в., на 69 лист., № 70, не имѣть общаго заглавія. Здесь думше сохранился составъ сборника, повѣстей немного больше, но Толстовскіи синьки правдѣше написаны.

— Въ каталогѣ Бауле, подъ № 84, какъ сообщено намъ г. Тихомировымъ, находится книга фанецій или жары съ собраніемъ анекдотовъ и шутокъ, переводъ съ Польскаго, конца XVII в.

Польскій сборникъ Фанецій бытъ очень похожъ на подобныя сборники древней литературы, такъ что по содержанию Русскаго перевода можно составить довольно ясное понятіе объ этой отрасли древней литературы. Въ началѣ его помѣщены разказы и анекдоты о древнихъ мужахъ древности, повторенные на нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. анекдотъ «Auguste Cesarъ и о полѣ битвы при Марафонѣ» (л. 1) есть *Virgilius jocus in caesarem* (латинскій переводъ) *Virgilius jocus in caesarem, sive de campo ludis, sive de campis recreationum honeste* (латинскій переводъ) *de melancholiae*, Amst. 1655, р. 16; анекдотъ «Auguste Cesarъ и о бѣжавшемъ его сапожникѣ» заключаетъ то же, что въ Декамеронѣ X, 4, разказывается о королѣ Альфонсѣ; «Auguste и о кунцѣ Римскомъ и о любомудрїи Августа» находится въ Schimpf und Ernst, wdt. 1535, f. *laury*, wie ein Romer vil schuldig was, — даже же

помещены и другой анекдотъ «о юности подобнаго Августу», *wie einer dem Keyser gleich sach*. Въ новыхъ анекдотахъ дѣйствіе происходитъ отчасти въ Итаціи, но чаще въ Германіи, напр. въ одномъ случаѣ бѣгутъ за покупками въ Шюрибергъ, въ разсказѣ «о Каролѣ кесарѣ и обличеніи панины», этотъ послѣдній говорить: «ахъ ли Гаузе Шиллеръ, пившій у Френха?» и т. п.; отсюда обнаруживается Нѣмецкое происхожденіе Польскихъ жартъ.

Помѣщенные далѣе рассказы любознательны иногда по своему отношенію къ нашей популярной литературѣ и народнымъ анекдотамъ, вѣроятно отсюда заимствовавшимъ иногда свои сюжеты. Много повторяется и въ «Походахъ Ивана гостянаго сына», гдѣ передѣланъ и старинная рукописная исторія о Фролѣ Скобѣевѣ; сочинитель ихъ и здѣсь могъ пользоваться источникомъ рукописнымъ. Замѣтимъ нѣкоторые, болѣе извѣстные, рассказы:

— «О раздробившемъ по писанію кури»: странникъ приглашенъ былъ на обѣдъ, и когда хозяева просили его раздѣлать по писанію курицу, онъ голову курицы отдалъ хозяину, шейку — его женѣ, крылья — дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себѣ взял все остальное. Пох. Ивана, гост. сына 2, 8).

— «О послѣднемъ идавшемъ сына учиться по Латинѣ»: какъ отецъ проучилъ сына, который, воротившись изъ школы, уверяетъ, что знаетъ по Латини, а на дѣлѣ умѣлъ только къ каждому слову прибавлять *us*. Анекдотъ, передаваемый у насъ о Маторосіанинѣ, у котораго сынъ учился въ бурѣ, находится уже въ книгѣ Томы Мурера, извѣстнаго Нѣмецкаго сатирика XV — XVI стол., подъ заглавіемъ: *Der Schelmenzunft anzeigung alles weltläufigen nutwills, Schalkheiten und Bähereien dieser zeytt* (первое изд. 1512), и въ Латинскомъ переводѣ ея поэта-ларвеата Флигера: *Nebulo Nebulorum, hoc est jocoseria vernaculae nequitiae censura*, 2 ed. 1634, p. 62 — 63 ср. *Flügel*, *Gesch. d. komisch. Liter. Liegn. u. Leipz.* 1786. 3, 196.

— «О дву дѣвнцахъ и о бабѣрѣ» повторяется въ простонародной книжкѣ: «Старичокъ-Весельчакъ» Спб. 1789 (о непостоянной дѣвнцѣ). Рассказъ находится такъ же въ сборн. Забѣлшиа, XVIII в., 1° 69 т. 196 — 197.

— «О ешицарѣ» т. е. скульпторѣ: о томъ, какъ онъ наказалъ любезника, вполчишагося за его женой, — рассказъ близкій къ фавлю *du prêtre crucifié* (*Duclor*, 397) и къ одному Малорусскому анекдоту.

— «О шнынкѣ (т. е. франтѣ) и о демоноѣ», анекдотъ, находящийся съ некоторыми вариантами въ *Poggii Facetiarum liber* (Lipetz 1491: *de homine qui in somnis autem reperiebatur*, въ повѣсти Морлини *de Insore quem diabolus deserit*, въ *Moyen de parvenir ch. xlv* и др.

— «О индерманскомъ тагѣ», — оавлетная дубочная сказка о ворѣ и бурой коровѣ, пересказанная и Далеми.

— «О дву тагѣхъ и о протононѣ» т. е. пубанѣ, какъ онъ вывелся отъ подагры, въ *Пох. Пива гост. сына 2. 113—116*; тамъ же 1, 71 рассказано чудесное выздоровленіе больного, какъ здѣсь въ исторіи «о ренеторѣ Каллимахѣ».

— «О невѣжливомъ гостѣ» пересказано въ *Пох. Пива гост. сына 2. 11—12*.

— Анекдотъ «о судяхъ и о малопріемствѣ», гдѣ рассказывается, какъ ловко судья рѣшилъ споръ двухъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ подарилъ ему рыцаря, а другой лошадей, — находится въ *Schimpf und Ernst. f. xxiij: wie ein richter bestochen ward von beyden teylen*, въ *Nebulo Nebulonum* Флитнера, 2 ed. p. 100—102 и дважды въ *Democritus ridens* p. 1, 69.

Въ рукописи г. Заблужна сборникъ фавенцій раздѣляется на двѣ части, и вторая, л. 39, представляетъ исключительно «сарты о женахъ и хитростехъ ихъ», первообразы которыхъ находятся по большей части въ фавлю, повѣдахъ и народныхъ разсказахъ. Замѣтимъ некоторые:

— Анекдоты о Сократѣ и Пиктакѣ и женахъ ихъ, находятся въ *Democrit. ridens* p. 29 *pluvia Socratica*, и p. 27 *concordia*, гдѣ вмѣсто Пиктака является действительнымъ лицомъ *Leo Byzantius sophista*.

— Рассказъ о досадливой женѣ, утверждавшей, что думъ не покошесть, а пострижесть, мы видѣли уже въ «Большомъ Зеркалѣ», постъ фавлю *du pre tondu* онъ повторяется съ различными вариантами въ «Смѣющемся Демократѣ» p. 124 и

licum pertinacia), фанетяхъ Фришмана р. 269, также въ *Contes du sieur d'Ouville, Moyen de parvenir* и многихъ другихъ сборникахъ. Мы встретимся съ нимъ и въ чисто-народной сказкѣ.

— «О тяжести права женскаго»: во время бури на морѣ, плаватели рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля: одинъ изъ нихъ вмѣсто кладя выбросить жену, говоря, что тяжесть этого для него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.

— «О упрямствѣ жены»: когда она утонула, то мужъ отправился искать ее вверхъ по рѣкѣ, не думая, чтобы она и здѣсь оставила привычку идти наперекоръ вѣтру и каждому, — изъ фанетей Подакіо *de eo qui contra flumine receptam querebat*.

— «Жена грамотѣ научила медвѣдя»: Забл., об. д. 13, передѣлка разсказа о томъ, какъ Эйзенштатъ въ Эрфуртѣ училъ грамотѣ осла.

— «О младыхъ и о старомъ», какъ послѣдній дождь отпугнулся отъ молодыхъ женщинъ, хотѣвшихъ надѣть на немъ посылы, — изъ фанетей Подакіо: *juvenularum a salvo quodam faceta dilusio*.

Нашаки на женщинъ интересны были для старинныхъ читателей, потому что стояли въ уровень съ ихъ понятіями: фанетей прижимаютъ въ этомъ отношеніи и къ стариннымъ «словамъ о женахъ» и къ разнымъ народнымъ анекдотамъ изъ домашней жизни и юмористическимъ изображеніямъ, какія давно уже появились въ глубочайшихъ картинкахъ. Мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ собраніи повѣстей, которое встрѣчается въ старыхъ сборникахъ и принадлежитъ безъ сомнѣнія Русскому составителю. Въ старомъ Русскомъ быту женщина играла незавидную роль: въ этомъ согласны и отечественныя свидѣтельства той эпохи и замѣчанія иностранныхъ путешественниковъ и даже народная наша поэзія, всегда впадающая въ унылый тонъ, когда изображаетъ судьбу женщины въ родной семьѣ, въ чужихъ людяхъ. Понятенъ поэтому тотъ враждебный взглядъ на женщину, какой можно замѣтить уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей литературы: отъ нихъ и до подлинныхъ сочиненій XVII вѣка, письменность наша представляетъ не-

прерывный рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженій этого взгляда. По вѣрному замѣчанію г. Заблудина, переводныя произведенія духовной литературы и особенно сочиненія Златоуста, пользовавшіяся большимъ авторитетомъ, имѣли свое значеніе въ приложеніи къ самому Русскому быту. По крайней мѣрѣ, все наши моралисты, начиная съ Даниила Заточника, часто повторяли положенія, встрѣченныя ими въ подобныхъ произведеніяхъ: Домострой въ нравственныхъ требованіяхъ своихъ перѣдко слѣдовалъ готовымъ правиламъ; даже гдѣ-иногда считали нужнымъ вооружаться противъ «злыхъ женъ». По текстамъ словъ «о злыхъ женахъ», приведенныхъ въ упомянутой прежде статьѣ о псевдонимахъ (Изв. 4, 126—136), можно видѣть, что готовый матеріалъ легко соединился съ мыслью Русскаго сочинителя: прибавивъ къ сентенціямъ Даниила или выискавъ изъ Златоуста нѣсколько новыхъ вариантовъ, сочинитель вполне излагалъ свои понятія. Литературныя отзывы о «злыхъ женахъ» оставались одни и тѣже во все продолженіе до-Петровскаго періода; несмотря на все постоянство этихъ мнѣній, была еще потребность въ суровой характеристикѣ женщины, и Русскія «слова о женахъ» доходять иногда до крайности въ своемъ обличительномъ тонѣ.

Упомянутая здѣсь о нихъ, мы имѣемъ въ виду связь ихъ съ литературой повѣствовательной. По большей части, нѣтъ ихъ бываетъ чисто дидактическая; сравненіями и уподобленіями дѣлалось наставленіе тому, кому оно было нужно, и примѣры историческія завершали сказанное. Одно изъ такихъ словъ начинается вопросами: «егда загорится хранина, чѣмъ ее гасити? водою. Что болѣе воды? вѣтръ. Что болѣе вѣтра? гора. Что сильнее горы? человекъ. Что болѣе можетъ человекъ? хмель: отнимаетъ руки и ноги. Что долѣе хмелю? сонъ. Что долѣе сна? жена зла». Въ другомъ словѣ Рум., I' 359, л. 267—270, авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «случе есть во утлѣ корабліи плавати, нежели злои женѣ правла повѣдати: корабль утлѣ товаръ потопляеть, а злаи жена домъ мужа своего цуеть створяеть и самого мужа своего погубитъ. Немочно человеку плъну въ полѣ заина постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаи жена отъиане ангеломъ, угоженіе шаволе». Иногда

для бо́льшого ублаженія, кромѣ примѣровъ историческихъ, приводились и анекдоты, какъ едѣла въ Даниилѣ Заточникѣ ср. Изв. 4, 136). Изъ подобныхъ «словъ» мы замѣтимъ одно, подъ заглавіемъ «беседа отца съ сыномъ о женской злобѣ», обширнѣйшее другихъ и составленное бесѣды сомнѣнія Русскими сочинителями изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе они могли имѣть въ XVII или XVI столѣтіи.

Вотъ некоторые списки бесѣды : — Румянн. , I^o 363 сборн. XVII в. л. 513—513 — беседа премудра и челолюбива отца претаніе и поученіе къ сыну спискателно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, и премудрато Соложана, и Исуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женствѣ злобѣ, нач. послудшии, сыне мой приклони ушиа свои, выуши словеса усть моихъ, да скажати. Исперва сотвори Богъ человека ешнато отъ всѣхъ стихинъ и пр.

— Толст. 2, 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 365—378 — беседа отца съ сыномъ, спискателно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, отъ премудрато Соложана, отъ Исуса Сирахова и отъ многихъ философовъ, отъ искусныхъ мужей, отеческая претанія къ сыну, о женствѣ злобѣ, и обоихъ вкуибъ. (sic), нач. послудшии, сыне мой, выуши словеса и пр. — Толст. 2, 140 л. 868—888 не ошаченные въ описаніи и перемежающиеся отрывки той же бесѣды.

— Царск. , I^o 431 сборн. XVII в. л. 1—63 — беседа отца съ сыномъ и т. д., отеческое претаніе и наказаніе къ сыну о женствѣ злобѣ и о сыновней добродѣтели, обоихъ вкуибъ, нач. почти такъ же.

Женская злоба казалась до такой степени сильною и непреодолимую сочинително «бесѣды», что главная мысль ея—развитіе аскетическихъ положеній во всей ихъ обширности. Чтобы сберечь сына отъ несчастій, какія можетъ навлечь женская злоба, отецъ совѣтуетъ ему совершенно избѣгать женщинъ, и въ отвѣтъ на сомнѣнія сына представляетъ разительные примѣры этого зла. Послѣ разсказовъ объ Атамѣ и Евѣ, авторъ, по повѣдѣнію Румянн. списку, разсуждаетъ о томъ, что отъ

женъ «многіа крови проіѣхася и царства разоринася и паріе отъ живота гонзунули», что «горе граду тому, всемаже владѣтельствуеъ жена: горе дому тому, имже владѣтеъ жена: аю и мужу тому, имже слушаеъ жень»: онъ съ полнымъ простодушіемъ повторяетъ упреки женщинамъ, сдѣланные еще І. Златоустомъ: «украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, улы своя связали шюкомъ, дѣбы своя потягнули жемчюгомъ, унеса своя завѣсили драгими рясамъ, да не слышатъ гласа Божіа, ни свѣтыхъ книгъ почитанія, ни огньи своихъ духовныхъ ученій»: указываетъ, какое зло приноситъ жена въ семейный бытъ, дѣшая покой своего мужа, и такъ далѣе: «скенскій разумъ, говоритъ онъ, яко храмина непокровенна и яко вѣтрило на верху горь, скорообразно вертншесе . . . : дугче купиши коня, или вола, или ризу, нежели злу жену поняти». Подобными словами хорошо выражаются тѣ понятія, изъ которыхъ развились и народныя наши изреченія: «бабій языкъ — чоргово помело, вымететъ изъ дому и хитрена и мудрена» — «гдѣ бѣсъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ» — «бѣй жену до дѣтей, а дѣтей до людей» — «женину немочь догадка лечить» — «жена не горшокъ, не разобѣтася» и т. п.

На возраженіи сына, отецъ приводитъ характеристику женщинъ, угодобля ихъ дикимъ звѣрямъ и вообще описывая ихъ самыми мрачными красками. Онъ перечисливаетъ такимъ образомъ женщинъ: 1) дѣстивую и провърливую, 2) сварливую и злоязычную, 3) крадливую и лукавую, 4) дѣстивую . . . 5) обавинну и еретнну, 6) медвѣдону и лвшну, 7) змію и скорню, 8) ехидну, 9) змію и василіску, 10) аснда. Вотъ наприкладъ женщина, предавшая колдовству: «сидѣтека начнетъ у проклятыхъ бабъ обавничества навъкати и еретичества некатъ, и вопрошати будетъ многихъ, какобъ ей за мужъ выти и како бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ, и вѣнцетъ обавничковъ и обавницъ колдуновъ и колдуней, *Толст.* 2. 281. и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ бѣствою будетъ шенты ухипрати и подъ и зѣбъ подѣшнати, и *въ* возглавіе и въ постѣлю вшнвати, и въ порты рѣзати, и надъ чѣломъ вѣнцати, и всякія придумшншіася къ тому промышлѣти, и корнѣемъ и травами примѣшати, и всѣмъ патъ мужемъ чаруетъ, сердце его высоветъ.

удю истребить, красоты въ шнѣ по осязати, и во очесехъ свѣтлость погубити, и всякому въ попомине стожитъ и пр. Въ томъ же рѣчѣ составлена и другая описанія, въ которыхъ описана видны черта именно Русскаго быта. Общимъ характеромъ повѣствованія была Бесѣда отца съ сыномъ, напоминающая другое соотечественное повѣствованіе, принадлежащее Французской литературѣ: *Chastement que le peres enseigne a son fils Barb-Moon, Fablesaux 1808, 2, 39—183* — переводку издѣланнаго сборника Петра Андреевича, составленную въ XI—XII столѣтіи. Рассказы, въ которыхъ отецъ передаетъ сыну нравственные уроки, разойтись въ послѣдствіи по всей Европѣ и получили особенную прелесть подъ перомъ Боккаччо и другихъ повѣдливцовъ; некоторые мы даже слышали, говори о Римскихъ Царяхъ; но здѣсь видѣть на женщину, какъ и въ нашей Бесѣдѣ, отличается мрачною холодностью. Въ раннихъ педагогическихъ сентенціяхъ, *tirades d'une morale fort insipide et quelquefois très-malhonnette*, но выраженіи *Иерона Fabl. 1779, 1, 194*, очень убѣждаетъ сына почитать женщину, какъ дѣтей Авреи. Отецъ говоритъ, напримеръ, сыну:

Beaux fils, sui lion et dragon,
Ors, liepart, et escorpion.
La male fême ne sui me
Por losenge que l'en te die
Prie Dieu molt devollement
Le gloriox omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te gardes de ty part.

Сынъ проситъ отца рассказать ему о нихъ, *quar com plus ge les connoistroie, de tant mieuz garder m'en porteroie*, — и очень сообщаетъ ему три поветія de la male feme. Такия понятія принадлежатъ и въ другихъ произведеніяхъ средне-вѣковой поэзіи. Не смотря на рыцарское уваженіе къ женщинѣ, отличающееся эту эпоху, литература представляетъ нѣсколько любимыхъ рассказовъ, основанныхъ на правилѣ, что тщетное наказаніе необходимо для укрощенія дѣвкамъ женщины и для покарженія добродѣтели. Рассказы о томъ, какъ мужья находило въ женѣ лучшее средство къ поддержанью до-

машинного счастья, съ одобреніемъ повторяются у многихъ итальянскихъ повеллетовъ, даже у Боккаччо, въ повеллѣ о Соломоновомъ судѣ, Decameron. IX. 9. Такая же мораль не разъ проповѣдуется и въ фавль, напр. de la dame qui fut corrigée. Въ романѣ Milles et Amys, написанномъ въ самую блестящую пору рыцарства, развивается мысль, что — la mauvaise femme convient il battre et la bonne aussi a fin qu'elle ne se change, — дурную жену надобно бить, да и хорошую такъ же, чтобы она не перевишилась (ср. Dunlop 249). Нельзя однако проводить аналогіи между этими примѣрами и нашими памятниками: что въ одномъ случаѣ было явленіемъ исключительнымъ, то въ другомъ является обыкновеннымъ и постояннымъ фактомъ; наша бесѣда удачно совмѣщаетъ особенности отзывовъ о женщинахъ, которые представляются въ старой письменности Русской.

Вслѣдъ за общою характеристикою, сочинитель, отвѣчая на возраженія сына, указываетъ примѣръ Адама, Ноя, Лота, Давида, и когда сынъ находилъ себя достаточно укрѣпившимся противъ женской *прелести* (т. е. коварства и обмана), очень отвѣчалъ, что не слѣдуетъ надѣяться «на мужество свое и на храбрость, еже жити со зѣреть симъ — т. е. съ женщиной, — что укротити его, свирѣбе и безетудибѣ суще полскихъ зѣррей, невозможно сущи убѣжати лютеости ся: обрѣли бо еси въ писаниихъ, кто Соломона премудрого премудрей, или кто Самсона сильнѣе и Александра храбрѣе, — и они отъ женъ пострадали и скончашася» и пр. За тѣмъ очень приводитъ слѣдующія исторіи:

— Въ «Старчествѣ» т. е. книгѣ этого названія нашедъ оны исторію о томъ, какъ злая жена прелестила старца въ пустынь, погубила мужа и шестерыхъ дѣтей и наконецъ была сама наказана жестокою смертью (Румянц., об. л. 531).

— Повѣсть «про нѣкоего мужа» (л. 533): «...прошедше въ домъ къ женѣ вдовицѣ и хваляху людіе ему, да ея оженитъ ею, понеже юнѣ блнше; она же окаянная злоуравно съ нимъ живяше нѣколко лѣтъ. Но времени же умре жена, оны же начать продавати дѣти своя и ея; людіе же кляняху его: что тако творитъ? Оны же рече: егда возрастуть и будутъ обычаемъ въ

матеръ свою, тогда и меня продадутъ. И плакася о женѣ своей, людѣ же глаголаху: почто плачешися? Онъ же рече: плачюся, дабы другая такава не была» (ср. Псал. 4, 136). Здесь присоединено такъ же изреченіе: «и кіи человекъ рече.—бытъ есть въ трехъ нуждахъ: въ темницѣ, у шибальницы, и отъ дву нуждъ убѣжать, а отъ третіи нужды, отъ злыя жены, не могу убѣжати.»

— Далѣе, л. 535, находится анекдотъ о Паніріи Римлянинѣ; указанный прежде въ Римскихъ Дѣяніяхъ и приведенный здѣсь по другой редакціи.

— Наконецъ упомянутая нами въ числѣ судовъ Соломоновыхъ повѣсть о Даркирѣ или Декирѣ, на л. 538—542, съ тѣмъ же заключеніемъ: «и рече царь: обрѣтохъ въ тысячѣи много мужей мудрыхъ, жены же мудрыя не обрѣтохъ ни во тѣхъ единыхъ.»

Замѣтимъ здѣсь и притчу о старомъ мужѣ въ Толст. 2, 230 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 38—41, нач. «бысть старый мужъ велии старъ, и сватася ко прекрасной дѣвицѣ, такъ же въ Ногод. А⁷ 1776 рук. XVIII в. л. 4—8 «сказаніе о старомъ мужѣ и о прекрасной дѣвицѣ, нач. почти такъ же. Старый мужъ предлагаетъ дѣвицѣ слугъ и рабынь и портницъ многоцѣныхъ: «украшу тебя, говоритъ онъ, аки цвѣтъ въ чистомъ полѣ и аки паву птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубравѣ, и упокою ты во всемъ нарядѣ, и сотворю тебѣ ширь великіи, и на ширю вею всякую потѣху играти гусельникомъ и трубишникомъ, — но дѣвица обличаетъ его, не жалья рѣкихъ выраженій.

Возвращаемся къ «Смѣхотворнымъ повѣстямъ». За коротенькими анекдотами въ сборникѣ помѣщены довольно обширные рассказы, принадлежаніе области средне-вѣковой повѣсти. Одинъ изъ нихъ «о женахъ, ободетившихъ мужей, како мужъ преть женою кася» (Т., об. 44—53 (Заб. об. 56—64) есть передѣлка сюжета, знаменитаго въ средневѣковой литературѣ: замѣтимъ здѣсь только редакцію его въ басняхъ Бюшана, въ фавльо de la dame qui fit accroître à son mari qu'il avait tевu или les cheveux coupés, въ Декамеронѣ VII. 4. 8., и въ Cent nouvelles nouvelles, nr. 64.; обширная литературная исторія этого

сюжета собрана в издании *Faceta, Ges.-Abentener* 2, XLII—XLIII. Для противоположности прежним рассказам, где женщины постоянно рисуются в неблагоприятных чертахъ, собиратель поставил вторую повесть «въ поправленіе аснамъ и во отвеленіе укоризны на снхъ, о женѣ благочестивой» (Т. д. 62, вариант рассказа, помещеннаго въ Schimpf und Ernst 1, *Leitij*, von Ernst das *ceclerxvij*). Третій рассказъ «о женѣ благоумной и мужѣ непотребнѣмъ» въ Толст. д. 65, и въ Забл. сборникъ № 69 д. 194—195, есть передѣлка фавлю de la bourse pleine de sens, напечатана и въ Шмевкой литературѣ (см. Ges.-Abent. 2, XIX—XXI, 219—239 von den ledigen wiben).

Наконецъ въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ» перешли въ старинную нашу повесть и нѣсколько повѣдей *Боккаччо*, — фавлю любовнаго по его неожиданности. Однѣ изъ повѣдей, взятые непосредственно изъ Декамерона перешли въ Шмевкой длинникъ Полскаго сборника, другія отчасти передѣланы и взяты изъ другихъ редакцій. Въ нашемъ сборникѣ находите четыре повѣды.

— «О дружбѣ, о Маркѣ и Шинелетѣ» (въ Толст. и Забл. спискахъ и въ сборникѣ Забл. № 69 д. 188—191), повѣд. Декамерона VIII, 8, гдѣ друзья названы Zerra и Spineloccio передѣлана въ Вохожд. Цвана гост. сына 1, 79—82.

— «О женѣ и гостѣ» Т. 38, Забл. 43 «о женѣ, всадивше гостя въ подбѣжку», и въ сборникѣ № 69 д. 195—196), повѣд. Декамерона VII, 2, повторенная въ рассказѣ Мордани de adultero, qui uxorem in praesentia viri in dolio permanentis retromart delibabat, и во многихъ другихъ передѣлкахъ Ges.-Abent. 2 XXXVI—XL: наша повесть не слѣдуетъ тексту Декамерона, не имѣетъ картиннаго окончанія Шмевской повѣды.

— Повесть «о господнѣ Петрѣ и о прекрасной Касандрѣ и о слугѣ Николаѣ» Т. 53—58, Забл. 47—53, № 69 д. 191—194, есть очень близкая редакція повѣды Боккаччо, Decam. VII, 7: какъ и предыдущій рассказъ эта повесть была значительно распространена, и являлась въ Шмевской обработкѣ (*Dundor* 242, 490.).

— «О женѣ, ободетившеи мужа, якобы въражеса въ кладель» (Т. 58—62, Забл. 53—56 «о гражданкѣ унижающема

о женѣ его». — повѣда Декамерона VII. 4, отвлеченная нами и въ повѣсти о Семи Мудрецахъ. Она разсказана была прежде Боккаччо въ фабльо de celui qui enfetna sa femme en une tour *Barb.-Meon* 2, 99—107 и повторена другими Итальянскими повѣдистами.

Кромѣ того у насъ переведена была одна изъ прекраснѣйшихъ повѣдей Боккаччо и по мысли и по разсказу, *Decamer. II. 9*; это — повѣсть утѣшная о куникѣ, которой завожизня другимъ о добродѣтели жена своего въ той же *Totet. рускоиен. I. 86—101*. Обширная литературная исторія этого сюжета, повтореннаго въ Индйскихъ сказкахъ *Соматова*, въ Тисячѣ в одной Почи, въ Римскихъ *Целіяхъ*, во многихъ средне-вѣковыхъ повѣстяхъ и романахъ, изложена въ томъ же изданіи *Gesammitabenteuer* 3, LXXXII—cxi. Некоторыя обработки сюжета находятя въ библіаншей святи съ повѣдью Декамерона. Источникомъ этой повѣдней считаютъ одно Французское стихотвореніе, но существовала и третья Итальянская редакція разсказа, которую воспроизвелъ Савенориво въ *Cento novelle scelte*: кромѣ стариннаго Швецкаго стихотворенія *von zwein kaufmannen Ges.-Ab. 3, 357—382*, довольно далеко отъ повѣдья Боккаччо, етъ другая Швецкая обработка, болѣе ея ней соотвѣтная, именно пародіа кунта: *Ein liephete histori und warheit von vier kaufmenden*, датированнаго 1489 года, — но она происходитъ изъ текста изъ Датскаго источника, въ которому Гриммъ относитъ и повѣдью Боккаччо.

Повѣстная исторія, служившая подлинникомъ для нашей повѣсти, едва ли не была непосредственнымъ переводомъ повѣсти Декамерона. Она явилась еще въ концѣ XVI столѣтія, и въ 1583 упоминаетъ въ Запискѣ о запрещеніи *librorum prohibitorum Jocher, Obraz 3, 392. Wiszniewski, Hist. 7, 210*; по указанію Делевеля, она была издана въ 1571 г., упоминается и нѣсколько другихъ изданій, въ XVI-мъ и XVII-мъ стол. *Lobsczka, Bibl. ksiąg dwoje, Wilno 1823—26. 1, 184—186, 2, 233*. *Норберн. манускрипт. Historia krotokliwa o kupcu ktory sie z drugim zalozyl o enote zony swoey, a on Chist rya bauze piekna o Barnaboszu. Jako sie ten zony kupce z drugim kupcem o enote zony swoey zal-zył o zklad nomaly. Ws. skłoa cwyto. paron.*

ku pocieszę u przestrodze (*Мас.*, *Pisn.* 3, 88). — такъ что въ заглавіи сохранилось имя Генуэца Вернабо, мужа героини. Русскій переводъ исторіи довольно удовлетворителенъ.

X.

Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Саввѣ Грудницѣ. — Рукопись старинны Мариі. — Повѣсть о Фролѣ Скоблевѣ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники.

Къ концу стараго періода нашей письменности, когда перешло въ нее много западныхъ повѣстей и романовъ, появляются и слабыя начатки самостоятельной Русской повѣсти. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старой словесности нашей не могла сколько нибудь полно развиться эта литературная форма, и то, что можетъ быть отнесено у насъ къ этому разряду произведеній, не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера. У насъ невозможны были конечно исторіи съ рыцарскими походами и романтической любовью, но Русская повѣсть могла исполнить свое назначеніе и быть любопытнымъ памятникомъ литературы, если бы вѣрно рисовала отличительныя черты Русской действительности. Какъ можно было пользоваться фактами нашего стариннаго быта, показывають отчасти немногіе опыты Русской повѣсти, извѣстные теперь по рукописямъ. Какъ на попытку романа указывали у насъ иногда *повѣсть о Саввѣ Грудницѣ*, относилъ ее къ временамъ ц. Михаила Федоровича. Она встрѣчалась намъ въ нѣсколькихъ спискахъ; повидимому она читалась со вниманіемъ въ свое время: Толстовская рукопись повѣсти написана очень старательно и украшена картинками, — всего 22, — изображающими героя въ разныхъ случаяхъ его жизни. Сказаніе о Саввѣ Грудницѣ есть какое-то соединеніе правоучительной повѣсти съ историческимъ разказомъ: въ немъ нѣтъ той живости изложенія, какою отличается Фролъ Скоблевъ, нѣтъ и такой одушевленной картины правды, нарисованной по поводу приключеній героя. Правоучительное направленіе, которымъ проникнута наша повѣсть, было общаю склонностью того времени, и сочинителю трудно было отъ нея освободиться; при всемъ томъ изложеніе не такъ страдаетъ отъ этого, какъ можно было бы ожидать.

Сюжетъ исторіи составляетъ судьба юноши т. е. Саввы, появившаго во власть бѣса, которому онъ далъ на себя запись, и потомъ чудеснымъ образомъ освобожденнаго отъ погибели. Отецъ его, Оома, отправляясь съ товарами въ Персиду и желая приучить сына къ торговымъ дѣламъ, поручаетъ ему ъхать къ Сали-Камской. Савва отправился и остановился въ Усольскомъ градѣ Орлѣ у стариннаго пріятеля отца своего, «спрослыііемъ Бажена Второго.» Здѣсь завязывается у него любовная интрига, которая сначала шла удачно, но потомъ, послѣ одной размолвки между Саввой и предметомъ его страсти, принудила его оставить домъ Бажена. Юноша бытъ однако паносенъ «отравнымъ зельемъ,» отчего «снать яко ѣкій огонь горѣти въ сердцѣ его;» словомъ, онъ бытъ привороженъ къ своей любимой и нигдѣ не находить покоя. Въ это время начинаются сношенія его съ бѣсомъ, который обѣщавъ ничего не подозрѣвавшему Саввѣ поправить его дѣла, если только онъ дастъ ему рукописаніе. Едва умѣя грамотѣ, Савва написалъ требуемое условіе, и не понимая самъ въ чемъ дѣло, отдалъ себя въ руки бѣса, который исполнилъ его желанія, и чтобы окончательно уловить юношу, представилъ его своимъ темнымъ властямъ. Между тѣмъ Оома, воротившись домой, услыхавъ о безпорядочной жизни сына, и не имѣя отъ него никакихъ вѣстей, отправился его отыскивать. Савва, по совѣту своего новаго слугачика, идегъ вмѣстѣ съ нимъ въ Шую, поступаетъ въ солдаты и пріобрѣтаетъ любовь полковника иноземца, который умѣлъ похвалиться. Царь Михаилъ Осодоровичъ посылаетъ тогда войско подъ Смоленскъ; туда идегъ и Савва, и при помощи бѣса оказывается удивительную храбрость, побѣдивъ на послѣдкахъ трехъ Польскихъ богатырей. Бояринъ Шеникъ услыхавъ о его подвигахъ, призываетъ къ себѣ и узнавъ его происхожденіе, велѣтъ воротиться къ отцу: Шеникъ знаетъ Оому Грудышна и подозрѣваетъ что-то недоброе въ поступкахъ Саввы. Въ Москвѣ, бояринъ Стрешневъ, до котораго дошла молва о подвигахъ Саввы подъ Смоленскомъ, приглашаетъ юношу въ свою службу. Но вскорѣ Савва сдѣлается отчаянно боленъ, и тогда только познавъ свое страшное положеніе, послѣ долгихъ страданій, подвергавшихъ опасности его жизнь, онъ спасается отъ смерти и

отъ власти бѣса. Конецъ его жизни отличается благочестіемъ и добрыми дѣлами. — Вообще, и по характеру сюжета и его героямъ, повесть вполне принадлежитъ своему времени: это зародышъ романа, какой возможенъ былъ для нашей старой жизни и литературы. Содержание взято безъ сомнѣнія изъ дѣйствительнаго событія, какъ и вообще старинная повесть рѣже, чѣмъ нынѣшняя, выбирала своими героями лица выдуманная и идеальныя. Языкъ повести есть обыкновенный книжковый языкъ семнадцатаго столѣтія.

Списки: — Толст. 3. 34 Публ. Б-ки І. О. 73 рук. нач. XVIII в. на 41 л. «повесть оубо сія остраха и ужаса исполнена и не пареченаго удивленія достойна, како челоуколюбивый Богъ, долготерпѣливъ свой, оказави нашего обращенія и непаречеными своими судьбами всякаго челоука приводить ко спасенію, еже бысть во дни сія, и являеть челоуколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ», нач. «бысть оубо в лѣто 7114 (= 1606), егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на Московское государство богомерскаго отступника, еретика Гришку расстригу Огренцева... На картинкахъ изображается напр., какъ Оома отъѣзжаетъ изъ града Казани, какъ жена Баженова подноситъ Савве волшебное зерце, какъ въ селѣ Павловѣ святии старецъ сказуетъ Савве, яко имѣеть братство съ дѣвоукомъ, и др.

— Новгород. № 1774 сборн. XVIII в. л. 1—19 исторія Саввы Грушкова, бѣла пачата, писана разными перераками.

— Забл. № 73, сборн. XVIII в., такъ же неполный списокъ.

— Б-ки Моск. Общ. № 223 сб. пован. сборн. л. 724—770 «повесть оубо претившаа, бысть оу Ороушия времена, града Великаго Устюга душии Оомы Грушкова о сынѣ его Саввѣ, какъ оупъ дате на себе дѣвоу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвѣтлыа Богородицы Казанскія», — № 323 сборн. XVIII в. л. 193—213 «сказаніе, како иккіа юноша Савва, проидяземли Грушкова, дде изъ себя бѣсу рукописаніе и съ нимъ ходише, и спасенъ бысть въ церквѣ Казанскія Пресвѣтлыа Богородицы въ градѣ Москвѣ».

— Мы не знаемъ, въ какъ же пероде по рукописью исторіи на 27 лист. сообщено намъ г. Гешалинъ.

Намъ неизвѣстны, къ сожалѣнію, другія произведенія, въ которыхъ могли бы найтись остатки старой повѣсти; ограничимся потому одними указаніями. Въ рукописи XVIII в. бывшей бібліотеки Царскаго № 453 л. 47—95 находится, на примѣръ, исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, какарьѣ Россійскомъ: не можемъ однако сказать, такого же ли рода герой этой исторіи, какъ Россійскій дворянинъ Фролъ Скобелевъ, или это личность вовсе не интересная. Есть указаніе о другой повѣсти или романѣ въ родѣ Фрола Скобелева — въ словахъ Макарова, который говоритъ, что въ старыхъ бумагахъ своихъ нашелъ повѣсть, «написанную весьма просто, но обоброженную рукою времени»? по свидѣтельству его повѣсть носила такое названіе: «о томъ, что случилось и приключилось съ Малленою, дочерью двинцею Ивановою вѣнъ Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ вѣнъ Иванъ прощаль ея, и какъ вѣнъ Подьяки все еще были въ ненависти противу Руси», герой повѣсти Русскій сем. Пов. или Рус. нар. преданій М. 1834, стр. 107, пр. . Жаль, что слова Макарова очень сомнительны: повѣсть могла существовать только въ его догадкѣ фантазіи, хотя онъ серьезно говорить о ней; передѣлка его не имѣеть разумѣется никакого значенія. Назовемъ еще одно сказаніе, быть можетъ, передающее такую же семейную исторію, какъ Савва Грудницкій: оно заключается въ сборн. Царскаго, XVIII-го вѣка, № 474 л. 92—157 подъ заглавіемъ: «сказаніе отчасти о доблестившій и величій бояринѣ Феодосіи Прокошевѣ, во инокиныхъ Феодорѣ, по гелюменству земныя славы Морозова, о единородной ея княгинѣ Евдокеи и о союзинѣ ихъ Маріи».

Вѣднѣсть старой нашей словесности въ привѣсткахъ поэтическаго и свѣтскаго характера даже не разъ давала поводъ къ поддѣлкамъ и поддѣгамъ, но всегда они были грубы или не ловки. Таковы, на примѣръ, древнія Новгородскія руны, занимавшія Дерзавины; древнія Русскія поэмы, теперь будто отысканныя; вирораніе въ будущее; рукописи будто бы XII-го вѣка на древне-Сербскомъ языкѣ и т. п. Съ гораздо большимъ умѣньемъ складать были не таковы побоищныи поддѣлки, скоро впрочемъ удавшій и не имѣвшій потому успеха. Въ Новгородскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. № 31, 42, 47 на-

печатана была по старинному подлиннику «Рукопись старинного жемчуга Марии, урожденной княгини Одоевской.» Это дневник Русской боярышни XV—XVI вѣка, жившей в Новгородѣ въ эпоху его паденія; дневникъ описываетъ жизнь боярышни въ домѣ ея отца, вводитъ читателя не только въ домашнюю жизнь, но и въ среду политическихъ событій того времени; иногда онъ удачно рисуетъ положеніе Русской женщины съ точки зрѣнія роли въ семействѣ, съ ея чувствами и любовью, обглаголюетъ все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ дневникъ казался драгоценнымъ приобретениемъ для литературы, въ которой до сихъ поръ не находили ничего подобнаго; это была излетъ и прекрасная старинная повѣсть. Но мистификація скоро открылась: г. Погодинъ обнаружилъ промахи и ошибки вѣрнаго сочинителя, который смѣшалъ Юанна III съ Юанномъ IV, упоминалъ Русскую печатную книгу за пятьдесятъ лѣтъ ея перваго появленія, перепуталъ названія старинныхъ чинов и должностей. Вѣдливость описанной издателемъ рукописи такъ же выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа хараткою и—складенною столбцами, что дѣлалось, какъ извѣстно, только съ столбцами бумажными; притомъ харатка въ XVI столѣтіи есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общепользованіе не только бомбичины, но и простая триничная бумага. Г. Погодинъ перепечаталъ и самую повѣсть, въ переводѣ на нынѣшній языкъ, чтобы сдѣлать свои опроверженія несомнѣнными (Москвит. 1850. Л. 3, смѣст. стр. 29—61). Прибавимъ, что и предвѣренная неправильность книжнаго языка повѣсти въ той же мѣрѣ не удалась автору. Вотъ нѣсколько фразъ изъ начала, гдѣ сочинитель или слишкомъ насладовалъ древній языкъ XV—XVI столѣтій, или же вставлялъ въ него повѣишіе обороты: «обаче и живише со невѣрныи, не изменяеша обычаи; і егда приидоша въ Великій Новъ-градъ, абѣ возлюбиха его. Вѣдыка, бояре и житои людѣ и содѣлаша его дѣакомъ на вѣчѣ праваше *тылы земети*;» «скадаше бо ѹи треху ми и сетя дѣи дѣи обнемлющу, *вспрѣмши* !) себѣ самой смертное убойствѣ сотворити, *ниже* тому быти»...

Напечатанная недавно по старой рукописи исторія *о Фро-Скобѣль* представляетъ чрезвычайно любопытный образчикъ

старинной оригинальной повести. Въ ней легко и игриво рассказываются похождения этого авантюриста, его любовь къ боярской дочери Аишунгѣ, женитьба на ней противъ воли строгаго отца ея, наконецъ примиреніе съ нимъ и благоденствіе «Россійскаго дворянина». Содержаніе принадлежитъ конечно истинному событію и сначала могло передаваться въ устныхъ анекдотахъ; записанная форма повести обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье рассказывать: въ его простодушномъ изложеніи столько юмора, что и теперь повесть можетъ быть прочитана съ любопытствомъ. Случайность ея сохраненія позволяетъ думать, что она была не единственнымъ примѣромъ стариннаго романа, и что Фролъ Скобѣевъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Самостоятельный выборъ сюжета и его представленіе достойны вниманія въ томъ отношеніи, что повесть несколько не страдаетъ раздражительностью, какой легко было бы ожидать отъ Русскаго сочиненія подобнаго рода въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Въ концѣ прошлаго столѣтія исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передана была Ив. Новиковымъ въ Похожденіяхъ Ивана гостиннаго сына подъ заглавіемъ: «Новгородскихъ двѣдѣшекъ святочннй вечеръ сыгранной въ Москвѣ свадебнымъ» (I, 112—152); исторія передается здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями и большими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго Московскаго быта, въ половинѣ XVIII столѣтія. Изложеніе иногда гораздо рѣзче, нежели во Фролѣ Скобѣевѣ. Эта передача и другія подобныя замѣтванія показываютъ, что повѣствовательныя памятники XVII и первой половины XVIII вѣка еще не были забыты во времена Екатерины. Они легко еще удерживались въ памяти и потому, что въ старомъ поколѣніи этой эпохи очень рѣдки были люди, воспитанные на прадедовскихъ обычаяхъ, и для нихъ чтеніе старинныхъ сборниковъ сохраняло всю свою цѣну, какъ вполне соответствовавшее ихъ понятіямъ и степени образованія, или вѣрнѣе грамотности. Мы видѣли, что почти всѣ повѣсти и исторіи XVII вѣка, и даже древнѣшнія, весьма часто находятся въ рукописяхъ прошлаго вѣка: следовательно старинная письменность, несмотря на все новое развитіе литературы, продолжала свое существованіе, основываясь на правѣ давности

— Повесть о Фроде Скобелевѣ была найдена г. Ефимовымъ при описаніи Погодинскихъ рукописей, поступившихъ въ Публ. Библіотеку, въ одной сборникѣ прошедшаго столѣтія. Она была напечатана въ Москвитинѣ (1853, I, Пет. Матр. 3—16), но другой повѣщеніи копій, въ которой приведены были послѣ варианты Погодинскаго списка. Повесть называется здѣсь исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фродѣ Скобелевѣ и столичной дочери Паршиа Пацковскаго Аннушкѣ. Списокъ ея находится такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина XVIII в., № 82, подъ заглавіемъ исторія о Новоторожскомъ дворянинѣ о Фродѣ Скобелевѣ и Аннушкѣ — какъ онъ достигъ за семь рублей благополучіе, безъ конца.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о повѣстяхъ и романахъ, которые были популярнымъ чтеніемъ эпохи Петровской. Наши грамотны и книжники этого времени не ограничились тѣмъ запасомъ чтенія, какой представляло семнадцатое столѣтіе, и такимъ образомъ появилась новая письменность, лишленная забавной оригинальности и по содержанию и по языку. Остатки ея до сихъ поръ влечуть незavidное существованіе въ лицѣ Францеза Венеціана, Египетскаго рыцаря Подлиннаго, другихъ героевъ. Количество этихъ романовъ и нѣкоторыя указанія убѣждаютъ, что въ свое время они съ большимъ успѣхомъ наполняли досуги читателей — грамотныхъ недорослей, подьячихъ, сервантовъ изъ дворянъ и тому подобной читающей молодежи, которая распространила вкусъ къ этому чтенію до самаго конца XVIII столѣтія. Большаго числа намъ неизвѣстна ни время появленія этихъ романовъ, ни именъ переводчиковъ, но, безъ сомнѣній, начало ихъ должно отнести къ эпохѣ Петра В., а вообще они составляютъ принадлежность первой половины прошедшаго вѣка. Они очень рѣдко попадали въ извѣстныя собранія рукописей; приводимъ здѣсь тѣ романы, которые намъ извѣстны по рукописямъ или другимъ указаніямъ.

Между рукописями г. Забѣлина находится обширная сборникъ XVIII столѣтія, № 67, который почти все повѣстками составленъ изъ романовъ Петровскаго и подлиннаго времени занесенныхъ въ сборникъ отдѣльными рукописями. Здѣсь помѣщены:

— «Исторія о Адрианахъ Размирѣ, королѣ Гиншанскомъ, и о прекрасной Анжеликѣ, принцессѣ Донтобартеконъ, — именуемая Пенетовою Роландою», на 89 листахъ; исторія о Пенетовомъ Роландѣ находится такъ же въ Подолнѣ, рукописи, № 1983.

— «Исторія о принцѣ Адольфѣ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 11 листахъ, — историческая повесть, поразительная своей нескладностью: она переиздана очень дурно, и несмотря на то, вошла въ число дубовыхъ изданій, гдѣ называется такъ же: «Исторія о принцѣ Адольфѣ Липадинскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 8 листахъ, но несколько сокращена противъ рукописи. Другой списокъ въ сборникѣ Заблшня, № 82, безъ начала.

— «Исторія о королевнѣ Пыллодонѣ Итальянскомъ и о баронской дочери Цывиліи Гиншанской, последи бысть и королевою Итальянскою», на 23 л.

— «Исторія о Французскомъ графѣ Лаваріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ Медиоланской, слушаніемъ и чтеніемъ весьма утѣшительная», на 22 л.; въ сборникѣ Заблшня, № 82 встречается та же «исторія о Европскомъ кавалерѣ Лаваріи и о прекрасной Медиоланской княжнѣ Маргаритѣ».

— «Исторія Елизаветы королевы Англинской» и пр.: повесть повѣстна была такъ же подъ названіемъ исторіи Арсака и Размиры или Размиры, страстныхъ любовниковъ, разлученныхъ Елизаветою и погибавшихъ жертвами взаимной привязанности. Другой списокъ ея въ томъ же сборникѣ Заблшня, № 82.

— «Исторія о великомощномъ рыцарѣ Гендрикѣ, курфирствѣ Саксонскомъ и о прелюбной Мелендѣ, дочери Лодвика, курфирстра Брандербургскаго», на 38 л.

— «Исторія о князѣ Ланцонѣ, баронской дочери, Англическихъ бароновъ» и пр., на 9 лист.

— «Исторія о Ницолѣ, графѣ Англическомъ, и о Жудинѣ, графинѣ Англической же, любовная и всему свѣту куріозная инсценгура» и пр., на 42 л.; она встречается такъ же въ рукописи Моск. Общ., № 324 сборн. конца XVIII в., л. 180—220 «исторія о графѣ Ницолѣ и о графинѣ Жудин Англического государства»; въ собраніи Березинкова такъ же находится исторія «о Англическомъ графѣ Ницолѣ и любовельницѣ его Жудинѣ» (Извест. 3, 199).

— «Гисторія о Евдонѣ и Бервѣ», на 70 лист., почти столько же действующими лицами, какія въ Невстовомъ Роландѣ романъ называется такъ же исторіей разбойника Борбоса, играющаго въ ней большую роль. Другіе списки ея: въ сборникѣ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки XIV, Q. 27 л. 1—57 безъ первыхъ девяти листовъ; въ рукописи г. Черткова, «скуриозная гисторія о Евдонѣ и Бервѣ, переведена съ *Итальянскаго* языка на Руской» (Всеобщ. Библ. Россіи 1, 526); вѣроятно то же въ рукописи Погодинскаго собранія № 1984.

Этой исторіей оканчивается сборникъ г. Забланина, очень характеристичный въ томъ отношеніи, что составленъ былъ очевидно исключительнымъ любителемъ подобнаго чтенія. Въ другихъ рукописяхъ г. Забланина такъ же сохранилось много остатковъ этой писменности:

— Въ одномъ сборникѣ XVIII в. № 69 находится неполная повесть «о королѣ Делфѣ Сирскомъ, какъ незаню жену свою выдалъ за мужъ», потомъ л. 21—26 такъ же неполная «исторія о королѣ Оиванскомъ Антонивѣ и Луции королевнѣ дочери Алфена Тиррацкаго и о сынѣ ихъ Урлихѣ,» и далѣе л. 27—32 «повѣсть о королевнѣ Кширекомъ Веліамѣ, какъ невдалѣ женился на сестрѣ своей родной,» нѣсколько отличающаяся отъ другихъ романовъ XVIII вѣка, и можетъ быть принадлежать XVII столѣтію.

— Въ сборникѣ XVIII в. № 73 заключаются 1) исторія «о Египетскомъ царевичѣ Поледионѣ», находившаяся и въ рукописи Берединкова: «исторія о Египетскомъ цесарѣ о Поледионѣ и о прекрасной королевнѣ Милитивѣ» (Пуб. 4, 199); далѣе 2) неполная «исторія о королевнѣ Францѣ Имензоліусѣ Гишпанскомъ и о прекрасной королевнѣ Ракеанѣ», которая въ рукописи г. Черткова называется: «исторія, а въ ней шитетъ о Францѣ кралевнѣ Гишпанскомъ и о Роксанѣ, кралевнѣ Великобританской» (Все. Библ. Россіи 1, 526); наконецъ 3) «Аделаида Африканска», повесть, переведенная съ *Французскаго* на Россійскій языкъ въ Сиб. 1761 года.

— Въ рукописи XVIII в. № 74 находится «исторія о Клеонѣ и Рамирѣ.»

— Въ упомянутомъ сборникѣ № 69 сохранилась и ста

ришая редакція одного изъ этихъ романовъ, употребляемаго въ простонародномъ чтеніи до сихъ поръ: именно, на л. 37—184 помѣщена «исторія о храбромъ Гиншанскомъ рыцарѣ Веншанскѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую его поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель,—и о прекрасной Гиншанской королеви Пресіянкѣ, выписано изъ древнихъ гранотрафовъ» (sic и пр. Заглавіе исторіи очень длинно и кудреватое, изложеніе напоминаетъ романы XVII столѣтія, по особеннымъ архаизмамъ языка. Другой списокъ указанъ въ росписи книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи, Сиб. 1840, стр. 158.

Библиотека г. Черткова, кромѣ приведенныхъ, имѣетъ другіе романы XVIII столѣтія и значительно дополняетъ списки ихъ. Выписываемъ ихъ заглавія:

— «Исторія о великолѣпномъ цесарскомъ кавалерѣ Парискѣ и о прекрасной королевской дщери, именемъ Вильѣ» (Вс. Библ. Россіи 1, 526).

— «О изгнанномъ Римлянинѣ Джузимускѣ, *стицкой* романъ (Staatsgeschichte) съ образа Французскаго Телемака, переведенъ съ *Итальяскаго* на Руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году,» въ 2-хъ частяхъ тамъ же. 1, 527.

— Впрочемъ той же эпохи «Случай Телемакова сына Улиссова», можетъ быть отличные отъ другихъ переводовъ Фенеллонова романа, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописи Моск. Общ. А^н 161 «Похожденіе Телемака, сына Улиссова, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салиньякѣ де ла Моттѣ Фенелонъ и пр., переведена 724 года;» другой изданъ въ 1747 г. Сиб., но сдѣланъ былъ еще въ 1735. Объ этомъ послѣднемъ Тредьяковскій въ предисловіи къ своей Тилемахидѣ сообщаетъ такое свидѣніе: «когда ни благоразумный и ни *доброуминый* переводить его мужъ, и языкъ разумѣвшій Французскій; однако не обратившійся ни мало въ словесныхъ наукахъ, не могъ пронавестъ перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было. Списки, съ недостаточнаго его во всецѣломъ содержаніи перевода, еще беспредѣльно недостаточнѣе произникли; а *обносель поскуду*, расплодили и сами списки съ себя, но толь пресовершенныи, что Тилемаха въ нихъ по заглавному токмо по-

читай имени узнавать стало можно. Изъ такихъ точно списковъ одинъ достался Академической типографіи, которая Телемаха и провела печатнымъ тисненіемъ.

— «Погубленный Рай, чрезъ г. Мильтона героической поимой представленный: перев. съ Франц. б. А. Г. Строгановъ, в Москвѣ въ 1745 году.» въ 12 книгахъ или вѣсняхъ; другое экземпляръ этого перевода, по указанію г. Черткова, хранится въ Общ. Люб. Росс. Словесности (Вг. Библиот. 1, 526—527).

Въ библіотекѣ Моск. Общества находится кромѣ Телемаха слѣдующіе романы того же времени:

— «Исторія о славномъ Саксонскомъ королѣ Евродитѣ, о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалерѣ Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ» въ сборникѣ XVIII в. № 324. 135—180.

— «Зерцало восточныхъ принцессъ, романъ отъ господина Франциска, съ *Французскаго* на Россійскій языкъ переведенно Шляхетнаго кадетскаго корпуса геврейгеромъ Васильемъ Булаковымъ, майя 30 дня 1757 года».

Въ Толстовскомъ собраніи Публ. Б-ки романовъ XVIII столѣтія такъ же немного:

— «Славная исторія о Медитесѣ и Аріаннѣ, о Паламедѣ и Енихарисѣ, и о прочихъ», въ 16 книгахъ, на 345 л. рукопись начала XVIII в., по каталогу Толст. 1, 405 Публ. Б-ки XV. Г. 23.

— «Исторія о Зелмѣ и Дамазинѣ» Толст. 5. 91 на 112 л. писанная въ апрѣлѣ 1756 г., вѣроятно тотъ же переводъ, который былъ напечатанъ въ 1761 г. Сиб.

Погодинское собраніе, кромѣ упомянутыхъ романовъ, имѣетъ «сказаніе о царевичѣ Ойрсеѣ» въ рукописи № 2004 и какую-то повесть XVIII в. безъ заглавія подъ № 1794.

Въ библіотекѣ Царскаго, въ рукописи № 311 помѣщенъ «прекрасная Аріаннина пріятная и любовная исторія» въ 16 книгахъ, на 262 л., въ концѣ которой прибавлено: «сонная исторія кандуктора Сергея Сукова, списана въ 755 году, въ апрѣлѣ 19 числа, при крѣпости святыя Елизаветы». — вѣроятно переводъ известной въ свое время книги *Gilantora* Aug. Bolise

Ariadnens Staats- und Liebesgeschichte, Leipz. 1705 (см. *Grässe*, Lit.-Gesch. 3, 2, 255).

Намъ встрѣтилась въ одной рукописи XVIII в. «исторія о Гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, имянуемомъ Долтернѣ, и о прекрасной Гишпанской королевиъ Элеонорѣ, зело удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону цесарства Римскаго», на 67 лист.

Въ одной рукописи Казанск. универс., XVIII-го столѣтія, на л. 94—104 находится «исторія о Колесандрѣ, цесаревичѣ Греческомъ, и о прекрасной Неонидѣ, цесаревичѣ Транзонской» (Журн. М. Н. Пр. 1854, авт. стр. 31).

Въ шестидесятыи годахъ прошлаго столѣтія упоминается «Азіатская Баниса», романъ, знаменитый въ концѣ XVII-го вѣка (*Klapphausen*, Asiatische Banise, см. *Grässe* ib. 3, 2, 251, 255). Кажется, существовать такъ же какой то романъ или исторія «о Валтасарѣ, королѣ Табуренкомъ», имя которой написано два въ сборникѣ Заблудна, 1767; списки ея намъ не попадались. Болотовъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что въ Петербургѣ, у дяди своего, бывшаго въ военной службѣ, читалъ онъ рукописный романъ, переведенный съ *Французскаго* «Диаминионъ и Целеріана», около пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія (Отеч. Зап. 1850. 5, 33).

Безъ сомнѣнія здѣсь приведено далеко не все, относящееся къ этому отдѣлу старой письменности. Романы расходились не только въ высшемъ слое грамотныхъ людей, но и въ среднемъ классѣ общества: странствующіе торговцы книгами развозили ихъ по всемъ концамъ Россіи, какъ и до сихъ поръ развозить книги ихъ потомство. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія рукописная «исторія» уже вызвали сатирическія выходки. Одинъ изъ журналовъ 1769 г., «И то и сію», съ неподдѣльнымъ поморомъ подшучиваетъ надъ *всѣми сластями* сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ имени», каковы, напримѣръ, исторія «о побѣдѣ надъ пушкарскаихъ улицъ бѣлаго плѣдуха отъ куринѣ, о Фродѣ Скобелевѣ, Азіатская Баниса»; или рассказываетъ исторію одного господина, который «по превращеніи проклятой

службы кормить голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ то, напримеръ: Бову королевича, Петра Златыхъ-Ключей, Ерусалана Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, а Геріонѣ. (— исторія, которая намъ не встрѣчалась —), о Евдонѣ и Берѣѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фродѣ Скобѣлевѣ, о Барбосѣ рабѣ-ошибкѣ и прочія *весьма полезныя* исторіи, и сказывалъ онъ мнѣ, — говоритъ авторъ, — что уже сорокъ разъ переписалъ исторію Бовы королевича, ибо на оную бывасть болѣе *погоды*, нежели на другіе такіе драматическіе сочиненія». Передавая читателю одинъ свой сонъ, издатель говоритъ, снова вспоминая о *весьма славныхъ* исторіяхъ: «появились шардные румыны на всемъ моемъ лицѣ, и началъ я походить тогда на Евдона или на Берѣу, которыхъ выдалъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту въ продажѣ». Наконецъ герои этихъ романовъ даже прославляются журналомъ въ стихахъ. Сумароковъ, въ епископѣ о Русскомъ языкѣ, съ своей стороны вооружался противъ этой рукописной литературы:

• Не нужно, чтобы всѣмъ надъ романами потѣтъ,
А правильно писать потребно всѣмъ ужѣтъ.
Но дѣла ли требовать отъ насъ исправна слога;
Затворена къ нему въ ученіи дорога,
Лишь только ты склады немного поучи.
Паволь писать Бову, Петра Златы Ключи....

Нападки имѣли конечно основаніе въ большой привязанности известнаго рода читателей къ этимъ произведеніямъ, приписывавшимъ немного пользы и для ума и для сердца. Всѣ эти романы чрезвычайна походятъ одинъ на другой, ихъ герои одарены обыкновенно весьма достоинствами и добродѣтелями; любящія сердца страдаютъ отъ разлуки, враговъ или пренятствій, и въ концѣ достигаютъ обыкновенно воздѣланнаго брака. Эта особенная категория романовъ во Французской и Нѣмецкой литературѣ XVI—XVII столѣтій была продолженіемъ прекрасныхъ рыцарскихъ исторій, но продолженіемъ безвѣстнымъ и монотоннымъ; изъ этого источника они появились и въ Польской литературѣ XVII—XVIII вѣка. У насъ они переведены съ Нѣмецкаго и Французскаго; но очень многіе романы, какъ исто-

рія о рыцарі Гендріккѣ и другіи, переведены были съ Польскаго. Большею частью подлинники нашихъ исторій не указываются, но переводы съ Польскаго могутъ быть угаданы и безъ объясненія, по неправильностямъ и пологностямъ въ языкѣ: напр. въ романахъ попадаются такіа выраженія: *безъ жадной* причины, *зосталъ* (сдѣлался) кавалеромъ, *мусли* плакать и т. п. Въ нихъ замѣтны перѣлки и общія черты языка, принадлежація Петровской эпохѣ, особенно употребленіе иностранныхъ словъ, какія тогда были у насъ вездѣ приняты, напр. провозносить *дипперитилъ* рѣчи, бѣжать на *сикурсъ*, придти въ *аттеридію* т. е. измѣниться въ лицѣ, *персоны* оста или по себѣ *куріозность*, *ассамблея*, *волунтеръ*, *куранты* и т. п. Сентиментальныя объясненія героевъ и героинь, безпрестанныя въ этихъ исторіяхъ, передаются у насъ чрезвычайно талантливо, и отъ того иногда очень забавны: всё легкіе и свободныя обороты подлинника выходили по-Русски тяжело и нехорошо, такъ что наши переводы бросаютъ новый невыгодный свѣтъ на эти романы. Лишнее было бы судить строго объ этой литературѣ: ея оправданіе заключается во времени и читателяхъ; она любима для насъ только какъ одна черта въ характеристикѣ стариннаго популярнаго чтенія, вѣкъ котораго она лишается всякаго значенія. На книгахъ изъ народнаго чтенія всегда остается какой то отпечатокъ понятій и вкуса этого класса читателей. — и, конечно, странно было бы ставить ихъ въ уровень съ кореннымъ литературнымъ развитіемъ и вооружаться противъ ихъ отсталости и незрѣлости, какъ дѣлаетъ Пизарь, говоря о народныхъ Французскихъ книгахъ.

Къ той же эпохѣ относятся и некоторыя стихотворныя сочиненія, забавнаго и шуточнаго содержания, и сборники анекдотовъ въ родѣ Смѣхотворныхъ повѣстей. Это и другое, подъ общимъ названіемъ *придирокъ* (przykład, beispiel и *жартъ*), встрѣчается въ рукописи XVIII-го столѣтія, изъ Погодинскаго собранія, № 1777. Сначала, л. 1 — 126, въ ней помѣщены анекдоты, въ родѣ тѣхъ, какіе указаны прежде и въ рукописяхъ XVIII-го вѣка; дѣль смѣшаны дваразныя сборника: сперва приведено нѣсколько анекдотовъ изъ Смѣхотворныхъ повѣстей, а затѣ, послѣ 27-и главы, называется другой сборникъ, пере-

веденный уже въ XVIII-мъ столѣтїи; оба вмѣстѣ заключаютъ 226 мелкихъ разсказовъ. Дальше, на л. 126—183 Погодинской рукописи находится «увеселительныя жарты» съ такъ объясненїемъ:

— хотя не для историческаго чтенїя,
сочинены нѣкоторымъ человекомъ для увеселенїя,
самыя забавныя жарты, —
охотно читать какъ играть въ карты.

Здѣсь помѣщены 32 исторїи, написанныя силлабическими виршиами. Увеселительныя жарты были переведены безъ сомнѣнїя съ Польскаго, около половины прошлаго столѣтїя, и по особенностямъ языка очень сходны съ переводными романами того же времени, — и здѣсь та же любовь къ иностраннымъ сѣвамъ и шероховатость фразы.

Подобнаго рода исторїи находится такъ же во Фроловской рукописи Публ. Б-ва XIV, Q, 27, конца прошлаго столѣтїя въ которой помѣщены только четыре разсказа подъ заглавіемъ «исторїя о разныхъ куріозныхъ амурныхъ случаяхъ» (л. 68—94). И въ Погодинскихъ «жартахъ» и въ этой «исторїи» не даются иногда тѣ же сюжеты повѣстей, какіе мы видали въ смѣхотворныхъ повѣстяхъ, но съ прибавленїемъ новыхъ забавныхъ разсказовъ, содержаніе которыхъ достаточно характеризуется заглавіемъ Фроловской рукописи. Это были вообще позднѣйшія обработки старинныхъ повѣстей, перешедшія въ Польскую литературу изъ Шменскаго или Французскаго источника. Подъ названїемъ жарты и *куріозовъ* Польскихъ исторїи долго были чтенїемъ простаго народа, и въ 1789 г. напечатаны были въ извѣстной простонародной книжкѣ: «Сырочка-Весельчакъ, разсказывающей давнія Московскія былія *Польскїи диковины*» (Спб., 70 стр.). После перваго, самаго дешеваго, изданїя, книжка перепечатывалась много разъ до нынѣшняго времени; она не имѣла своего прежняго склада и силъ, но сохранила уродливыя вирши XVIII-го вѣка. Все содержанїе книжки заимствовано изъ «увеселительныхъ жартески» которыхъ находится въ Погод. и Фроловской рукописяхъ; сходство ихъ часто буквальное. Въ то же время нѣкоторыя изъ увеселительныхъ жартъ перешли и въ дубочныя и

данія: такова известная исторія «о куншовой жень и приканикъ», переложенная на Русскіе права и напечатанная на 8 дубочныхъ листкахъ, съ приличными тексту картинками и надписями: содержание повести о лукавой жень и приканикъ рассказано уже въ Старичкѣ-Весельчакѣ и въ Фроловскомъ сборникѣ, лист. 86—91.

Столько известная въ дубочныхъ изображеніяхъ исторія о курѣ и лешной лешцѣ помѣщена въ той же рукописи на л. 32—52 подъ общимъ заглавіемъ: «куріомыя дѣйствія кура и лешцы,» за которыми слѣдуетъ другое: «исторія о прекрасномъ курѣ доброгозломъ, какъ онъ приде на покаяніе къ лешцѣ, къ премудрой духовницѣ.» Въ рукописяхъ г. Заблужна встречается и эта «повѣсть парядная о курѣ и о лешцѣ, како его прелетѣла лешца» въ сборникѣ, л. 82, и другіе списки.

Въ заключеніе указываемъ въ старинныхъ рукописяхъ и некоторыя произведенія народной словесности.

Сказки и эпическія быльи, получившія въ послѣдствіи только сказочный интересъ, перешли въ рукописи уже давно, но крайней мѣрѣ съ XVII-го столѣтія. Въ старинныхъ сборникахъ встрѣчались намъ попытки записывать народные рассказы и пѣсни, и лучшимъ, замѣчательнѣйшимъ примѣромъ этого должно назвать прекрасную «повѣсть о Горѣ и Злочасти, какъ Горе-Злочасти довелю молотна во эпическій чинъ,» — встрѣченную нами въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII-го вѣка, л. 1773, и напечатанную въ Современникѣ 1856, л. 3, стр. 49—68, съ замѣчаніемъ г. Костомарова, и потомъ болѣе исправно въ Памятникахъ и образахъ народнаго языка при Известіяхъ II-го Отд. Акад., стр. 401—416. По мысли и исполненію, *повѣсть о Горѣ-Злочасти* занимаетъ средину между сказкой, быльей и такъ называемыми «стихами.» Сюжетъ ея, представляющій олицетвореніе Гора и борьбу его съ самонадѣяннѣмъ добрымъ молодецъ, принадлежитъ къ лучшимъ мотивамъ нашего сказочнаго эпоса; по его развитію, стихотвореніе имѣетъ неоспоримыя достоинства, даяющія ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду народной поэзіи. Въ то же время оно

отличается темъ назидательнымъ значеніемъ, какое составляетъ особенность духовныхъ стиховъ: все начало стихотворенія посвящено объясненію нравственной темы, лежащей въ его основаніи. Если въ духовныхъ стихахъ общенародное творчество разилось слабѣе, чѣмъ въ древнихъ былинахъ и многочисленныхъ сказкахъ, то и въ нашей повѣсти можетъ быть признано участие отдѣльнаго автора. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что некоторые части стихотворенія выказываютъ роль литературной отдѣлки, а не были готовымъ произведеніемъ народнаго фантазіи. Обширное введеніе, не вошедшее въ сохранившееся рукописное и нравственное наставленіе, вложенныя въ уста честныхъ дѣтелей добраго молодца, не соответствуютъ другимъ приемамъ нашего эпоса, который больше заботится о быстромъ изложеніи событій и мало останавливается на подобныхъ чертахъ. Участію одного автора не противорѣчитъ предельная яркость и конкретность прошлаго всеми начатами народно-политическаго вѣщенія: яркость могла быть усвоена отдѣльнымъ авторомъ, а этотъ послѣдній умѣлъ схватить коренную идею преданія и оставить ей вѣрными. Обстановка сюжета напоминаетъ вѣско пріемы сказочнаго эпоса: таково преслѣдованіе добраго молодца Горемы, вложенное очень картинно:

Полетѣлъ молодець яснымъ соколомъ,
а Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
молодець полетѣлъ синимъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодець пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
молодець сталъ въ полѣ ковыль-трава,
а Горе пришло съ косою острою,
да еще Злочастье надъ молодецемъ наемлялось
- быть тебѣ, травонька, полюбеной,
- лежать тебѣ, травонька, покошеной,
- и бунны вѣтры быть тебѣ развѣяной.
Пошелъ молодець въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ члѣстными пестотами,
еще Горе злочастье наемлялось
- быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловеной

— быть тебе та и съденою,
— умереть будетъ напрасною смертию!
Молодень пошелъ ильшъ дороговъ,
а Горю подь руку подь правую....

Разнообразныя превращенія Горя здесь очевидно не просто метафоры, а сознательное еще повтореніе поэтическаго образа, цветистаго и по другимъ памятникамъ. Вспомнимъ хотя повесть о Соломонѣ. О томъ, что въ этомъ стихотвореніи старшій Русскій бытъ отражается съ его достоинствами и недостатками, было уже говорено въ поманутой статьѣ г. Костомарова (О Горѣ-Злостастіи см. такъ же статьи: г. Булаева, въ Русск. Вѣстн. 1856, № 13—14; г. Костомарова въ Соврем. 1856, № 10, и замѣтки о журн., ib.).

Былины такъ же внеслись въ сборники. Въ рукошеи Забѣлина, XVIII в., № 71, находится «исторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ»; въ другой рукошеи, № 82, помѣщена исторія Ильи, безъ начала, и «сказаніе о трехъ богатыряхъ, Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ»; по рукошеи Забѣлина напечатана сказка объ Ильѣ Муромцѣ въ изданіи г. Аонастеева, стр. 56—61. Вероятно по старинному же списку напечатана была въ первой разѣ дубочная «исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ» на 8 листкахъ съ картинками, повторенная въ изданіи г. Аонастеева, стр. 53—58. Дубочныя изображенія богатаго и Лазаря, Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Чурилы, по словамъ г. Снегирева, изданы еще въ 1656, 1658 и 1686 годахъ. Простому столѣтію принадлежатъ замѣчательный сборникъ былины Кирии Данилова и рукошеи Бѣльскаго, изъ которой г. Сахаровъ замѣтновать напечатанные имъ тексты былины и сказокъ. Кроме былины, въ листкахъ и по изданію Калайдовича, въ рукошеи Бѣльскаго находится слѣдующія сказки: 1, Добрыня Никитичъ; 2, Василий Буслаевичъ; 3, Илья Муромецъ; 4, Акунди ъ; 5, о семи Семѣныхъ, семи родныхъ братьяхъ; 6, Звѣи Горлачичи; 7, Соловей-свѣтлогостинной, Ивановичъ; 8, Иванъ гостинной сынъ; 9, Алеша Поповичъ; 10, Емеля дурачекъ; 11, Шемякинъ судъ; 12, о семи мудре-

цахъ и о юношѣ; 13, о чудныхъ и зло умильныхъ гусяхъ самогудахъ; 14, о Жарь-птицѣ и Иванѣ царевичѣ (Рус. Нар. ск. 1841, стр. 269). Здѣсь соединены, следовательно, и пересказы былинъ, и сказки, и переводныя исторіи.

Духовные стихи, издавныя г. Кирѣевскимъ, опять принадлежатъ старой письменности. Стихъ о Голубиной книгѣ находился и въ сборникѣ Кирии Данилова; замѣчательный списокъ стиха есть въ рукописномъ собраніи г. Ундольскаго (см. Изв. 3, 47—48). Повесть о Лазарѣ, вѣроятно однозначительная съ стихомъ, печаталась на дубочныхъ листахъ еще въ XVII столѣтіи. Въ сборникѣ Кирии и некоторые стихотворенія занимаютъ средину между чистыми былинами и стихами о святыхъ и мученикахъ, напримеръ «сорокъ каликъ со каликой», гдѣ пересказана исторія Іосифа, соблазняемаго женой Пентефрія; въ другой былинѣ (стр. 252—265) являются дѣйствующими лицами царь Саулъ Леванидовичъ и сынъ его Константинъ, имена, принадлежащія такъ же стиху о Феодорѣ Тиронѣ. Духовные стихи или народныя или книжныя, записаны въ Румицовой рукописи конца прошлаго вѣка, № 408. При лучшемъ знакомствѣ съ нашей старинной письменностью, можно будетъ безъ сомнѣнія найти и болѣе древніе памятники этого рода, и указать отношеніе между современными «стихами» и прекрасными попытками излагать подобныя преданія въ литературной формѣ. Въ повѣсти о Соломонѣ, прежде нами разобранной, можно видѣть переходъ отъ книжнаго сказанія къ народному произведенію, гдѣ еще не совершенно изгладилась черта подлиннаго разказа, а и не вполне развито народное эпическое начало. Въ одной изъ рукописей г. Тихонова, конца прошедшаго столѣтія, записанъ между прочимъ начало «повѣсти о Феодорѣ Туринѣ», очень сходное съ текстомъ Кирѣевскаго (Чтенія, 1848, 9, стр. 145). Это могъ быть или списокъ со словъ, какъ былинны Данилова или же конія съ болѣе стараго подлинника. Повесть та же рукописи «повѣсть о Феодорѣ жидовинѣ» служитъ примѣромъ того, что книжныя сказанія иногда мало-по-малу измѣнились подъ вліяніемъ народа о авторства и переходили потѣмъ въ устную словесность: въ этой повѣсти и дѣтъ уже первоначальнаго разказа, и дѣтъ книжнаго тона, но она еще не пере-

работана до такой степени, что бы ее можно было поставить рядом с другими «стихами», как первую повесть.

Небольшой сборник Тихонова начинается «сравочением о стязаніи и чтеніи святаго писанія» и состоит из коротких статей духовнаго содержания. Въ послѣдней тетрадь сборника находится повесть о Феодорѣ жиловинѣ, вач. «...во святомъ градѣ Іерусалимѣ, жилъ быль Феодоръ жиловинъ, и поѣхалъ Феодоръ жиловинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ ко царю хлѣба кушать, и какъ присталъ къ берегу, и на томъ берегу стоитъ иконописецъ» и т. д.; на л. 6 «повести о Феодорѣ Туринѣ — пострада за віру христіанскую», только одно начало: «во славномъ градѣ Іерусалимѣ, у святой церкви Михаила Архангела, выходилъ царь Константинъ Сауловичъ ко святой заутрени Богу молитися, иде сіе и изъ чиста поля вылетала камена стрѣла и становилась камена стрѣла противъ царя Константина Сауловича, полъ его скоро ноги, самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичъ, иговорилъ что въ трубу трубити: свѣтъ мой, князья и бояри и люди почетныя»....

Нѣкоторыя сказки такъ же находили мѣсто въ старинныхъ сборникахъ. Впрочемъ до сихъ поръ извѣстно очень мало подобныхъ текстовъ; указываемъ, что было нами встрѣчено въ рукописяхъ.

— Весьма интересная въ дубочныхъ изданияхъ «сказка о славномъ и сильномъ витязѣ *Ерусланъ Лазаревичъ*, о его храбрости и неповторимой красотѣ паревны Анастасіи Вахрамѣевны», на 32 л., помѣщена въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка. № 1773, на л. 207—238 подъ заглавіемъ: «сказаніе и похождение о храбрости, о младости и до старости его бытіи, младатаго юности и прекраснаго Русскаго богатыря, да послушати дивно, Еруслана Лазаревича», начин. «бысть въ царствѣ царя Картауса» и пр. Нѣсколько отменно отъ другихъ чтеній сказка передается въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія 5. 62, Публ. Б-ки XVII. Q. 4, на л. 22—35 подъ заглавіемъ: «сказаніе о царствѣ царя Картауса и о мѣтѣ его Лазорѣ Лазоревичѣ и о сынѣ его Ерусланѣ Лазоревичѣ и о его походехъ», начин. «бысть въ нѣкомъ царствѣ, бысть царь иѣки именованъ Картаусъ, а у того царя Картауса бысть дити князь

Лазорь Лазоревичъ, да у того же паря Картауга садилось столько на великой день по 5,000 людей, а тамъ людемъ пудило корму на великой день 1,000 быковъ, да по 3,000 барановъ, а послеъ стола вывозили костей за градъ по 30 воловь т. д. Въ этой сказкѣ встрѣчается вообще много очень извѣстныхъ эпическихъ мотивовъ, но есть и некоторыя отличія отъ другихъ сказокъ, напр. Татарскія имена богатыря Еруслана, Калоктигирея и пр., и другія подробности, которыя еще требуютъ объясненія.

— Въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 177 на об. л. 187—189 помещена безъ заглавія сказка *о тинкѣ, молодцѣ, конѣ и саблѣ*, къ сожалѣнію неконченная. Приведемъ отрывокъ, чтобы дать понятіе о томъ, какіе прекрасныя тексты сказокъ могутъ быть отысканы въ старыхъ рукописяхъ. Положеніе этой сказки чисто-народное, вполне сохранило эпическій складъ произведенія:

«Въ древнихъ было дѣлехъ, а въ дальнихъ странахъ, кони-себя отинкой молодець, сыюлода былъ бѣль-кудрявъ, кони у него были буръ-космагъ, на ухо лисъ, задняя нога окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего то хорошае было у добра коня 12 примѣтъ: рогъ какъ насалякъ какъ рукавъ, грива колесомъ, уши конякомъ, окорокъ висли — памяти вышли (?), олень и мышки — зачьи почки, хвостъ какъ кугасъ, круглыя копыты, что полныя морскія раковины, а очи у добра коня что великія питья чашы, на доны вышли, — весь молодецкой конь въ примѣтахъ, что молодець звѣрь. И кони-де себя отинкой дорожной молодець осѣдлае своего добра коня и веланеть на него свое сѣдло чернаское подстегнуть двѣнадцать подпругъ бѣлого шелку шемахинского, — у велике подпруги пряжки красного золота аравитткого, и положить на добра коня свою узду темную, и остегнуть себя своей подпашь садыкъ, а въ немъ 300 стрѣлъ, полъ-кибирей, 70 арчицевъ, 80 ташыковъ, 30 свергъ, ошричевъ надобныхъ стрѣлъ, а всякая стрѣла морская трость, на три колота и на четверо строгано, и нашивано въ нихъ краснаго золота аравитткого, — и опознеть на себя свое молодецкое вострую саблю тулушманку, пошире дравины, а пешпоти

поуже тесницы, за конемъ съ сажень, а передъ конемъ съ локоть, а кована она въ красномъ-дорогѣ-заморскомъ булатѣ, огнишко вострое сабли дорога камня самодѣльного, а у поженъ оконца красного золота аравитского. И свидали протое его молодецкую вострую саблю во многихъ дальныхъ ордахъ многіе царевичи и королевичи, и учали изъ дальныхъ ордъ своихъ къ добру молодцу послаи посылати, чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образецъ великіе ради хитрости и мудрости. Образца не сняли и прочь по своимъ дальнымъ ордахъ розбѣхались. И учаль себѣ отливкой молодецъ своею вострую саблею похвалятися: «не потому-де моя молодецкая вострая сабли (дорога), что она кована въ заморскомъ краснѣ-дорогѣ булатѣ; потому-де моя молодецкая вострая сабли дорога, что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесять городовъ, а всякой мастеръ имать отъ своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ. Еще-де моя молодецкая вострая сабли не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабли дорога, что здѣлана она хитростію и мудростію.... въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе отъ майдана и до долу (?). Еще-де моя молодецкая вострая сабли не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабли дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновать, тогъ отъ одного разу живъ не фживать». И коли-де себѣ отливкой дорожной молодецъ сядеть на своего добра коня и выѣдетъ въ чистое поле и заиграеть»....

Любопытно было бы найти окончаніе этой замѣчательной сказки: отчего въ ней такое изобиліе Татарскихъ словъ? Внизу страницы, въ рукописи прибавлено: «сіа книга Троицкого монастыря подъячего Аноима Шенкова, а писалъ самъ своею рукою мѣта 7204 (= 1696, сентябрь)».

— Въ рукописяхъ перѣико встрѣчается любопытная сатира стараго времени, которую у насъ не совѣмъ жарко относить въ область сказки, — *судное дело у деда съ ериомъ*. Эта сказка напечатана г. Сахаровымъ по его старому списку, гдѣ она имѣетъ такое заглавіе: «въ морѣ перель большими рыбами, сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о ихомъ челоувѣ, и какъ съ нимъ твасишь рыбы»

лещь да головель» (Русск. Ск. 1831, стр. 153—173). Сказка очень известна и по дубочному изображению, на большом листе, сь подписями, которыхъ недостаетъ въ напечатанномъ текстѣ. Огрывокъ сказаній находится въ очень ветхой рукописи Публ. Б-ки, XVII вѣка, XV. Q. 35, на семи листахъ; другой списокъ есть въ упомянутомъ прежде сборникѣ Забѣлина № 67, на пяти страницахъ подъ заглавіемъ: «списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ бытъ судъ у леща съ ернемъ», начини «рыбамъ господарь, великому осетру и бѣлугѣ, бѣлой рыбицѣ, бытъ челомъ Ростовскаго озера сыничшко боярекой, лещъ съ товарищю» и т. д. — списокъ замѣчательный. По словамъ г. Сахарова, эта повесть, «носить на себѣ отпечатокъ какой то непонятной намъ сатиры», — напротивъ, если непонятно для насъ что нибудь другое въ нашей сказочномъ эпосѣ, то нѣтъ ничего янше этой сказки. Заглавіе ея, особенно въ Забѣлинскомъ списокѣ, очень хорошо объясняетъ, въ чемъ дѣло: это явная сатира на старинное дѣлопроизводство, подобіе котораго удачно сохраняется въ самой сказкѣ и ея вышней формѣ. Въ сущности она вовсе не принадлежитъ къ сказочному эпосу, съ которымъ не имѣетъ общаго ни по мысли, — потому что сказочный эпосъ совершенно независимъ отъ сатиры, ни по изложенію, — потому что здѣсь нѣтъ обыкновенныхъ эпическихъ приѣмовъ. Это чисто-литературная сатира XVI — XVII вѣка, въ данной формѣ возможная только въ тогданнемъ Русскомъ бытѣ.

— Другимъ примѣромъ подобной сатиры можетъ служить *Шемкино судъ*, старинное произведение, не разъ повторенное и въ повѣстныхъ литературныхъ обработкахъ. Не расстраиваясь теперь о литературной исторіи этого сюжета, представляющей любопытная данныя, замѣтимъ только старинный списокъ сатиры въ Толстовскомъ сборникѣ XVII — XVIII вѣка 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 42—46, гдѣ повесть называется «судъ Шемки судна, вышесано изъ Но нескихъ каицъ», начини, «въ нѣкихъ мѣстѣхъ живаше два пустынника, одинъ богатъ, а други убогъ, богаты же «судая многа дѣла убогова и не возможе его судюсти исполнити» и пр. Изложеніе очень сходно съ известнымъ дубочнымъ изображеніемъ: единственнымъ

важный вариант находится только во втором приключении Бѣлика, который, увидав съ полатей, убиваетъ ребенка у пона, а не у простаго музика. Довольно трудно объяснить ссылку на Польскія книги, въ которыхъ будто бы выписана эта повесть: въ самомъ текстѣ нѣтъ никакихъ особенностей, принадлежащихъ обыкновеннымъ переводамъ съ Польскаго, потому что сказка написана смѣсью стараго книжнаго языка съ народнымъ, и потому всего скорѣ могла быть записана Русскимъ грамотѣемъ. Быть можетъ, все основаніе этой ссылки заключается въ томъ, что въ оригиналѣ Толстовскаго списка повесть была помѣщена съ какими нибудь сказаньями, действительно переведенными съ Польскаго, и писецъ желая указать свой источникъ, неправильно отнесъ и «судъ Шемяки» къ Польскимъ книгамъ. Замѣтимъ, что въ Заблужской рукописи XVIII вѣка, F 73 находится «исторія о бывшемъ у нѣкоего короля предивномъ шутѣ, и о Шемякинѣ судѣ, и о протчихъ пошлительныхъ женскихъ причинахъ», г.дѣ, сколько можно судить по заглавію, Шемякинъ судъ соединенъ съ упомянутыми прежде Польскими «куріозами» или жартами: очевидно, что будучи списанъ съ подобнаго подлинника онъ легко могъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ же Польскихъ куріозовъ. Списокъ Шемякина суда находится, какъ мы замѣтили, и въ старейшей рукописи Бѣльскаго *Sagarowa*, Русск. Ск. стр. 270.

— Въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII вѣка 5. 62 Публ. Б-ва XVII. Q. 4 на л. 8—9 помѣщена повесть *о дву братьяхъ о Ереми и о Омаи*, начин. «были себѣ да жили два человека, торговля люди» и пр. Ерема и Ома, представляемые теперь на дубочныхъ изображеніяхъ, олицетворили для Русской фантазіи глупость и недальность; повесть объ ихъ похожденияхъ нѣшкомъ перешла въ поговорины или составлена изъ поговинъ. Для сравненія съ текстомъ рукошенимъ, довольно полнымъ, могутъ служить варианты, напечатанные въ Отеч. Зап. 1844, № 5, библ. стр. 58 и другихъ изданій.

Таковъ былъ объемъ старинной повѣсти Русской, сколько мы могли опредѣлить его по известнымъ памятникамъ письменности, которыми мы имѣли случай пользоваться. Многого недостаетъ въ этомъ очеркѣ, но большая часть фактовъ собрана, и дополненные въ послѣдствіи они представляютъ полную картину свѣтской литературы въ древней Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что откроется еще не одно замѣчателное произведеніе политической старины Русской, если только будутъ разбираться памятники съ любовью; мы, по крайней мѣрѣ, не жалѣемъ объ употребленномъ на работу времени: сказанья о Соломонѣ, Девгеніевъ Дѣяніе, повѣсть о Горь-Злочастіи и другія произведенія, нами указанныя, составятъ интересную и не лишнюю значенія страницу въ исторіи древне-Русской литературы. Незнѣтность памятниковъ, относящихся къ старинной повѣсти, заставила насъ ограничиться только изложеніемъ фактовъ. Въ настоящемъ положеніи вопроса о старой литературѣ нашей, опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости; оно можетъ точно указать предѣлы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысли и фантазіи и дальше которыхъ оно не имѣло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разрѣшеніе споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными паргизанами старины и ихъ скептическими противниками. Результаты явятся сами за изслѣдованіемъ, и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мнѣній. Характеръ старинной Русской повѣсти ясно открывается изъ разбора ея произведеній: существенныя черты ея — подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія — были только отраженіемъ общаго характера старой письменности нашей: съ немногими исключеніями, и та и другая наиболее важны, какъ пособіе для исторіи быта и нравовъ.

Въ послѣдствіи постараемся представить обзоръ матеріаловъ и литературно-историческія замѣтки о Русскомъ сказочномъ эпосѣ, который живымъ преданіемъ сохраняется въ устахъ народа.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Приводимъ выписку изъ Румянц. Александрин. Сербской редакции, № 175, начиная съ 1-го листа.

«Житіе и последованіе достоитишымъ члкомъ и воиномъ оустраивающимъ на брани, еже соо чити и разумѣти и слышати блженнаго мужа цря Александра, како воина и како назасе прѣ всеей земли поделшачной. Начнемъ уже ѿ рожденіи и ѿ смерти его.

«Бистъ великой премудрости и храбрости и крѣпости стврдившихсе въ якто (и пр. ср. въ Он. Р. Музея)... рождисе снѣ емѹ тогда и нарече име емѹ Александръ, еже по Грѣскомъ езвнѹ зовесе избрань, и по истинѣ избранъ и блага всемъ являшесе: не бѣ же емѹ бѣ пльскаго рожденіа, ни бѣ члчскаго створа, но бжнмъ промыслѣ, иже всегда помагане емѹ. Имаше къ всакому истиннѹю любовь и елика непотворны: податливъ и милостивъ къ всемъ скрешающимъ, и правъ судъ имаше: сими 4-ми добродѣтели четирымъ краемъ земле цря самодражцъ назасе, и сими добродѣтели всакой цря свое прѣтво требѹе држати. И тако Александръ творо, великимъ градовомъ и странами цря назасе, колико ни умъ члччъ постигнути возможе, ни изъ разумъ донти Александрове добродѣтели, душевнѣй же и плгасей

«Начнемъ соо ѿ рожденіи Александрове.

«Говоре снѣ Филиновъ бити емѹ, но не бѣди то, по Нектевана цря Египтскаго снѣ еств, и Флимбиди, жены Филиновой. Снѣ Нектеванъ, Египтскимъ странами цря, влховною мндростію и звѣдочтїемъ цря бѣше, къ бою и рати неидеше, ни войскомъ ни бржжїямъ противашесе, но на помощь себѣ имаше влховнѹю мндрость, и всемъ околнимъ езвкомъ противашесе и бѣделаше. И всен ѿколнїе прѣчуждалаше, что умити джквскому емѹ влхвнѹ Египтскому цря, — вса бо огага земли ншеи и боольшество влховною мндростію взеть и къ своимъ земли привоити, ми же страждемо: но бѣше негрнмѣ вещи сію влховнѹю, нъ всен стбравшесе на землю Египтскѹю подемѣ, и Нектевана бѣ прѣва влхваше, и бѣла

иша ѡнеть къ себе выземо, а ѡнь есть бездѣльнъ и безъ наследія, вловильнъ и страшильнъ, и вса земля та противитсе. Бѣху же съвѣщали ѡмнѣ езицы на Нектецава: Перси, Швери, и Араши, и Аксїани, Вїиши, и Елани, и ише всточни езицы; и то видевъ Егуньтскїй црь крашиій црь именовъ Верверихъ, и всплакавсе, и рече: ѡ тешко тебѣ, великій въ градовехъ Егунте, до нѣсь вынесесе, и до ада... съидеши; рука твоа ѡбѣ на всехъ, ниѣ же рука всехъ на те; здѣ сладости насытилсе еси, ниѣ же горкаго ѡда насытилсе, но идемъ къ Нектецаву црѣ, и повѣмъ емѣ бившее, пожеже пензчтенїе всточнїе црїе и войске идуть на нѣ. И пришедъ, приставши къ немѣ, и рече: вѣсто ти бѣди црѣ, пожеже вьскоре свой животь вь самѣрть премѣши. Дарїе бо црь Персидскїй, кой бѣ такмнтсе (?), приде на межде земле твоее съ вьсѣми всточными войсками, и хочеть поразити Егунать тебе ради, но савькѣши свою войскѣ на бої, и иди прѣма ихъ, нѣ шкто же можетъ ѡдолѣти силной войсцѣ и храбрѣмъ вгезѣмъ ихъ, — црь рече — црь на цра и ювакъ на ювака в кони, и тако чьсть и помощь имать; црѣтво многими людьми състоитсе, како и море многими влѣнами, и тако страшно являетсе плавающимъ по немъ. И то Нектецавѣ Верберихъ рече, и насытѣясе црь и рече: добро сътворишь еси, пожеже вьзвѣстивъ еси мнѣ дошавїе цра Дарїа и другихъ всточныхъ црѣй на Егунать; мудрїй страшильнъ не биваетъ, раты многими людьми не биваютъ, но добримъ и храбримъ срѣемъ; многаци еднѣ вѣкъ многи еленѣ гонитъ, и еднѣаго вѣка скоченїемъ много стады ѡвць разгонитсе, нѣ ти поиди и реченное ти ѡ мене створи. нивъ съноходѣ и мнѣ гласъ послѣди. И се рекъ Вервериха ѡправи, самъ же писа книге по всехъ градовѣмъ и страна Егунтскихъ готовитсе на брань, битисе за землю и за црѣтво свое; но гдѣ Бѣ не хочеть, члѣкъ не можетъ. И сіе рекъ, вьиде вь полату црѣвѣ и вѣловно врачеванїе сътвори и златѣ рѣооумїрю водѣ иащїи и ѡ воска на водѣ двѣ войскѣ съчини, съпротиваѣ войскѣ свою, и дитрѣстїю сътвори битисе войскамъ, и видѣ свою войскѣ ѡ Персїйскѣй войске побїенѣ, и виде црь ѡтгунце Егунтскїе врѣще корабли ратнїе и Сважаѣ войскѣ вь Егунть, и велии всплакасе и рече: ѡ горе тебѣ, Егунте, во много дѣтемъ прославилсе еси съ црѣмъ своимъ Нектецавомъ и вь еднѣомъ дѣте погибѣте, вѣсть бо на земли радости, иже не премѣнитсе вь жалость, ни слава, коя не погибѣаетъ, но ѡ горе дѣмъ, иже надѣютсе вь вѣшнѣю дитрѣсть и помоща; прилично есть наслаиваедемсе на воду когда се ѡпре, тогда вь воду погрезнетъ. И вь бѣсѣстїе приде црь Нектецавъ, и вь Егунте не могаше бити, ни

съ войскою бѣгше, жалосте испливше, бѣду и главу свою бѣструа, и въ полубоци не прѣкихъ полатахъ и Уалише, въ пеллани стране земле бѣгиде, и прииде въ Филинскъ градъ, идеже его вѣктоже не знаше, и седеше въ иѣкоемъ мѣсте скривнѣ въ градѣ, и враца себе назваше и майстора хитра ѿ Егѣптецкихъ звездочатьиъ.

«О нашъ динихъ вонеса на Егѣпть.

«Войску свою Египтене многу изгубише и къ дворомъ цра своего Нектешава приидоше и не бѣретоше его въ прѣкихъ полатахъ, и велики въсплакашесе, и бѣретоше писаніе престо на бѣрѣ его, глѣше сиче: милли мой Египтени, зла вашего не могохъ зрѣти, по бѣтдохъ ѿ васъ старѣ въ шѣ землю до 30 лѣтъ, и по тридесетехъ лѣтелъ наши приидѣ къ вамъ млада. И то писаніе възьмиши Егѣптене, палише ѣ злату и сѣнь висовѣ срѣде Египта поставише въ мѣсто цра, и въ руку его положиша писаніе, его же самъ писалъ бѣше, и възложише вѣшьица на главу его, самъ же къ Насидону бѣ своему притекоше, и за Нектешава цра своего молишесе и выпрашаху его: где есть? Онъ же къ нимъ въ сѣ явше и рече имъ: до 30 лѣтъ ямать принти къ вамъ млада, и мѣш не Удомей деснищи Перекой притупити и враги ваше Перей подъ ноги положить.

«Въ Македоніи враѣ вели бѣеть Нектешавъ.

«Филиннъ же црѣ Македонскіи имаше црлицу, име ее бѣеть Олимбѣада, и всегда скорѣбъ имаше зане неплодна бѣше, по бѣобразомъ краена бѣше зѣло, и въ великой любве црѣ съ нею прѣживаше. Егда же идеше црѣ Филиннъ на воєску (sic), и призва црлицу къ себѣ Олимбѣаду и пелова е всесрѣчно и рече ей: милли мой Олимбѣадо, аще не зачнеши бѣтроче до пришъствіа моего, не има дуже видѣти бѣчи мой, — и сіе рекъ на воєску бѣгиде. Олимбѣада же бѣскрѣбе и въ тузе великой бѣста, не вѣде что сътворити. Едина же ѿ рабѣиъ, знааше ю, повеже скрѣбѣть бѣтрочети ради невѣтіа, и рече къ Олимбѣади црлицы, госпожи своей: не скрѣи, госпоже моя, есть въ наше градѣ чѣлкъ Егѣптенинъ, мужъ хитрѣ словомъ и дѣломъ: мнигмисе, когда те види, сътворитъ ти срѣцѣ хотѣнне, — сіе же сѣи а Олимбѣада въскрѣ за Нектешава посла.

«Прииде же Нектешавъ къ црлицы.

«И рече ему Олимбѣада: ѿ чѣлче Егѣптенине, истина ли есть, что азъ слышала ѿ тебе, повеже хитростію твоєю можешъ разрешити Стрѣбу мою, и силномъ црѣ Филиннѣ сердце бѣвеселити, и великую мою жалосте на радость бѣобразити; и аще се истина бѣудеть, твои несумѣнно еже въ и, и великую часту и црѣ ѿ мене примеши и дѣлкъ въ Македоніи разрешити е

«Пектенавъ же видѣвъ Ольгѣицѣ»

«И вѣдши дивляхшесе лѣнотѣ лица ея и ѡчиима взираше на ны, и главоу преклонивъ стояше, ѡна же помышляше еда ли хощеть въскорѣ ѡбседати са вѣю, ѡнъ же етою маче. И рече ему Ольгѣица что те трудшии, ѡ чѣмъ, аще имави силу зверити, твори еже вѣси. Онъ же видѣвъ красоту лица ея, оустрашенъ бысть въ срѣце любовію, и рече къ Ольгѣицѣ: вниди, црице, понеже ѡзи хотеть ѡити с' тобою, Амоиа и Фивеса, да аще приустиши къ себѣ, мѣи великому црѣ наречешисе.

«И се савѣа Ольгѣица и възрадоваше радостію великою зѣло, понеже своимъ сѣмъ мѣи назоветсе, и повелѣ Ольгѣица, да створиеть ему камару члвкъ близъ позате црѣви, яко да казеть ей дохождение ѡа Амоиа и Фивеса. И приде Пектенавъ (въ р. Амоиѣ) къ ней самъ въ ѡбразѣ ѡа Амоиа и рече — таковъ естъ ѡбразъ Амоиовъ: глава ѡрли, на ней рози василевскыи, ѡнашь асидовъ, ноги львови, крила грифова азата и черклена, — ещѣ въѡбразисе Пектенавъ и вниде къ Ольгѣицѣ, и бысть съ нею, и рече ей: ѡбжеши ти въ женахъ Ольгѣицѣ, яко дасъ зачеть сѣа, всѣмъ свѣтѣ црѣ. И сіе рекъ, пашьдъ вни, ѡна же ѡста льстива, — и приде зѣтра къ ней и рече ей: хранисе въ чистотѣ, и тако приходишь къ тебѣ ѡа Амоиѣ, и егда приде време родити ти, призови ме къ себѣ, и что ти азъ рекъ створи. И сему тако бывшу, —

«Пристѣвъ часъ рожденіи и пристѣши Пектенавъ къ црици и рече ей:

«Придржи въ себе не родиши, дождеже ѡгтій часъ приидеть, аще аще въ сій часъ... родиши, раба и непотребна члвка, аще коло круга небесяго въ луцѣ стоять; мало потерши, дождеже посѣю плашты на уставѣ стануть, и стихіе преступленіе створиеть, тогда родити хощеши цра прѣмь, зѣло мудра члвка. Онъ же прегрѣзвши се и роди сѣа великого Алексея раба...»

III. Одно изъ **Троическихъ сказаній** приводимъ по Румянцовскому хронографу XVII вѣка, л. 456, л. 198—202; варианты указаны по другому Румянц. хронографу, л. 459, гдѣ повесть находится на л. 7—17, и по хронографу, сообщенному намъ г. О., гдѣ она помѣщена на об. л. 10—25.

«Повесть о созданіи и ильненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ, царѣ Иудѣйскомъ.

«Быше въ первая времена царь илѣинъ именемъ Притешъ. И въ илѣинъ день бывашу ему на доубѣ въ илѣкомъ морекѣ отощъ,

у него же отъ сѣвныя страны течаше великое море, а отъ другія страны Скомандра рѣка¹, а отъ третіе страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояше дугъ Дудома², а отъ пятые страны удою, и дѣже растяху дровіе и цвѣти много-различни. Видѣвъ же царь доброту мѣста и нача злати гратъ во имя свое, и послѣ своего живота повелѣ сыну своему злати. Такожъ и прочіи заповѣдаху кождо сыну своему, и съ прѣк-нимъ паремь, иже нача злати, вѣхъ шесть до Троица царя, иже вѣше вѣхъ дѣлю сотвори и нарече во имя свое Троя градъ. Троица же роди Пріямъ царя, у него (же) парца именовъ Якама, — и въ нощи видѣвъ сонъ и сказа мужу своему, Пріямъ царю, и рече: родихъ я главно, и възде на небо главы и пакы возвратися и паде въ море и изыдоша изъ моря искры, яко пламень, и падоша на Трои и погорѣ весь градъ. Пріямъ же сказа сіе болромъ и пророкомъ волхвующимъ и мудрецемъ и вѣмъ людемъ, и рѣша ему: господи царю, родится отъ жены твоея сынъ, его же ради изгоритъ и разорится Троя градъ и не останеъ камень на камени. Царь же рече женѣ своей: егда родится сынъ наю, да повелимъ его убити. Жена же рече ему: дѣлю рада сіе сотворити. Егда же роди парца Якама сына своего и видѣ его красна зѣло и закалися яко маги³, и не може убити, но повивъ его въ ризы многоцѣнныя и съ нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи въ градъ⁴; и обрѣте его пастырь овчій старъ, емужь роди жена сына, и повелѣ еи обрѣтеннаго отрока кормити. И бывшу ему седми лѣтъ и нарече его Фариакъ пастыревичъ, и хожашу со отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фариакъ же связываше⁵ два пола и бодяхуся, и кін премогаше, тому⁶ сплеташе вѣнецъ отъ масличія, кін же⁷ не одолеваше, тому вѣяше отъ сламы, и полагаше има на рогу. И егда возрасте Фариакъ, хожаше съ добрыми витязи, сін рече съ дѣтми боярекими, и преодолеваше ихъ во всякой игрѣ и прободе за щитомъ единого витязя. И въ то время бракъ творяше Ведень царь, и призва вѣхъ бояръ и

1 Въ нашемъ спискѣ: *отъ прѣдѣ рекы скомандрова река*; поправлено по О.; меткихъ ошибокъ ми указывать не будемъ. 2 Такъ въ Р. 459. *дугъ до дома*. 3 *яко нощи недост.* въ Р. 456. 4 *валече отъ права* въ О. 5 *связываху* въ Р. 456. 6 *тому* недост. въ Р. 456. 7 *тѣмъ же* въ нашемъ спискѣ.

боярынь и Фариса пастыревича, и придоста на оно веселіе три жены, ихъ же пророчицы нарицаху, и одну не позвана, яко слышавъ бѣ. Она же за оно позваніе помыслише, како бы сваду учинити, и сотвори яблоко злато, и напсавъ на немъ: которая отъ трехъ тѣхъ женъ и пророчиць благообразнѣйши, да будетъ той златое яблоко, — и поведѣтъ возрещи яблоко въ вертоградъ, его же обрѣтоша тріе оны жены, и прочетше молваху Фариса пастыревича каждако ихъ, да присудитъ ей яблоко. Последнѣя третья рече: присуди мнѣ сіе яблоко и повѣжъ мене добрѣйшу тѣхъ⁸ и дамъ ти⁹ Елену царичу Менелая царя Греческаго, яке бысть всѣхъ насъ и всѣхъ Греческихъ женъ добрѣйши и дамъ ти¹⁰ имя ново и будетъ имя твое Александръ Фарисъ и да ти повѣжъ отца и матеръ, иже бо того старца сынъ, по отцу ти есть Пріямъ царь и мати Екама царича. И присуди Вѣнуши госпожи яблоко, и слышавъ отъ нея сія¹¹, возвеселися злю и взя прошеніе у старца, яке отець ему нарицашеся, и поиде въ Трою градъ и пріять его Пріямъ царь, отець его, и мати его, царича Екама. И призва царь Пріямъ пророки и волхвы и рече: кто ни посигишетъ еже¹² еще наздати Трою градъ, и азъ дамъ ему три мѣры злата. И слышаста два руководца (дѣявола) земляная¹³, придоста и рѣста къ царю: мы хощемъ создати, да намъ даси, и наю¹⁴ знаи, — и начаша злати: и Тебушь бѣ гуселникъ, гудяше въ гусли и зидашеся градъ Трои, гдѣ они повелѣваху; а Пентенабушь именемъ идше въ море и пошаше изъ моря варъ и каменіе и воду. И совершаста все дѣло и рѣста пареви, да имъ дастъ¹⁵ еже обѣща, и разумѣста, яко приобидѣ ихъ и разгнѣвастася и рекоста: мы есмь сотворили Трою градъ, мы же умыслимъ како разорити. Во дни Пріямовы Пштеръ волхвъ, его же и пророкомъ нарицаху, прорече, яко хощетъ Александръ пріити въ Греки и царичу Елену взяти, ея же ради Троя разорится; такоже и жены оны, яке разгнѣвашася яблока ради златаго, ихъ же пророчица нарицаху, помыслиху, како бы Трои разорился. Цепросивася Александръ Фарисъ у отца

8, *тѣхъ* недост. въ нашемъ спискѣ. 9, *да ти дамъ* въ друг. спискѣ. 10, такъ въ Р. 439 и въ О.; въ нашемъ спискѣ: *дамъ*. 11, *сія* недост. въ нашемъ сп. 12, *еже* не в. въ Р. 436. 13, *дѣявола* дѣлъ на полѣ; въ др. спискѣ къ тексты, и нед. *руководца*. 14, *наю* въ Р. 436. 15, *да имъ дастъ* въ Р. 436.

своего Пріема царя и приде къ Менелая, царю Греческому, еже есть Елленскому, служити со многими богатствомъ и со отроки; и слышавъ Менелая царь, изведе противу ему далече, и цѣлова его, и рече ему Александръ: приидохъ азъ, царю, служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но да разумѣши, какъ будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ. Слышавъ же сіе, Менелая царь повеселился зѣло, и введе его къ Еленѣ царницѣ въ полату и плыху наедши и пилху червленю вино; и егда умываху рунѣ и убрусомъ утираху, Александръ шедше на убрусѣ червленымъ виномъ къ Еленѣ сице¹⁶: царница Елена, любя мя, яко же и азъ тебе. После же Менелая царь къ брату своему Агемену царю, глаголя: буди о семь веселье, брате мой, хотять мнѣ служити братія мои царя. Отвеща же ему брагъ его: азъ о семь веселье емь, яко мы самодержавцы есмы, а о семь и ѣдемъ веселье, яко наша братья приидоша служити намъ, но и зѣло озабочился: боудя, да не приидеть чужая доброта и возьметъ нашу честь, а намъ будетъ великая срамота. Слышавъ же Менелая озабочился и рече: како иѣсть драго брату моему моя честь. Слышавъ же Менелая, яко отвержесе отъ него русагы каалкимскіи¹⁷ и собравъ многу войску¹⁸, поиде на нихъ, и Александру повелѣ. Онъ же сотворися боленъ и лежа въ царской полатѣ: егда, рече, здравъ буду, гряду во слѣдъ тебѣ, — и по отшествіи Менелая царя, изведе Елена царница съ дѣвщами проходить по граду и съ боярынами Греческими. Александръ, возхитивъ Елену царницу подъ науху, и вшедь въ бораны корабль со отроки своими, и приде подъ Трою градъ. Тройети же господе не хотаху извати противу нязъ¹⁹, вѣдуще, колика хощеть пролитися Троя кровь за Елену; навде же противу ему отецъ, Пріамъ царь, и прія за руку его, а мати его, Икама царница, прія Елену царницу за руку и введоста въ полату. Слышавъ же Менелая царя о Еленѣ, возвратися скоро отъ войны; увѣде же и братъ его Агемень²⁰ царь и собравъ все вой скоро и приде къ Менелая и печальна быста зѣло царя²¹, глаголюще: какова срамота учинися намъ, —

16) къ Еленѣ сіе *сказано* въ шестомъ спискѣ. 17) *русы каалкимскіи* въ шестомъ сп. 18) въ рук. *сказано*. 19) *сказано* въ О. 20) *сказано* въ О и Р. 21) *сказано* *сказано* въ шестомъ спискѣ.

и собрата силу военску. И приде къ нимъ на помощь Акивъ, Соломониковъ сынъ, съ тридесятью катаръ, и потомъ приде Паламидъ²², Придаковъ сынъ, съ тридесятью корабли: и по семь вѣкии человекъ, Урекшишь именемъ, Лентешевъ²³ сынъ, сотворися буй²⁴, да не причастится Тройской крови, нача песокъ орати, а соль съяти: царя же повелѣта поврени малаго сына его предъ ораломъ, и аще будетъ бѣснъ, то преорети его: — и егда повергоша, абѣ состави воды не орати и поведоша его ко царемъ и рече Урекшишь: изволилъ быхъ затри дѣла тенати съ бѣснымъ песомъ, нежели пригаститися Тройской крови, иже хощеть быти Елены ради паричы. Быху же и инши мнози, придоша ко царемъ на помощь ото много²⁵ островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ²⁶ моря, отъ Аонизъ, и тоземцы, и отъ Феталия и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесивесъ отъ Аонизъ, Несторъ отъ.....²⁷, Идоменевесъ отъ Крита, Тинцелемъ же отъ Рода, вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровей, мужи храбрїи: евоияши же Ахиллеи сїяше паче всехъ человекъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожъ и проя паричаху: сего поставиша пари рати пазалника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей неходятъ убо отъ отечества: посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзїи, и на острова панадоша, и поидиша сушу, и тнахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ княше и хотяще отметити обиду Елены ради. Видѣше же Троене толку рать, собраше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони²⁸, и Оруги, придрузивъ же весь Асїйскїи языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство: въ Троядѣ же устроя влще 50,000 мужен²⁹, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчхуся на брань, да яко же некусиша³⁰ Ахиллесово стремленіе и храбрость, съдяху при стѣнахъ заключившися. И потомъ же ивкая жена, именемъ Велена, волхвующи, ея же пророчицу паричаху, иже обладаше

22 Паламедъ въ наш. сп. 23 Лентешевъ въ О. и Р. 439. 24 буй въ О. и Р. 439. 25) отъ сто въ наш. сп. 26) отъ воскраи и рд отъ сущихъ поше въ наш. сп. 27) испорчено: от пидисивесъ, от самизина ея; это послѣднее есть кажется имя Аиса. 28) Иноми въ наш. сп. 29) Гекъ въ Р. 439. 30) ахиллесовъ Р. 436.

волнвѣнемъ морскими волнами, — у нея же убиша копуту³¹ бояре Агемена царя, и сего ради разгнѣвася, пусти волнѣе на мори, да погубитъ вся корабля Греческая. И олюбистася царя и воспроешиа Голкаша пова; онъ же повѣда имъ, яко копуты ради хощеть васъ потопити пророциша, и глаголетъ, яко аще не дасть Агемень царь мнѣ своя дщери Цвѣтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агемень оскорбѣся зѣлю, и не хотя дати свою дщерь Цвѣтану, и устави бурю и приидоша подъ Трою. Пыде противу имъ Екторь царь, Пріямовъ сынъ, и ини мнози боляре, и нача стрѣляти Екторь стрѣлою со огнемъ и единымъ пущеніемъ погружаше три корабля Греческія, и Аякъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова. И поиде Менелая царь на вѣрѣ, нача Пріяму говорити, да отдасть ему³² Елену царницу; Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелая, — аще бы его Пріямъ царь не защитилъ. И потомъ Екторь царь творяше брань и поржаше множество Греческихъ вой на великъ день; — и боишеся глаза Ахиллесева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю и состагася и ласася за руки и не хотѣста ся бити въ той день. И бяху щѣпнили греческіи витязи Рижкуша пона дщерь Ружду, и видѣвъ ю Агемень царь, братъ Менелаявъ, яко добра зѣлю, и взявъ ю себѣ въ жену. А Рижкушь поитъ сынъ Тебуга бога, и увѣдѣвъ Тебугъ разгнѣвася зѣлю и пусти своимъ волнвѣнемъ великъ недугъ въ Греческую войску, и мнози умираху, доидеже обратина дщерь Рижкуша пона. Потомъ же Троины дерзостны сотвори Паламидова смерть, — притужи Ахиллесево стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣлю³³ и сего ради разгнѣвася и не хотяше палити на брань; Дисноесъ нисіотенишъ³⁴ храняше ненависть на Паламида и ободга его къ царемъ, яко Троиномъ хощеть добра, — и побиша Паламида каменіемъ. О горе, какова творяши зависти, — онъ же ничесоже рече, точию глаголетъ сеи: о убогая истинно, тебе плачу, ты бо первѣ мене погубе, — и тако умре. Ахиллеи же тяжкѣ проплакавъ о немъ и не хотяше

31, копуту въ О. 32, ему подост. въ Р. 436. 33 въ нашемъ спискѣ. *потомъ же троянскіи брѣвостышиа ектора Паламида и смерть, притужи Александръ Паламида зѣлю*. 34 въ др. сп. исторично околчало елико

изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратую, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И молѣху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дождеже убіенъ бысть Патроклѣе, стоже любляше зѣло Ахиллея, отъ руку крѣпкую Екторову³⁵, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллея на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полки, и побиваетъ первоборца. И пакы призываетъ Пріамъ на помощь Амазоній и пакы брань крѣпка, умирають мнози и отъ всѣхъ убо пусть бысть Пріамъ; и умоли Тантия³⁶, Индійскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинства. Индіише жь вси чернообразни, ихъ же видѣвши Гречестіи вой во страннихъ зрачѣхъ и убошася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормитъ.³⁷ Поцію бѣжати мысляху³⁸ и оставити Трои, но обаче оуподчшася къ чернообразнымъ и индійскимъ кровми очервишася, Нивія и Скомадровы струя обрацахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинестїи, еже есть Гречестїи, и Троецкое множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣлати шесесоже и никтоже смѣяше, праздника ради. Потомъ же видѣ сонъ въ ночи парца Еутронія, жена Ектора царя, сына Пріамова, и возбунувъ отъ сна, приде въ ложницу свекра своего, Пріама царя, и пача со слезами глаголати ему, да не пуцаетъ сына своего Ектора во утрей на брань ко Ахиллею, яко убіенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: видѣхъ, яко изыде изъ Трои меча, а изъ Греческіи пела³⁹ вебрь, и пачаста ея бити, и посѣче вебрь мечу и повлече его въ Греческіи полки, и кътому не видѣхъ его; и аще пустиши Ектора, то не чаи его видѣти, — и утѣшивъ ея Пріамъ и проводи ю въ ложницу. И егда бысть завтра, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею, и изыдоша противу ему Троецкіи госпожа, и мати его, и парца жена его, и сестры его, возбраняху ему, да не

³⁵, *руки крѣпка екторовы* Р. 436. ³⁶, такъ въ др. спискахъ; *Тантия* Р. 436. ³⁷, *Индїише кормитъ* въ наш. сп. ³⁸, такъ въ др. сп. ³⁹, такъ въ О. и Р. 439; въ нашемъ спискѣ: *зайдетъ ея зѣлка*.

азъ есмь Пріямъ царь, вину сына своего, Ектора црца. Рече Ахиллеу: аще ты еси, и азъ отъ страха твоего мертвъ есмь. И рече Пріямъ: не боиш, господине, отъ младенства иъсмь того сотворить, да сына витязя погублю, по проше сына своего Ектора. И рече Ахиллеу: аще клененимися, азъ понесу Ектора на свою и плечу въ Трою по вѣрѣ и клятвѣ, да здравъ выиду и пльду. И вземъ Ахиллеу завтра Ектора и понесе его въ Трою и предасть его Тройскимъ госпожама, и начаша его и пакати, и рече Пріямъ царь ко Ахиллеу: пондевь въ церковь Аполлона клятися, еже къ тому не востатися, дабы остаю⁴⁴ съмя Трою, и дамъ ти свою дщерь Поликсеу, коя во вѣхъ госпожахъ Тройскихъ добрѣйши. И во церкви кляса первіе⁴⁵ Пріямъ и отступни, и преклонися Ахиллеу клятися, и ту себе скры Александръ Фарисжъ, Пріямовъ сынъ и Диоовъ, и устрѣли Ахиллеу ядовитую стрѣлою въ пятю, занеже бѣ весь вооруженъ, точию пльепъ его безъ желѣза, и пльбоша вошь; Ахиллеу же надъ на издыханіи послѣдиемъ. Ощуту азъ сія Диевевъ, ядши бо слышишь, и съ нимъ Диогонъ⁴⁶ и Ея теламонийши: вкупѣ же убо въ церковь вкочивши, обрѣлоша крѣпкого прова, еже естъ Ахиллея, лежаща и кровни обліяна и угасна и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящимъ очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста и нападъ на перси его Ея великіи⁴⁷, съ плачемъ ко Ахиллеу рече: о ратемъ разрушительно, негодни крѣкорукіи, кто погубити тя возможе, двоюроднаго? Онь же едва прогласивъ рече: убиета мѣ дестю⁴⁸ Александръ Фарисжъ и Диоовъ, — и сіа рекъ надъше. Видѣвъ же сіа Пріямъ царь озлобися зѣло и совѣче со Ахиллея оружіе все и пусти ко обѣма царема, и сказа имъ: како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и аще велита, да⁴⁹ тѣло его принесу къ вама. И плакаша зѣло, видѣвши оружіе Ахиллево, и повѣста Пріиму царю сожени тѣло его и вешнати въ корчагу, да сотворимъ, рече, гробъ его на далечной земли, — и сотвори Пріямъ тако, сожже плоть его, и вешнавь въ златыи корчагъ и посла царема. И видѣвши, царь и Гречестин полны дивившася, глаголюще: о

⁴⁴ *остаю* въ др. св. 45) *и рече* въ О. 46) *Диогонъ* въ О., *Диогонъ* въ Р. 47) *великіи* въ О. 48) *уби мѣ Александръ* и пр. въ Р. 49) *аще* въ О., *скажи* въ О. и Р. 49) и т. д. двоюрод. въ мнѣж.

сила и сила Амисева, како ты не совнмаду вси грате и отоша, и дѣ стана корабль ибѣть тебе поше. Видѣши же Елма и рина, яко холеть скончати Трою, но та стана совето меншаю Ношвору, и съ нимъ дала много къ Потименеру царю, на оук-поть моря, иже претеваше вѣшъ Потажи, дабы остало съма Трою. Потому же вли мужъ убѣснѣ и заканиа, и пакы цркви обѣиася земля Тройская, и пакы окрживши быша Скомадровѣ струя, доидеже вохвннмъ пророчествомъ ирехона, яко ибѣть можно ратию вяти Трою, но токмо дѣстю едншою⁵¹. И абѣ содѣиша коня древяна, велика зѣло, и дѣтвориша въ немъ мужа храбрыи и сами отонти творяхуся ко отечеству своему, коня же оставиша у пристанища и сами скрпаша во островѣ. Видѣши же Трояне пристанище пусто, коня же едншого стояша, и недоумѣюще дивяхуся и свѣрса убо мяху все прѣдѣсть⁵², коня же поубити мысляху, во огнь или въ море вверени. Но занеже приде время еже вяти быти Трою, во градѣ⁵³ увѣщавше вѣсти коня, яко обрадѣ и користь отъ сопротивныхъ, и ови убо ввесоша его, и нигѣмъ и ирѣмъ себе владше и уснуша глубокимъ сномъ: мужіе же, крѣющеся, ишедше полкомъ⁵⁴ и зазгоша храмы и пламень воздвигоша великъ; и сіе видѣши, Елнини вѣкорѣ плывуще приидоша къ Трою, и вратомъ отверстомъ бывшимъ отъ прѣже ишедшихъ, яко вода влѣишася множество воиска Греческаго. Твертотырюному жѣ сине пріяту бышту Трою, — иидѣ же ишеть, стекломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фариска сѣра, тѣмъ же обрамъ акы конь, и въ немъ затвориша 300 вѣицѣй, сирѣчь боляръ вооруженныхъ, и егда его ввезоша во градъ, врата разорнише⁵⁵, непроедну ему во врата, тогда воши разбвише главами стекло и скочивше, многи илѣкноша: достиже же и все множество воиска въ кораблехъ и по суху; — илѣкноша же Тройскія вѣлможа, а иныя въ море пометаша, и вѣдоша же Александра и Елену царшу къ Менелая, и рече ему Елена: о госноди царю, ты бысть въ вѣки кривъ, чему ми остави со Александромъ Фарикомъ, да ми прѣдѣтитъ своимъ невѣрствомъ? И отвѣла ей

50) въ рук. Потименеру. М. синод. вед. въ О. и Р. 439. 52) етѣ въ Р. 436. 53) етѣ еомъ Р. 436. 54) итѣкомъ въ Р. 436. 55) итѣрѣиши въ О. и Р. 439.

царя: госпоже Елено, яко отсель азь сотворю — тебе иже ни-ктоже не прельстити⁵⁶, — и повелъ ей со Александромъ уса-нути, и съ ними Поликсену, дщерь Пріамову, повелъ уса-нути на гробъ Ахиллесевъ, яко ей ради погибѣ: и Екамъ царю, мать ея, дана на подѣлъ⁵⁷, съ нею же и прочая госпожа и боярыни. Ветоми же плакахуся зело, царца же Екама утѣшаше ихъ: азь имамъ ваши слезы утолити, — и прочая же жены восхитасми бяху отъ чертогъ повоженныхъ⁵⁸, и младенцы ударяеми бываху о стѣну, и земли наводнаема бѣше кровли падающихъ, и спроста рещи, плачь вся содержаше, и все дѣтѣе и горькое содержаше градъ: и огнени предають и поналяють отъ основанія, еже во градѣхъ прекраснаго и пречарнаго Троя. И увѣдѣвъ сѣя царь Полимемеръ и повелъ заклаги Полифора царя, Пріамова сына, и во время его въ море: и ту пристана корабли Гречестии, и взыгъ Екама царша ведро, еже почернѣти воду, и обрѣе сына своего мертвѣ и возопи гласомъ великимъ, и плачущиша. Тогда слышашъ Полимемеръ царь, изыде на утѣшеніе Екамъ царши, и восташа съ нею Тройскія госпожа, набодоша царя Полимемера ножи, сѣя увѣдѣше, граждане побѣша ихъ каменіемъ, и Екамъ царину⁵⁹. Возвратилася⁶⁰ Менеласъ царь со всеми Греки съ побѣдою и съ великою честію, стоя подѣ Троемъ дѣтъ 10 и мѣсяць 7, и тако скончаша Тройское царство. Нашеа же повѣсти о Тройскомъ и вѣщеніи творецъ Омиръ, Ахиллесъ же сѣй бѣ сынъ царя Касты, а мѣдъ пишеть «Фирелетасъ» (?).

181. Деягеніево дѣланіе привоимъ изъ Ного дшекаго сборника, F¹ 1773, об. л. 342 — 361, такъ же не сохранилъ всѣхъ мѣточей написанія (но не чтенія), такъ какъ списокъ уже поздній: очевидная ошибки исправлены.

«Дехиѣдъ прѣблжихъ времяѣ и хрѣбрныхъ члвкъ, ѡ дѣраости и ѡ хрѣбрости і ѡ бѣдрости прекраснаго Деветіихъ.

«Бѣ и така вдова царска роду и предада себя во спасенію — отъ перази николи же отхождаше, — и бысть у нея три сына

⁵⁶ *иже азъ сотворю на тебе и на твои о.* ⁵⁷ *и отдала къ о.* ⁵⁸ *и отдала къ о.* и Р. 439. ⁵⁹ *и Екама царшу вел. къ о.* и Р. 439. ⁶⁰ *и отпустила о.* и Р. 439.

веледѣшна и велеозарна, молитвою же матери своей илюще храбрость о дѣлахъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь веледѣшна и велеозарна красотю лица своего, и уельна о красоти.¹ Дѣшны тоа Амирь царь Аравитцкіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити въ Греческой землі, дѣ ради красоти дѣшна тоа. И приде въ домъ вдовы тоа и восхитивъ прекрасную дѣшну Амирь царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъ же въ Греческой землі, но токмо видѣ едина жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на довлѣ. И приде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣде прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабавъ о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной», — но токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: «сприде, госпожа, Аравитцкіе земли Амирь царь, и исхитивъ дщери твою, а нашу госпожу, мудростію своею и невидимъ бысть въ землі нашей». И слышавъ же то вдова отъ рабы своей и нача терзати власы главы своей и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «увы мнѣ, окаянной вдовицѣ, аще бы были чада мой дома, да шедъ бы угодили Амира царя и отняли бы сестру свою». Но малъ же времени придоша въ домъ чада ея и видѣше и личъ матери своей, и начаша вопрошати матери своей: «скажи намъ,² мати наша, кто ти обидѣлъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животи, то аще ты обидима будешь». Рече же имъ мати ихъ: «чада мой милая, никимъ же необижена града сего, развѣ имѣли есте у себя вы едину сестру и та шибъ исхитена руками Амира царя Аравитцкіе земли, — и уриа ми сердечное кореніе, и уиже ми яко бездушную трость, а шибъ заклинаю вы, чада мой возлюбленная, да не предумати вамъ лашовѣли мои: идите вы и угоните Амира цара и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своей невозмете, и вы и сами тамо главы свои положите³ за сестрицу свою, и я ошлуду и обѣ насъ, яко безчадна суть». И рекоша же сынове ея: «мати

¹ въ рук. *красотою* ея и пр. ² въ рук. *намъ* мати. ³ въ рук. *пошлуде*.

наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скроемъ путь свой», — и препоясана на себя оружія своя и вѣдоша на кони своя, и повѣхаша, яко золотокрылатое ястребы, кони же подъ ними яко летаху, и доѣхаша сумежя Срацънскія земли и сѣлѣхаша въкоего срацънина, стражи бѣдоша, и начаша братаничи вопрошати его: «повѣждае намъ, братіе, колко до жилища вашего Амира царя?» Срацънинъ же извлече мечь свой и течаше на нихъ держостно, а чающе яко бѣглецы суть, а не вѣдая ихъ держости. Скочивъ же ихъ меншей братъ и ухвативъ же срацънина за горлю и примча его ко брати своей и хотяше его убить: рече же большой братъ: «братія моя милая, чѣмъ шамъ о срацънинна мечь свой осквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ винень». А сего срацънинна привезаша на горѣ у древа, а сами повѣхаша путемъ тѣмъ и сѣлѣхаша иныхъ многихъ стражей Амира царя, отъ великія рекомыя рѣки багрянны: блше же ихъ числомъ 3000. Видѣша же братія великую стражу Амира царя, и рече же имъ большой братъ: «братія моя милая, — во единомъ ли мѣстѣ шамъ ѣхать на стражу Амира царя?» И рече середній братъ: «братія моя милая, то есть стража великая Амира царя, и мы раздѣлимъ на трое». Большой братъ поѣде съ правыя руки, середній въ большой полкъ, а меншой съ лѣвую руку, и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бить, яко добрые косцы траву косати, — овнихъ изѣкоша, а овнихъ связаша и привезоша на гору високу, и гнаша ихъ передъ собою, яко доброй пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побѣша, токмо тремъ мужемъ животь даша провозженія ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «повѣдите намъ, срацънине, во градѣ ли вашъ Амиръ царь пребываетъ или внѣ града?» Отвѣщавъ же имъ срацънине: «господіе три братіе, Амиръ царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь поприщъ отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вмѣщаются сильныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто нанустить.» И рекоша же братаничи: «братія срацънине, аще ли бы мы не

боялися Іота, дажно бы въ смерти прѣтати, но върѣшавъ кметъ повѣдѣть имъ, каковы шатеръ Амира царя вѣсто. Речеша же имъ сраньичи: «Амира царя шатеръ чѣръмъ, а во водолу желѣнь, а во шатру длатомъ и сребромъ и жемчужь укачмъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синь, а во водолу желѣнь, а во шатру тако же длатомъ и сребромъ украшенъ; а шше многія шатры стоятъ, а въ шашъ пребываютъ многія кмети, а емятъ у цара прѣбавтъ на годъ по 1000 и по 2000, силни и храбрїи суть: единъ на сто чеповѣкъ налетѣтъ. Братанчи же⁵ отпустиша тѣхъ сраньичъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть да не речъ бы оны тако Амиръ царь, что мы прїидоша къ нему татемъ, — и рече сраньичномъ братанчи: «позидите вы во своѣси». Сраньичне жъ ради бысть отпущенію нѣхъ, сказаша царю своему: слышавъ же то Амиръ царь и ужастень бысть, и призавъ кметевъ своихъ и рече имъ: «братїя моя, свитїи кмети, видѣхъ я ночесъ сонъ, яко ястребы три бїоше мя крила своими и еда не предложїша на тѣлѣ моемъ ранъ, занеже братанчи сїи прїидуть, а начнутъ про творити». Въ то же время прїихаша братанчи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: «царю, поиди вошъ изъ шатра, повѣдѣ намъ Амиръ царь, что еси неумѣешь на пути стражей ставити; мы же къ шатру твоему прїихаша безо всякїи обороны, а выикъ повѣдѣ намъ... прїидеть и исхитить еси сестру нашу татѣвою; аше бы мы вѣноры были дома, то не могъ бы ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умерь, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была, а шашъ повѣдѣ намъ, гдѣ сестрица наша?» Отвѣшавъ же Амиръ царь: «братїя моя милїа, видите гору онукъ велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея». И речеша же царю братанчи: «сло ти отъ насъ будегъ», — и поидоша они на тое гору искати сестры своей, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своей тѣла искати, и обрѣше одну

⁵ въ рук. а иши. ⁶ братанчи въ рук. ⁷ не можетъ бы въ рук.

дѣвцу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испушати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меньшій братъ: «братіе, ижесть сестры нашей, то есть не наша», — и сѣдше братанчи на кони своя, и воишаще ижесть ангелскую велегласно ко Господу: «благословенъ Господь Богъ нашъ, научая рудь мои на ополченіе и на брань», — и рече они между собою: «спомоимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днесь ся родили, днесь ся мы и скончаемъ⁸ — по повелѣнію матери своея и главы свои положимъ за сестрицу свою». И приключиша къ шатру Амира царя и шатеръ его на коня своя подшаха, и рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, отъидите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы между собою жребіи, кому отъ васъ со мною выиметца жребіи битись: аще вы преодолѣете, то и сестру свою возмете; аще азъ васъ преодолѣю, и мнѣ годно васъ всехъ посебѣи». Братанчи жъ отъидоша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервые и выиша жребіи меньшему брату на брань. Ихать: братія жъ въвергоша въ другой рядъ жребія, нто не меньшему Ихать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть, — и въ другой рядъ выиша жребіи меньшему жъ брату битися: они же вергоша жребіи и въ третей рядъ, выиша меньшему жъ брату на брань Ихать битися со царемъ Амиромъ, занежь они съ сестрою изъ единыхъ материн утробы вмѣстѣ шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братанчи меньшого брата крутить, а гдѣ стоять братанчи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяеть, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ ижесть свѣта, аки зма темно, — братія же ангелскую ижесть ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверниа крестьянскую дѣвцу», — и сѣдши жъ они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся слышати саблями и ударинася между собою конями. Видѣша жъ то срацишаще и многія кмети дерзость меньшого брата и рекоша Амиру царю своему: «великій господине, Амире царю, отдай имъ сестру ихъ и прими миръ отъ нихъ, се бо единъ меньшій братъ ихъ крѣпость твою обладаетъ: аще совокупатца вси три

⁸ С. 320. в. 25. в. 26. рукоп.

во елино мѣсто, то вси земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ. Меньшій ихъ затѣде созиди Амира царя и удари его межъ плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и припча его ко братіи своей. И рекоша⁹ вси грацианяне велегласно Амиру царю: «отдай, Амуре царю, сестру ихъ имъ, да ты ве погубять до остатку»: рече имъ Амиръ царь: «возмоуите мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣвицы тоя, да буду язь вамъ зять». Рекоша же братаничи: «брате, Амуре царю, власть имамъ посѣщы ты и власть имамъ пустити ты, — какъ намъ за холона выдать сестру свою, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестра наша?» Рече же имъ Амиръ царь слезно: «братія, видите оно въ полѣ прекрасно, — тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдигъ сестра ваша, а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стражаху далече отъ шатровъ». Слышавъ же то братія радостны быша и поскочиша¹⁰ къ шатру ея и прискочиша: стражіе же не рекоша имъ ничегожь, а чаюше, яко прихольцы суть, а не чаюше, яко братія ея. И придоша же братія къ шатру и видоша въ шатерь къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на златѣ¹¹ стулѣ сѣдящу в лице ея покровению драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: «повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюдъ и наполни на нихъ драгаго злата аравитцаго и дасть братаничемъ въ даровяхъ, любви ради дѣвицы тоя, и рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: «помилуйте мя, братія моя, отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во святое крещеніе, да буду вамъ зять». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «повѣждь намъ, сестрица наша, аще со Амромъ царемъ сраму добыла еси, то мы отымемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Рече же дѣвица ко братіи: «никакоже, братія, не имѣйте никакова о мѣ-

⁹ рекоша имъ въ рук. ¹⁰ поскочиши стражіе въ рук. ¹¹ на златѣ.

во уми своемъ, — коли я рехищена Амиромъ паремъ, и тогда былю при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, зашеже бысть половецка: зашеже и азъ повѣдала Амиду царю дераость вашу, и Амидъ царь всегда ко мнѣ прѣязькаше единою мѣсяцомъ и издадеча на меня смотряше: лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрыватьи, а въ шатерь никто николиже входаше; а нынѣ, братія моя милая, хощу къ вамъ глаголати, да преще хощу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не прещаднати вамъ заповѣди моея, — аще только отвержете: Амидъ царь правое вѣры своея, и днесь креститца во святое крещеніе и много вамъ зятя¹² такового не обрѣти, зашеже славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатствомъ богатъ». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «совокупити васъ матери молитва со Амидомъ паремъ», и рекоша братанчи Амиду царю: «аще хощены быти намъ зять, и ты отвергнися вѣры своея поганья, любве ради сестры нашея: днесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея дѣвицы». И рече же имъ Амидъ царь: «братія моя милая, не дамъ азъ вамъ: не суть Греченя, яко половецъ зятя въ домъ свой ведутъ: нарекуся азъ вамъ зять съ великою честию, хощу преще ѣхати и изобразити верблюды со всея земли и наполнати на нихъ богатства, и хощу изобразити силене кмети, а хто хощеть со мною ити во святое крещеніе: и прииду къ вамъ въ Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней своихъ не томите, подождите ми на дорогѣ». Братія жъ взяли сестру свою и поѣхаша путемъ своимъ, а Амидскій царь? прѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прещестію глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: «мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и половецъхъ себѣ любимую дѣвицу и приидоша во слѣдъ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и едины отъ нихъ, менши братѣ, крѣпость мою побѣдиль: аще бы совокупились все три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была». Рече же мати ко Амиду царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача

¹² *зот тиз въ рук.*

терзати и лице свое и рече ему: «на што парекаешься царемъ и сильный кметъ у себя имѣешь, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ и совокуни войска своего и иди въ Греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ». Амиръ же рече къ матери своей предъсто: «мати моя, азъ хочу тожь сотворить, собрати вол свой много и иди пакости творить въ Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «спондемъ, брате, векорѣ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимую дѣвицею во градъ». И рече Амиръ царь ко брату своему: «если ты, брате, на престолѣ моемъ, а азъ одинъ хочу пакости творить въ Греческой землѣ». Въ то же время Амиръ царь послалъ брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собралъ войска много, и собралъ богатства и верблюды со всей земли, и наполни на нихъ драгата золота аравитскаго и каменія драгата многоцѣннаго. Видѣвъ же то Срацишине, яко на рать не ходять тако, а не глаголана ему ничего. Довде же Амиръ царь до сумесія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ¹³: «братія мои милая, сильни и храбрии Аравитяне, хто хоцеть со мною дерзость творить, той поиди со мною въ Греческую землю пакости творить». И рече отъ нихъ одинъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велелепно ко Амиру царю: «великій государь, Амире царю, приидоша¹⁴ отъ Греческія земли въ нашу Срацишескую землю три юношы, и одинъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы все были три совокунишия во едно мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итить въ Греческую землю, то они насъ и до остатку вѣтъ поубиють». Амиръ же царь, отуствовавъ богатство, наполненныя казны верблюды, впередъ въ Греческую землю, и вонъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесятъ верстъ поиринъ и сташа на полѣ; сестра же ихъ начать имъ молитися: «братія мои милая, не введите мя въ срамъ великій отъ челоуѣкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ испишена была рукама Амира царя; положите зятя своего нареченнаго Амира царя». По малѣ же

¹³ *аравитяне* въ рук. ¹⁴ *приидоша* и *иже побѣдошъ* въ рукописи.

времяни приидоша къ нимъ Амиръ царь со вѣсѣмъ войскомъ) богатствомъ и съ верблюдъ, наполнившия златомъ и серебромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодиюшему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти». И рекоша братія ко Амиру царю: «рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшій и середній, съ сестрою своею поѣхаша во градъ ношью, народа ради, и выидоша въ домъ матери своей, и видѣвъ же мать два сына и дщерь свою и рече имъ слезно: «сестрицы вы свою добыли, а братца изгубили есте»; и рече ей сынове ея: «радуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншій пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченымъ, со Амиромъ царемъ, а нынѣ ты, мати, досиѣвай бракъ великъ, занежь семи добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатствомъ богатъ, а нынѣ намъ сво ввести во святое крещеніе». И вземше патриарха града того со вѣсѣмъ соборомъ и приидоша на Ерантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града (воиъ) множество народа. Видѣвши же (то) братаничи востомна Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестини его самъ патриархъ, а отецъ бысть крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своей и сотвориша бракъ великъ, преславецъ зѣло, и сотвориша свадьбу по 3 мѣсяцы; и погомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею. Но томъ же времяни услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся въры своей, любви ради дѣвицы той, и нача терзати власы главы своей и собра воиска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имѣеть дерзость вшити въ Греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?» И рекоша жъ ей три Срациняне: «мы, госпоже, племъ въ Греческую землю и отнесемъ *книги* ко господину своему, царю Амиру». И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомый *внтреница*, вторый *прокъ*, третій *молий*: «аще выидете¹⁵ въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и

¹⁵ выидете въ рук.

изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтрянцу, и вы невидими будете чикимъ же; аще внидете въ Срацинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и сядите вы на громъ-конь, и тогда услышать вси Аравитяне¹⁶ Срацинскіе земли; аще сядете на молнію и невидими будете въ Греческой землѣ. Срацинине же взяша три коня и книги ко Амису царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и приѣхаша подѣ градъ Греческій, и сташа въ¹⁷ града въ сокровенномъ мѣстѣ, и вѣдоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Той же ночью царица Амиса цари, прекрасная царица дѣвица, видѣла сонъ и ужасна бысть . . . , и повѣдаша братіямъ своимъ: «братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ять мя (за руку) и взясе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враги и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти». Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдаша сонъ сестры своея, и волхвы же рекоша братіямъ: «госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амисъ царь, по повелѣнію матери своея, хочеть исхитить изъ полаты и бѣжати въ Срацинскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врага, то суть три Срацинина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амису царю отъ матери съ грамотаю». Братія жь пришедь ко Амису царю и начаша его вопрошати и обличати; онъ же клеиася изъ живымъ Богомъ, и взявъ же онъ Амиса цари и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ фарисеями, и обрѣтоша за градомъ три Срацинина, и онъ жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. Но онъ же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестина ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амиса цари, а кони ихъ взявъ Амисъ царь и родать братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девственнѣ, и потомъ царица Амиса цари прии и тоды во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и свергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекраснн Девгенен, а крестина его самъ патриархъ, а мати

¹⁶ аравитіи въ рук. ¹⁷ а немъ въ рук.

крестная царина града того, — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первонадесять лѣтъ и на второе начаша конемъ играти, а на тринадесать лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантъ храбровать, а драгантъ подь нимъ играеть. Самъ же юноша красень велми, лице же его яко снѣдь, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великии яко чашы, пристрашно дрѣти на него. Отець же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учиненя многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ челоувѣчь не можетъ смыслить, а какъ юноша начнеть на томъ конѣ скакати, а конь подь нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ челоувѣчь нехититца. На четвертое же лѣто¹⁸ на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо, рано тебѣ о ловлѣхъ звѣршыхъ мыслити», и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловь ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многіи поидоша на ловь смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощеть звѣршную дерзость имѣти. Отець же его повелѣ займы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней поемляеся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ, по подемъ въ дальныя пустыя лѣса». Отець же его поѣде съ нимъ, и многіи люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и сѣде съ коня своего, и нача по лѣсу ходити и смотрити какова звѣри, и видѣ прекрасный Девгеній лоса бѣгуна и суна его ильнь, яко борань . . . боранъ Ф. рѣвка¹⁹, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его по лозка на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуна, Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, разодравъ его чюдости и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вса людіе и удивилася абло; людіе же многіи ту стояху и дивяхуся. По маѣ же времени видѣвшася отецъ его изъ острову бѣгуна, изъ густова лѣсу, лю-

¹⁸) *тѣто на 13 т. ѣ. ѣи, по ошибкѣ въ рук.* ¹⁹) Вероятно, безъ пропуска, *боранъ боранъ боранъ.*

тый зверь разъемше челюсти своя и хотяше проглотити юношу; отецъ же его рекоста: «снато мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго — на тя бѣжитъ и хощеть тя проглотити; тои есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостень бысть дѣлю, и прѣѣхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очю, како дарова ему Богъ такового отрока и подаетъ силу надо всѣмъ храбрыми и сильными, и рече отецъ сыну своему: «о снѣдларное солнце, преславный Девгеній, отъ нозу звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ изрудисеш; но идемъ мы, сыне, отъ сего дѣсу темного — есть въ семь дѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяеть, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто прѣйти, понеже бо въ немъ многаи чудеса творятся²⁰, и ѡнѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язь самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и рунѣ и нозѣ». И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеса, и прѣдоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице омывати и рунѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеній: «отче, рунѣ мои моешь, а еще имъ каковыи бытъ?» по томъ же словеси прѣлетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣи, яко чловѣчи²¹, и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечъ свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отил ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людѣ и дивисаея чудеса его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ араветьскимъ, а перерукаше съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на боравый фарь, и нача скакать, а подѣ нимъ конь играть, звонны же его добротъ слыши начаша прегудать, и прѣѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвши сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тою поры прекрасный Девгеній паревичъ нача помышляти о дѣлахъ ратныхъ.

²⁰ *тотъ* в рукоп. ²¹ *человекъ* в рукоп.

«Послание Филипата²² и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

«Слышавъ же то Филипаты и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тешето. Филипаты же храбрь и силенъ добръ и много у себя войска имѣтъ; также и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣтъ, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македонине. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Еврантѣ, и послана Максиміяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишеть: «о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяць во всѣхъ мѣсяцехъ: въ май мѣсяць всяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственный листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не подѣнися, приди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Еврантѣ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже исть помышленія никакова жь». И прочеть же тоя грамоту преславный Девгеній и посмѣяся и рече отцу своему: «отче, хочу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максиміяну дѣву». Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: «чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ силуую рать ѣхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратного дѣла ни гдѣ не видать, понеже бо Филипаты въ ратехъ храбрь и силенъ, также и Максиміяна, дщерь его, мужскую дерзость имѣтъ, и войско ихъ храбро и много зло». Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишеть: «срамъ ми есть великъ въ томъ — противу дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипаты, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ». Прочеть же грамоту Максиміяна дѣвица и рече Греку мужу: «никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не издѣй помысла во умѣ

²²⁾ Въ рук. постоянно вместо этого имени (находящагося въ древней спискѣ, пишется *Филипъ-пата*, см. *ома* въ рук. о.

своёмъ никакова, занеже прѣхали мы юности твоей видѣти. Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣти храбрость Филипата, и поять съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой и рече отпу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки челоуѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божию и на вашу молитву». И поѣде въ путь свой и прѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвнѣ; и видѣвъ же то Филипать, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстолицхъ, и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочн черезъ рѣку пѣшь, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завони гласомъ велимъ, ведегласно: «дайте мои борзѣ конь, рекомый фаръ», и вскѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ поскокѣ тысящу побн войска Филипата; а въ другой рязь скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари ея концемъ, тупымъ концемъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуце отца ея Филипата, и запрява конье свое хотяше пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати конье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обонхъ, а войско ихъ, иныхъ побина, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища и перегнаша ихъ черезъ рѣку. Въ ту жь пору старій Филипать обратися къ Девгенію и рече: «о златокрылатій ястребъ, преславній Девгеній, ты славень еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще ты есть храбрѣе и сильнѣе на семь свѣтъ преславній Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а прочая воинства его не можетъ земля деркати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую деркостъ и храбрость, а красотою ея пѣсть на семь свѣтъ краше. — мнози цари и королѣи храбрѣи и сильни суть, а никто не можетъ ея поити, —

хто не прїѣдетъ, тотъ не можетъ отъ нихъ царства живъ отъ-
 ѣхать; развѣ тебя Божь одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость
 мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хощу
 преже проповѣдати; аще истинну сказать ми еси, тогда пушу
 тя, только²³ возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради вре-
 мяни». Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свѣто-
 зрное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній, мнози ко мнѣ
 цари и королѣ, присылалися ко мнѣ храбрїи и силнїи, во мнози
 силѣ, а никто мя не окверни единымъ словомъ; все побѣдени
 моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна есмь тебѣ; аще ты
 совокушишися со мною, да бѣдемъ мы вмѣстѣ, и сила нашей
 не можетъ держати никогоже». И рече ей преславный Девгеній,
 дѣвицѣ Максимьянѣ: «ше нѣбую не отъ какова человека по-
 мощы, кромѣ милости Божїи и матерїи молитвы; та ми по-
 можетъ». А Девгеній же мудръ бысть велики и взя книгу и по-
 смотри²⁴ въ нея о житїи своемъ и о смерти, и досмотрився въ
 книзѣ той: аще Девгеній прекрасный совокушился съ Ма-
 кимьяною дѣвицею, то житїя его шеснацать лѣтъ; аще до-
 стигнетъ прекрасной Стратиговны, и то житїя его тридцать...²⁵
 лѣтъ, — и кликувъ велегласно къ Греку мужу: «споди ко отцу
 и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здра-
 вїемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерїю моею, — что по-
 мыслишь Филипатъ и Максимьяна дѣвица, да не бысть имъ
 тако, — а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Ма-
 кимьяну дѣвицу отдайте матери моей; аще къ ней при-
 коснется хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей
 день живъ быти». И отпусти ихъ шредѣ, а сама паша по-
 ѣхаша и прїѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отъ
 же его и мати ради бысть злѣю, сождавъ своего сына, пре-
 славнога Девгенія. Преславный же Девгеній нача мыслити во
 умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу
 повѣдѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бре-
 женїи, и нача прекрасный и преславный Девгеній у отца своего
 и у матери безпрестани умолати, како бы ему видѣть пре-
 славнога Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и

23) *токо* въ рук. 24) *смотри* въ рук. 25) еще игра, кажется б.

прекрасную Стратиговну. Отец же его нача ушмагы: ачадо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ся. Преславный же Девгеній вля молитву у отца своего и матери, и совокуши воя своя много, и вля съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поиде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумажкя Стратиговы земли, и недалеко до града за пять вереть и остави воинство свое и повель имъ межъ себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поиде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и приѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣче юношу Стратигова двора, и вопрошае юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Огвѣщая же ему юноша: «снѣть господина нашего Стратига царя дома, по въ иной странѣ дова двѣть²⁶ и съ четырма сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, што пѣсть таковыя прекрасныя на семь свѣтъ; многіе сугъ приѣзжали къ ней цари, царевичи, королі, королевичи, а никто въ очи ся не видать, и никто живы изъ царства сего не выѣзживать, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣлы пѣтъ, а храбри сугъ таковы: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣеть, иному никому на ся зрѣть неподобно... развѣе тебе». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть злю, зане... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесать 6 лѣтъ съ нею; и поиде же Девгеній прекрасный градомъ Стратиговымъ, и прииде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приише ко оконцу и видѣ кресоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ: Девгеній же бѣдшиа по двору и возвратися назадъ.²⁷ и приѣхаша въ станъ свой съ новоприемнымъ

26) *«иное»* въ рукои: по вѣроятію ошибокъ вообще много въ текстѣ. 27) Замѣненное здѣсь и далѣе точками не могло быть прочтено на послѣднемъ листѣ рукописи, истертомъ и закрасенномъ.

юношею, и нача веселитися во всю ночь, и повелѣша людемъ своимъ въ тишаны и въ набаты бити, и въ сурны играть, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошати мамокъ своихъ, что-де сіе за играніе подъ градомъ нашимъ велела.... рече же ей мамыки: «то-де, госпожа наша Стратиговна, прїѣде подъ градъ вашъ изъ Греческія земли царевичъ, Девгеній прекрасный, и преславный, и храбрый, а хочеть тебѣ вѣсти.....» Во утрѣнке поѣде оиакъ во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у когото здѣланы звонцы въ гривѣ, и прїѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздити, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ (человѣчь?) нехити҃ща. И слышавъ же то Стратиговна и прии҃че къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: «идите на дворъ и спросите его, что велию дерзость имѣеть сей юноша ко двору нашему». И выиде же кормилица и нача ему глаголати: «о свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша, велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебѣ, в.... ты красенъ, а не силенъ, что ниѣшь... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града воишь, отькуду еси прїѣхалъ; аще ли ты заблѣгъ отецъ мой и братіа.....»

IV. Орывокъ изъ **Варлаама и Ноевѣва**, именно «притча ѿ шѣроуѣ», взятъ изъ Толстовскаго списка XV вѣка 2. 89, Публ. Б-ки I. Q. 315, об. л. 67—69. Рукопись писана не однимъ почеркомъ; первый продолжается до 27-го листа, и эта часть имѣеть и нѣсколько отличное правописание.

....Дѣла же свои ѿстаивши' глаго' таѣти и тѣми стра'ти мѣла — по'бѣи быти люю и'жеви ѿвѣщюу ѿ лица ииорога, иже не терѣа гѣа кѣо и' страшнаго іѣѣо прерываніа, но крѣико ѿвѣщае, да не бѣдетъ емоу въ сит'. Виегда же течаше бѣстро, въ великою и'жевою виаде проащеть, виегда же властиеа емоу в'но, и за древо и'жекое похитивсеа, крѣико держашесеа, и на росеѣтъ и'жекой позѣ оутвердивъ. мнѣше прочек в' мѣртъ быти и' въ твердыни, въарѣвъ оубо и' видѣ двѣ маши. ѿлоу оубо вѣдиу, друугоую же чериу, по'грѣдѣвши же непрестанно древа, иже оиѣ бѣамо похитилсеа, и ѣлко же оуже виаѣтъ приближающимсеа и'ма и' свѣ'

искоренити. Всмотрѣвъ же къ дно пропасти, і видѣ змиа страшна видѣ-
нємъ и огнемъ дышоуща, и ідро изсѣрующаса. оуста же странно рази-
новаше, пожрети его градоуща: вѣрѣвъ же пакы на стенивъ онь, на
немже бѣаше ногаъ свой оутверѣн, видѣ четирѣ главы асидовы ѿ стѣны
извикша, на нейже стоаше. И вѣрѣвъ очима, видѣ ѿ вѣтви древа ѡного
мало меда каплюща, оставивъ оубо пенцеса ѿ одержани^а его бѣм^а, како
вибоуду оубо ииорогъ, лотѣ неистоваса, ищеть сиѣсти его: долоу же
горкый зѣмѣи знѣеть пожрети его: древо же, за не же бѣ са оухитилъ,
кѣмю же вмаѣ іскоренитиса хотѣше: ногаъ на полци и невѣрѣвъ сте-
пени оутверѣдѣ бѣаше: и толки^а и таковы^а соль забывь. оустречиса ко
сла^аети малаго медоу ѡного.

(Толкованіе прѣтчи сей, что бѣеть мышы, и что бѣеть ииорогъ, и что
бѣеть каплющїи жѣлаа капла медѣ).

Се бѣеть подобное прѣлести мира сего прѣлещиющїи^аса, его же сказаніе
ниѣ реку ти: ииорогъ оубо ѡбразъ бѣеть смрти, гонашъ оубо — достиг-
ноути градоущи адымскїи ро^а: пропасть же — миръ ісполнѣ см всаече-
скїи^а соль и смртоноснїи^а стѣни: древо же, кже^а ѿ двоу мышю, не-
престанно погрызаемоу. его же оухитїише держимса — время кѣ конго-
ждо съкращавѣму и скончавѣмо днїемъ и ноцїю, и къ постѣченїю по-
малѣ прѣблжаетса; четыре асиды, иже ѿ четыре прѣлестнїи^а стїтїи^а
сѣстивъ — сѣстивонїи члѣскаго телесе илннмощоуѣтъ, ииже бесчїпно
носимъ и мѣлоущимса, телесноу раз'рушаѣтса сѣстивонїи: и къ сїмже
огнѣо разшии онь и неистовїи змїи страшнѣоу прѣблжѣтъ адовоу
оугробуу, жадающоу прѣтчи мира сего красна, и паче боудущи^а блѣгъ из-
воливши^а: медовнаа же капла — сладость ізвѣдѣтъ мира сего сла-
кы^а, ииѣ же той прѣлещїи своїи други не оставлѣтъ и ѿ свокмъ пенцеса
сїсещи.

У. Выписка изъ Стефанита и Ихилята сдѣлана
нами по Толетовскому списку З. 45; лучшимъ текстомъ должно
впрочемъ назвать чтение Погодинской рукописи, иѣскольکو
полнѣйшее.

л. 97 — 101. Стефанитъ же рече: како можешн повредити
ла, много суша тебе силѣйша и многи други имуща и по-
слушники? Ихилятъ же рече: не взирай на мое неможеніе

1) въ рукописи кѣмже, вѣроятно неправильно.

и смиреніе: не бываетъ бо побѣда силою и мощію телесною, но мудростію и разумомъ и добрымъ совѣтомъ великоумныхъ мужъ: мнози бо отъ сильныхъ немощными побѣдишася.

«Притча о вранѣ и о змѣи.» Глаголетъ бо ся, яко врань и вѣкій вогнѣдишеся въ ивкоемъ дрѣвѣ, въ горѣ, и отъ ивкогого змѣи на всяко время обидѣнь бываше, — и птенца его снѣдане. Иже убо множицею змѣи творяше таковое, и шель врань къ ивкому своему другу — звѣрю, и рече къ нему: хощу тебе совѣтника сотворити, не вѣси бо, каковая стражу отъ змѣи, и житіемъ твоимъ полезно быти тому, мнѣ приблизитися ему спящу и очи ему извертѣти. Звѣрь же рече: не добръ совѣтовать еси, но промисли хитрость твою, ето же оного погубиши, ты же невредимъ пребудеши, — да не подобно постражени жаравлево.

«Притча о жаравлѣ и о ежѣ.» Глаголетъ бо ся, яко жаравль и вѣкій при благѣ пребывая, исполнену рыбѣ, и огъ нишъ же питанся, состарѣвъ же ся и на ловъ не возможе подвизатися, и глазомъ одержимъ, востужи еси и поиде въ ивкую гору, и востходя обрѣте ежа во своей скорби. Ежъ же рече къ нему: что ради печаленъ еси и скорбенъ? Онъ же воспримъ рече: како не скорбно — первіе пребывахъ при благѣ ивкоемъ и отъ рыбѣ его питанся, многимъ обидѣнемъ суще; днесь же узрѣхъ два рыбаля, приходяща на мѣсто то и другъ другу бесѣдующа како всю ту рыбу изловитъ. Ежъ же, послышавъ отъ жаравли, прииде къ рыбабъ и повѣда имъ, еже слышавъ отъ жаравли, они же приидше къ жаравлю и рѣша: шель хощемъ совѣтника твѣ имѣти, услышахомъ бо, яко рыбаля ивцы совѣтоваху изловити насъ. Жаравль же рече: ни едино вамъ предлежитъ художество, точно противъ отъ мѣста своего и иное мѣсто тростяно и водно, идѣ же доволну нищу обрѣше и добръ живуще избавитесь предлежанія бѣды. Рыбы же рече коша: пренеси убо ты насъ на таковое мѣсто; онъ же рече боюся, да не прежде предложенія вашего придуть рыбаля; обаче елико мнѣ есте мощно, се сотворю, — и начатъ съ таковою притчею преносити во малу рыбу въ ивкоей губѣ на

1) въ рук. *и како*; поправлено по друг. св.

беречь, и тамо идяше ихъ, другимъ рыбаамъ являемъ, яко въ порученное мѣсто приносить ихъ, еже сохранятся и соблюются тѣмъ тамо. И юже ископа яму безумный ииѣмъ, самъ впадеши въ ню. Во слове убо о гдѣшнѣ умоли ежъ жаравля пренести и того, якоже и рыбы; прѣмъ же его жеравль и отнесе на гору, идѣже и рыбы свѣдаше, совѣтова же и того свѣсти. Видѣвъ же ежъ кости рыбныя, тамъ лежащая, и уразумѣ десть и въ себѣ помышляше, яко нужно смертень буду, аще противлюся жаравлю, или аще покорюся, единъ судъ прѣмю; нынѣ же смыслехъ, да не бесчестною смертію постражу, но или добрѣ жити ми или добрѣ умерети, тако бо благоумному подобаетъ, — и напрасно обвинувъ жеравлю шею устнами и нужно улови его.

«Сего же ради таковая сказахъ ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враняющаи икогда ииѣши своими слѣми яти бывають. Но подобаетъ ти тако зміену погнѣбѣ промыслити: смотри долу женскія красоты честиша и похити ю, и отнесъ, по гнѣдѣ змевѣ положи ю, его же ради по ней пострадують ииѣши, обрѣтше же змія и убьютъ его, — еже и бысть. Тако бо сотвори вранѣ и являемъ бысть отъ змія.

«Рече же Нумилать Стефаниду: сія сказахъ, да разумѣши, яко мудрость есть болше крѣпости. Стефанидъ же рече: аще не бы противу мужеству мудрость, оставилъ убо быхъ таковая бесѣдонати тебѣ, но вкушъ съ храбростію и разумень еси. Нумилать же рече: истинну рекъ еси, яко таковъ есмь; но имамъ изложити его по искушенію, дерзаю бо и вѣрую многимъ вещемъ, еже быша во многихъ, иногда бо и зайць два изложитъ естъ....

л. 188—193. «И рече царь къ философу: разумѣхъ вся реченная притчи тобою, еже рекъ ми еси; проче скажи ми, философѣ, како кто когда достигъ желанія своего и не могѣи добрѣ содержать его, и абіе пакы погубитъ е. Философъ же воспрѣимъ и рече:

«Притча о понощель. Глаголетъ бо ся, яко понощель ииѣши, царю у себе имуще состарѣваша зѣло и заматорѣваша многими лѣты, и старости его ради игнаша и отъ парекія власти. Онъ же великимъ недоумѣнемъ одержимъ бывъ, приде къ иѣкосей смо-

ковницѣ, стоящей при брези моретѣмъ, и пребывае у нея и ядше отъ плода ея. Во единъ же отъ днѣй ядушу ему смоквы, и паде изъ руки его една смоква, и юже приимши дивѣя желва и изъяде, и удивися желва, питающея смоквами, о немъ же пивокъ посмѣяся, и оттуду не престае желва питающея смоквами. Она же сладку пищу обрѣтши, и домъ свой забы, и сего ради подругъ ей малодушествоваше велии и искаше притчу, како бы пивока погубить и подруга своего возметъ. И единою бо отшедши желва въ домъ свой, и скорбна друга своего обрѣтши, и рече къ нему: почто вижу тя скорбна и дряхла и болна суше? Онъ же рече: въ бодѣзнь лютую впагъ есмь, и нѣсть ми щцѣльнѣя обрѣсти, аще не получю сердце пивоково. Она же недоумѣвшися о сѣй рѣчи и помышляше въ себѣ, яко иво сердце не имать обрѣсти, точию гостя своего,— еи же и преступленіе быти разумѣвши, дивящися помышленьми и недоумѣящися, что сотворити. И пришедъ къ пивоку, пригласи его; онъ же воспроси ея о косиѣннѣ; желва же отвѣща: ни о чесомъ же укониѣхъ точию заше срамляюся тебе и не имать достойно воздаянїя о благодарїи твоемъ воздати тебѣ. Пивокъ же рече: не помышляй таковая, нѣсть бо азъ таковъ, еже отъ своихъ любовныхъ искати воздаянїе; паче же ты мнѣ благодѣтельница была еси, таковыми бѣдами одержима и изгнана суши, утѣшающа мя. Желва же рече: хочу еще утвердити добовъ посреди насъ суши, утверждаютъ бо ся тремѣ вещми, сїи рѣчь, еже въ домъ въ дружнїи вхожденіе, и сродникомъ зрѣнїе, и посѣщенїе, иже вкушъ пребыванїе. Пивокъ же рече: тако составляетца любви, о дружко, иже въ слабости житїя своего живуещи. Желва же рече: истину рекъ еси, достовѣ бо другомъ совершенную любовь и сердечную отъ своихъ друзей искати, а иже за нѣкихъ ради житейскихъ потребъ любовь составлять, не на твердѣмъ основанїи зиждеть. Пожеже бо не подобаетъ отъ любовныхъ нио ничтоже искати, точию сердца проста и чиста, и вѣры правы и истинны. Телець же, аще безъ злѣка матеръ свою сестъ, прогнѣваетца, яко прогнана быти отъ нея; азъ же хочу, яко да приидеши въ домъ мой, живу же азъ во островѣ травноноснѣмъ, яко тмаи исполнено благихъ плодовъ, ихъ же око чловѣка нерадива не видѣ....., ухо лѣниваго не слыша, ни

на сердце челоуѣку унылу не взыде, — яже уготова Богъ любящимъ его, и славу мою узриши по писанному: видите, друзи, въ радость Господа своего, — азъ бо на ramo свое взяши, отнесу ти. И вѣрова шюокъ, взыде на жену и почашеся по пучинѣ морстей отъ нея, и егда быша на среди пучины, косно плаваше (желва и) ста помысливше, како погубити шюока. Видѣвъ же шюокъ коснѣше желваши, и уразумѣ дещь и глаголаше въ себя: еда на мя нѣчто зло умысли желва? — и тако рече: вижу тя, о дружка желва, въ пощечии и размысленіи, и боюся тебе о томъ, и повѣда ми, любезная, что убо есть пощечіе твое и косное плаваніе, како не повѣси ми, такоу другу вѣрну ти суну? Вопросаю ти убо о семъ, да повѣси ми истину. Желва же, отвѣшавъ, рече: печаль ми есть велика зѣло, яко дошедь въ домъ мой, и не обрящени вся достойная, якоже хощу азъ: на оупъ бо лежить подрутъ мой. Шюокъ же рече: не пещыся о семъ, ни что же бо полауетъ печаль, по пещыся пакы о врачевныхъ бѣдѣхъ. Желва же рече: глаголють врачбестіи отроны, яко шюоково сердце можетъ ищѣлти бѣдѣхъ оны. И се слышавъ шюокъ свою погубель и въ себѣ рыдалше, глаголя: оле моего безумія, яко нѣсемъ сего узнать, паче и стару ми суну, въ таковыхъ дѣлахъ мене вложи и преблажи сія желва: иже бо въ малыхъ тѣснотахъ и скудости пребывая, безпечно житіе живеть, желая же чести, безъ скорби не бываетъ. Таже и къ желвѣ рече: в куно, любимая, не сказа ми таковое слово преже, даже не владохъ изъ дому моего, яко да и сердце свое съ собою взятъ бѣхъ: законъ бо есть намъ сицевъ, да егда къ любовному идеть, то сердце свое дома оставляетъ, для тоя ради вины, дабы нѣчто лукаво, у друга сѣдичи, не помыслити. И сія слышавши, желва воспять возвратися и плаваше радующися и донесе шюока на брегъ; оны же на сушу наступивъ тошъ и на смоковницу взыде. Желва же долу стоя и вопіаше: сини и скоро, дружка, яко да поидемъ, — шюокъ же, отвѣшавъ, и рече: аще сииду, до конца сердце свое не приобрану.

И тако вярече философъ: разумѣи, о царю, иже бо кто желаніе свое по хотѣніи своемъ навдеть благо, и не совершитъ ё, и время мимоидеть и ницего же пакы получить.

VI. Обращаясь къ Писемникъ Дѣмитрий, право-
 дыя три разныя разказа: первый изъ Рум. апокеифской рукописи
 М³⁶³ л. 553 — 556; второй изъ Погодинскаго сборника
 М¹⁹⁶⁴ об. л. 221 — 227; третій изъ Румасов. сборника
 М⁸⁷¹ об. л. 367 — 370. Этого послѣднѣй, такъ какъ за-
 титли не находится въ Латинскихъ Gesta Romanorum и др.
 О вѣрности и истинности тѣхъ, глаголющихъ же въ своемъ, яко
 не открыти тайны женщины. Въ пѣкото знаменитъ воинъ у нѣ-
 какого царя: той же воинъ и вѣкою виною ризниваетъ его; воелъ
 же вѣрности своихъ зюантъ вѣ себя; да упроситъ ему милости у
 царя. Други же его упростиша къ нему у царя благодать; да ба-
 повесть царь (воину): быти къ себѣ съ гадательствомъ тайныхъ,
 дабы къ двору его вѣхатъ и спелъху да приведеуть вѣрноро при-
 шельца и утѣшита, и невѣрнаго друга. Слышавъ сѣя воинъ, та-
 човый невѣрности приказъ, и смутися, паче же добувилося,
 како сотворити. Случися же во время то принта къ нему и вѣ-
 коему переходнику: воинъ же напомянуся рещи къ женѣ своей
 тайно: вѣхатъ, яко приятели имѣють оу себя серебро, а еше
 утаили, азъ пришедшаго убью, а серебро имѣти будезь себя;
 она же съ клятвою утати общася. Егда же сѣя уезуша,
 воинъ же той воста, возбуди одного пришельца, и приведе въ полу
 пути свой итти, уби же телца и избече его въ дощи и влоки
 въ мѣхъ, разбуди жену свою, показала ей мѣхъ, глаголи, живи въ
 зломъ мѣху глава и руцѣ и носъ его же азъ убиша, поного при-
 шельца, а тѣло его заребъ въ коморѣ, от тайныхъ мѣстѣхъ. Загре-
 бе же и мѣхъ, и показа ей своего серебра, вѣмолко, яко валь
 оу одного убитого пришельца. Егда же приде женѣ вѣхати его ко
 царю, тогда взя съ тобою по правую руку и страну пса, и на
 руку лавого своего сына, а жену по лѣвую страну; егда же при-
 ближися ко двору цареву, положи правую ногу на пса, и тако
 якобы пришельца, и тасо иеть бзидо и пшиор, и приведе тако
 предъ царя. Узръ же его царь съ вѣрности его предътошши, удив-
 вися, како исполни невѣрности и тайный приказъ и рече ему
 царь: «Слѣсть твой вѣрноро прѣтель?» Тогда воинъ, взявъ
 мечъ, удари страюю пса своего, псеъ же отъ ударенія далеко

1) въ рук. остальныя уместилъ. В. 429 изъ 429. и т. д.

VI. Обращаясь къ **Римскому Длинному**, приводимъ три равные разсказа: первый изъ Румянской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Погодиновскаго сборника № 1964 об. л. 221 — 227; третий изъ Румянцов. сборника № 371 об. л. 367 — 370. Этотъ послѣдній, какъ мы замѣтили, не находится въ Латинскихъ *Gesta Romanorum*.

О неврности и кривости тѣла, дающая же ей вино, яко не имать тайны жемль. Бѣ и кто знаменитъ воинъ у нѣкоего царя: той же воинъ нѣкою виною разгнѣвалъ его, посла же другови своихъ мошти о себѣ, да упроситъ ему милости у царя. Други же его упросиша къ нему у царя благодать, обаче повелѣ царь (воину) быти къ себѣ съ гадательствомъ тайнымъ, дабы ко двору его ѣхать и шель, и да приведетъ вѣрнаго пріятеля, и утѣшника, и неврнаго друга. Слышавъ сѣя воинъ, таковой неуклонно приказъ, и смутися, паче же недоумѣвался, како совершити. Случися же во время то прійти къ нему нѣкому прехолнику: воинъ же напоменуся рещи къ женѣ своей ташно: «сѣеи ли, яко прішелны имѣють у себѣ серебро: аще утаиши, азъ прішедшаго убью, а серебро имѣти будемъ себѣ»: она же съ клятвеною удантѣ обѣщася¹. Егда же вси уснуша, воинъ же той воста, возбуди оного прішедша, и повелѣ ему ити своей ити, уби же тѣла и извѣче его въ части и влоаки въ мѣхъ, разбути жену свою, показа ей мѣхъ, глаголя, яко въ томъ мѣху глава и руцѣ и нозѣ, его же азъ убихъ оного прішедша, а тѣло его згребѣ въ коморѣ, въ тайнѣ мѣстѣ. За рече же и мѣхъ, и показа ей своего серебра нѣсколько, яко взявъ у оного убитого прішедша. Егда же пріиде день ѣханія его ко царю, тогда взя съ собою по правую руку и страну пса, и на руку малюго своего сына, а жену по лѣвую сторону: егда же приближися ко двору цареву, возложи правую ногу на пса, и тако якобы плъти шель, и тако шель ѣздно и плъно, и пріиде тако преть царя. Царѣ же его царь со велими его престошными, удивися, како исполни неуклонный и тайный приказъ и рече ему царь: «тѣ есть твой вѣрный пріятель»? Тогда воинъ, взявъ мечъ, удари страню пса своего, песь же отъ ударенія далеко

¹ въ рук. *останити у себя*.

то, и впаде въ него жуиѣ и съ концемъ своимъ, и не видѣшаго ему въ бѣдѣ пагубы своей. Звѣрии же ти не видѣше оныя же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы случася по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ. Тѣмъ же населнику... въ добрь ради дропѣ, и тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И оны слыша изъ рва челоуѣка великимъ гласомъ остави осла, прииде ко рву и видѣ челоуѣка жуиѣ и съ концемъ своимъ и рече ему: «ако въ ровь сей впаде?» Оны же гласомъ зваху: «впаде въ ровь, и еще рече ему: «ако да не азъ умру въ семь мѣстѣ, аже кто не подасть ми руку помощи.» Оны же рече ему: «не имамъ у себя верви, чимъ изрва сего, и азъ возвращуся въ домъ свой верви днесь миѣ сей тунѣ пройдесть, жена же и дѣти гладомъ умрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ добрь сію на оселити ѣздити и дрова въ градъ возити и продавати, тѣмъ питатися со всеми.» Челоуѣкъ же, въ ровь стои, обѣщася ему дати злато довольно, — «саме извлечени ма». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и вѣи осла свое, и поиде къ дому, и прииде въ домъ свой, оставивъ осла своего и взявъ вервину и иде скоро до оного рва и пусти вервину въ той ровь. Левъ же видѣ вервину висину и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко челоуѣкъ ухватися за вервь, и нача извлещи вошь, и извлече, и видѣ два велми страшна, и указася быти велми и мнѣвъ себѣ, яко поглотити его хочеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и ноу его тобылати и прилѣжно на населника..., яко бы молвити ему, что прибавилъ его отъ толкиа смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровь; змія же видѣ вервь и охачися за вервь; населникъ же той мня, яко оны челоуѣкъ обѣщася за вервь, и нача его влещи вошь, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ виде великій; змія же смотраше сімо и овамо и приближася къ населнику и положивъ главу свою на ногу его, твораше, яко ей любовь сотворилъ и избавилъ ея отъ толкиа смерти, и оставивъ

— 345 —
Временный запас

отекла, — тогда же воинь кикну его, паки къ ногамъ его при-
теге, — и рече царь: «то есть мой вѣрный другъ-пріятель.»
Царь же похвали его, рече ему: «чтожь есть твое утѣшеніе?»
Воинь же покля на отрока свое, рече: «се есть мое утѣшеніе,
той же ма всегда веселитъ дѣтскими глумленіи.» Царь же рече:
«а ты твой другъ невѣрный и непріятель?» Воинь же удари же-
ну свою, глаголи: «чесо ради тако непристойно на царя, госу-
даря моего, смотриши?»², — жена же возопи: «мужеубійца про-
клятый, за кую вину бѣиши мя? Или такожде мя хочиши уби-
ти, яко же убить еси вчера пришедша, мѣнахъ ради плавле?»
Тогда воинь, муль ея, паки удари, глаголи: «спрокни ты же о,
чесо ради на мя клеветиши?» Она же лютѣ нача вопити, зло-
слова его, рече: «идѣте по мнѣ, укажу вамъ мѣхъ, въ которой
мужь мой вѣжи голову и руць и ножь, убивъ страшного при-
шедца, а тѣлю закопавъ въ земль, въ коморѣ.» Тогда царь по-
велѣ слугамъ, да идутъ съ нею и свидѣлствуютъ; слуги же
шедше, во³ указаномъ отъ нея мѣстѣ мѣхъ пль земли изаша,
обрѣтоша же телново мясо, и доумывахуся, и пришедше, царю
повѣдаша. Услышавъ сія царь и увидѣвъ премудрость воина
своего, зѣлю его похвалить и по сему бысть велики любимъ ца-
ремъ и умре въ покою.

Притча о инокѣ, ведможь. Бысть въ Рамской области, въ
иноксѣ градѣ инокій царь, имѣя у себе иноксѣ близкаго че-
ловѣка, и устрои его у себе въ чинѣ дворечества. Человѣкъ же
той имѣя обычай всегда на ловь ѣздити, и во единѣ убо отъ
дній повелѣ слугамъ своимъ ископати ровъ велики глубокъ да
уловленіе зверемъ, и дѣже обыче на поле ѣздити. И во единѣ
убо отъ дній по иноксѣ случаю инаде въ той ровъ лютѣи
звѣрь левъ, и змѣя, и шонка, и — бѣше въ годѣ зима, — напале
на той ровъ снѣгъ великій, яко и устѣя рва того не видѣти. Звѣ-
рѣ же тѣ баху въ рову подѣ снѣгомъ и недоумывахуся, что со-
твориши, зане рову тому глубоку сушу и не возмогоша илѣсти
пль него. По времени же иноксѣ восхотѣ той дворечкой ви-
дѣти самъ ровъ той, и абѣ выѣха за градъ единѣ, и прибли-
жися, и дѣ же ровъ ископавъ, и по невѣданію наѣде на устѣ

² этого слова не хватаетъ въ рук. ³ по въ рукоп.

рва того, и вшаде въ него вкупѣ и съ концемъ своимъ, и не видѣ помогающаго ему въ бѣдѣ пастубы своей. Звѣривъ же ти не видѣна его, онъ же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы его извелекъ. Случишася по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ ѣхати на ослитѣ нѣкоему населнику... въ добрь рати дровія, и возаше во градъ, тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И егда населникъ той услыша изъ рва челоуѣка великимъ гласомъ вопиюща, и абіе остави осла, прииде ко рву и видѣ челоуѣка внутри рва стояща вкупѣ и съ концемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровъ сей вшаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како вшаде въ ровъ, и еще рече ему: «милой брате мой, помози ми, да не азъ умру въ семь мѣстѣ, зане пастуби не могу, аще кто не подасть ми руку помози.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чомъ извлещи тя изъ рова сего, и азъ возвратишу въ домъ свой верви ради, и день мнѣ сей тунѣ пройдетъ, жена же и дѣти голодомъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ добрь сію на ослити ѣздити и дрова въ градъ возити и продавать, тѣмъ питатися со всеми.» Челоуѣкъ же, въ ровѣ стоя, обѣщаея ему дати злато довольно, — «саме извлечени маю». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и взъ осла свое, и поиде къ дому, и прииде въ домъ свой, оставивъ осла своего и вземъ вервину и иде скоро до одного рва и пусти вервину въ той ровъ. Левъ же видѣ вервину висещу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко челоуѣкъ, ухватися за вервь, и нача извлещи вошь, и извлече, и видѣ два велми страшна, и ужасашь бывъ велми и мнѣвъ себѣ, яко поплотити его хощеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и позъ его тобызати и прилѣжно на населника..., яко бы молвити ему, что избавиль его отъ толкиа смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровъ; змія же видѣ вервь и охачиешь за вервь; населникъ же той мня, яко онъ челоуѣкъ, обѣяешь за вервь, и нача его влещи вошь, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ вниде велій; змія же смотряше сімо и овамо и приближися къ населнику и подосаи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворише и избавиль ея отъ толкиа смерти, и оставивъ

поселника, тече во внутреннюю пустыню. Поселникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и абіе шюнкъ уарі вервь и ухватися за вервь; поселникъ же нача влещи его вонь, и видѣ шюнка велии велика и суми сѣя дѣло; шюнкъ же восприяувъ и видѣ себе изъ рва извлечена, и нача велии все пити сѣ, и веселѣя отиде въ дебрь. Человѣкъ же той, иже стои въ ровѣ, велии нача звати, глаголю: «спасѣши мя отъ тоу чинѣи лютыи смерти.» Поселникъ же въ ровѣ спусти вервь и извлече человека того изъ рова вонь; человекъ же той нача поселнику молитися, обѣщавъ дати ему злато много, аще извлечетъ и коня его; поселникъ же той нача съ нимъ влещи коня того же вервию, и извлечоша и коня его. Человекъ же, бывши въ ровѣ, вседе на коня и поѣха во градъ, къ поселнику же глаголю: «во времени подобно прииди къ дому моему и возьми благаи свои.» Во времени же и въ коемъ прииде къ дому человека того поселникъ оуи, и рече ко оному цареву человеку, его же извлече изъ рова: «дай же ми обѣщанное злато, елико обѣщалѣ еси дати ми за избавленіе смерти своей.» Оуи же рече: «когда хотѣхъ ти дати?» Поселникъ же рече: «егда извлечохъ ти изъ рова.» Оуи же рече: «не вѣмъ того.» Поселникъ же нача дворецкому оному стужати словеса, прошая у него злата; оуи же разиѣвѣши на поселника и поведѣ стужать своимъ бити его безъ милости; стужти же бѣша его нещадно и еде жива его оставиша. Поселникъ же, отдохнувъ мало отъ ранъ и воставъ, иде въ домъ свои и нача велии болѣти отъ великихъ ранъ, яко ни рукою мало двинути можаше; жена же его, ходяще по граду, и пронаше милостыни, и что собираше, дѣлаъ мужа своего кормаше. Це по матъ же времени оуи поселникъ исцѣлѣ отъ ранъ и отъ болѣзани премѣниша, и касаетъся прежнего своего дѣла, и прииде въ дебрь и до и въ коемъ случаю излочи съ шюру и хотѣ возвратитися въ домъ свой. Шюнкъ же сѣ видѣвъ и влѣтъ на высокое древо и нача ломати и метати къ поселнику, и наметать, яко ни въ три дни не переводити ему во градъ; поселникъ же то разумѣвъ, яко той шюнкъ, его же изъ рова извлече, и мня воздарилоу ему за то, и обремени осла дроваи и отиде въ домъ свой. Въ другиѣ же день накаи прииде въ ту же дебрь и видѣ змиа, грядуща къ себѣ, велии велика и страшна, посели во устахъ

своим камнем злою честию и драгою, яко и свѣтъ отъ него паче огня, и нача указася быти. Злой же приде къ ногамъ его, поселника, и поволокъ претъ ногами что оны камень и добе оуиде въ дѣбрь; поселникъ же оны, вавъ камнѣ и поведе въ себѣ, яко си звѣрие воздарованіе ми дано за избавленіе смерти нхъ; злой же оны человекъ и обѣщавашо ми не да, еже что ми обѣщася дати за смерть свою, — и обременивъ осы своего, отиде въ домъ. Въ третій же день наки приде на преданое ему дѣло въ дѣбрь, и срѣте его оны ведми скарити и стричени; поселникъ же оны смотряше сѣмо и осамо, гдѣ бы мочь скарити, и не бѣ гдѣ ему скрытися. Левъ же приблизися къ поселнику и вавъ его усты своими и повелъ его во внутреннюю пустыню; поселникъ же, плача и рыдая, мѣя въ себѣ, что левъ велеть его къ вертецу своему на еиденіе дѣлами своими, — и приведе его къ вертецу своему, и бѣ въ томъ вертецѣ три ослати ведми обременны; и смѣ усты своими за уды тѣхъ ослати и приведе къ поселнику и даше ихъ; поселникъ же той бошеся и не смѣя приступити, вгнѣ же левъ тѣ ослати усты своими и поиде во внутреннїи пустыни къ дому поселнику. Поселникъ же да нимъ последова со ослатемъ своимъ и егда левъ приведе въ домъ поселникъ ослата, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Поселникъ же, еишь со ослати обремененъ, а ослата такоже укремивъ на мѣста обываша, и поиде во градъ и повелѣ проповѣстнику клукати по всему граду о ближнихъ ослатехъ з бремены; аще кто изгубилъ ихъ и оны бы вѣсть, — и не обрѣтеся никакозъ человекъ во всемъ градѣ, кто бы изгубилъ ослата. Поселникъ же отиде въ домъ свой и отвори бремена и видѣ много множество золота и сребра, и т смѣи драгого, и бисерїи многоцѣннато, и отъ сего ведми обогативъ. По времени же и къ ому поселникъ оны сотвори велию вечерю и созва весь роть свой, и друзи и сосѣди, и нача съ ними веселитися, и егда приитиша въ веселіе многое, поселникъ же оны поклавъ оны драгий камнѣ одному отъ друзей своихъ; другъ же его, видѣвъ оны дивный камнѣ, ведми удививъ. Не по мнѣи же времени доиде въ стухъ, во уши царя о камнѣ ономъ честномъ; царь же призва поселника того и вопроши его: сповѣдай ми, человекъ, аще

имѣни у себе таковъ камыкъ, о немъ же станешь семь, яко
«Ако честенъ и драго?» Паседникъ же къ нему отвѣща: «о
царю, есть таковъ камыкъ,» и вопроши же его царь, «зв-
кутъ и како обрѣтъ, оны же сказа ему вся по ризу яже о себѣ,
каковы бѣ, и о дворцкомъ его и о забвѣннѣи смерти его.
Царь же, станешь си словеса, и утѣв си повесть дворен-
каго своего въ заточеніе послата, паседника же того повеле-
въ чень его, и имѣнне его дворцкаго тому, паседнику пове-
де врати — и домъ, и раба, и села все ему поручи и вла-
дѣти повелѣ.

*Приказъ дваво устроения шкото блант орид и праведна и
судит.* Во градѣ Римствѣ, по случаю житія, наче же добрыхъ
вѣсьхъ дателя Бога промысломъ, наче возставляетъ огь гношна
и посаждаетъ съ могущими, и кій огь нищетаго и хутаго жи-
тїа вшнися первѣ въ воинство и потомъ въ коемъждо чинов-
началетѣ прѣбывѣ, и по силѣ достиже въ тиронскій санъ, отъ-
туду же учинися и первосовѣтникъ цесарю. Обаче, помышля
случая, яко неостояннаго законоположника, наче дѣтъ и отъ-
емлетъ, — ризу оную нищету, юже первѣ пошане, вложивъ
въ златый, сотворенный со драгиву камении ковчегъ, во вну-
ренней своей полатѣ постави, и токмо единъ тамо вхожане,
пачма грубую ризу, по все дни смотрал, онъ акую первое свое
житіе и помини, коликая претерѣвая бѣдствования претѣ, и
такъ увѣщевая себе, еже никому же обрѣти, нике папаста со-
творати, но ко вѣльмъ милость и судъ праведный имѣти. Се же
ему доброе намѣреніе творящу, окъ перелана его къ цесарю, яко
выхода въ сопряженную храмону заруствѣ. Цесарь же той кро-
токъ бѣ дѣло, не яростнымъ ворѣннемъ, но кротостнымъ раз-
смотрѣннемъ ея немытати ене изводитъ повелѣ, въ неже время
внѣдѣти савонникъ тои въ сопряженную полату, себе повѣстити.
И седа, тому тамо внѣдну, ввелану цесарь по повѣщенію при-
ише, уарѣ же въ златомъ ковчегѣ гнусную ризу, вопроши: «что
есть,» — оны съ смиреніемъ приидоши кланашеся, не хотѣ тай-
ны повѣстити, обаче принудителъ, рече: «цесарю великій, Богъ,
наче наче рати нищету претерѣти и во шквѣи, введе мя отъ
нещи нищета, и подавши ми хладъ росный, еже возмоши, бла-
говоловыи же ми принти въ славу сію, юже имамъ при держа-

въ твоен, учить, глаголю: научитесь отъ мене, яко кротокъ
есмы и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимаю азъ спа-
сительнаго повелѣнія, смотря сию мою первую, нищетную,
скверную, ризу, обучаюся, еже ко всемъ быти милостиву,
якоже и азъ потребовашъ въ моемъ первомъ житиі отъ всехъ
милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидѣти, и благо-
расмотрѣливши, всемъ неогрошнѣи судъ подавати, и милость
отъ тебе блдствующимъ испрошати. Сіе въ совети моеи обои-
шу пророческое слово, еже рече: человекъ, въ чести сый, не-
разумъ, приложися скотомъ немысленнымъ и угодился имъ; —
обаче и въ скотѣхъ по естеству обрѣтается множайшая любовь,
азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтенны, въ нихъ же не-
кусихся самъ, не помому ли сроднымъ всемъ человекомъ въ
вашестехъ? Се смотрѣнія моего на гнусную мою первую ризу
вина: молно державу твою, да отпустиши сему намѣренію моему.
Сіа цесарь слыша о дивнѣмъ дѣлѣ сановника своего, удивился
радостиво и со слезами облобызая его главу, ублажая и
прославляя яко вѣрнаго пріятеля государству своему, и возло-
жи всего государства своего правленіе предоброму тому.

**VII. Сказаніе о Мутьлинскомъ воеводѣ Дра-
куль** въ древнѣйшемъ известномъ спискѣ находится въ Ру-
млин. сборникѣ № 358, отсюда и заимствуемъ его.

О Мутьлинско^а воево^а 1.

Бы в Мутьлинской земли воевода Гре^аския вѣрїи хрѣ^апанїи, имяне^а
Драку^ала Латышскы^а азыко^а, а наши^а дѣлають Рускы^а, только алом^а ро-
дко житиє кто по имени е^а. Сѣ Трехо^а пра придоша неког^а к нем^а
покланяю^а пово^а 2 ег^а видѣша е^а клонши^а ему по своѣм^а обѣщаню,
свои гла^а 3 не снима шаю^а, бже вопрош^а в ни^а что ра^а таково
оучившете великом^а гд^ари предете и велик^а срамоту оучившете. Они^а
бѣща^а: тако^а обѣщаніи земли нашех^а гд^ари вера^а. Оуб^а гла им^а хоцю
и а^а вашо^а закона пог^арѣш^ати доврѣ^а 4 стоите, и подал^а своимъ гво^аз^а

1 Когда слово написано всѣми буквами, но итъ нѣхъ нѣтъ выконута для
лучшей помѣстительности вверхъ, мы пишемъ его обыкновеннымъ образомъ,
импр. *мутлинско воево*. 2 *пово* есть глагол. 3 *гла* т. е. *свои глаза*. 4, по
правленю иль другою слога; а. б. *по гво*?

VI. Обращаясь къ **Римскимъ Дѣяньямъ**, приводимъ три разные разсказа: первый изъ Румановской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Погодинскаго сборника № 1964 об. л. 224 — 227; третій изъ Руманов. сборника № 374 об. л. 367 — 370. Этотъ послѣдній, какъ мы замѣтили, не находится въ Латинскихъ *Gesta Romanorum*.

О неврности и кривости шила, глаголетъ же си такоу, яко не открыти тайны женить. Бѣ и кто знаменитъ воинъ у инокоего царя; той же воинъ инокую виноу разливавъ его, посла же друговъ своихъ мошти о себѣ, да упрости ему милости у царя. Друди же его упростиша къ нему у царя благодать, обаче повелѣ царь (воину) быти къ себѣ съ гадательствомъ тайнамъ, дабы ко двору его ѣхать и шель, и да приведетъ вѣрнаго пріятеля, и утѣшника, и невѣрнаго друга. Слышавъ сѣи воинъ, таковой невѣрности приказъ, и смущенъ, наче же недоумѣвался, како совершити. Случися же во время то прійти къ нему инокоему преходшецу; воинъ же напомянуся рещи къ женѣ своей такоу: «вѣси ли, яко прішелны имѣюуъ у себѣ сребро; аще уташиши, азъ прішешаго убью, а сребро имѣти будемъ себѣ»; она же съ клятвоу уташи обѣщася¹. Егда же вси уснуша, воинъ же той воста, возбуди оного прішелна, и повелѣ ему въ путь своей итти, убій же телна и начеи его въ засти и вложи въ мѣхъ, разбуди жену свою, показа ей мѣхъ, глаголя, яко въ томъ мѣху глава и руцѣ и нозѣ, его же азъ убихъ оного прішелна, а тѣло его азъ гробѣ въ коморѣ, въ тайнѣ мѣстѣ. За рѣбе же и мѣхъ, и пока а ей своего сребра исколико, яко вавѣ у оного убитого прішелна. Егда же пріиде день ѣханія его ко царю, тогда вая съ собою по правую руку и страну пса, и на руку маюго своего сына, а жену по лѣвую сторону; егда же пріобѣщася ко двору цареву, возложи правую ногу на пса, и тако якобы плашъ шель, и тако шель ѣздно и ивно, и пріиде тако преть царя. Царѣ же его царь со велми его престоупшими, удивися како испомни невѣрности и тайнѣи приказъ и рече ему царь: «отъ еси твой вѣрній пріятель»? Тогда воинъ, ваяти мечъ, удари странною пса своего, песь же отъ ударенія далеко

¹ въ рук. *останити урещася*.

отскака, — егда же воинъ кинувъ его, паки къ ногамъ его притече, — и рече царю: «то есть мой вѣрный другъ-пріятель.» Царь же похвали его, рече ему: «чтожь есть твое утѣшеніе?» Воинъ же покладъ на отрока свое, рече: «се есть мое утѣшеніе, той же ма всегда веселитъ дѣтскими глумленіи.» Царь же рече: «ты твой другъ невѣриши и непріятель?» Воинъ же ударилъ жену свою, глаголю: «чесо ради тако непристойно на царя, государя моего, смотриши?» — жена же возопи: «мужеубійца проклятый, да кую вину бѣши ми? Или такожде ми хочещи убити, яко же убить еси вчера пришедша, матиухъ ради и блудец?» Тогда воинъ, мужь ея, паки ударилъ, глаголю: «срокъ твой яко, чесо ради на ми клеветещи?» Она же доиди пача воинца, злослова его, рече: «сидѣте по мнѣ, укажу вамъ мѣхъ, въ которой мужъ мой вложилъ голову и руки и ноги, убивъ страшного пришедца, а тѣло закопавъ въ землю, въ коморѣ.» Тогда царь повелѣ слугамъ, да идуть съ нею и свидѣлствуютъ; слути же шедше, во³ указанномъ отъ нея мѣстѣ мѣхъ изъ земли изаша, обрѣтоша же телцово мясо, и доумывахуся, и пришедше, царю повѣдаша. Услышавъ сѣя царь и увидѣвъ премудрость воина своего, зѣло его похваливъ и по сему бысть velmi любимъ царемъ и умре въ покою.

Притча о инокѣхъ велможъ. Бысть въ Рамской области, въ инокомъ градѣ инокій царь, имѣя у себе инокосто ближнего человека, и устрои его у себе въ чинѣ дворечества. Человекъ же той имѣя обычай всегда на ловѣ бѣдяти, и во единъ убо отъ дній повелѣ слугамъ своимъ ископати ровъ velmi глубоку да удовленіе зѣремъ, и дѣже обѣде на поле бѣдяти. И во единъ убо отъ дній по инокому случаю паде въ той ровъ лютый звѣрь дель, и амія, и шонка, и — бѣше въ годъ зѣмы, — пацале на той ровъ сѣбѣ велиій, яко и устия рва того не видѣти. Зѣвріе же тѣ баху въ рову подѣ сѣбгомъ и недоумывахуся, что сотвориши, зане рову тому глубоку суцу и не возмогоста излѣсти изъ него. По времени же инокомъ восхотѣ той дворечной видѣти самъ ровъ той, и абѣ выѣха за градъ единъ, и приближася, и дѣже ровъ ископавъ, и по невѣданію паде на устїе

2. зѣло слово неостаетъ въ руб. 3. по въ рукоп.

рва того, и виаде въ него вкунѣ и съ конемъ своимъ, и не видѣ помогающаго ему въ бѣдѣ пагубы своей. Загнѣ же тѣмъ не видѣна его, онъ же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы его извлекъ. Случишеся по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ ѣздити на ослаѣ нѣкоему населнику... въ добрь ради дровія, и возаше во градъ, тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И егда населникъ той услыша иао рва человека великимъ гласомъ вопіюща, и абіе остави осла, приде ко рву и видѣ человека вкунѣ рва стояща вкунѣ и съ конемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровъ сей виаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како виаде въ ровъ, и еще рече ему: «милий брате мой, помози ми, да не злѣ умру въ семь мѣстѣ, зане излѣсти не могу, аще кто не подасть ми руку помощи.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чомъ извлещи тя изъ рова сего, и азъ возвращуся въ домъ свой верви ради, и день мнѣ сей туиѣ пройдетъ, жена же и дѣти голодомъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ добрь сію на ослаху ѣздити и дрова въ градъ возити и продавати, тѣмъ питатися со всѣми.» Человека же, въ ровѣ стоя, обѣщася ему дати злато довольно, — «саме извлечени мя». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и вля осла свое, и поиде къ дому, и прииде въ домъ свой, оставивъ осла своего и вземъ вервину и иде скоро до оного рва и пусти вервину въ той ровъ. Левъ же видѣ вервину висѣщу и ухватися за ю: населникъ же той, мня, яко человекъ ухватися за вервь, и нача извлещи вошь, и извлече, и видѣ два велми страшна, и укасенъ бывъ велми и мнѣвъ себѣ, яко поглотиши его хощеть; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и ноу его любить и прилѣжно на населника... яко бы молвити ему, что избавить его отъ толкиа смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровѣ: змія же видѣ вервь и охачися за вервь; населникъ же той мня, яко онъ человекъ обѣщася за вервь, и нача его влещи вошь, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ вииде велій; змія же смотряше сѣмо и овамо и приближися къ населнику и положи главу свою на ногу его, творяще, яко ей любовь сотворишь и избавить ся отъ толкиа смерти, и оставивъ

населника, теле во внутреннюю пустыню. Поселникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и обѣ шюнкъ уарі вервь и ухватися за вервь; поселникъ же нача влещи его вошь, и видѣ шюнка велми велика и сумнѣся збо; шюнкъ же восприяувъ и видѣ себе во рва навлечена, и нача велми веселитися, и веселся отиде въ дебрь. Человѣкъ же той, пакъ стоя въ ровѣ, велми нача звати, глаголю: «избави мя ось толикаго лютогоу смерти.» Поселникъ же въ ровѣ спусти вервь и навлече человека того изъ рова вошь; человекъ же той нача поселнику молитися, обѣщавая дати ему злато много, аще навлечеть и коня его; поселникъ же той нача съ нимъ влещи коня того же вервию, и навлекоша и коня его. Человѣкъ же, бывая въ ровѣ, всѣде на конь и поуха во градъ, къ поселнику изъ глаголю: «во время подобно прииди къ дому моему и возьми блага своя.» Во времени же нѣкоемъ прииде къ дому человека того поселникъ оный, и рече ко оному цареву человеку, его же навлече изъ рова: «дай же ми обѣщанное злато, елико обѣщася еси дати ми за избавленіе смерти своей.» Оный же рече: «скюда хотѣхъ ти дати?» Поселникъ же рече: «егда навлекохъ тя изъ рова.» Оный же рече: «аще вѣмъ того.» Поселникъ же нача дворецкому оному стужати словеса, прошая у него злата; оный же разнѣвася на поселника и повелѣ стужати своимъ бити его безъ милости; стужа же быша его нещадно и еде жива его оставиша. Поселникъ же, отдохнувъ мало отъ ранъ и воставъ, иде въ домъ свой и нача велми болѣти отъ великихъ ранъ, яко ни рукою мало двинути можаше; жена же его, ходише по граду, и пронаше милостыни, и что собираше, темъ мука своего кормяше. Не по малъ же времени оный поселникъ исцѣль отъ ранъ и отъ болѣзни премѣненъ, и касаетя предаяго своего дѣла, и прииде въ дебрь и по нѣкоему случаю изломи сланиру и хотѣ возвратитися въ домъ свой. Шюнкъ же сѣ видѣвъ и влѣвъ на высокое древо и нача ломати и метати къ поселнику, и наметати, яко ни въ три дни не перевозити ему во градъ; поселникъ же то разумѣвъ, яко той шюнкъ, его же изъ рова навлече, и мня воздарованіе ему за то, и обремени осла дрова и отиде въ домъ свой. Въ другій же денъ пакы прииде въ ту же дебрь и видѣ змія, грядуща къ себѣ, велми велика и страшна, носила во устахъ

своихъ камыкъ злато честнѣ и драго, яко и свѣтъ отъ него паче огня, и нача указася быти. Змѣи же прїиде къ ногамъ его, населника, и поюки прѣтъ ногами что оны камыкъ и абіе отиде въ дѣбрь: населникъ же оны, взявъ камыкъ и помыслъ въ себѣ, яко си здріе волтарованіе ми чини азъ побѣдѣ не смерти ихъ; змѣи же оны человекъ и обѣщаваша ми по дѣ, еже что ми обѣщася дати за смерть своєю — и обременитъ осы своєю, отиде въ домъ. Въ третій же день накаи прїиде на преднее ему злато въ дѣбрь, и срѣте его оны ведми скарпнѣ и страшеннѣ; населникъ же оны смотривъ сѣмо и озамо, гдѣ бы мочь скрѣтитъ, и не бѣ гдѣ ему скрѣтитъ. Девъ же приближенъ къ населнику и вземъ его усты своима и повелъ его во внутреннюю пустыню; населникъ же, плача и рыданъ, миа въ себѣ, что девъ велеть его къ вертепу своему на снѣденіе дѣлми своимъ, — и приведе его къ вертепу своему, и бѣ въ томъ вертепѣ трѣ ослати ведми обремены: и емъ усты своимъ за удлы тѣхъ ослать и приведе къ населнику и даше ихъ; населникъ же той бошеся и не смѣя приступити, взявъ же девъ гдѣ ослати усты своимъ и поиде изъ внутреннїи пустыни къ дому населнику. Населникъ же за нимъ послѣдова со ослатемъ своимъ и егда девъ приведе въ домъ населничъ ослата, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Населникъ же, сиць со ослать обременіе, а ослата такоже уречивъ на мѣста обышная, и поиде во градъ и повелъ провинцинику кликати по всему граду о нагибннхъ ослатехъ з бремены: аще кто нагубилъ ихъ и оны бы взяти, — и не обрѣтеся никакозъ человекъ во всемъ градѣ, кто бы нагубилъ ослата. Населникъ же отиде въ домъ свой и отворе бремена и видѣ много множество злата и сребра, и гемевїа драго, и бисерїа многоцѣннаго, и отъ сего ведми обогатися. По времени за нѣкоемъ населникъ оны сотвори веднѣ вечерю и созва весь родъ свой, и друзи и сосѣди, и нача съ ними веселитися, и егда прїитиша въ веселіе многое, населникъ же оны показавъ оны драгїи камыкъ единому отъ друговъ своихъ: другъ же его, видѣвъ оны дивнїи камыкъ, велии удивися. Не по мнѣзъ же времени доиде въ стухъ, во уши царя о камыцѣ ономъ честномъ: царь же призва населника того и вопроси его: сповѣкнѣ ми, человекъ, аще

имѣни у себе таковы камыкъ, о немъ же слышати семь, яко
«кто честенъ и драгъ?» Паседникъ же къ нему отвѣща: «о
царю, есть таковы камыкъ,» и вопроша же его царь, «зв-
кутъ, и како обрѣтъ, оны же сказа ему вся по ряду иже о себѣ,
каковы бѣ, и о дворцкомъ его и о обвиненіи смерти его.
Царь же, слышавъ сіи словеса, и утѣся ея повесть дворен-
каго своего въ заточеніе послата, паседника же того возврати
въ чинъ его, и имѣніе его дворцкаго тому паседнику пове-
сть вѣдати — и томъ, и раба, и села все ему поручи и вла-
дѣти повесть.

*Писание описано устройствѣи шкото блгвогъ ордѣ и прѣсѣда и
судби.* Во градѣ Римѣтъ, по случасю житіа, паче же добрымъ
всѣхъ дѣтели Бога промысломъ, иже возставляетъ огы тноши
и посаждаетъ съ могущими, и кій огы нищетаго и хутаго жи-
тіа вшися перве въ воинство и потомъ въ коемъждо чинов-
началствѣ прѣбывъ, и по силѣ достижке въ тироскій санъ, огу-
туду же ушися и первосовѣтникъ цесарю. Обаче, помышля
случая, яко неостояннаго законоподоожника, иже дѣтъ и отъ-
еметъ, — ризу оную нищетуую, иже перве пошана, вложивъ
въ златыи, сотворенный со драгимъ каменіи ковчегъ, во шут-
ренней своей полатѣ поставъ, и токмо единъ тамо вхожане,
иная грубую ризу, по вся дни смотрѣя, онъ такую первое свое
житіе и поминѣя, колѣкѣи претерѣвая бѣдствования прече, и
такъ увѣщавая себе, еже никому же обити, иже напастіи со-
творити, но ко велѣмъ мѣтостъ и судъ праведный имѣти. Се же
ему доброе намѣреніе творящу, окрестана его къ цесарю, яко
выхода въ современную храмину заруствъ. Цесарь же той кро-
токъ бѣ дѣло, не прѣстѣмъ вѣрѣваемъ, по кротостнымъ раз-
смотрѣнемъ ея небытати еше паводитъ повесть, въ неже время
внѣстѣ савоникъ тои въ сокрѣщеную полату, себе имѣтити.
И егда, тому тамо вшедшу, востану цесарь по имѣренію при-
нѣтъ, уарѣ же къ златомъ ковчегъ тиущую ризу, вопроши: «что
есть,» — оны съ смиреніемъ припадѣя кланявсѣя, не хотѣ тай-
ны имѣтити, обаче принужденъ, рече: «цесарю великій, Богу,
иже пастъ ради нищету претерѣти иво шивай, введе мя огы
неци нищета, и полоний ми хладъ роснѣи, еже возмоши, бла-
говолыби же ми приити въ ставу сію, иже имамъ при терака-

въ твоєи, учить, глаголю: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимаи азъ спасительнаго повелѣнія, смотря сію мою первую, нищетную, скверную, ризу, обучаяюся, еже ко вѣдѣмъ быти милостиву, якоже и азъ потребовалъ въ моемъ первомъ житіи отъ вѣдѣмъ милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидѣи, и благо-рассмотрѣннѣи, вѣдѣмъ неотрочнѣи судъ подавати, и милость отъ тебе блѣдствующимъ непрощати. Сіе въ совети моеи обношу пророческое слово, еже рече: челоуѣкъ, въ чести сый, неразумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и угодобисимъ; — обаче и въ скотѣхъ по естеству обрѣтается мнѣлаишая любовь, азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтенни, въ нихъ же некусихся самъ, не потому ли сроднымъ вѣдѣмъ челоуѣкомъ въ занастехъ? Се смотриціи моего на гнусную мою первую ризу вина: молно державу твою, да отпустиши сему намѣренію моему». Сія цесарь слыша о дивнѣмъ дѣлѣ сановника своего, удивися радостотворно и со слезами облобызая его главу, ублажая и прославляя яко вѣрнаго пріятеля государству своему, и возложи всего государства своего правленіе предоброму тому.

VII. Сказаніе о Мутьлинскомъ воеводѣ Дракульѣ въ древнѣйшемъ известномъ спискѣ находится въ Рувлинн. сборникѣ М. 358, откуда и заимствуемъ его.

О Мутьлинско¹ воево¹.

Бѣ въ Мутьлинской земли воевода Грѣськѣи вѣрнѣи урѣхани¹, имене² Дракуля Латинскѣи³ азиго⁴, а наши⁵ дѣлають Рускѣи⁶, только зломъ ро яко житіе іго по имѣни е⁷. (С) Грѣсько⁸ прѣхъ приидоша некогда къ нем⁹ поклевсрѣи¹⁰ посѣ¹¹ егѣи видѣша и поклонили¹² ему по своѣм¹³ обѣщаню, свѣи гла¹⁴ не спинаша шно¹⁵, бже возпрѣи в ни¹⁶ что ра¹⁷ таково оучиниете великом¹⁸ дѣро приидете и велик¹⁹ срамоту оучиниете. (Уин²⁰ бѣиша²¹: тако²² обѣщан земли нашихъ гѣри держалъ. (Уин²³ гла имѣ: хоцѣи и а²⁴ воше²⁵ закона пострѣити докрѣ²⁶ стоите, и подалъ своимъ гвоздѣ

1) Когда слово написано теми буквами, но ить нихъ иныя выкинуты для лучшей помѣстительности вверхъ, мы пишемъ его обыкновеннымъ образомъ, напр. *ви¹¹ща* — *вища*. 2) *имѣ* — *имя*. 3) *латинскѣи* — *латинскіи*. 4) *азиго* — *азіго*. 5) *наши* — *наши*. 6) *Рускѣи* — *Русскіи*. 7) *іго* — *его*. 8) *Грѣсько* — *Грѣсько*. 9) *къ нем* — *къ нему*. 10) *поклевсрѣи* — *поклоушанію*. 11) *посѣ* — *посѣ*. 12) *поклонили* — *поклонили*. 13) *своѣм* — *своѣму*. 14) *гла* — *гла*. 15) *шно* — *шнѣ*. 16) *ни* — *ни*. 17) *ра* — *ра*. 18) *великом* — *великому*. 19) *велик* — *великому*. 20) *Уин* — *Уин*. 21) *бѣиша* — *бѣиша*. 22) *тако* — *такимъ*. 23) *Уин* — *Уин*. 24) *а* — *а*. 25) *воше* — *воше*. 26) *докрѣ* — *докрѣ*.

железное вѣдѣ и колѣны и къ главамъ ихъ приблизити и ѡпоустити и, ре^{ше}. шепши скажите сѣрю вашему. ѿ навѣкъ ѿ вѣ ту сражатсѣ трыпѣ, а мы не навыволомъ. да не посылаетъ к намъ своего ѡбѣла ꙗко инѣ земля и ко и гдѣмъ, конѣ не хотать имѣти: —

(1) послѣ ты³ разъяриша црь ѿ то^а и поидѣ воево^а на Дракѹлау со многими силами, ѡнѣ собравъ всѣ елико имаѹ оу себѣ воевока и Старѣ на нѣ пощѣю и мно^аство вѣбн Гурковъ и не вѣмъ же противъ многы дѣдѣи малыми лю^ами ѡбитисѣ. и возвратиша конѣ с нимъ сѣю то^а. и на^а свои прѣматривати сѣ какъ вы сѣ ко^а рѣны, оу ко^а рѣна не рѣсѣ. то тѣмъ чѣи и жаловитѣ подивашѣ. и виташемъ его ешиашѣ а конѣ создаи раненъ то^а на ко^а повелѣ сѣзати. то ѡбгелѣ смѣрѣ. да коли поидѣ на Гуркѣ, гла воево^а своему, кто хоцѣ смѣрѣ помыслити. то не ходи со мно^а ѡбѣтани зде. Црь же слышѣ то и поидѣ про^а со многымъ срамо^а, и не возмо^а навѣ поити.

Црь Турекѣи посла к нему покшеара да емѹ дань дати. Дракѹла же поити вѣмѣ покшеара и покла емѹ вѣсѣ свѣдѣ пѣтѣе. и ре^{ше} емѹ: азѣ не тозюмо хоцѣ дань дати про^а. но вѣсѣмъ своимъ воево^а. и со вѣтѣю вѣлѣю^а хоцѣю к нему на сѣзѣю^а вти и ты возврати про^а, на поидѣ к нему, что бы по своей земли не вѣдѣль мѣи и лю^амъ жѣи^а никого^а зде зѣшити свои лю^амѣ. и ты хоцѣю скоро по тобѣ поити. Црь же слышѣ ѿ посла свое^а, что Дракѹла хоцѣ ко мне поити сѣзѣти, зѣло^а ра^а бѣ то^аму, ѿ ѿ рѣгоудѣ то^амѣ со вѣсто^аными прѣми и странѣми. и посла скоро по градо^а и по всей земли сѣоѣи. да коуды Дракѹла поидѣ и никто^а ѿи емѹ зде не зѣши^а. но и чѣи емѹ вѣдѣвали. Оу^а же поидѣ яко е дѣи по земли Турекѣи и еликаю вервоух и на^а пленити грады и сѣды и мно^а мно^аство плени и вѣсѣе, ѿи на больѣ посака. а мно^а сожигашѣ и до мѣлѣнцѣ сѣзѣнѣмъ мѣко не ѡбѣтани и сѣю ту землю поустѣ вѣшнѣ и мно^а хрѣнѣмъ во сѣю землѣ плениша^а возврати и мно^а користи дѣо^а. прѣставѣи тѣ поити^а рѣвѣ ѡпоустити — повѣстѣте про^а, яко^а видѣте, сколько мѣтѣ, сѣо^аво емѹ сѣзѣу^авалѣ. ѡуть емѹ сѣзѣ^а ѿи моѣ емѹ^а оу^абѣи, и сѣю емѹ послѣую^а. Црь же ничто^а емѹ зде вѣшнѣ срамо^а побѣженъ. — Кошко грозенъ ѿи Дракѹла во своей земли. не навѣдѣ зде кому вѣшнѣи. рѣво^амъ дѣтѣи или ко^а нѣжѣ или не правѣо^а. то никако^а ѡу^ать живѣи еще сѣрѣнѣи или о^ахрѣи, или прѣсто^аи чѣкѣ, аще и мно^а ѡбѣтѣта мѣ мѣко не мѣтѣи вѣзѣнѣмъ ѿ смѣрѣи. — Не-

накое⁸ иѣ баше влады^а млади^и и сядо^у. и мнози к тому в тоиоу пути
пришли ѿ мнози^а стра^и. и пьаху ѿ исто^иника то^у. Дракуну^а внии чару
велику дивну^и и злату, и постави на исто^инице то^у. и аще кто шаде
чароу тою златою и павы поставлани на томъ^а мѣсте, и шкто^а смѣ-
ше взать ю ѿ страха, елико ѿ прѣо^и.

.....⁸
(9) посылъ Тако^у бо бѣвшаи нма^и Дракуну^а бѣвше к нему при-
хожани посылъ ѿ пра^и и ѿ киза, и ѿ брата величаше и не умѣаше
противу возне^и его бѣвшаи, то на ко^у его вѣвшае глх не а^и по-
внѣше тво и смрти^и ни ты рѣи на мхзю что, ни гдрь твои. Аще
гдрь твои вѣвша тебѣ млоушиа, немчана, посла глх во мѣе в велико-
ушному гдрю, то гдрь твои зой та е^и; аще ли самъ дривдѣ е^и не
пазчвша то са^и оубѣ еси сео^а. И тако повлсаро^у вниаше ко велику
повлщени^и всѣ и павы всажаше, а ко гдрю его горѣ бѣвшае. Со про-
чими⁹ ѿ Оугор ко^у корола при^и к нему Мати іша повлсарѣ. Да^и ро-
домъ не ма чѣркѣ, и повлде кѣму сести е^и собою на бѣвдѣ, предъ тру-
па, и прѣ^и нимъ лежаше воль злѣ^и вестъ велику, добель и влѣ^и ѿ, и вос-
проси повлсарѣ¹⁰, повлѣ^и ма, что ра^и оучинѣ азъ сѣи ко^у тако? По-
влсарѣ же велии зѣо^а и гла: гдрю мнѣтми тако, чевѣи великои чѣкѣ
прѣ^и то оубѣ сѣрѣши^и, и хоце¹¹ почестию^и сему смрти^и внишати павѣ
павѣ, Дракуну же рѣ^и, право рѣкѣ е^и, ты е^и велико^у гдря, вратевский
повлсарѣ, тоубѣ внишени^и сѣи ко^у. (10) ѿ же бѣвшае рѣ^и, аще гдрю до-
стоино смрти дѣвдѣ бѣвду, ив рѣ е^и хоце¹⁰, прѣвдѣни^и еси соу^и а не
ты ми умни¹² смрти, по а^и самъ. Дракуну же рѣ^и в рѣ: аще бы
ми ты не тако бѣвдѣ, внишени^и бѣ^и бы е^и да е^и воль. И почтивъ е^и
велии и бѣвдѣни^и бѣвдѣни^и, глх: ты во правду ходи на носѣи ар тво, а
прочии да не дѣвдѣни^и, по правде умни бѣвдѣни^и, ка^и велики^и гдри гово-
рѣни. — Некога же бѣвдѣни^и Дракуну по^у труше^и мртга^и чѣкѣ,
и^а на воль^и величашаи^и множество бѣвдѣни^и трапѣе^и кѣ^и и посла бѣвдѣ
прихожани к нему и дугѣ^и вѣвдѣни^и мѣвдѣни^и и посылани¹³. (11) ѿ^а среди
их^и сѣвдѣни^и, слома^и е^и прѣ^и нимъ страше и мрт^и бѣвдѣни^и не могли тер-
пѣни^и зѣвдѣни^и нѣ^и сѣи и голозу на сторону сѣвдѣни^и. Дракуну же

8 пропущены несколько строкъ, довольно несомненно. 9 Со прочими
въ рукописи неперечислено, кажется, отнесено къ предыдущей братѣ. 10 въ руко-
писи *прѣвдѣни*. 11 должно быть *прѣвдѣни*. 12 т. е. *умниши*. 13 т. е. испол-
няли повеления объявленные.

воспроси его: что ра' тако чиниши? бѣно'рю, смр'а сего не мож'у тер-
пѣти. Друк'ула же тоу повесть. 14 е' на ко посадиши. и ре': тамъ ти е'
высоко, ино смр'а тебѣ не доиде'.

Единому* нусити вѣрши по своѣи землѣ. глѣ. да кто старѣ и' чи'
петуае' или ар'ивае', слѣнь или хро', вѣаки* недумомъ бѣдержки*. да
вси ти при'тъ ко маѣ. и да сотвори' еѣ' вѣ' бес печала. и собрани' к
нему вѣн и' а'ни бѣни да ниши'. чюю* бѣ него великой мѣти. бѣи'а
вчши возику хр'имши и соора и' тоу. и повелѣ в' дѣти мѣти и шти до-
волно бѣи'а глѣдова и повелесе ниша'. Друк'ула* призо' к во' глѣ: что
ѣно вы требуете бѣ мене? С'бѣщаши* в рѣко в вѣи: вѣде'. глѣро. бѣ
да глѣро мѣстѣ. какъ та бѣ вразуми'. Оши' глѣи мѣ: хочете ли.
и вѣ' вѣ' сотвори' бес печали на еѣ' свѣтѣ и' ничи'а е' нужени бѣдѣте.
Оши'а чѣаше бѣ не' велико нечто и глѣи вѣи: хлѣде' глѣро. бѣи'а
повѣле хр'а' заперѣти а' собже нѣ бѣи'а мѣ. и глѣ ко бѣи'а рѣ' своимъ да
вѣсти что сотвори'. прѣво' да не стужае' дѣи'а мѣ и шкто* бѣ'тъ нишѣ
в мѣи землѣ. но вѣи бѣгати, второе свободѣи'а и', да шкто* бѣ ии' по-
стражае' на еѣ' свѣ' бѣ нишѣи и' бѣ чѣи'а.

Едино*а придоша к нему бѣ Угорекѣх земь два Латѣиша мѣша
мѣти ра'. бѣи'а полѣе нѣх розвѣсти розно. и призва едином* к себѣ.
и пѣи'а еѣ'у вокр'у двѣа мѣи'а мѣи'а тво бѣи'а еѣ'еи'а на кольи дѣи'а. и
на вѣсѣ'. и воспроси его Друк'у': до ро ли то аѣ тако творѣ? Мѣи'а
глѣ еѣ'у: ни глѣ, зѣи'а чиниши. бѣи'а мѣти бѣи'а нишѣ. подобаетъ глѣро
мѣи'а бѣи'а, а тѣ. и'а на кольѣ, мѣи'а еѣ'тъ. И призва 15 же и другого
мѣи'а. и вопро си его такъ* бѣи'а бѣи'а рѣ'. та глѣро бѣ 16 по-
стѣленѣ бѣи'а шхотѣраци* вѣи'а нишѣ. а доорѣтараци* жалѣвани. а си
лихотѣраци. ино 16 по свои'а дѣи'а* во прихити. О'же призвавъ перво'
мѣи'а и глѣ еѣ'у: да почѣ ты на маи'а еѣ'рх и вѣи'а вѣи'а удѣи'а по ве-
лики'а дѣи'а. не знае' нишѣ, а ни'а замъ е' глѣ аѣко тѣ мѣи'а еѣ'тъ.
и глѣ'а хлѣде' и еѣ'а мѣка отѣри'. еѣ'рѣ'а нишѣи. и повѣле' еѣ'то на ко'
посади'. а другому повѣле' двѣи'а ли. двѣи'а зѣи'. ты е' разумѣи'
чѣи'а. и повелѣе' его е' по чѣи'а бѣи'а еѣ'рѣи'а на глѣ'а до Угорекѣа
землѣх — Такъ глѣ при'а к еѣ'у ку еѣ' бѣ Угорекѣа землѣ. въ ѣто
рѣ'. и по еѣ'о аѣно зѣи'а бѣи'а вѣе'а коль на Уши'а. хр'а' поаѣтоу и тоа'
сѣи'а по вѣе'а да еѣ'а нишѣ Уво'тѣи'а. и прише'ниа бѣи'а мѣрѣдѣ. е'а вѣи'
рѣ'удѣи'а вѣи'а. Купѣи'а вѣи'а к Друк'уле' и повѣле' еѣ'у поубѣле' дѣи'а.

14. въ рукоп. и др. с. 13. такъ въ рукоп. и др. 15. въ рукоп. и др.

ДракѸла же гла к нему: поиди, в снѹ пощѹ ѡбраще¹⁷ злато, и поведе по ве¹⁸ градѹ некаги тата, аще не ѡбращете тата, то ве¹⁹ гра¹ погублю. — и повеле свое¹ злато пол²ти на возѹ пощѹю, и прило³ еди⁴ злати, кѹ-пе⁵ же воставъ ѡбрѣте злато, взочте и в⁶, и г⁷.¹⁷ и ѡбрѣташе ѡднѹ лишнѹ златнѹ и шо⁸ ко ДракѸле: гдрю, ѡбрѣто⁹ злато и ѡб¹⁰ еднѹ лишнѹ златоѹ. Тогда привѣдоша тата то¹¹ и со злато¹². И гла кѹшнѹ: иди с миро¹³, аще ѡи ми е¹⁴ не испорѣдѹ злата и лишнего, то ѡи¹⁵ велель и тебѹ с семь татѹ на ко¹⁶ поидити. — Единѹю же видѹщю ему поутѣ¹⁷ и Заре непакоѹ сиромѹх¹⁸ срачицю хѹдоу и драгѹ и воспро и его ДракѸла: имаша ли женѹ? (Ош¹⁹ ²⁰ ѡвѣща²¹ рѣ²² гдрю, и каже. Гла еяю Дракѹю: вѣдѹ ма в до²³ твоѹ. И прише²⁴ и видѣ женѹ его младѹ ещѹ и здравѹ, гла мѹжеви: не съѣ²⁵ ли еси лих²⁶? (Ош²⁷ гла: гдрю, мнѹ²⁸ има²⁹, и показа ему лень. И гла ДракѸла жене: да почто ты имаша лѣньность к мѹ³⁰ви своемѹ, поу³¹ твоѹ должно³² ѡрати и съвати, а тебѹ хранити, ты бо должна е³³ мужѹю своемѹ ѡдежю свѣлоу и лѣнѹ кчинити, а ты ѹ срачицю не дощени нара³⁴ти, а здрава еднѹ тѣло³⁵, — ты е³⁶ повинна а не моу³⁷, — и повеле еѹ рѹны ѡсещи, а троу³⁸ на ко³⁹ посади⁴⁰.

Оучиниша мастери ему бѣчки железная и вьсына к ни⁴¹ злато и поло⁴² иль в рѣкѹ а мастеров⁴³ ты⁴⁴ по ече, да ништо⁴⁵ збѣсть со дѣланиѹ имѹ сѹи⁴⁶ тѹзюмнѣннѹ дѣво⁴⁷. Нелог⁴⁸а же поидѣ кра⁴⁹ Угорекѹи на ДракѸлу⁵⁰ конско⁵¹. ѡже поидѣ противъ ему, и срѣтоша и ударивъ ѡбѹи, и хвативша ДракѸлоу жива, ѡ свои⁵² алачь по крамоу⁵³ и приведенъ бы⁵⁴ ко краю, и повелѣль е⁵⁵ смѣ⁵⁶поути в темницѹ, в⁵⁷ Велешгорѹю⁵⁸ на Дунаю вилше Боудина д⁵⁹ ми⁶⁰, и дѣ⁶¹, а на Мутьянекои земли посади мнѹ⁶² воеводу: — ко сѣдаше в темници, и не ѡста свое⁶³о злато ѡбѣѣ, но мнѹи лѹба, и птици покупаша на торгѹ и тако казваша и⁶⁴, ѡбѣ⁶⁵ на ко⁶⁶ сажаше, а ниш⁶⁷ главы ѡбѣкаше, а сѹи⁶⁸кои верѣ ѡбѣща⁶⁹ и щеще, и вѣзчеша в тѣмници шити и темѹ кормаше⁷⁰.

Ег⁷¹а же кра⁷² Матви⁷³ вѣдѣ вѣдѣ темници и прие⁷⁴ его на Боудино, и дѣсть ему доу⁷⁵ в Шци противъ Боудина, и ещѹ в королѹх не бѣ⁷⁶, и случѹи неко⁷⁷му злѹдѹю приѹбечи на е⁷⁸ дво⁷⁹, и сохранилися ему тоу⁸⁰. Гонящѹи же е⁸¹ найдоша, Дракѹола⁸² ва⁸³ мечь свои и и⁸⁴во и не полаты, и ѡбѣче сѣвѹ приетавѹ дѣрвѹщѹю злѹдѣи и злѹдѣхъ пенѹети про-

17. т. е. *по щѹю* и *прижѹю*. 18. такъ называется птица, въ рукописи не вѣрно *чрематы*, сиромѹхъ, въ рукоп. Слав. нар. и Малорусск. — *бѣлка*. 19. *бо* было. 20. въ рукоп. *на рѣкѹ*.

чи же ѡбъказа. И пришеди къ кралю и повѣда ему близкое, кра же посла к нему и вопросы а что ради тако сотвори сего (У) же тако бѣща: зло никое чини, но ѡ самъ себя Убить похода разбойнически на до великоу гра. аще бы прише ко мне тоу кобиреть, и азъ бы во своу дому нашо бы то злодѣя и его гнѣдъ, или прости его ѡ смерти. Краля пача дивити со всеми срѣно его.

Оумрше же тому воеводе на Мутѣанской земли, и кра посла к нему в тешиноу да аще восхощеть быти на Мутѣан к и земли воеводу, яко и прѣше да тоу Латинскую вѣру приметъ, аще не восхощеть, то в тешиноу умреть. Дракула же возвои паче²⁰ вѣременна, бесконоу бѣде православий и бѣступи и тиши, бѣстави свѣта и приа ту, оуми не возможе тешиноуа тагости понести, и оуготои на безаконноу мѣше бѣжощешоу, бѣстави православую вѣру Мутѣанскую Греческоюу, и приа Латинскоую прелесть. Краля не токмо дасть ему не гоу воеводство на Мутѣанской земли, но и сестру свою родную дасть за него в жену, и ѡ велѣ ра и сна Поживи яко дѣ и тако скончаша во прелести.

Коньцѣ кго еще: живащю ему в Мутѣанской земли и придана на землю ту Тоурковѣ, и пѣла плени. Оумѣ оударше на ни, и по егоша Турци Дракоулицѣ воевоко без мѣти сечашу. Дракула же возна на горѣ ѡ радости да види како секоу Туркоу, ѡторгаше ѡ конекѣ е о мѣще яко Турки и оудари е сѣтии коньцѣмъ ѡмѣ видѣ яко ѡ своу Убиваемъ и ту оуби свои оубиши е чѣкъ, ео мнози коньами избодоши, и тако оубьень бы.

Краля взе сестру свою со и своимѣ еѣ во Угорскую землю на Боуди, едѣ при кралеви сне живеть, а друи оуборѣи коу бѣскупѣ бы, и при на умре, а третѣ старини Михаилъ тутѣ на Боуди видѣхѣ, ѡ пра Тоуркоу прибека ко кралю, ещо не живеша прики его съ дѣточоу.

Стефа же Молдовскый не кралеви воли посади на Моут аи кой земли, некоего воеводу вла, воево'скаго сна. Бѣ тои воевода вла ѡ мѣл' поѡ бы сщени, шѣ, игумѣ в заиастари, до роури'са, и съ на воеводство на Мутѣанской земли, и живилъса, и мало поѡмѣ, и Стефа его оуби, и жену е бѣна и шѣ на Мутѣанской земли воеводствоу.

²⁰ послѣ этого еще разъ повторено *азъ бы*.

VIII. Отрывокъ изъ книги о Мелюзинѣ сравни-
ваемъ съ подлинникомъ, въ одномъ Польскомъ изданіи, вѣ-
роятно XVII-го столѣтія, напечатанномъ готическими буквами.
Вышевыдаемъ 35-ю главу романа:

«О пораже и волота отъ Гоороя и како передъ нимъ волотъ
унакъ парашень.

«Воскочивъ же волотъ и узхватиъ дръво толсто и долго,
буто великую полгу, иди съ нимъ къ Гоороя и нача вопро-
шати: «откуда еси ты и чего хочешь?» Рече Гоорой: «не при-
шелъ съмо на разговоръ къ тебѣ, но чтобы тебе живота
лишити.» Въ томъ панустилъ на него Гоорой и ударилъ его
древкомъ въ груди, яко опрокинутися ему, а воставши отъ
земли, рече Гоороя: «вѣрую, что ты не играешь со мною,» и
погна съ дровомъ на Гоороя изъ всей силы, хотя его вдругъ
поразити. Тогда отъ него Гоорой, поворотивъ конемъ, въ сто-
рону свернулъ, и тотъ часъ съѣдши съ коня, пакы обратилъ
къ нему, боясь, чтобы коня не ранилъ, понеже одного тою
токмо съ собою имѣлъ. Волотъ же съ подвешенымъ дровомъ
за нимъ бѣжа, застановилъся, смотря, что хочетъ дѣлати — съ
коня съѣдши, пѣшь возвратилъся къ нему. Разсуждая волотъ
въ себѣ первый оный ударъ, понеже укрѣпился не могъ, чтобы
не унасть, рече къ Гоороя: «справда, что дати еси толь же-
стокій ударъ, яко отъ него пасти понудился; аще бы дати по-
тому не имѣлъ, конечно бѣ съ того удару не всталъ; однакоже,
доидеже что дати съ тобою сотворю, повѣдь ми, откуда еси
ты и какъ тебе зовутъ?» Оный же отвѣща: «Гоорой естъ съ ве-
ликимъ зубомъ, приѣхати съмо зъ дальной страны для тебѣ, но
не подбиваешь мене, яко гостя благопріятна.» Отвѣща волотъ:
«сине ты еси, который племянника моего Гедеона убилъ еси, и
мнѣ тоякъ учинити думаешь, но тогъчасъ унаешь, на ково на-
ѣхати еси,» и въ томъ къ нему зъ дровомъ спомилъ. Но Гоорой,
приѣхавъ видя намереніе его, сперва уступилъ ему; во-
лотъ же, погрѣшивъ крѣпкимъ вельми панускомъ, какъ уда-
рилъ въ землю, едва могъ дръво изъ земли вынуть, и такъ Го-
орой ударилъ сво мечемъ своимъ въ правое плече, яко и латы
не здержали, и такъ усѣкнулъ въ плече, яко и рука ему об-
висла, и такъ съ него стали латы опадывать, но лѣвою рукою

кладеть, искусить Гоорюю одною рукою, итиа его быти одной руки, и схвати древо одною рукою удари Гоорюю тою сильным ударомъ, яко егда Гоорюю съочить отъ удару и древо ушъ въ землю на полтора локтя и переломилось и поламь. Битя же Гоорюю волота безоружна, илаи приселонилъ къ нему съ мечемъ и ускнулъ его водъ горъа, очего и опешникъ жетлангй оцать. Однакоже тотъ ударъ о переломю оцерея доску, яко не велики повредилъ его. Видя волота, яко пособи штокуду не иметь, дабы избѣчь оруажемъ могъ противитися, кинуся къ Гоорюю, и кулакомъ тою краню въ шоломъ ударить, яко егда Гоорюю состоятъ; въ томъ волота за итеча хватилъ; Гоорюю же, мечъ уронивъ на землю, стать съ шомъ боротся и всячески Гоорюю употребилъ и пошибалъ, однако же никогда силы волотой не одолялъ, аще бы не раны принималъ волота и въ борбѣ и въ пошнѣ. Какъ испотѣлъ, и такъ растворилъ раны, стать неходити рудю, а Гоорюю, хотя то и видѣлъ, однако же толь долго въ борбѣ пребавати не восходѣлъ, ибо тошо убо было, и нача одишь другато пушати, смотря за чтобы по семь приплетя, Гоорюю же на свой мечъ вилратъ, к къ бл его наскорбе ухватити, бояся, чтобы волота не упередилъ его; волота же помышля къ горѣ, бояся, чтобы ему Гоорюю вертеца въ горѣ не отиалъ. Но какъ распуштилъ, велкъ кинуся къ своему промышлю, ибо то Гоорюю хотя отдыхалъ тихоко къ своему шель мечю, однакоже волота въ томъ шелью не помышля, по наче къ тому пошибалъ, чтобы яко наскорбе къ вертени своему приблизити могъ, о чемъ Гоорюю не помышля, и скоро быстало его завитѣль...

Jako Gofroy Olbrzymu poraził, iż przed nim Olbrzym niecierpniał z nięyszą potaniouy.

Porwawszy się Olbrzym, pochwił dąg miąszy y długi, a idąc z nim ku Gofroiowi, pytał go zkades ty, y czego tu chcesz: Gofroy do niego rzekł: Nie przyjechałem do ciebie na rozmawę, ale iżbym cię żywota zbawił. Olbrzym odpowiedział: więc mi życie nie dasz proszę cię mięcy litość nad miaz.

W tym przytarł nan Gofroy, uderzył go w piersi kopią, że się aż wznak wywrocil. A poryważąc się z ziennę, rzekł do Gofroia: Wierę ty zemną nie igray: Potym zapędził się z dragiem na Go-

froia ze wskystkiew sily, chcąc go z światła sprzątnąć. W ten czas Gofroy koniem obrociwszy, uskoczył mu w stronę, y z konia zsiadшы, ku niemu poszedł, bojąc się aby mu konia nie obraził, gdyż tylko tego jednego z sobą miał. Olbrzym z poniesionym razem za nim bieżąc, stanał patrząc co czynić chce, że z konia skoczywszy, pieszą się ku niemu wrocił: a rozważając Olbrzym on raz sobie żaden, że się pokrzepić nie mógł, rzekł do Gofroia: Prawda żeś mi dał raz tak tegi, że od niego paść musiał... bym był zbroie nie miał, pewniebym był z tym razem nie wstał. Iednak niż z tobą co daley zarczę, powiedz mi zkądś? a iako cie zowią? On odpowiedział: Jestem Gofroy z wielkim kłem przyjechałem tu z dalekiej strony dla ciebie, ale mię nie tak czestujesz, iako należało gościa przyjemnego. Odpowiedział Olbrzym: A tyś to jest któryśmi synowca Gedeoná zabił y mnie toż myślisz uczynić ale doznasz po coś przyjechał: a w tym ku niemu z dragiem skoczył. Ale Gofroy mając pilny wzgląd na zamierzenie iego, w czas mu uskoczył. Olbrzym chybiwszy, bardzo mocnym zapędem, gdy w ziemię uderzył, ledwo z niej drag wyjął: a zatym Gofroy ciał go mieczem w ramię prawe, że zbroia puścić musiała: z tego tedy razu ręką powisła, a zbroia go opadła, iednak że był mánakaty pokusił się iedną ręką, uderzył na Gofroia tak tegim razem, iż gdy mu Gofroy uskoczył wpadł mu drag na pultora lokcia w ziemię: aż się w poły złamał od wielkiego razu. Widząc Gofroy Olbrzyma, iż bez oreża był, przyskoczył z mieczem zadał mu ranę wedle gardła, w tym go oboyczek zbroyny opadł iednak się on raz o przednią blachę oparł iż mu nie mógł bardzo szkodzić. Widząc Olbrzym iż nie mógł do oreża iednego przyiść, skoczył ku Gofroiovi, a pięścią go w chełm uderzył, tak cieszkiem razem! że Gofroy ledwie na ziemię nie upadł: w tym go Olbrzym za barki ujął, a Gofroy puściwszy miecz na ziemię, ujął się z nim w pas, używając swych fortelow rozmáicie, iednakby był mocy Olbrzymowey nie zdołał, gdyby były rany nie mdliły Olbrzyma: ale w mordowaniu y pasowaniu ziuszyły się rany, że go krew poczęła uchodzić. Gofroy lubo to widział, iednak tak długo w pasowaniu trwać niechciał, bo mu też duszną było: poczał ieden drugiego puszczać, patrząc do czego się sięgnąć. Gofroy poglądał na swoy miecz, iakoby go nayprędzey dopaść mógł, bojąc się by go Olbrzym

do niego nie uprzedził. Olbrzym zaś myślił ku skale, bojąc się by mu Gofroy od iaskiniey w skale nie zaskoczył. Ale gdy się puścili, każdy wolny był do swego fortelu: albowiem Gofroy oddychając z nienagła do swego miecza szedł, Olbrzym mu też w tym nie nie przeszkodził owszem przyspieszał iakoby co rychley do iaskiniey swey przyskoczyć mógł: o czym Gofroy iż nie myślił, nie rychło ućieczkę jego porozumiał.

IX. Выписки изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ сдѣланы по Толстовскому списку 3. 45, Публ. Б-ки XV. О. 2.

Об. л. 230 — 234, притча первого мудреца:

О пса и о сокола. Мудрецъ же воспримъ рече: слыши убо, о цесарю¹, — бѣ ивъкоемъ мѣстѣ живише рынаръ храбръ зѣлю, имѣ у себя единого сына, младенца сына, и любяше его зѣлю, пристави къ нему три мамки: первая его да кормитъ перемв, другая да обмываетъ, третьяя же качаетъ и утѣшаетъ. Имѣше же той рынаръ пса да сокола, и любяше ихъ велими: пса, за еже ни съ какимъ звѣремъ роспуску небыло; сокола, за еже ни съ которою птицею розлету не было. Обычай же у пса оного быше таковъ: егда рынарю лучитна ѣхати на бои, и аже будетъ ему ва дѣлѣ помощь Божія, сей же песь, аки волхвудъ, чрезъ его и чрезъ коня трижды скокнеть: егда же ему на бои не часъ ѣхати, песь же онъ великимъ гласомъ вѣя и коня его узду грызѣше. Случижесе ивъкогда, званъ бысть той рынаръ и съ женою на пиръ и поѣха, поемъ съ собою и люти своя, въ дому же своемъ остави сына и три мамки его, и пса, и сокола. Мамки же отроцате улыбана его въ колыбели, и успе отроца, сами же изыдоша на дворъ, да играють, — оставиша во храмнѣ младенца спяща и съ нимъ пса и сокола. Псу убо силну, соколу же сидѣну, и се везану изыде ужъ изъ подъ лавки, и нача обращаея зрѣти сѣмо и овамо, и не увидѣ во храмнѣ людей и нача прибликатися ко отроцати, хотѣ его зафети. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отроцати, нача трепетатися, дабы песь убудился и видѣ его спяща зрѣше, доста носомъ за губу и ушкнуду его, бѣ бо сия близъ его. Песь же убудися и узрѣ

1. Это слово пишется большей частью *цесарь*, также *цесарь*.

ука ползуня, борзостію ринувся и сцѣпилися съ нимъ и начаша ся бѣти между собою. Ужъ убо пса изъяде во многихъ мѣстехъ, а песь ему одолѣ и до смерти загрызе; отъ крови же ихъ стечеша вся хранина. Егда же песь и ужъ браняся между собою, извалиша отрока изъ колыбели и оторвася колыбель, покры отрока. И удавивъ же песь ука и ляже на немъ близь у колыбели.... Придоша же во хранину мамки отроцате, видѣвши же хранину кровію слявшуся, и пса лежаща кровава, и колыбель опровержену, отроцате жъ неурѣшше, — мѣвши, песь отрока и изъяде, и разбѣкашася. Едина же мамка приде къ рыцаревѣ, плача и вопія велимъ гласомъ: о не вѣси, госпонока, песь сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели. Рыцарева же, слышавъ смерть сына своего, велимъ гласомъ воскрича: слышавъ же рыцарь кричаніе жены своея, притече и рече къ псу: о чемъ плачеша? Она же рече ему: се приближа мамка и сказа — сына наю изъяде песь до смерти. Рыцарь же, слышавъ, вземъ мечъ свой и иде борзо въ домъ свой, приде во хранину, гдѣ бѣ сынъ его, и видѣ во кровію стекнуся, а колыбель сына своего на земли повержену, и пса близь ея лежаща, лижуня колыбель. Песь же узрѣ господина своего и скочи къ нему радуясь; онъ же изять мечъ, и ткну его, и пресѣче на двое, и полня колыбель, и обрѣте сына жива, спяща; нача же смотрѣти, откуда по хранинѣ учинися кровь, и обрѣте ука великого забѣца, и оскорбѣе о псѣ скорбію великою дѣло, нача плакати, понеже уби невиннаго такова разумна для слова жены своея.

Об. д. 235 — 238, повесть королевы:

О неколѣхъ вепрь и о пастухѣ. Бысть ивкїи король, имѣ въ государствѣ своемъ великій дѣсь, въ немъ же дѣсу живише дикїи вепрь, бѣ же дють дѣло, по великимъ мѣстомъ проходи изъѣдаше люди. Придоша же ко краиоу вѣхъ люди его господарства, молуху его съ великимъ поцтемъ, да избавитъ ихъ отъ насилїя вепрева. Король же посла многихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити; вепрь же рыцарей вѣхъ побѣ; король же посла (дѣ) второе и въ третье, онъ же и дѣхъ вѣхъ побѣ, и о семъ король въ недоумѣнїи бысть. Пумяше же король той дщерь единородну, и пусти ключъ по вѣхъ градомъ госпо-

дарства своего, иже кто убьет веоря того, да даст за него шерь свою. Случижеся и како единь и кто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имъ у себя скиру, и уарь его веоря той. пашусто на него, онъ же утече у него на великое древо виноградное: веоря же нача древо подьядати, пастуръ же нача ягоды рвати и вѣтвѣе съ ягоды веоря метати. Веоря же попалса на ягоды, нача ихъ ясти, а пастуръ же болши нача къ нему метати, и попалса веоря ядоть до великие сытости, и лаче похътѣмъ древомъ спати. Пастухъ же уарь его слыши и наклонися на него, одною рукою держася за древо, а второю нача веоря чесати, и уха его слыши крѣпко, и вѣтъ топоръ и убь его до смерти. Король же выладе за него дщерь свою, послѣди же его той пастухъ кралевствова на его мѣсто.

(Королева вывела изъ этого слѣдующую мораль, для убѣжденія короля:)

Ся же цесарева излагала и рече цесарю: разумѣй, яже ти глаголю — приличнѣ людѣе не возмогша стояти противъ тебѣ: а пастухъ — знаменіе твоего злаго сына, еже надъ тобою своею мудростию умышляетъ; смокніе же метаніе къ веоря знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умоливъ ти лещными словесы; чесаніе же веоря, пастуха того, претворить, еже сынъ твой и съ своими мудрены лаживыми своими словесы умоливъти, хощеть убити и на твоємъ престоли сѣсти и господарствовати.

Объ. л. 250 — 255, еще повѣсть королева:

О якома рцарь убояма и о отцѣхъ ево... Бысть и кий рцарь древне въ Римѣ, имѣа у себя единаго сына и двѣ дщери: обачай же имше той рцарь часто на битвы ѣздити во многие господарства, споемлючи съ собою ветоуды и сына своего, и вѣтхъ ѣдѣхъ имѣше свое истощи все и одолаа великимъ долготомъ, и нача глумлати сыну своему: о мизни сыну, азъ убю при старости, а ты младъ еси, еще же имѣю двѣ дщери, сестръ твою, не имѣю же съ чѣмъ ихъ одати за мужь, топу ролу своею: но что сотворю — на разбой ли поведемъ, или учнемъ красти, да искушимся отъ доцу своего, и было бѣа намъ чѣмъ питатися. Ся же слыша сынъ, похва и советъ отца своего. Бысть же въ то время цесарь въ Римѣ Октевянъ, охочь бѣ

до злата и имѣя у себя многое множество злата, насына же собѣ велию полату злата и постави стражи. Рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: отче, сотворимъ могилы, и подконаемъ полату, и возмемъ злага довольно. Рыцарь же похвали советъ сына своего, и сотвориша собѣ могилы, и шелше подконаша полату, и взяли злата, елико возмогоша, и глѣмъ златомъ искупишася отъ всего долгу своего. Стражи же полаты узнаша, камь вѣстомъ изъ полаты злато крадено, и поставиша въ томъ мѣстѣ великій котель смолы, разжари. Они же придоша во вторыи украси злата и поидоша въ свѣзакно, идѣ же прокопаша: видѣ же прежде отецъ его, и егда пустися и урвася въ котель, въ смолу по труди, и рече къ сыну, дабы къ нему не отпущался. Онъ же пустися бережно и не увидѣ въ томъ котлѣ; видѣвъ же отецъ, что невозможно его сыну его избавити изъ котла, и рече къ сыну своему: о чадо, одинако мы умрохомъ, прими мечъ и отсѣки главу мою, и возми злато довольно и главу мою съ собою, мене же остави безглавна, да не познашъ будещи. Онъ же злага взять елико возможе, и примъ мечъ, отсѣче главу отцу своему и положи ю въ мѣхъ и отнесе съ собою. На утрѣ же придоша стражи и взяли тата безглавна и повѣдана о немъ цесарю; цесарь же повелѣ трунъ мертвого тата по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ, и посла за нимъ люди многи и рече имъ: смотрѣти приглядно, — да егда въ коемъ дворѣ урлите, еке тѣло мертвое видѣши начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведете ко мнѣ. Возиша же его много по улицамъ, и привезоша въ улицу, идѣ же живише сынъ его и дщери; урѣша же дщери отца своего мертва возима и воскричаша великомъ гласомъ и начаша плакати. Сынъ же его, слышавъ кричаніе сестрь своихъ, борзо ринувся къ нимъ, повлече поплъ и уколотъ себя въ бѣдру и рече сестрамъ своимъ: егда вы поимають и начнутъ спрашивать, вы же рѣка имъ, что по мнѣ плачете. Слуги же цесаревы, слышавше въ томъ дворѣ кричаніе, и ринушася имати, и урѣша брата дежача покоюта и сестры надъ нимъ плачущесе, и мѣшае правду, отидоша отъ нихъ. Цесарь же повелѣ мертвое тѣло обѣсити и вѣсѣ два мѣла, а сынъ его не соиме и не похраня.

Сія изречь, цесарева нача глаголати къ цесарю: внимаеш ли, о пречелнїи, преславнїи господарю мой, еже ти изрекохъ? Онь же рече ей: зло вилтъ, о любимая ми, да не и мнѣ огь моего сына тоже будетъ; на утрїе же сынъ мой да умреть.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 79—80. Въ новой редакціи *Дивїла Заточника*, напечатанной во второмъ томѣ «Русской Бесѣды» 1856 г., находятся между прочимъ и некоторые слѣды сказанія о Сингаршѣ. Въ числѣ афоризмовъ Заточника приводится, напримеръ, слѣдующій: «еще бы котлу золоты колна во ушнѣ, по дну его не избыты черноты и аженія его» (стр. 106), — что говоритъ и Акиръ въ поученїи Надану: «сыну, быль ми еси якоже котлу приковаць золотъ колнъ, а дну его не избыты черноты». Изреченіе Заточника безъ сомнѣнїя заимствовано прямо изъ нашего сказанія и представляетъ новый фактъ въ доказательство его давней извѣстности.

Стр. 144—145. Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о всеобщемъ распространенїи численной формулы и ея значенїи въ народной поэзіи, приводемъ слова Гюка объ одной древней Китайской книгѣ, которая представляетъ поразительную аналогію съ другими фактами. «Le premier livre qu'on met entre les mains des élèves est un ouvrage très-ancien et très-populaire; on le nomme San-dze-king, ou livre sacré trimétrique. . . . Les cent soixante et dix-huit vers que contient le San-dze-king forment une sorte d'encyclopédie, où les enfants trouvent un résumé concis, un tableau admirablement bien fait de toutes les connaissances qui constituent la science chinoise. On y traite de la nature de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importance des devoirs sociaux, des nombres et de leur generation, des trois grands pouvoirs, des quatre saisons, des cinq points cardinaux, des cinq éléments, des

cinq vertus constantes, des *six* espèces de céréales, des *six* classes d'animaux domestiques, des *sept* passions dominantes, des *huit* notes de musique, des *neuf* degrés de parenté, des *dix* devoirs relatifs, des études et des compositions académiques, de l'histoire générale et de la succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine par des réflexions et des exemples sur la nécessité et l'importance de l'étude». (*Ibid.*, L'Empire Chinois, 2-me éd. Paris 1854. t. 1, p. 126—127).

Стр. 175—177. Список «Зрѣлища житія человеческого» находится такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина XVIII в., т. V 78; здесь названо и имя трудившагося надъ переводомъ этой книги, известнаго переводчика посольскаго приказа, Андрея Вишюса. Заглавіе ея слѣдующее: «Зрѣлище житія человека, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому причинными повѣстями, въ наученіе всякаго чина и сана человека; новопреведено изъ Шмецкаго языка всемъ во общую пользу трудолюбивымъ Андреемъ Андреевичемъ сына Вишюса въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лето воплощенія Бога Слова 1674». Рукопись писана въ 1693 году.

Стр. 197. Притча о *пустынникѣ*, особенной редакціи, независимой отъ Римскихъ Дѣяній, находится въ рукописи Публ. Б-ки XVI столѣтія, XVII. О. 14, на л. 135—139 подъ заглавіемъ «слово о судьбахъ Божіихъ нечестивцѣныхъ, молитву о нихъ некоему черноризи, дабы видѣть судьбы Божіи», начинается: «быше неки отходникъ чернень, исполнивъ вся добродѣтели, и молясь Богу, глагола сице: Господи, дай же ми увидѣти, что суть судиѣ (д. б. судьбы твои) различниѣ, — створи постъ великыи тоя ради вины, и не прояви ему Богъ, имже немощно есть человеку видѣти того. Онъ же томашеся, моля Бога о томъ; хотя же повѣстити ему Богъ, да ся не томитъ безъ ума, но вложи ему мысль такоу или повѣстити великаго дѣлами старца, да вѣче суца отъ него...» Потомъ разсказаны такія же приключенія во время его странствованія съ ангеломъ, какия приводятся и въ Римскихъ Дѣяніяхъ.

Стр. 205. Въ допословіе къ приложенію повѣсти о хмѣльномъ питіи, приводимъ замѣтку, сообщенную намъ г. Печарскимъ. Съ некоторыми вариантами повѣсть эта находится въ

рукописи Публ. Б-ки из Погодинскаго собрания . I ' 1264; здесь помещены статьи, излагающія разныя мнѣнія старо-вѣровъ, и въ концѣ со антихристомъ и о скончаніи міра и о страшномъ судѣ свидѣтельства отъ Св. Писанія, — выписано изъ *Книги Варя*, изъ тридцатой главы, т. е. изъ печатной известной книги, которую мы не имѣли случая пользоваться. Въ этой статьѣ приводится и упомянутая повесть: заключеніе последней передано такимъ образомъ: «и разнесся то шіное шіе въ Царю и въ Литву и по всемъ царствемъ и странамъ, потомъ же на кончину века сего и къ намъ приде для браня матеріал на оскверненіе земли и возуха и твари; затѣмъ приде въ Русскую страну антихристово шіе сухое табака». Нѣкоторыя сказанія подобнаго рода упомянуты такъ же въ статьѣ г. Буслева о Горь-Злочастіи, въ Русск. Вѣстникѣ 1856, . I ' 13 — 14.

Стр. 237. Къ приведеннымъ прежде указаніямъ на рукописи изъ собранія г. Заблудина, добавляемъ и другія указанія, вновь сообщенныя намъ г. Заблуднымъ. Въ сборникѣ . I ' 79 изъ XVIII вѣка находится еще одинъ списокъ романа о Петрѣ Златыхъ-Ключей, подъ такимъ заглавіемъ: «исторія о Французскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о Пенсильванской королевѣ Магилень».

Стр. 262. Списокъ *Апофегматъ* есть въ рукописи XVII в. . I ' 77 подъ заглавіемъ: «книга Апофегматъ или повѣстаніе, сіе есть советенныхъ, краткихъ и кратныхъ повѣстей».

Стр. 266. *Смилотворная повѣсти* или Польскіе карты находится въ сборникахъ XVIII столѣтія . I ' 80, безъ начала, и въ . I ' 81, гдѣ указано то же время перевода: 8 ноября 187 г., въ 72 главахъ. Въ концѣ последней рукописи нѣсколько прикладовъ безъ нумераціи, Шемлянскъ судъ, и опять приклады и притчи царя Соломона.

Стр. 280. Еще одинъ списокъ повѣсти о Саввѣ *Грудцѣн* встрѣчается въ томъ же сборникѣ . I ' 80, подъ заглавіемъ: «повѣсть зло предивная, бысть въ древнія времена и дѣла, града Великаго Устюга купца Оомы Грудцана о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскіи».

Стр. 289. Къ романамъ первой половины XVIII-го столѣтїа присоединяемъ еще одинъ: «исторїя о Россійскомъ матросѣ 2) Василїи Коріотскомъ и о прекрасной королеви Пракїи Флоренской земли» въ рукоиси . I ' 79. Въ сборникѣ . I ' 80 находится другой списокъ романа уже нами упомянутаго: «исторїя о Польничювѣ, цесаревичѣ Египецкомъ и о прекрасной королеви Милитвиѣ Италїанской».

2704

